

С Л А В Я Н И Н Ъ,
Военно-Литтературный журналъ ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Воейковымъ.

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

1828.

№ XL.

Да помнишь Славянинъ,
Что онъ наперсникъ славы,
Что онъ великихъ предковъ сынъ,
Которыхъ мечъ кровавый
И древле былъ прошивнымъ спрахъ!
Друзья! опцы предъ нами:
На шѣхъ же мы цвѣщемъ поляхъ,
Подъ шѣмижъ небесами,
Гдѣ чада славы разцвѣли!
Предъ нами шажъ дорога,
По коей дѣды прошекли
За Русь, Царя и Бога.

Жуковскій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Императорской Россійской
Академіи.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ пѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, предсавлено было въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. П. Б. Сентября 29-го дня 1828 года.

Цензоръ Иродіонъ Вѣтринскій.

С Л А В Я Н И Н Ъ.

Ч А С Т Ъ VII.

О Т Д Ъ Л Е Н І Е П Е Р В О Е,

В О Е Н Н О Е.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

В О Е Н Н О Е.

О СОСТОЯНІИ МОРСКИХЪ СИЛЪ СОЕДИНЕННЫХЪ
АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТОВЪ, ВЪ 1827 ГОДУ.

(Изъ Англійскаго Журнала Quaterly Review.)

Въ прошломъ 1827 году, появились въ Лондонѣ два новыя сочиненія о Соединенныхъ Штатахъ. Одно изъ нихъ, именно то, изъ коего ниже сего слѣдуетъ извлеченіе, кажется, принадлежишь къ опытамъ молодого Авшора, *Г. Руса* (Roos), Лейшенанша Великобританскаго флота. Книга, изданная имъ въ свѣтъ, есть только часть того, что у него хранился въ рукописи: ибо опасаясь грозы Крипикки, онъ не желаетъ подвергнуть ей вдругъ всѣ свои произведенія. Какъ бы то ни было, но не большая сія книжка заслуживаетъ благосклонный пріемъ: ибо содержитъ въ себѣ такіе предметы, кои до сего времени были еще неизвѣстны.

Военный флотъ Соединенныхъ Штатовъ состоишь нынѣ изъ двѣнадцати линейныхъ

кораблей, столькихъ же фрегатовъ, десяти шлюповъ и нѣсколькихъ мѣлкихъ судовъ. Семь кораблей, полагаемые каждый о 74-хъ пушкахъ, но на коихъ въ самомъ дѣлѣ могутъ быть помѣщены 98 орудій, только что спущены на воду. Величина ихъ опредѣлена Конгрессомъ, и хотя бы управленіе морскихъ силъ попребовало большей, то всѣ сіи представленія оспанушся безъ успѣха. При постройкѣ военныхъ кораблей и судовъ въ Американскихъ Штатахъ, должны быть вмѣстѣ выполнены два условія: съ одной стороны строгая экономія, предписываемая Конгрессомъ, а съ другой величина ихъ не должна слишкомъ уступать размѣру Европейскихъ кораблей. Для достиженія сей цѣли, Американцы прибѣгають къ напріющическому обману, состоящему въ томъ, что корабли, называемые 74 пушечными, могутъ помѣщать до 100 орудій, а нѣкоторыя, какъ на примѣръ Пенсильванія, опличаються даже своею огромностію. Равномѣрно и фрегаты построены такимъ образомъ, что могутъ быть вооружены сильнѣйшею артиллеріею, нежели можно заключать по ихъ размѣру, такъ что изъ нихъ, полагаемые въ 44 пушки, дѣйствительно имѣють оныхъ до 60.

Американцы считаютъ *Пенсильванію* величайшимъ кораблемъ въ мірѣ: онъ только одинъ въ цѣломъ Государствѣ Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ при дека. Размѣръ его слѣдующій: длина верхняго дека 206 фуш. 5 дюймовъ, кила 187 фуш. 8 дюйм., средняго бимса 55 фуш. 4 дюйма; а грузъ 3.000 шонновъ.

Колоссъ сей равняется величиною съ Французскимъ кораблемъ *Commerce de Marseille*, взятымъ нами въ Тулонъ: хотя сей послѣдній былъ тогда совершенно новъ и проченъ; но при первомъ сильномъ встрѣ получилъ переломъ и потерялъ красивый свой видъ. Сомнительно, чтобы *Пенсильванія*, былъ въ состояннн пробыть въ морѣ при мѣсяца сряду: ибо подобныя спроенн, долженспвующн служнть на водѣ, имѣющн, подобно тѣлу человеческому свои предѣлы, за которые переходнть не должно. Надобно умѣть соединять вмѣстѣ силу, движимость и прочность, а иначе, при излишней огромности корабля, цѣль его построения не будетъ достигнута.

Если положишь даже, что сила *Пенсильваннн* соразмѣрна съ его огромностью: то не уже ли Англійскнй флотъ не заключаешъ въ себѣ нѣсколькнхъ кораблей такихъ, кои бы могли поравнятьсн съ симъ колоссомъ? На сей вопросъ, конечно явятся со всѣхъ сторонъ самые удовлетворительные отвѣты, но мы ограничимся приведеннмъ въ примѣръ только одного изъ нашихъ лучшихъ линейныхъ кораблей, именно *Каледонн*. Онъ, безъ сомнѣнн, менѣе *Пенсильваннн*; согласимся даже и въ томъ, что ходъ его не очень быстръ, но со всѣмъ тѣмъ, мы смѣло можемъ утверждать, что ни одннъ Англійскнй Капитанъ, который будетъ онымъ командовать, не пропустивъ случая подраться съ Американскимъ исполинмъ. Для сравненнн сихъ двухъ кораблей доспашочно будетъ показать, что *Каледоннн*

короче 14 фузами і дюймоуб; уже 4 фузами, 8 дюймами и можешъ помѣститъ только 130 орудій. Подобныхъ сему кораблей, можно насчиташъ въ нашемъ флотѣ болѣе десяти и, если бы ихъ прошивопоставилъ Американскимъ, то безъ сомнѣнія тройной рядъ ихъ батарей, произведетъ большее дѣйствіе, нежели корабли о двухъ декахъ. Впрочемъ, другія выгоды высокыхъ бортовъ, кои могутъ командовать низкими, уже извѣстны.

Нѣкоторые возражають, что Англійскіе корабли первыхъ двухъ ранговъ имѣють пушки не болѣе 36 фунтоваго калибра; на Американскихъ же находящяся 44 фунтовыя. По сему, не излишнимъ будетъ, если мы разсмотримъ, сопряжена ли польза съ вѣсомъ снарядовъ. Конечно, удары отъ ядеръ большаго калибра, производяють и большее дѣйствіе, но за то сія выгода покупается на счетъ вѣрности высрѣловъ и числа оныхъ. Чѣмъ больше орудія, тѣмъ и управленіе оными спановится затруднительнѣе: ибо перебуя болѣе людей и мѣста, они принуждають уменьшашъ и число пушекъ. Извѣстно изъ опытовъ, что въ то время какъ 24 фунтовоѣ орудіе сдѣлаешъ при высрѣла, 32 фунтовоѣ произведешъ оныхъ только два. Что же касается до дѣйствія ядеръ въ корабль, то оное зависить не сполько отъ вѣса снаряда, сколько отъ его діаметра, или лучше сказашъ отъ величины пробоины. Если примемъ въ разсмотрѣніе ядра двухъ разныхъ калибровъ, на примѣръ 32 и 42 фунтовыя, то увидимъ, что вѣсъ ихъ не про-

порціоналенъ опверспіямъ , кои они могушъ произвести : послѣднія бываюшъ почти равны и содержатся между собою какъ 32 и 35.

Поперечникъ 32 фуншоваго ядра превосходитъ діаметръ 24 фуншоваго только однимъ полудюймою; къ сему должно присовокупить, что дѣйствія того и другаго соопвѣствуютъ половинамъ ихъ радіусовъ. Вѣроятно , естъ калибръ такой мѣры , что одного боеваго выстрѣла достаточно для испребленія цѣлаго корабля, и , если не ошибаемся , по Французы сдѣлали нѣсколько опытовъ надъ дѣйствіемъ сихъ неупотребительныхъ снарядовъ. Говорятъ также , что и Американцы хотѣли ввести у себя огромныя орудія , названныя ими *Коломбіадами* , коихъ ядро должно вѣсить 100 , а снарядъ съ пустою — отъ 30 до 40 фуншовъ. — Они полагаюшъ , что направивъ изъ оныхъ выстрѣлы нѣсколько ниже вадеръ-линіи непріятельскихъ кораблей , можно подвергнушъ сіи послѣдніе опасности взлѣтѣть на воздухъ или произвести вѣ нихъ сильнѣйшую печь. Введеніе подобныхъ орудій , равно какъ и *Тарледосовъ* , послужило бы ко стыду столь образованныхъ Государствъ , каковы : Англія и области Сѣверной Америки. Мы не безъ причины привели здѣсь сіи замѣчанія. Извѣстно , что *Г. Перкинсъ* старается , чтобы Американцы ввели у себя вѣ употребленіе его паровыя орудія , не принятыя вѣ Англіи , и о коихъ *Лордъ Экмоутъ* и *Сиръ Джоржъ Кокборнъ* опозвались не весьма выгодно. Для Соединенныхъ Штатовъ кажется не бесполезно будетъ , если *Г. Рошъ*

(Rush) представившъ своимъ соопечесственникамъ описаніе щеславнаго опыта , произведеннаго Г. *Перкинсомъ* въ присущствіи иноспранныхъ Миниспровъ и какимъ образомъ принятъ оный нашими опыннѣйшими мореходцами. Но всего важнѣе будетъ , если мы напомнимъ нашимъ прежнимъ соопчичамъ , что они прибѣгали къ хипроснямъ , вовсе ихъ недостойнымъ. Для примѣра, приведемъ здѣсь слѣдующій случай, спѣившій жизни нѣсколькимъ мапросамъ корабля , коимъ командовалъ Капитанъ *Томасъ Гарди*, во время крейсерства около Нью Йорка. — Однажды у сего мѣста показалось подъ берегамъ судно, коего палуба была совершенно покрыта зеленью. — *Гарди* отправилъ шлюпку для взятія сего судна. По приближеніи шлюпки, экипажъ онаго перебрался на лодку и такимъ образомъ спасся ; люди наши взошли на палубу и черезъ нѣсколько минутъ всѣ взлетѣли на воздухъ. — Открылось , что весь декъ былъ усыпанъ порохомъ , а сверху покрытъ зеленью. Сей постыдный поступокъ стоилъ жизни пяти или шести человекамъ.

Въ продолженіе послѣдней войны, нѣсколько нашихъ фрегатовъ были взяты Американцами. Неудачи сіи были столь необыкновенны для нашихъ моряковъ , что поколебали общее мнѣніе: всѣ начали опасаться , что наша морская сила приходитъ въ упадокъ. Американцы съ своей стороны спарались поддерживать сіи опасенія, но наши думали иначе. Въ самомъ дѣлѣ , ни одно изъ произшествій послѣдней войны не могло подашь повода ни къ

спраху для насъ, ни къ поржеству для Американцевъ. Легковѣрные наши соопечественники, чияя несправедливыя показанія внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ Англїи,—ибо нѣтъ сомнѣнїя, что множество находилъ и между нами, — не имѣли столько дальновидности, чтобъ не вѣришь ложнымъ извѣстїямъ о силѣ непрїятельскихъ фрегатовъ. Наши корабли и суда дѣйствительно соотвѣтствуютъ своему названїю; напрошивъ того, Американскїе имѣютъ болѣе пушекъ, почти въ половину длиннѣе и заключають въ себѣ большее число экипажа, нежели Англїйскїе одного и того же размѣра. Далѣе, между нашими мапросами находилось много неопытныхъ: ибо извѣстно, что во флотѣ также, какъ и въ сухопутныхъ войскахъ, послѣ продолжительной войны почти большая часть людей состоитъ изъ рекрутъ. Когда Американцы рѣшились объявить намъ войну, тогда ихъ торговля была почти ничтожна, а морскїя силы ослабались въ бездѣйствїи и могли бытъ употреблены повсюду. Въ это время Англїйскїй флотъ заключалъ въ себѣ 145 ш. человекъ, но изъ сего числа надлежало отдѣлить часть для опправленїя торговли, которая непрерывно возрастала отъ самой продажи военныхъ снарядовъ; число вооруженныхъ судовъ съ каждымъ днемъ увеличивалось; слѣдовательно, экипажи по необходимости должны были ограничиться числомъ людей, менѣе комплекснымъ; тогда какъ наши непрїатели помѣщали на свои корабли несравненно болѣе людей, нежели сколько поребно

было для управленія оными и для военныхъ дѣйствій. Послѣ сего, что должно подумашь о радостныхъ кликахъ Американцевъ и хваспавшвѣ Г. Матиссона, по одержаніи надъ нами споль легкихъ побѣдъ: — Нѣтъ сомнѣнія, что два народа одного происхожденія, не уступающъ другъ другу въ храбрости; но на войнѣ, много значитъ искусство и дисциплина. Разительнымъ доказательствомъ сего можетъ служить взятіе Американскаго фрегата Shannon нашимъ Chesapeake, послѣ боя, продолжавшагося только десять минутъ. Каждый выстрѣлъ, сдѣланный на первомъ, попадалъ въ неприятельскую корму и принудилъ Канонировъ оставить оную. Англійскій фрегатъ имѣлъ 330 человекъ экипажа, въ томъ числѣ 24 рекрута; а Американскій 391, изъ коихъ было только 7 рекрутъ. Грузъ перваго составлялъ 1.066, а послѣдняго 1.135 тоновъ. Если и случалось намъ быть побѣжденными; то превосходство силъ всегда было на сторонѣ неприятеля. Не должно удивляться, что фрегатъ United-States величиною въ 1.533 тона и съ 478 человекъ экипажа, овладѣлъ нашимъ Macedonian въ 1.081 тонѣ и только съ 292 чел. экипажа; въ числѣ ихъ было 22 рекрута. Фрегаты Constitution и Java имѣли также неравный бой; Guerrière, взятый Американскимъ Constitution, былъ еще слабѣе, нежели Java. Замѣчанія сіи относятся къ судамъ всякаго рода, даже къ шѣмъ, кои находились на озерехъ. Это можно видѣть изъ свѣдѣній, собранныхъ покойнымъ Г. Джем-

солѣ (James), который ничего не щадила для собранія достовѣрныхъ свѣдѣній.

Необъятное пространство земли, занимаемой Сѣверо-Американскими Штатами, можетъ быть заселено только поспепенно; по сему жилиши сихъ странъ, еще долго спанушъ упражняшъ въ земледѣліи; слѣдовательно, избытокъ ихъ естественныхъ произведеній, будешъ составлять важнѣйшій предметъ внѣшней торговли, нежели издѣлія фабрикъ. Республика не захочешъ заводитъ войну изъ честолюбія, и будешъ сохраняшъ миръ съ сосѣдственными ей Государствами, до тѣхъ поръ, пока честь націи не принудитъ ее приняшъ за оружіе. По причинѣ дороговизны всѣхъ товаровъ, Правительство Соединенныхъ Штатовъ, принуждено наблюдать самую спрогую экономію. Для сравненія мы приведемъ здѣсь издержки, употребляемыя въ Америкѣ на поспроеніе судовъ. Тамъ линейный 74 пушечный корабль North-Carolina обошелся въ 343, 241 долларовъ или 1.851.000 франковъ, изъ коихъ около шреши употреблено на плату рабочникамъ, а оспальная сумма на покупку матеріаловъ. Въ Англіи же, 88 пушечный корабль Vengeance стоилъ только 61.000 фунш. сперлинговъ.

Расходы на содержаніе морскихъ силъ Соединенныхъ Штатовъ, почти равняющъ издержкамъ, употребляемымъ на поспройку кораблей. Экипажъ корабля North-Caroline, при выходѣ онаго въ море, составлялъ болѣе 1.100

челов., полагая въ помѣ числѣ и Офицеровъ , въ Англии же на линейномъ кораблѣ перваго ранга, бываетъ не болѣе 900. Правительство Американское разорилось бы, еслибы оно принуждено было вооружить весь свой флотъ и содержать его долгое время на морѣ. Лейтенантъ *Русъ* говоритъ о семъ слѣдующее :

„Ohio, 102 пушечный корабль о двухъ декахъ, принадлежишь къ числу лучшихъ спроеннй, когда либо мною видѣнныхъ. Все въ ономъ казалось мнѣ доведеннымъ до возможнаго совершенства, кромѣ одного управленія якорями, которое было нѣсколько запруднительно. Впрочемъ, судя по всему, можно заключать, что сей пышный корабль преданъ былъ въ жертву времени и воздушныхъ перемѣнъ ; никакихъ мѣръ, никакихъ предосторожностей не принято было для его сохраненія; не прошло семи лѣтъ со времени его постройки, какъ все уже предвѣщало близкое его разрушеніе. Сполъ явное противорѣчіе между чуднымъ искусствомъ и невѣроятною безопасностью Правительства, сильно меня поразили. Я не зналъ, что о помѣ подумашъ, и тогда только вышелъ изъ моего удивленія, когда открылось, что Ohio, принадлежишь къ числу лучшихъ образцовыхъ кораблей Американской работы, кои Правительство Соединенныхъ Штатовъ, спроеитъ съ особеннымъ стараніемъ для того только, чтобы возбудить въ иностранцахъ высокое о своемъ флотѣ мнѣніе. Корабли сіи бываютъ снабжены отборными мапрсами, начальство надъ оными ввѣряется

лучшимъ Офицерамъ, кои плавають по Средиземному морю съ пѣмъ полько, чшобы опличные ихъ маневры разнесли молву по всей Европѣ о совершенствѣ морской силы Американцевъ. Когда же корабли сіи возвращаются въ свои порты, то имѣютъ нужду въ значительныхъ починкахъ, кои весьма затрудняютъ Правительство: ибо оно еще не успроило у себя доковъ.“

Сколь ни правильны сіи замѣчанія; но намъ кажешся, что они недоспащочны для обнаруженія причинъ, кои побуждаютъ Правительство, не распочающее Государственныхъ доходовъ, посылашь корабль перваго ранга съ 1.100 челов. отборныхъ людей, противъ небольшого числа Греческихъ миспикъ, вооруженныхъ не болѣе какъ двумя шеспи-фуншовыми пушками, и на коихъ находится полько до 20 чел. экипажа. Если прибавишь къ сему, что въ 1826 году, наличное число морскаго войска Соединенныхъ Штатовъ состояло иполько изъ 4.268 челов., вмѣстѣ съ Офицерами; то мы увидимъ, что на одинъ корабль употреблена была четвертая часть сего числа. Издержки на содержание споль незначительнаго флота, ш. е. на его служиселей, корабли и морское управление соспавляли 4.222.952 доллара или 22.761.611 франковъ. Корабельный лѣсъ въ сѣверной Америкѣ весьма худой доброты и корабль, построенный изъ споль непрочнаго маперіала, скоро приходишь въ негодность. Для избѣжанія порчи, производимой сухою гнилью, — слѣдствія воздуха заключеннаго въ шрюмъ, — Американ-

скіе мастера наполняютъ солью всѣ промежутки, оспающіеся между корабельными членами, и такимъ образомъ производятъ всегдашнюю сырость, сполько же вредную, какъ и то, что они опврашаютъ желаютъ. Способъ намъ извѣстный гораздо вѣрнѣе; это доказано на самомъ опытѣ и онъ не менѣе соли дѣйствительнѣе противъ сухой гнили. Американцы приняли нашу круглую корму и систему *Сира-Роберта-Селлмиса*, но членамъ своихъ кораблей даютъ большій размѣръ; слѣдовательно, самые корабли ихъ бывающъ опъ того нѣсколько ширѣ нашихъ.

Весьма многіе думаютъ, что дѣйствіе паровъ можетъ быть съ пользою употреблено въ морскихъ сраженіяхъ, но Правительство Англійское не прельстилось симъ новымъ изобрѣтеніемъ и не приняло онаго. Опыты, дѣланные до сего времени надъ парами, не предсказали еще ничего рѣшительнаго и не было случаевъ къ сравненію; какой изъ двухъ кораблей будетъ лучше дѣйствовать: управляемый парусами, или движимый силою паровъ? Неизвѣстно также, какую выгоду можетъ доставить соединеніе сихъ двухъ родовъ мореплаванія. Если параходы въ самомъ дѣлѣ могутъ соотвѣтствовать пользѣ отъ нихъ ожидаемой: то кто выиграетъ болѣе Великобританіи, гдѣ желѣзо и каменный уголь добываются несравненно въ большемъ количествѣ, нежели въ другихъ Государствахъ, и гдѣ искусство устроить машины доведено до высочайшей степени совершенства.

Предъ окончаніемъ войны, объявленной Г. Матиссономъ Англии, общее вниманіе устремлено было на паровой фрегатъ Fulton, сію неодолимую крѣпость, которая не спрашась дѣйствія бомбъ и ядеръ, долженствовала бытъ достачочнымъ средствомъ для защиты Нью-Йоркскаго Порта и пошоплять всѣ суда, кои бы покушались произвеси высадку на берегъ. На дѣлѣ вышло иначе и очарованіе исчезло.

Славный пароходъ сей служилъ шеперь для самаго нискаго употребленія и со временемъ будещъ, можетъ бытъ, обращенъ въ шюрму для машросовъ, набранныхъ силою; ибо, вѣроятно, дойдетъ до того, что Правительство Соединенныхъ Штатовъ прибѣгнетъ пакже къ сей мѣрѣ, если захочетъ употребить въ дѣло весь свой флотъ, даже не усиливая онаго.

До сихъ поръ говорили мы только о военныхъ пароходахъ, а не о простыхъ, отъ коихъ Американцы получили столько выгодъ. Впрочемъ, о сихъ послѣднихъ рассказываютъ чудеса, копорымъ едва ли всякой повѣритъ.

Утверждаютъ, на примѣръ, что на Гудзоновой рѣкѣ, одинъ пароходъ, безъ помощи вѣтра, въ продолженіи пяти часовъ выдержалъ плаваніе на пространствѣ семнадцати миль (съ небольшимъ двадцать девять Россійскихъ верстъ) въ часъ. По нашему мнѣнію, сопривленіе, пославляемое водою, должно препятствовать такой скорости, по крайней мѣрѣ при плаваніи большихъ судовъ. Въ Англии пароходы, построенные самыми искусными

мастерами, коихъ машины работаны на Вашингтонскомъ заводѣ, ходящъ въ часъ не болѣе девяти миль. Единственное судно сего рода, бывшее изъ Америки въ Европу, во время плаванія своего такъ было повреждено, что уже не было въ состояніи отважиться на второе путешествіе,

Ни одна изъ гаваней восточнаго берега Соединенныхъ Штатовъ неудобна для поспроенія корабельныхъ доковъ: ибо опливъ моря всегда бы осушалъ оныя, а какъ во время прилива вода поднимается не довольно высоко, то и надлежало придумать средство удобное къ выпаскиванію судовъ, пребующихъ починки, на берегъ, что весьма опасно для большихъ кораблей. Командоръ *Портъръ* (Porter) изобрѣлъ для сего родъ саней, названныхъ имъ *наклонною плоскостію*. *Г. Русъ* видѣлъ сей снарядъ въ Вашингтонѣ. Тамъ, шестидесяти пушечный фрегатъ *Ролотакъ* былъ прикрѣпленъ къ симъ санямъ казашами и подпорами. По описанію сего Офицера, сія наклонная плоскость была недовольно пверда; она погнулась назадъ и сомнительно, чтобы въ другой разъ могла быть употреблена въ дѣло, по крайней мѣрѣ, безъ большихъ починокъ. Необходимость въ докахъ была весьма очевидна. Президентъ предложилъ на Конгрессѣ, устроить оныя въ главныхъ мѣстахъ морскаго управленія Штатовъ. Изъ составленной для сего смѣшны видно, что всякаго рода поспройки въ Соединенныхъ Штатахъ, обходятся гораздо дороже, нежели въ Англіи. Доки сіи предполагающъ устроить

въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1-й въ Портсмутѣ; 2-й въ Чарлестанѣ, что въ Машаммосетѣ, для Бостонскаго Порта; 3-й въ Бруклейнѣ близъ Нью-Йорка; 4-й въ Вашингтонѣ близъ Филадельфіи; 5-й въ Госпортѣ и Норфолькѣ, (Норфолькскій докъ назначенъ для малыхъ судовъ) и наконецъ 6-й въ Пензаколѣ; но постройка послѣдняго едва ли состоится, по причинѣ нездороваго климата сего мѣста.

Кажется, что Соединенные Штаты рѣшились завести у себя такую флотъ, который бы не только заставилъ уважать свой флагъ, но былъ бы дѣйствительно силенъ и могъ покровительствовать народной торговлѣ, имѣющей нужду въ безопасности. Предпріятіе сіе можно назвать великимъ и похвальнымъ, но прежде, нежели цѣль сія будетъ достигнута, должно преодолѣть множество препятствій и рѣшиться на весьма значительныя денежныя пожертвованія. Наспѣющее положеніе морской силы Соединенныхъ Штатовъ усматривается изъ послѣдняго донесенія, представленнаго по сей части ихъ Президенту. Донесеніе сіе конечно справедливо, но совсѣмъ неушѣшительно. Оно представляетъ весьма мрачную картину нынѣшняго состоянія вещественной части флота и, что всего замѣчательнѣе, содержишь въ себѣ жалобы на худое употребленіе суммъ, опредѣляемыхъ для морскаго вѣдомства; на непостоянство проектовъ и на переменны, сдѣланныя въ оныхъ совершенно напрасно. Матеріалы гибнутъ, — говорится въ донесеніи, — ибо недостаеиъ рукъ

для ихъ обработанія; претъ суммы, назначенной на построение доковъ, издержана безъ всякой пользы. Необходимость пребуешъ сдѣлать по сему предмету нѣкоторыя перемѣны, разсмотрѣвъ снова морской Уставъ, ввести послѣдныя правила для руководства въ управленіи флотомъ, и учредить морскую школу. Только въ семъ случаѣ можно будетъ ожидать порядка и какой - либо пользы для Государства.

Въ самомъ дѣлѣ, непонятно, какъ Американцы не подумали до сихъ поръ о заведеніи у себя морскаго училища, тогда какъ съ такимъ успѣхомъ умѣли устроить военную школу. Не менѣе того удивительно, что искусные и ученые Офицеры Американскаго флота сомнѣваются въ пользѣ подобнаго заведенія. Человѣкъ, посвящающій себя морской службѣ, — говорятъ они, — долженъ вступать въ оную одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ отъ роду; если онъ проведетъ два или три года въ школѣ, то присвоитъ себѣ такія привычки, которыя несвойственны званію моряка, а если дѣйствительно достигнетъ степени Офицера: то забудетъ все, что преподавали ему въ училищѣ. Опытнѣйшіе изъ Офицеровъ нашего флота полагаютъ, что морская школа должна быть непременно на кораблѣ, а не на сухомъ пуши, подобно спранному Французскому училищу, устроенному въ Ангулемѣ, въ тридцати или сорока миляхъ отъ моря; но вмѣстѣ съ симъ они полагаютъ, что молодые люди, приготавлиющіеся къ морской службѣ, должны

учишься нужнымъ въ оной наукамъ у отличныхъ Профессоровъ и получаешь наилучшее воспитаніе.

Долго было разсуждаемо о приложеніи Машемашинки къ мореходству: спарались посредствомъ вычисленія найти самую приличную фигуру для корабля, опредѣлишь условія его прочности и скорости хода. Но сохраняя все уваженіе къ геніямъ, каковы были: *Буссеръ, Бернулли, Эйлеръ и Дюнь-Жоржъ-Жюанъ*, и отдавая должную дань удивленія ихъ ученымъ теоріямъ, не лзя не упомянуть, что всѣ они, кромѣ послѣдняго, разсмапривавшаго корабль, какъ тѣло подверженное колебанію воды, оставили вышеозначенные вопросы безъ разрѣшенія. Судя по опытамъ, мы не думаемъ, чтобы опытъ кораблестроителя требовалось знаніе всѣхъ тѣхъ вычисленій, кои требуются при опредѣленіи фигуры корабельнаго корпуса. Новѣйшія наблюденія еще болѣе оправдываютъ наше мнѣніе. У насъ были два Капитана вовсе не ученые, но строили самыя большіе корабли съ отличнымъ успѣхомъ; одинъ изъ нихъ не умѣлъ даже провести прямой линіи; *Сиръ-Робертъ-Сёрлингъ* не имѣлъ другихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, кои пріобрѣтаются наблюденіемъ и опытностію. Сии неученые люди дѣйствовали по своему и строили корабли какъ не лзя лучше. Профессоръ *Илменъ* съ величайшею точностію дѣлаетъ чертежи, основанные на самыхъ вѣрныхъ вычисленіяхъ; строеніе соответствуетъ вполнѣ совершенству проэкта. Два корабля, сдѣланные по симъ чертежамъ,

подвергнушы были испыпанію, и судьи не смѣли произнести приговора, не видя никакой разности между обоими соперниками. Адмиралъ, бывшій свидѣтелемъ всѣхъ опытовъ, произведенныхъ надъ сими кораблями, удивлялся почности, съ какою исполненіе соопвѣщствовало начерпанію, и не могъ рѣшить, кому изъ строителей отдашь преимущество. Изъ сего примѣра и многихъ ему подобныхъ, мы вѣрнѣе заключаемъ, что искусства могутъ быть доведены до совершенства прилѣжаніемъ и наблюдательностію тѣхъ, кои оными занимаются, опнудъ не прибѣгая къ ученымъ теоріямъ. Если приведемъ на память, что покойный *Вилліамъ Рюль* (Rule), привыкшій *мѣрять все на свой аршинъ*, сдѣлалъ чершежъ и произвелъ постройку корабля *Каледоніи*, красивымъ своимъ видомъ и прочностію безъ сомнѣнія превосходящаго корабля всѣхъ націй, по едва ли не переспанемъ вѣрнѣе пользы опвлеченныхъ наукъ и важности, какую приписываютъ онымъ, люди имъ предающіеся. *Г. Русь* также сего мнѣнія, хотя и не объявляетъ онаго: ибо превосходство кораблестроенія у Американцевъ, сколько его поразило, вѣроятно, не зависитъ отъ алгебраическихъ формулъ. По замѣчаніямъ сего Офицера, такое же совершенство вѣрнѣе замѣчено не только между военными, но и между купеческими судами. Въ строеніи сихъ послѣднихъ, Американцы, равно какъ и Европейцы, не употребляютъ никакихъ Математическихъ вычисленій, а всѣ работы свои производятъ по глазомѣру.

Всѣми признано, что Французы обладающѣ въ высшей степени искусствомъ кораблестроенія. Члены ихъ судовъ выдѣляются по самымъ отличнымъ лекаламъ; постановленіе мачтъ, равно какъ оснастка, оныхъ, доведены до такого же совершенства; но при всѣхъ сихъ качествахъ, они весьма рѣдко достигаютъ до того, чтобы корабли ихъ могли быть образцовыми. Впрочемъ, если два корабля и совершенно сходны въ своихъ частяхъ, по возможно ли, чтобы таковое же равенство существовало между ихъ нагрузкою, ихъ Командирами и служителями! Вопросы сего рода несравненно труднѣе и многосложнѣе, нежели каковыми кажутся они съ перваго взгляда.

Ч А С Т Ь VIII.

Опідѣленіе вшорое,

С Л О В Е С Н О С Т Ь.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

На день коронаванія

Его Величества Государя Императора

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА,

22-го Августа 1828-го (*).

Давно ль нашъ Царь пріялъ наслѣдшвенный вѣнецъ
 И съ нимъ шяжелое правленья бремя,
 А сколько добраго Онъ сдѣлалъ въ эшо время!
 Нѣшъ, право, Царь нашъ намъ Ошець!
 Трепещушъ внѣшніе враги опъ грома,
 Кошорый Онъ бросаешъ въ нихъ,
 И смопришъ между шѣмъ, чшо дѣлаешся дома:
 И хипрыхъ обуздаль и злыхъ.
 Заслуги испинно по Царски награждаешъ,
 А самовольничашъ не допускаешъ.
 Идешъ Онъ по слѣдамъ Великаго Петра.
 Для насъ, для нашихъ чадъ и день и ночь шрудится.
 Ну какъ же за Царя шакого не молишся?
 Дай Госноди Ему добра
 И многи лѣша
 Для блага Россіянь, для блага полусвѣша!
 Ура, Царь Николай, ура!

(*) Чипаны въ Архангельскѣ, за обѣденнымъ споломъ у Г. Генераль-Губернашора.

ГРАФУ ЭРИВАНСКОМУ.

(По прочтении извѣстія объ одержанной имъ побѣдѣ при г. Карсѣ).

Проснись въ глуши пубшинной, Лира,
 Скропленная пѣвца слезой!
 Но не для вялыхъ пѣсень мира...
 Звучи мнѣ рашною грозой!
 Живѣе персшы подъ спрунами!
 Я вижу Русскія поля;
 Моя родимая земля
 Чужими спопшана ногами.
 Горяшь, пусшѣюшь города,
 И лѣсь — бездомныхъ спаль обипель;
 Идешъ, — какъ спрашная бѣда,
 Порядковъ древнихъ разрушитель;
 Идешъ — за нимъ, во слѣдъ, Цари;
 Овъ сжалъ предѣловъ нашихъ рамы;
 Хулы колебляшь алшари
 И кони ломяшся во храмы!
 Браги, какъ движущійся лѣсь!
 Навись надъ ними край небесь,
 Какъ въ кровь обмоченныя шкани;
 Ихъ пушь — средъ заревъ и пыланій:
 Ихъ длиннымъ рашямъ вѣшъ числа...
 Но въ прахъ Россія не слегла:
 Кипѣли за боями бои:
 Росли и славились герои,
 И кто въ рѣшишельномъ бою,
 На Бородинской сѣчѣ спрашной

Какъ вихорь, въ схваткѣ рукопашной?
 Тебя, нашъ Вишязь узнаю:
 Ты, пылкій, юный, передъ нами
 Прощель, подъ *Вязьмой* сквозь пожаръ
 И смѣло, взвѣявъ знаменами, (1)
 Съ привычными къ тебѣ полками:
 Свершилъ рушительный ударъ
 На свѣжныхъ *Красенскихъ* долинахъ.
 Такъ! въ памяти души моей,
 Въ мечсахъ о славу прежнихъ дней,
 Въ незабываемыхъ картинахъ
 Войны, за право бышя,
 Тебя Героемъ вижу я!
 И се! ты *Персовъ* побѣдидель!
 И *Араратъ* и *Аллагеузъ*,
 Дослупный нашимъ, нынѣ зришель
 Твоихъ воиншвенныхъ чудесь.
 Съ побой край дальній Туркомановъ
 Спознаешь Русскій въ первый разъ.

(1) Въ вечеру 6-го Ноября 1812 года, послѣ знаменишаго сраженія при городѣ *Красномъ*, когда собирались писашь реляцію, Графъ М. А. *Милорадовичъ*, припоминая главныя чершы боя, сказала: „Надобно помѣншишь въ реляціи, слѣдующее. Маршалъ *Ней*, посланый въ опчаянное положеніе, опсважился было пробивашься сквозь нашу линію: колонны его храбро пошли въ шшыки. Тушъ надлежало рѣшишь, предъ лицомъ Европы, чья пѣхоша превосходнѣе: Французская или наша? . . Я предоснавилъ рѣшишь сіе Гералу *Паскевичу*. Развернувъ знамена, съ барабаннымъ боемъ, рѣзвымъ шагомъ, повелъ онъ свою дивизію въ шшыки—и мы увидѣли совершенное пораженіе непріяшеля.“—

Дрожащъ заслоны Ошшомановъ:
 И вошь уже прех-спѣнный *Карсъ* —
 Своею рашью обшочая,
 Придя, узрѣль—и полониль;
 И въ зыбкой влагѣ *Арпатая*
 Коней придонскихъ напоиль! . . .
 Ахъ еслибъ, какъ въ былыя лѣша,
 Опяшь я въ полѣ былъ съ шобой:
 Во мнѣ зажегсябъ даръ Поэша
 Какъ зажигаешь жаркый бой
 Твоей десницы мановенья. . .
 Былабъ ошь чувешва пѣснь шепла;
 И въ поздній родъ дошло бы пѣнье
 Преслѣдуя швои дѣла. . .
 Но я, пѣвецъ осирошѣлой,
 Въ пусшыняхъ Сѣвера грущу.
 И, въ памяши моей спемнѣлой,
 Минувшихъ дѣлъ и бшшвъ ищу. . .
 Такъ на водахъ лѣсной Карелы
 Поранень мѣшкою рукой,
 Сидишь, въ раздумьѣ, лебедь бѣлый
 Съ своей болѣзненной поской:
 Уже на высахъ зашумѣли
 Знакомыхъ оклики дружинъ:
 Онѣ взвились и полешѣли,
 А онъ, въ дусшынѣ, все одинъ! . . .

Θ. Глинка.

Городъ II — къ, 1898, Юля 25.

КЪ ЭММѢ.

Ты вдали, шы скрышо мглою
 Счасшьє милой спарины,
 Неприсшупною звѣздою
 Ты сіяешь съ вышины!
 Ахъ! звѣзды не приманишь!
 Счасшью бывшему не бышь!

Еслибъ жадною рукою
 Смершь шебя ошь насъ взяла,
 Ты была бъ моей шоскою,
 Въ сердцѣ все бы шы жила!
 Ты живешь въ сіяньи дня,
 Ты живешь не для меня.

То, чшо насъ одушевляло
 Эмма, какъ шо пережишь?
 Эмма, шо, чшо миновало,
 Какъ шому любовью бышь?
 Небомъ въ сердцѣ зажжено
 Умираешь ли оно?

Ж.

С М Ъ С Ъ.

Ошповѣдь Г. *Вамлирову* о помѣ, что дѣйствительно въ Но XVI, на стр. 138 *Сѣвернаго Архива* 1823 года, было напечатано о взятіи въ прошедшую войну Шумлы.

„Поддѣли меня *Булгарина* Гг. Рецензенты: моя *описка* произвела опечатку, кошорой я доселѣ не замѣшилъ. Виновашъ въ опискѣ и въ опечаткѣ!“

Прибавленіе къ С. О. 1825 года, стр. 64.

Теперь наша очередь извиниться въ *опискѣ* и въ *опечаткѣ*! На страницѣ 371, 5-я строка сверху, въ 38-й книжкѣ *Славянина* выславленъ 1824, вмѣсто 1823 года. За то мы и поспрадали, за эту вину свою и наказаны жестоко: ибо должны были прочесть поллиста печатныхъ Г. *Вамлирова*. Издашель *Московского Телеграфа* давно сказаль (1825, Но XIII, стр. 45): „Надобно ли защищать Сѣверный Архивъ — какъ грибъ какой явишся поспоронній защитникъ! Издашель онаго смиренно признаётся, что не лзя опказати въ помѣщеніи спашьи, а эта спашья—хвалебная пѣснь Издашелю, гдѣ онъ превозносится выше всѣхъ, и гдѣ часто находятся подробные реэстры спашьямъ Журнала, и проч.“—

И шеперь повпореніе одного и шого же, и шеперь какой-то Г. *Вамлировъ* выѣхаль въ поле переломить копые за честь Сѣвернаго Архива и Шумлы. Онъ ужасно разгнѣвался на Издаше-

ля *Славянина*, наговорилъ, накричалъ — и все это за описку, или за опечатку. Вотъ шупъ-то повѣришь пословицѣ: *отъ колѣвеной свѣткѣ Москва загорѣлася* и другой:

Parturiunt montes, nascitur ridiculus mus.

Въ огромномъ полемическомъ прибавленіи къ Но 115 Сѣверной Пчелы, *Г. Вамлирову* хотѣлось пощеголять спаринными шупками; но не въ попадѣ: шеперь уже онѣ не смѣшны. Все хорошо въ свое время, да къ тому же: *a beau rire, qui gira le dѣrnier.*

Пусть же онѣ заглянешъ въ Но XV Сѣв. Архива 1823 года, на спраницу 138, спроку свержу 22, а снизу 9: онѣ удостовѣрится, что не ему послѣднему смѣяться судьба предоспавила, что *Фаддея Венедиктовита* поддѣбли, и что вопреки *Г. Грегю*, который сказалъ (С. О. 1825, Но 11): „*Ловкаго моего товарища трудно поймать*“ — онѣ пойманѣ!

Чешверное оспрое слово *Н. И. Грета*.

Не смотря на продолжающуюся войну между *Сыномъ Отечества*, *Сѣвернымъ Архивомъ* и *Сѣверною Пчелою* съ одной, и *Славяниномъ* съ другой стороны; не смотря на *Г. Вамлирова*, мы любимъ отдавать справедливостъ храброспи и уму нашихъ прошивниковъ.

Такъ въ XXX книжкѣ нашего Журнала мы подробно, обстоятельно, съ досподолжною почностъю и подобающею вѣрностъю — исчи-

слили два острия слова, кои въ разные эпохи излились изъ устъ *Н. И. Грегга*, присовокупивъ къ тому, что въ разныхъ книжкахъ его *С. О.* имѣется еще до *четырёхъ*, въ продолженіе семнадцати лѣтъ имъ вымолвленныхъ.

Въ XXXII книжкѣ помѣстили мы *третье* слово *Николая Ивановича*.

Между тѣмъ, вспомнили мы его *четвертое* остроумное изрѣченіе и печатаемъ его здѣсь *слово*. Оно находится въ одной Библиографической снѣжкѣ *С. О.*

„Igor, poëme héroïque, traduit du Russe, suivi de deux ballades, traduites de *Joukowsky*, avec le texte de ces trois poëmes, et des poësies diverses, corrigées et augmentées, par *N. Blanchard*. Игорь, поэма героическая, переводъ съ Русскаго, съ присовокупленіемъ двухъ балладъ, взятыхъ изъ *Жуковского*, съ Россійскимъ подлинникомъ и разныхъ сшихопвореній, *Н. Бланшардомъ*..

„Г. Переводчикъ въ предисловіи написалъ : „Особы копорыя будутъ чашать подлинникъ, увидятъ, сколь прудно было мнѣ переводить его въ сшихи и, надѣюсь, простятъ *украшенности и перифразы*, копорыхъ причина была „шемный смыслъ нѣкопорыхъ мѣстъ, или чило собствнныхъ именъ.“ — Охотно прощаемъ, говоритъ *Н. И. Грегъ*; но съ условіемъ, чшобъ это было въ первый и послѣдній разъ!—

Нѣсколько словъ о книгахъ, содержащихъ въ себѣ описаніе Молдавіи и Валахіи.

Въ Юльской книжкѣ *Московского Телеграфа*, полученной здѣсь въ С. Пешербургѣ 27 Сенсября, напечатано Историческо-Статистическое обозрѣніе Молдавіи и Валахіи, взятое Издапелемъ изъ *Blackwoods' Magazine*. На второй страницѣ онаго находимъ, что Кайнарджскій миръ подписанъ 10-го Юля 1775 года. Не уже ли до *Г. Полеваго* не дошло, что сей славный миръ подписаѣъ Генералъ-Фельдмаршаломъ Графомъ *Румянцовымъ* и Великимъ Визиремъ—10-го Юля 1774 года? Объ этомъ 53 года печатается въ Санкппешербургскомъ Академическомъ Календарѣ! Эпа неосмоприпельность, въ своемъ родѣ, можетъ спать на ряду съ ношой о Турецкихъ и Персидскихъ дѣлахъ, копорая по мнѣнію *Г. Полеваго* подана Императрицѣ *Екатеринѣ* въ 1728, ш. е. два года спустя послѣ ея кончины и въ Царствованіе Императора *Петра II*.

Но это не главное. Важная погрѣшность, замѣченная нами при самомъ началѣ сей спашьи, позволено думать, что это не единственная и не самая грубая. Стоило ли же труда переводить оную? Если пошло на похвальбу: то у насъ и своихъ ошибочныхъ сочиненій о сихъ Княжествахъ множество.

Приведу въ примѣръ: *Путешествіе по Молдавіи и Валахіи П. П. Свищянина*. У него: 1) рѣка *Сереть* впадаетъ въ *Прутъ*, а въ самомъ дѣлѣ—въ *Дунай*; 2) селеніе *Рябая Могила* подвинуша

на сто верстѣ; 3) Императрица *Екатерина I* изъ лагеря на Прутѣ отправила къ Великому Визирю съ письмомъ Барона Петра Ивановича *Шафирова*, а *Свиньинъ* послалъ *Шелелева*; 4) Государь *Петръ Великій* уполномочилъ *Шафирова* ускупить *Шведамъ Псковъ*, а *Г. Свиньинъ* и *Новгородъ (1)*.

О модныхъ картинкахъ Московскаго Телеграфа.

На картинкѣ модѣ, къ той же книжкѣ приложенной, написано: *Въ Парижѣ 31 Августа (новаго стилия) 1828 года. Мы душевно радуемся, что искреннія наши замѣчанія Издашелю Московскаго Телеграфа идушъ въ дѣло. Уже прежде сего онѣ, по нашимъ же замѣчаніямъ въ Славянинѣ напечатаннымъ, исправилъ съ полдюжины разныхъ погрѣшностей. Это ободряетъ насъ и впередъ служишь ему нашими совѣтами. О, еслибъ онѣ внялъ имъ и изгладилъ съ лица земли одну большую, жалкую ошибку свою, извѣстную подъ названіемъ: Рѣчь о невещественномъ капиталѣ!*

(1) Л. Л. 1825 года, изд. Г. Булеаринымъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

В О Е Н Н О Е.

Взятіе Гаджибея, въ 1789 г.

Турецкій походъ 1789 года былъ ознаменованъ многими блистательными успѣхами Россійскаго оружія. Побѣды при Фокшанахъ и Рымникѣ и покореніе Бендеръ, были конечно важнѣйшими изъ подвиговъ Россійскаго войска, но ни одинъ изъ оныхъ, если судить по послѣдствіямъ, не принесъ Россіи столько существенныхъ выгодъ, какъ покореніе Гаджибея.

Фельдмаршалъ *Потемкинъ*, начальствовавшій Екаперинославскою и Украинскою Арміями. Предвидя, что Турки не осмѣляшся сдѣлать важнаго покушенія на Очаковъ, поручилъ онъ въ исходъ Августа 1789 года Генералъ - Поручику *И. В. Гудовицу*, занимавшему сію новопокоренную крѣпость, съ частію своихъ войскъ учинить поискъ на Гаджибей, откуда Турецкія суда вывозили весьма значительное количество хлѣба для Константинополя.

Гаджибей былъ тогда небольшое и бѣдное мѣстечко на берегу Чернаго моря, между Ак-

керманомъ и Очаковымъ. Вся защита его состояла въ высокой стѣнѣ безъ рва, двѣнадцати пушкахъ и прехъ стахъ челоуѣкахъ гарнизона. Нѣсколько домовъ и землянокъ внутри, и еще меньшее число оныхъ, разбѣянныхъ по окрестности, соспавляли все его населеніе; оврагъ по Сѣверо-Западную сторону онаго и небольшой редутъ впереди сего послѣдняго, служили внѣшними оборонительными средствами, на кои надѣялись Турки въ случаѣ непріятельскаго нападенія. Если судить по сему простому описанію, то взятіе Гаджибея не представляется дѣломъ большой важности, но въ самой сущности, оно было важно: ибо должно было совершаться въ виду и подъ пушками непріятельскаго флота, стоявшаго въ недалекомъ разстояніи отъ берега.

Войска, назначенныя въ Гаджибейскую Экспедицію, состояли изъ Николаевскаго гренадерскаго баталіона, Таврическаго гренадерскаго полка, двухъ сводныхъ пѣхотныхъ, двухъ легкоконныхъ и шести Черноморскихъ Козачьихъ полковъ. Изъ сихъ послѣднихъ при были пѣшіе. Авангардомъ сего отряда командовалъ Генераль-Маіоръ *Рибасъ*, бывший въ послѣдствіи Адмираломъ.

Генераль *Гудовигъ* выступилъ изъ Очакова 3-го Сентября. Походъ его совершался въ величайшей тишинѣ и всегда ночью. Днемъ войско скрывалось въ кустарникахъ. Такая осторожность была необходима, ибо силы Турокъ въ Гаджибей и на морѣ не были извѣстны; еслибъ малочисленность первыхъ и позволяла

атаковать крепость: по нападение сие должно было совершиться внезапно и быстро, иначе оно могло быть слишком преждевременно замечено с флота.

Генерал-Маіоръ *Рибасъ*, съ шестью Козачьими полками при шести ихъ пушкахъ, прибылъ въ ночь на 12-е Сентября къ перешейку, лежащему между моремъ и долиною, называемою Куяльниками. *Рибасъ* выслалъ впередъ для высмотрѣнія непріятельскихъ силъ сотню Козаковъ, кои возвращаясь донесли, что видѣли въ морѣ до сорока Турецкихъ судовъ разной величины, въ помѣ числѣ двѣ большія шебеки, и что сверхъ сего придесять при лансона стоятъ близъ берега на якорѣ.

При началѣ Экспедиціи, между Генералами *Гудовителемъ* и *Рибасомъ* и Консрѣ - Адмираломъ Графомъ *Войновителемъ*, командовавшимъ эскадрою Черноморскаго флота, было положено, чтобы первымъ двумъ атаковать Гаджибей съ сухаго пуши, а послѣднему съ моря, но когда *Рибасъ* увидѣлъ, что нападение можетъ быть произведено съ успѣхомъ и безъ общихъ усилій: то не захотѣлъ пропустить удобный случай имѣть одному всю честь сего дѣла. Получивъ вышеозначенныя извѣстія отъ передовой парціи Козаковъ, *Рибасъ* двинулся впередъ, взявъ себѣ въ подкрѣпленіе два баталіона пѣхоты съ осмью орудіями, изъ коихъ четыре были осадныя. По донесенію *Потемкина Императрицѣ*, „пишина, опорожность и порядокъ, которые наблюдаемы были войсками при переходѣ сего опаснаго мѣста, подверженнаго вы-

зпрѣламъ непріятельскаго флота на разстояніи осми верствъ, заслуживали особенное вниманіе.“ Генералъ *Гудовицъ* съ оспальной частію своего опряда слѣдовалъ за Авангардомъ, стараясь и на семь пуши не быть замѣчену непріятелемъ.

Остановясь верстахъ въ десяти отъ Гаджибея (13 го Сентября), Генералъ *Гудовицъ* осмотрѣлъ передовой опрядъ и, по возвращеніи къ главнымъ силамъ своего корпуса, опрядилъ отъ онаго на лѣвый флангъ авангарда десять орудій, подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты, а при наступленіи ночи подвинулся впередъ еще на три версты.

Рибасъ положилъ атаковать крѣпость съ береговой стороны и назначилъ для сего пѣхотный баталіонъ, подъ командою Полковника *Хвостова*, приказавъ въ то же время, для развлеченія гарнизона, пѣшимъ Козачьимъ полкамъ приставлять лѣстницы съ другихъ сторонъ. Другой пѣхотный баталіонъ, подъ командою Секундъ-Маіора *Воейкова*, и одинъ пѣшій же Козачій полкъ, должны были занять предмѣстіе и препяшествовать, какъ бѣгшву непріятеля изъ замка, такъ и подкрѣпленію его съ флота. Для дѣйствія же по Турецкимъ судамъ, назначена была береговая башаря изъ чепырехъ осадныхъ и двѣнадцать полевыхъ орудій. Въ семь порядкѣ, авангардъ выступилъ 13-го въ семь часовъ вечера, и остановился въ двухъ верстахъ отъ Гаджибея. Всѣ сіи распоряженія были однако же неизвѣстны *Гудовицу* и сдѣланы послѣ его отбѣзда къ главному корпусу.

Рибасъ сказалъ ему только свое мнѣніе, что крѣпость должно атаковать безъ замедленія; но самое время атаки не было назначено.

Въ половинѣ четвертаго часа по полуночи, данъ сигналъ, и *Рибасъ* повелъ войско на приступъ. Гарнизонъ, тогда только примѣшилъ нападеніе, когда Русскіе были въ верстѣ отъ крѣпости. Заспигнушыя въ располхъ, Турки кинулись къ пушкамъ и ручному оружію, но замѣшательство и неизвѣстность пункта, на который обращено главное нападеніе, — ибо Козаки разсыпались съ лѣспницами по всѣмъ сторонамъ крѣпости, — не дозволили имъ дѣйствовать съ успѣхомъ. — Полковникъ *Хвостовъ* благополучно перейдя оврагъ съ гренадерскимъ своимъ баталіономъ, быстро приставилъ лѣспницы. Въ одно мгновеніе Русскіе были на валу, и черезъ четверть часа крѣпость осталась за ними. — Между тѣмъ, какъ штурмъ сей производился лѣвымъ крыломъ авангарда, Маіоръ *Восйковъ* успѣлъ вышѣснить Турокъ изъ предмѣстія и, оставя въ ономъ резервъ, прибылъ къ берегу для воспрепятствованія непріятелю произвести высадку съ моря.

На флотъ, тогда только примѣтили успѣхъ Россіянъ, когда уже не было средствъ остано-вить оный. Гаджибей былъ взятъ. Артиллерія Турецкихъ судовъ открыла самый жестокой огонь, но по дурному направленію своихъ выстрѣловъ, не причинила вреда побѣдителямъ.

Нѣсколько бомбъ попали сначала въ крѣпость; но батарея Маіора *Меркеля*, переведен-

ная по приказанію *Гудовита* съ лѣваго фланга на правый, дѣйствовала столь удачно, что принудила замолчать непріятельскіе лансоны, а два изъ нихъ получили столь сильныя поврежденія, что принуждены были спустивъ флаги, идти къ берегу и сдаться.

Гудовитъ не предвидѣлъ честолюбиваго намѣренія *Рибаса* и догадался объ ономъ только тогда, какъ сильная канонада съ Турецкаго флота извѣстила его о завязавшемся дѣлѣ. *Гудовитъ* не думалъ, что не будетъ увѣдомленъ о покушеніи на прислупъ и полагалъ взять крѣпость по прежнему плану.— Чуждый, однако же, всякой зависти и предпочитая личной выгодѣ общесшвенную пользу, Генералъ сей, желая предпріяшю *Рибаса* полного успѣха, поспѣшилъ къ нему на помощь съ своими силами и первымъ распоряженіемъ его, по прибытіи къ Гаджибею, было вышесказанное перемѣщеніе башарей Маіора *Меркеля*.

Штурмъ Гаджибея стоилъ Русскимъ только пяти человекъ убитыми и тридцати трехъ ранеными. — Въ числѣ послѣднихъ находился одинъ Офицеръ. Трофеи ихъ состояли въ двѣнадцать пушекъ, семи знаменахъ и двухъ флагахъ. Кромѣ сего, найдены ими двадцать двѣ бочки съ порохомъ и восемь сотъ ядеръ. По оффиціальнымъ донесеніямъ того времени, при овладѣніи крѣпостію, взяты были въ плѣнъ двухбунчужный Паша Ахметъ-Бей, одинъ Бимъ-Паша, одинъ Капитанъ судна, еще десять прочихъ чиновниковъ и шестьдесятъ шесть

человѣкъ нижнихъ чиновъ. Убитыми показано болѣе двухъ сотъ.

По занятіи Гаджибея, *Гудовиць* расположился въ ономъ съ своими войсками, и оставался шамъ до слѣдующаго мѣсяца, въ которомъ получилъ отъ *Потемкина* повелѣніе: срывъ сію крѣпость, иди къ Бендерамъ. Подвигомъ своимъ *Рибасъ* приобрѣлъ себѣ новое благоволеніе Фельдмаршала и получилъ начальство надъ флоплиею, коей успѣшныя дѣйствія на Дунаѣ, принесли столько пользы кампаніи, чести Русскому флагу и славы самому *Рибасу*. Императрица наградила его орденомъ Св. Георгія 3-го класса.

Черезъ нѣсколько дней послѣ паденія Гаджибея, явился передъ сею крѣпостью Турецкій флотъ, состоявшій изъ двадцати шести военныхъ кораблей и судовъ. Столь значительныя силы могли бы загладить стыдъ, нанесенный Опшоманскому оружію, но къ счастью для малочисленнаго корпуса Генерала *Гудовица*, Турецкій Адмиралъ принадлежалъ къ числу людей, самыхъ несвѣдущихъ въ морскомъ искусствѣ. Корабли его подождя къ Гаджибею, сожгли безъ всякой пользы нѣсколько сотъ пудъ пороху, поворачивали нѣсколько разъ то на шотъ, то на другой галсъ и возвратились назадъ, принеся Русскимъ шу выгоду, что они имѣли новый случай убѣдиться въ неопытности своихъ непріятелей.

Рибасъ не ограничился тѣмъ, что покорилъ Гаджибей скиптру своей Монархини. Онъ предвидѣлъ, что мѣсто сіе, оставаясь за Россією,

по своему положенію можетъ содѣлаться средопочіемъ ея порговли на Черномъ морѣ и представилъ проэктъ учрежденію въ ономъ порта. Императрица ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ одобрила сіе предположеніе — и черезъ нѣсколько лѣтъ — на развалинахъ Гаджибея — возникъ богатый портовый городъ Одесса.

А. Висковатовъ.

Списокъ Кавалерамъ Военнаго Ордена Св. *Георгія* 4-го класса, пожалованнымъ въ Царствованіе Императрицы *Екатерины II*, съ означеніемъ въ какомъ сраженіи, за какой опличный подвигъ и когда они оный получили.

Когда пожалованы.

Когда скончались.

1770.

Октября 14. Лейбъ - Гвардіи Поручикъ *Сергій Александровичъ Хотяинцовъ*.

Скончался въ опспавкѣ 1787 Юня 20. Бригадиромъ.

— — — Артиллеріи Подпоручикъ *Алексій Ѳедоровичъ Тумфобевъ*.

За опличную храбрость и мужественные подвиги, оказанные имъ въ случившемся 1770 года Сентября 21 противъ непріяшеля жестокомъ боѣ на землѣ и на водѣ.

Ноября 1. Ряжскаго пѣхошнаго полка Бригадиръ *Богданъ Ивановичъ Вассерманнъ*.

За мужеспвенное предводительство при штурмованіи Бендерской крѣпости гранодерскою колонною съ правой стороны, и за опличную храбрость, кошорою поражая непріяшеля вошли въ покрышой пущь.

Скончался Генераль-Маіоръ 1798 Ноябрь 3.

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

Ноября 1. Полковникъ *Отто*

Фелькерзамъ.

За храбрость и мужество, оказанныя имъ при Экспедиции на Бендерскую крѣпость и въ кампаніи при осадѣ сей крѣпости, гдѣ онъ съ подчиненными своими почти ежедневно въ глазахъ всей арміи сражался съ непріятелемъ.

Скончался въ Шпешинѣ 1790 Ав-
вѣ отставкѣ Бригадиромъ. густа 20.

— — — Артиллеріи Подполков-
никъ *Иванъ* *Лавровъ.*

За отличную храбрость и мужественный подвигъ при Бендерской осадѣ, гдѣ онъ былъ главнымъ Командиромъ Артиллеріи, употребленной въ атаку по лѣвому берегу Днѣстра.

Скончался въ Польшѣ Ар- 1775 Ген-
тиллеріи Генералъ-Маіоромъ. варя 20.

— — — 2-го Гренадерскаго полка
Подполковникъ Князь *Петръ*
. *Релинъ.*

За храбрость и мужество, оказанныя во время осады Бендерской крѣпости при разныхъ непріятельскихъ выызкахъ.

Скончался въ Варшавѣ Пол- 1773 Юня
ковникомъ. 21.

Воронежскаго пѣхотнаго
полка Подполковникъ *Давыдъ*
. *Михельсонъ.*

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

За отличную храбрость, оказанную во время осады Бендерской крѣпости, при открытіи траншеи и за мужественное съ Полковникомъ *Вассерманномъ* предводительство при штурмованіи оной крѣпости.

— — — Владимірскаго пѣхотнаго полка Подполковникъ
Фонъ Пфлцъ.

За отличную храбрость, съ которою поступилъ при осадѣ Бендерской крѣпости, въ пребываніе въ траншеяхъ и при вылазкахъ непріятельскихъ.

Убитъ подѣ Силистріею 1773 Июля
Полковникомъ 18.

— — — Подполковникъ *Эрнстъ Фридрихъ фонъ Дюрингъ.*

За отличную храбрость и мужественные подвиги, оказанные имъ во время Бендерской осады и при самомъ штурмованіи той крѣпости.

Данской службы Генералъ-Лейтенантъ, скончался въ 1809 Ок-
семь чинъ въ городѣ Килъ. шября $\frac{8}{20}$.

— — — Артиллеріи Маіоръ Баронъ
Францъ (Ивановичъ) Готтардъ Вейсманъ фонъ Вейсенштейнъ.

За отличную твердость въ храбрости и неупомленность въ трудахъ, оказанная имъ въ продолженіи

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

Бендерской осады, командуя
башарями.

Скончался въ чинѣ Генера- 1807 Фев-
ралѣ-Маіора. раля 1.

Слѣдующіе два Кавалера
получили сей орденъ за оп-
личную пвердость въ храб-
рости и неупомленность въ
шпудахъ во все время про-
долженія Бендерской осады:

Ноября 1. Аршиллеріи Маіорѣ *Яковѣ*
Ивановиѣ Бреклинѣ.

Бригадирѣ скончался въ 1811 Мар-
семѣ чинѣ. ша 22.

— — — Аршиллеріи Маіорѣ *Яковѣ*
Михайловиѣ Зембулатовѣ.

Генералѣ - Маіоромѣ скон-
чался.

— — — Ростовскаго Карабинерна-
го полка Преміерѣ - Маіорѣ
Стеланѣ Максимовиѣ.

За отличную храбрость и
мужество, оказанныя при
штурмованіи Бендерской
крѣпости, и за предводитель-
ство штурмующихъ грена-
дерѣ до занятія у непріате-
ля одной башарей и одного
бастіона.

Убитѣ подѣ Очаковымѣ
Генералѣ-Маіоромѣ. 1788.

(Будетъ продолженіе).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ПАЖЬ ГЕРЦОГА ФРИДЛАНДСКАГО.

Историческая повѣсть; соч. *Тромлица.*

Въ высокой залѣ дворца *Валленштейнова* въ Прагѣ гремяли трубы и липавры. Все, что столица Богеміи имѣла изящнаго и благороднаго, волновалось шумѣ въ неспромѣ смѣшеніи. Казалось, какъ будто Праги никогда не посѣщали бѣдствія войны, ибо тысячи восковыхъ свѣчъ озаряли роскошь и обиліе. Тѣлохранители въ свѣтло-синей бархатной одеждѣ, вышитой золотомъ, спояли съ аллебардами у высокихъ дверей и мраморныхъ лѣстницъ; еще богачѣ одѣтые Пажи спѣшили, черезъ великолѣпныя комнапы и залы, разносить приказанія своего повелителя. Толпа служителей спояла вокругъ буфетовъ, загромсженныхъ добычею всей Германіи, и предупреждала желанія гостей, которые только вошли въ ярко-освѣщенную залу, чтобы начашь панцы. Оберъ-Гѣфмейстеръ Герцога, *Графъ Гаррахъ*, подалъ знакъ: трубы умолкли. Заиграли скрип-

ки и флейпы: открылся балъ и, пара за парю, понеслись подъ шихій ладъ граціознаго аллемана.

Много прекрасныхъ дамъ, много прелестныхъ дѣвицъ явились шупъ въ блескѣ красоты своей, но между ними, какъ солнце, сіяла царица праздника — *Матильда*, Графиня *Терцки*, племянница Герцога; она съ Маркизомъ *Дель-Гуастомъ* открыла балъ. Это былъ шестнадцатый день ея рожденія; его праздновалъ Герцогъ *Фридландскій*. Его родная дочь, принадлежавшая Маріа Елисавета, *Матильда* и машь ея, составляли все его семейство, къ копорымъ онъ чувствовалъ искреннюю привязанность, которыя могли разсѣвать его мрачныя думы тогда, какъ онъ удалился съ прежняго дѣятельнаго поприща.

Окруженный своими спарыми сослуживцами и Богемскимъ дворянствомъ, сидѣлъ онъ самъ въ концѣ залы на возвышенномъ мѣстѣ, въ обихыхъ бархатомъ креслахъ. Подлѣ него Герцогиня. — Онъ, казалось, съ участіемъ смотрѣлъ на танцы. Всѣ стояли позади его въ глубокомъ молчаніи: одна только спарая Графиня *Терцки*, опъ времени до времени, говорила съ нимъ нѣсколько словъ. —

Въ противоположномъ концѣ залы, у камина, стояли одиноко два человекъ, совершенно различной наружности: оба, погруженные въ глубокое размышленіе. Одинъ изъ нихъ, малорослый, у котораго рѣдкія и бѣлыя какъ снѣгъ кудри, вились по вискамъ, въ черной Испанской одеждѣ, съ маленькою серебряною

шпагою, и держа въ рукѣ шляпу съ поношенными перьями, имѣлъ спокойный и важный видъ, и, казалось, со вниманіемъ разсматривалъ каждую пару, проходившую мимо его; но взоромъ не слѣдовалъ ни за одною, и вообще, не принималъ никакого участія въ общей веселости.

Другой молодецъ лѣтъ двадцати. Синій бархатный колетъ его, вышитый золотомъ, показывалъ въ немъ одного изъ пажей Герцогскихъ, а золотая цѣпь на шеѣ служила знакомъ, что онъ въ милости у своего повелителя, и сопровождалъ его въ походахъ. Онъ былъ выше обыкновеннаго роста; длинные, русые волосы густыми кудрями упали на могучія плеча, темно-голубые глаза смотрѣли задумчиво на группы танцующихъ, и трудно было угадать, радость или горестъ выражало лице его, здоровьемъ и юностью цвѣтущее. Замѣтно было только то, что когда шуры танца вели мимо его *Матильду Терцки*, глаза его сверкали двойнымъ огнемъ, но онъ быстро ихъ опять опускалъ въ землю и не смѣлъ взоромъ слѣдовать за красавицею, которая, казалось, совсѣмъ его и не замѣчала.

Однажды, когда Графиня *Матильда* летѣла мимо ихъ, малорослый старичекъ дружески пошрепалъ юношу по плечу. Съ досадою обернулся къ нему молодой человекъ, но старикъ сказалъ ему ошмѣнно ласково: „*Георгъ!* мнѣ кажешся, глаза Графини *Терцки* — я разумью старую — ищутъ васъ! — спускайте къ ней, и кшапи скажите, что я оставилъ балъ:

ибо сегодня важная ночь! — Смотрите, она зовёт васъ!“ —

— А мое созвѣздіе, господинъ *Сени*? — спросилъ молодой человекъ умоляющимъ голосомъ.

„Вѣрно теперь ярче сіяешь въ нашемъ сердцѣ, нежели на небѣ, любезный *Роткирхъ*!“ отвѣчалъ астрологъ: „подите только!“ —

Георгъ Роткирхъ удалился. — Графиня вышла изъ залы въ боковую комнату. *Сени* сказалъ правду. — „Подите за мною!“ — сказала спящая Графиня входящему *Роткирху*.

Черезъ длинный рядъ комнатъ, *Георгъ* съ прѣпевающимъ сердцемъ слѣдовалъ за Графиней въ ея внутреннюю комнату. Онъ вспомнилъ о красавицахъ въ панцовой залѣ, и по жиламъ его пробѣжала лихорадочная дрожь. Графиня открыла письменный столъ, долго перебирала связку ключей, и нашедъ одинъ весьма большой, подала его юношѣ, который началъ опять свободнѣе переводить духъ, какъ будто гора съ его плечь свалилась. „Подите *Георгъ*!“ — сказала она ласково: „подите къ калишкѣ, которая ведетъ къ монастырю, отворите ее, но никого не впускайте; если же явится шуда человекъ, который скажетъ вамъ слово „*Гигинь*,“ то введите его черезъ пошанную лѣспницу въ зеленую комнату Герцога — но ради бога, не забудьте опять запереть калишку. Тамъ оставьте его одного, возвратитесь въ залу; это будетъ мнѣ отвѣтомъ. Поди, мой милый! продолжала она добродушно,

— „поди и закушайся въ плащъ: ночь холодная, бурная.“ —

Онѣ пошелъ черезъ внутренній дворъ вдоль стѣны, отворилъ калитку и вышелъ на улицу.

Съ бель-этажа дворца раздавались звуки музыки; явственно слышалъ пажъ, что начался шумный вальсъ. — „Съ Италіянцемъ ли она опять танцуетъ?“ проворчалъ онѣ сквозь зубы, закушался въ широкой плащъ и сбѣлъ на камень, на углу узенькаго Капуцинскаго переулка. Ночь была лунная, но бурная. Флюгера спучали, вѣтръ шумѣлъ, но *Роткирхъ* слышалъ одни только звуки музыки въ парадной залѣ Герцога *Фридрихскаго*. Тучи неслись по небу и все вокругъ него покрыли тьмою; передъ внутренними очами его носилась одна только прелестная *Матильда*. — Еще плотнѣе закушался онѣ, еще крѣпче закрылъ глаза, дабы ничто не могло разрушить милый образъ фантазиі.

Долго сидѣлъ онѣ въ очаровательныхъ мечтаніяхъ о недоступномъ ему блаженствѣ; вдругъ отъ монастыря послышались шаги по узенькому переулку. Онѣ вскочилъ, схватилъ шпагу и припался у калитки. — Шаги отзывались все ближе и ближе. — Два человѣка, окушанныхъ въ плащи, прошли мимо его. — Но вдругъ они остановились. — „Тамъ вверху на пиршествѣ у Герцога, тамъ онѣ вѣрно!“ сказалъ суровый голосъ: „Сегодня ужъ слишкомъ поздно, папінка! лучше возвратимся въ Гёшпинницу Золошаго Гроза!“ — отшѣчалъ другой. — Завтра! — Почему жъ не сегодня? — сіе

пиршество намъ благопріятсвуетъ — превалъ его первый. —

„Нѣтъ, нѣтъ! лучше возвратимся,“ сказалъ другой: а по запрутъ Госпинницу. Не будьте такъ опрометчивы, папинька! Мщеніе его не минетъ!“

Тутъ луна, выглядывая изъ-за бурныхъ облаковъ, осѣнила ночныхъ спранниковъ, и Георгъ увидѣлъ лице юноши, едва вышедшаго изъ отроческаго возраста, и печально приникшаго къ груди человека, который былъ уже въ лѣтахъ. — Оба возвратились по той же самой дорогѣ, по которой пришли.

„Два несчастныхъ!“ — подумалъ самъ въ себѣ Роткирхъ, и сбѣлъ опять на камень: — „но гдѣ теперь не видишь ихъ въ нынѣшнее бѣдственное время? — Мстятъ они выходятъ, и рыскаютъ вокругъ дворца?“ вскричалъ онъ внезапно: — „но нѣтъ!“ продолжалъ онъ по крашкѣ размышленіи: не къ Герцогу, моему повелителю, отношится сія угроза. — Они именно говорили, что тотъ, кого ищутъ, долженъ быть на пиршествѣ у Герцога, — слѣдственно не его они разумѣли. — Господь вѣдаетъ, сколь жестоко, можетъ быть, судьба угнѣтаетъ сихъ бѣдныхъ людей, скипающихъ по улицамъ въ такую темную, ненастную ночь. Онъ опять сомкнулъ глаза; опять носился передъ нимъ образъ *Матильды*, и внутренній спрастный взоръ его долго покоился на ея прелестяхъ.

Музыка умолкла, а тоска въ его сердцѣ говорила. Воображеніе вездѣ сопутствовало *Ма-*

милльда. Онъ видѣлъ только ее, и всѣ другія красавицы въ залѣ сливались передъ нимъ въ шуманное море, среди коего она одна великолѣпно сіяла въ лучезарномъ блескѣ.—„И шупъ я долженъ сегодня сидѣть и ждашь, — между тѣмъ, какъ она шамъ вверху лепаетъ какъ Ангелъ?“ вскричалъ онъ: „ахъ! еслибъ я имѣлъ хошя одну изъ ея голубыхъ леншъ, копорыя, совсѣмъ не зная своего счастья, украшаютъ ея грудь и руки, — ахъ, еслибъ я имѣлъ хошя..“

„Глупецъ!“ воскликнулъ онъ внезапно и вскочилъ, — „еслибъ имѣлъ ты сполько разсудка, чшобъ изгнать изъ груди своей несбыточныя желанія—это было бы гораздо лучше!“

Онъ спалъ ходишь взадъ и впередъ скорыми шагами, и крѣпко и звонко спупалъ по мостовой, нарочно для того, чшобъ не слыхашъ вновь заигравшей музыки, и привелъ себъ на память Дессавскій мостъ, гдѣ впервые опличился онъ на военномъ поприщѣ, и получилъ опъ *Валленштейна* золошую цѣпь. — Онъ старался отвлечь опъ нее свое воображеніе, но щцешно: *Матильда* вѣчно спояла передъ нимъ, смотрѣлъ ли онъ опкрытыми глазами на настоящее, или зажмурившись на минувшія.

Тупъ конскій попортъ вывелъ его изъ сладоспныхъ мечпаній. Онъ припайлся къ калишкѣ и началъ вслушиваться. Всадникъ примчался вовесь опоръ. — „Стой, другъ мой!“ вскричалъ ему на встрѣчу *Георгъ Роткирхъ*: — „одно слово? — *Гигинь!* опвѣчалъ сей, сходя съ коня.

„Господинъ *Роткирхъ!*“ продолжалъ онъ, обращаясь къ Пажу: „ведите меня поскорѣ къ

Герцогу; вы вѣрно здѣсь за эшимъ? я привезу добрыя вѣсти!“

— Очень радъ, Господинъ *Сесина*, отвѣчалъ Пажъ, и повелъ его къ калиткѣ: вы знаете, я принадлежу къ вѣрнымъ, — и всею душою преданъ семейству вашего покровителя, Графа *Терцки*! —

Господинъ *Сесина* улыбнулся. — „Пойдемте же, Сударь! Я опнюдь не сомнѣваюсь въ вашей преданности къ Сіятельной фамиліи *Терцки*,“ продолжалъ онъ: „мы другъ друга знаемъ!“ Онъ пожалъ ему руку, и еслибъ луна хопя немножко предательски выглянула изъ-за облаковъ, то *Сесина* вѣрно замѣнилъ бы яркую краску, копорая выпушила на щеки молодого Пажы.

Когда *Роткирхъ* возвратился въ залу, музыка только - что умолкла. Взоръ его вскорѣ встрѣтился съ взоромъ Графини *Терцки*; она поняла его, и потчасъ шепнула Герцогу нѣсколько словъ на ухо.

Валленштейнъ оспался! спокойно въ своихъ креслахъ, и началъ бесѣдовать съ своею супругою; потомъ вспалъ, позвалъ къ себѣ Графа *Гарраха*, и послалъ его сказать, чшобы музыка играла.

„Донъ-Бальтазаръ!“ сказалъ онъ, обращаясь къ *Марадасу*, копорый потшительно вышелъ изъ толпы: „нѣтъ ли извѣстія о Тилли и

Король снѣговъ (*)? — Арміи обоихъ, я думаю, стоятъ въ Саксоніи!“

— Такъ гласятъ извѣстія, кои Ваша Свѣп-лость благоволили сообщить мнѣ за нѣсколько дней пому назадъ, сказалъ *Марадасъ* вырази-тельнымъ голосомъ.—

„И вы не имѣете другихъ надежнѣйшихъ извѣстій?“ спросилъ Герцогъ, насмѣшливо улыбаясь: „Императорскій Главнокомандующій въ Богеміи, кажется, долженъ лучше знать, гдѣ стоитъ непріятельское войско, нежели я, который подъ вашею защитою, живу въ уединеніи, какъ чуждый человѣкъ!“

Донъ-Бальтазаръ поклонился молча.

„Графъ *Гаррахъ*!“ — вскричалъ тогда Герцогъ, такъ что всѣ стоящіе вокругъ него слышали: „я удаляюсь на короткое время; пусть балъ идетъ своимъ порядкомъ.“ Легкимъ пол-ко наклоненіемъ головы просился онъ съ собраніемъ, прошелъ одинъ сквозь ряды гостей— и оставилъ залу.

Взоры *Георга Роткирха*, между тѣмъ, съ неперпѣніемъ рыскали по залѣ, ища *Матильды*. Но не могли найти ее. Наконецъ, онъ ее увидѣлъ, стоящую подъ высокимъ сводомъ окна и заняшую важнымъ разговоромъ съ *Маркизомъ дель-Гуасто*. Сердце его бурно забилося; онъ сдѣлалъ уже шагъ, чтобы подойти къ нимъ, какъ позади ихъ, изъ-подъ свода окна вышелъ старый Графъ *Адамъ Терци*, и опять повелъ

(*) Skneekönig. Такъ Австрійцы называли Короля Шведскаго, *Густава-Адольфа*.

свою дочь въ кругъ молодыхъ дамъ, въ ту самую минушу, какъ Герцогъ вышелъ изъ залы. Музыка заиграла. Въ шумномъ вальсѣ понеслась *Матильда*, какъ окрыленная; однако не съ *Маркизомъ*. — *Георгъ* ошановился, погруженный въ сладоспныя мечпы; вдругъ подошла къ нему старая Графиня *Терцки*, и шихо сказала: „посвѣшпше мнѣ, *Роткирхъ!*“ — Онъ схвашилъ свѣчу, и пошелъ черезъ рядъ парадныхъ комнашъ. Подходя къ кабинету Герцога, Графиня ласково сказала Пажу: „*Георгъ!* не будьте пакъ груспны на веселомъ праздникѣ? — Сны, какъ вамъ самимъ извѣспно, рѣдко сбываются.“ — Она вошла въ кабинетъ.

„Сны рѣдко сбываются?“ — вскричалъ *Роткирхъ*, поправляя на головѣ свои русыя кудри: „шочно пакъ! мапушка — а мои сны — конечно никогда!“ — Онъ возвратился въ залу, гдѣ все кружилось еще въ вихрѣ вальса, спалъ въ уголъ, и снова углубился еъ свои любимыя мечпы. Тутъ она пропорхнула мимо его. Съ груди ея упали двѣ розы. Быстро поднялъ ихъ *Роткирхъ*, почпипельно подошелъ къ *Матильдѣ*, кошорая только ошпанцовала, и подалъ ей цвѣшпы.

„Благодарю васъ!“ — сказала Графиня, взяла цвѣшпы, — шихо рука ея коснулась его руки, и спыдливо покраснѣвъ, быстро обернулась, оставя одну розу въ рукѣ молодого человекъ.—

Случайно ли это сдѣлалось, или съ умысломъ? Подумалъ самъ въ себѣ *Роткирхъ*; сердце его сильно забилось ошъ неизвясимой радости, — онъ украдкою вышелъ изъ залы на вну-

шрениій дворѣ, взглянулѣ на сверкающія звѣзды ночнаго неба, показалѣ имѣ розу и вскричалѣ: „звѣзда моей жизни! ты сіяешь мнѣ ярче, великолѣпнѣе всѣхъ звѣздъ на шверди небесной! покойся здѣсь, доколѣ оно не перестанетѣ биться!“ — Кѣ сердцу прижалѣ онѣ розу, и будучи обуреваемѣ различными чувствами, долго ходилѣ взадѣ и впередѣ по широкимѣ дворамѣ замка.

Тупѣ замѣшилѣ онѣ, вѣ маленькой комнацікѣ восточной башни пихій свѣтѣ лампы. „Сегодня или никогда!“ вскричалѣ онѣ внѣзапно, шихо опворилѣ калишку и взошелѣ на узенькую круглую лѣстницу. Передѣ маленькою дверью онѣ на минушу остановилѣся, попомѣ шихо поспучалѣся. — „Кшо шамѣ?“ Вскричалѣ гнѣвный голосѣ. — „Я, *Георгъ Роткирхъ*!“ опвѣчалѣ юноша: „опворите, почпеннѣйшій *Сени*!“ — Подожди — и умѣрь свои желанія!“ — возразилѣ *Сени*. — Пажѣ оспалѣся спокойно у двери.

Все вокругѣ него безмолшповало. Онѣ сѣлѣ на лѣстницѣ, и зная крушой и угрюмый нравѣ аспролога, вооружилѣся шерпѣниемѣ.

Минушы бѣжали за минушами, часы Капуцинскаго монастыря пробилѣ полночь. — Сшарецѣ оспавалѣся вѣ своей комнатѣ, и казалось, забылѣ своего юнаго гостя, кошорый не смѣлѣ помѣшанѣ заняшямѣ аспролога. — Ударилѣ часѣ за полночь; — все еще шихо! — Тогда *Роткирхъ*, сѣ досадою прошепталѣ сквозь зубы: „если ты, Звѣздохетѣ, не хочешь поднятѣ для меня завѣсу будущаго, то сонѣ пересе-

липѣ меня шуда!“ — Онѣ вынулѣ розу, поцѣловалѣ ее, прижалѣ къ сердцу, — и сомкнулѣ глаза. Передѣ нимѣ поржала *Матильда*, подавала ему розу, вилась вокругѣ него и къ себя манила! Онѣ слѣдовалѣ за нею по цвѣшущимѣ лугамѣ и дикимѣ горамѣ къ уединенной церкви. Она отворилась, — и онѣ заснул! —

„Ну чшожь, *Сссина!*“ сказалѣ Герцогѣ, замкнувѣ за собою дверь: „какія привезѣ ты вѣсти?“ — Добрыя вѣсти, Ваше Свѣшлость! *Тилли* при Лейпцигѣ разбилѣ на голову; останки его арміи бѣгушѣ по дорогѣ къ Гальбершпату. —

„Хорошо! — хорошо для насѣ!“ сказалѣ *Валленштейнѣ*.

— Фельдмаршалѣ *Арнимѣ* приказалѣ кланяться Вашей Свѣшлости. Онѣ прислалѣ со мною сіе письмо, которе вѣроятно содержитѣ вѣ себѣ однѣ пустыя учшивости. — „Скорѣе, безѣ околичностей!“ — прервалѣ его Герцогѣ.

— И поручилѣ мнѣ изустно, — продолжалѣ *Сссина*.

„Развѣ Король ничего сѣ тобою не прислалѣ?“ Прервалѣ его впорично *Валленштейнѣ*.

— Эшо письмо! Ваша Свѣшлость.“ Онѣ подалѣ ему пакетѣ.

„Глупецѣ!“ сказалѣ Герцогѣ гнѣвно: „вмѣсто швоего длиннаго пустословія, надлежало бы начашѣ сѣ эшаго?“ — Онѣ прочиталѣ письмо, радость блистала на лицѣ его. Весело обратился

онъ къ *Сесинъ*, и сказалъ: „*Густавъ* общаетъ мнѣ прислать Графа *Турна* съ 12,000-мъ войскомъ! — Тогда — но оставимъ это. Еще нынѣшнюю ночь ты долженъ возвратиться! Гдѣ полагаешь ты заспать Короля?“ —

— На дорогѣ во Франконію! —

„Хорошо, онъ хочетъ наказать гордость *Максимиліана*, надменнаго Баварца! А гдѣ найдешь *Арнимма*?“

— На пути въ Силезію! — отвѣчалъ *Сесина*.

„Неправда! неправда!“ Вскричалъ Герцогъ, „но это ничего! Посмотримъ, что будетъ.“ —

Тутъ трижды тихо кто-то постучался въ дверь. — *Валленштейнъ* зналъ кто спучился, онъ отворилъ, и вошла Графиня *Терцки*. „Хорошо, что вы пришли, Графиня!“ сказалъ Герцогъ и сообщилъ ей полученныя извѣстія.

— *Арниммъ* ишли въ Саксонію? — спросила Графиня, прочитавъ письма.

„Нѣтъ!“ сказалъ Герцогъ, нѣсколько подумавъ. — „Пусть идетъ въ Богемію. — Къ нему прежде всего отправьтесь,“ продолжалъ онъ, обращаясь къ *Сесинъ*: „скажите ему отъ меня: пусть идетъ на Прагу; ни одинъ человекъ ему не провиостанетъ; онъ безъ выспрѣла овладеетъ городомъ. Пусть Король съ обѣщаннымъ 12,000 войскомъ пошлетъ *Турна* въ Саксонію; тамъ *Шафиотъ*, *Гець*, я самъ.“

„Послушай!“ — продолжалъ онъ, подошедъ къ окну: „пусть Король пришлетъ мнѣ не только Шведскаго и Веймарскаго войска, но еще нѣсколько полковъ Саксонскихъ; тогда Курфирствъ навсегда отпрѣзанъ отъ Вѣны; безъ

пого я ему не вѣрю. Послѣ пого, побѣжай къ Королю, скажи ему, что письмо его меня очень обрадовало; скажи, что онѣ можетѣ на меня положиться, какѣ скоро пришлетѣ мнѣ *Турна съ войскомѣ*. Предлагаю, съ моей стороны, одно условіе: чѣобы онѣ съ своими Шведами не ходилѣ ни вѣ Силезію, ни вѣ Богемію, ни вѣ Моравію. Эѣо дѣло должно быѣ предоспавлено мнѣ и *Арниму!* —

— Не благоволише ли, Ваша Свѣшлость, послать со мною отвѣтѣ на письмо Е. К. В. —

„Нѣтѣ!“ возразилѣ *Валленштейнѣ* сурово: „если Имперцы перехватятѣ тебя: по повѣсятѣ; мнѣ и Графу *Терцки* эѣо также можетѣ сполить головы. Если же поймутѣ тебя съ письмомѣ Короля, то тутѣ не будутѣ имѣть явной прошивѣ меня улики; оно можетѣ полько навлечь одно подозрѣніе. Нѣтѣ! нѣтѣ! я не пишу!“ —

— Но, возразила Графиня: не прогнѣваешся ли Король, и не покажетѣ ли ему, что вы мало имѣете къ нему уваженія? Онѣ первый вступилѣ вѣ переписку съ вами, а вы не хотише отвѣчать ему, или можетѣ быѣ, боись? —

„Боюсь!“ — вскричалѣ *Валленштейнѣ* и вперилѣ дикій взорѣ на Графиню.

— Ваша Свѣшлость! — просилѣ *Сесина*.

„Господинѣ *Сесина-фонѣ-Ризенбургѣ!*“ сказалѣ Герцогѣ повелительнымѣ голосомѣ, и глаза его засверкали, и на устахѣ явилась презришительная улыбка, споль ему свойственная, когда онѣ чувствовалѣ свое превосходство надѣ дру-

гими: „никакихъ замѣчаній! Вы знаете мою волю. — Мнѣ не нуженъ ни чей совѣтъ! — Къ Фельдмаршалу *Арниму*, а отъ него къ Королю. Вамъ дана инструкція. — Въ Гичинѣ увидимся. — Прощайте!“

Онъ кивнулъ головою. — Графиня взяла свѣчу и посвѣтила ему съ дошаенной лѣспницы.

— *Сени!* — осторожно шепнулъ *Сесина* Графинѣ на ухо.

„Ваша правда,“ отвѣчала она: „однако все напрасно — и мы должны плыть противъ теченія. Отправьтесь немедленно и возвращайтесь скорѣе.“ —

Когда пришла она къ Герцогу, то застала его, въ глубокомъ размышленіи сидящаго за столомъ, и облокопившагося на руку.

Тутъ Герцогъ, медленно поднявъ голову, сказалъ съ примѣшною досадою: „ничпожно знаніе человѣка, связана воля его, судьба его прикована къ звѣздамъ! — — Случай — богъ его! А! Графиня *Терцки*,“ вскричалъ онъ, увидя ее въ дверяхъ: „мнѣ не хочется позвать служителя и черезъ то возбудишь любопытство праздної сволочи въ залѣ, а *Роткирха* вѣрно шумѣтъ нѣтъ. Сдѣлайте милость, пришлите ко мнѣ *Сени*. Мнѣ онъ нуженъ въ эту роковую минуту. Я предчувствую, что сегодняшняя ночь рѣшитъ мою участь!“ —

— На что этого *Сени*? — отвѣчала Графиня, вы сами уже все рѣшили. *Сесина* уѣхалъ; рѣшительный шагъ сдѣланъ; отступитъ не лзя, какъ ни сіяли бы звѣзды. —

Валленштейнъ посмотрѣлъ на нее мрачно.

—Сердишесь на меня, сказала Графиня, ободрясь; но я еще разъ предостерегаю васъ: онъ Ишаліянецъ.—Отъ двора *Ферлинандова* призвами вы къ себѣ *Сени*, сего ревностнаго приверженца Іезуитовъ; онъ умѣлъ вкрасься къ вамъ въ безпредѣльную довѣренность.—Вопреки внушреннему увѣренію, вы слѣдуете совѣщамъ пришельца и обманчивому вліянію звѣздъ.—

Герцогу вспалъ съ креселъ. — Вы вѣрише двусмысленнымъ прорицаніямъ сего мнимаго пророка, хотя они часто противорѣчатъ вашему высокому уму!—Вы—

„Сдѣлайте милость, подите пришлише ко мнѣ *Сени*! прервалъ ее *Валленштейнъ* съ ладнокровною важностію! „вамъ говорю я, Графиня *Терцки*.“

Она вышла. Ей извѣста была непоколебимая швердосць Герцога, кошорой и она должна была покоряшсья. Она знала, сколь высоко цѣнилъ онъ свои шайнштвенныя ночныя совѣщанія съ астрологомъ. Она пошла зашь ненавистнаго *Сени*.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Она скорошечна, пора вдохновеній,
 Посланница горнихъ небесъ,
 И рано иль поздно усердныхъ моленій
 Моихъ не услышишь Зевесъ!
 Такъ! все — и Поэзіи огонь благодатной,
 И слава безсмертныхъ пѣвцовъ,
 И пламенный свѣшъ ихъ звѣзды беззакатной,
 И прелесшь лавровыхъ вѣнцовъ —
 Все это когда-то плѣняшь переспанешъ
 Меня красотою своею;
 Оспрадная лира мнѣ вшоришь успанешъ
 И пѣсни замолкнушъ на ней!

Спѣши же направивъ полешъ дерзновенный,
 Мой Геній! къ Каспальскимъ брегамъ,
 И, ликомъ плѣнишельныхъ Музъ оруженый,
 Блаженшвуй безгореспно шамъ.
 Играй, веселися, сошущникъ мой юный,
 На радосшь мнѣ данный судьбой,
 Пока еще спройны послушныя спруны;
 Пока навсегда имъ съ шобой
 Печальной разлуки судьба не сказала. . .
 Доселъ средъ ошчихъ полей,
 Незнаемый свѣшомъ, я пѣлъ, что внушала
 Камена счастливейшихъ дней!

А нынѣ звучнѣйшія мнѣ пѣснопѣнья,
 Богъ лиры! внуши и даруй,
 И шайныя думы въ часы вдохновенья
 Сладчайшимъ воспоргомъ чаруй!
 Пускай ни спремленіе лѣшь, ни Зоилы
 Мою не изгладышь скрижаль. . . .
 Леши же къ 'сей цѣли, о Геній мой милый!
 Въ сію неизмѣрную даль!

Бороздна.

2.

ГРУСТЬ ОДИНОЧЕСТВА.

Все въ природѣ оживилось
 Благошворною весной;
 Все цвѣшетъ, все обновилось,
 Дышетъ жизнью молодой.

Воды свѣшлы опражаютъ
 Голубыя небеса;
 Боръ зеленый оживляютъ
 Пшичекъ вѣжны голоса.

Розы юныя плѣняютъ
 Взоръ роскошною красой,
 И далеко разливаютъ
 Аромашъ пріятный свой.

Извиваясь подъ кустами
 По песку ручей бѣжитъ,
 И играя межъ камнями
 Тихо, сладосшно журчитъ.

Какъ пріяшнень воздухъ чистый,
 Горь, долинь веселый видъ :
 Нивы, рощи, лугъ душистый ;
 Юной все красой блеспишь.

Вся природа веселился ;
 Я одинъ, я все грущу !
 Опя чего же мнѣ крушишься ?
 Не найду чего ищу.

Дружба ! Неба даръ безцѣнной !
 Тщешно я себя зову !
 Я одинъ во всей вселенной ;
 Я дышу, а не живу.

Одинокимъ часъ досуга
 Скучень, дологъ жизни пущь.
 Ахъ ! найду ли сердцу друга,
 Ахъ, найдуль когда нибудь ?

И. Пальминъ.

3.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

My soul is dark.

(Изъ Байрона).

Душа моя мрачна ! Играй, пѣвецъ молодой,
 Еще могу внимашь я звукамъ пѣснопѣнья ;
 И укроши швоей плѣншительной игрой
 Ожеспоченныхъ чувствъ безумныхъ волненья.

Пишаешь ли еще надежду грудь сія —
 Ты воскреси ее! Слезаль еще шапся
 Въ угасшихъ сихъ очахъ, пѣвецъ, игра швоя
 Должна ее извлечь — и сердце оживишься.

Но берегись мой слухъ весельемъ поразишь!
 Пущь пѣснь швоя звучишь и дико и уныло;
 Я радощь позабылъ — я долженъ слезы лишь:
 Теченье ихъ мои бѣ спраданыя облегчило.
 Ожесточенное враждующей судьбой,
 Ахъ, сердце умерло на вѣкъ для наслажденья.
 Блей жизнь въ него, пѣвецъ, искусною игрой
 Яви, яви всю власшь и силу пѣснопѣнья!

А. Кировъ.

4.

ОБОДРЕНІЕ.

(Изъ Гельти.)

Почшо шерзашь себя шоскою,
 Доколѣ младоспью цвѣшемъ?
 Почшо намъ дней своихъ весною
 Смошрѣшь угрюмымъ Сеншябремъ?

* * *

Нась всюду радощь провожаешь,
 Минушныхъ спранниковъ земли,
 Цеѣшами пушь намъ ушлаешь,
 Оспрадный кажешь свѣшь въ дали.

* * *

Еще ручей журчитъ волною,
 Еще прохладою дышешь лѣсъ;
 Еще безоблачною луною
 Сребришься сѣнь густыхъ деревьевъ.

* * *

Еще вина кипящи струи
 Веселье проливаютьъ въ насъ, —
 Еще намъ сладки поцѣлуи
 Прелестныхъ дѣвъ въ вечерней часъ.

* * *

Еще, дубравныя пѣвицы,
 Внимаемъ пѣснямъ звучнымъ мы,
 Еще лучемъ молодой денницы
 Пылають рощи и холмы.

* * *

И такъ, друзья, повеселимся,
 Доколѣ младосшью цвѣшемъ,
 Сей крапкой жизнью насладимся —
 И съ удованьемъ въ гробъ сойдемъ.

Русская пословица: *рука руку моетъ—и
обѣ обѣлы!* разговоръ первый Г. Грегга съ
Г. Булгариньлиб.

Взаимно они себя чипающъ, взаимно хвалящъ, обороняющъ, поддерживающъ, другъ за друга опвѣщспвующъ. Не сполько голубкѣмъ, какъ имъ, приличень прекрасный спихъ нашего Баснописца:

Гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно шамъ!
М. Т. 1826, No XXII, стр. 111.

Г. Булгаринь. Вы славный Писапелъ, *Николай Ивановиъ!* „Когда ваща крапкая Исторія Рос-
сійской Словесности вышла вѣ Свѣтѣ: то со
всѣхъ споронѣ посыпались на нее крипики, а
теперь со всѣхъ споронѣ обрывающъ ее—и во
всякомъ случаѣ на нее ссылающъ.“ (1)

Г. Грегъ. Вы шупите; а я не шупия хочу вамѣ
предложипъ. „Не согласитесь ли вы сдѣлать
вещъ весьма угодную и пріятную для всѣхъ чипа-
пелей вашихъ, напечатавѣ вшорымѣ изданіемѣ
Липературные Лиспки, вышедшіе прошлаго
1823 года, вѣ 8 долю листа, чшобы они съ
листками нынѣшняго года составили *Собраніе*,
которое всякому было бы пріятно имѣть у
себя вѣ библиотекѣ!“ (2)

Г. Булгаринь. „Вамѣ, *Николай Ивановиъ* вѣ
і книжкѣ С. О. на 1824 годѣ, угодно было наз-

(1) Липературные лиспки 1824, стр. 315. (2) Сынъ Оче-
чешва 1824, No 38, стр. 213.

вапъ *Разныя Извѣстія*, помѣщаемыя въ Лип. Листкахъ *Волшебнымъ фонаремъ*. Да будешъ, какъ сказано. *Dixit et factum est* (3).“ —

Г. Греть. „Мы бы пакже благодарили васъ, *Фадей Венедиктовичъ*, и за то, еслибъ вы составили изъ положеннаго числа книжекъ *части*, къ коимъ присовокупили бы *оглавленіе* для удобнѣйшаго приисканія желаемой стапъи; попому что въ вашихъ *листкахъ* дѣйствительно заключающія драгоцѣнные маперіалы для Россійской Словесности (4).“ —

Г. Буларинъ. Разскажу вамъ одинъ случай, для меня весьма пріятный. — „Во время побѣдки моей съ почтенными Дирекшорами Россійско-Американской компаниі: *М. М. Булдаковымъ*, *И. В. Прокофьевымъ*, *А. И. Северинымъ* и *Н. И. Кусовымъ* (нынѣшнимъ Градскимъ Главою), мы осмапривали корабль *Елену* и съ удовольствіемъ замѣшили, что *Кающъ-Компанія* опдѣлана прелестно; библиошека, состоящая изъ *отборныхъ Русскихъ сочиненій*, вышедшихъ въ продолженіе чепырехъ лѣтъ, помѣщена въ щегольскихъ шкафахъ. Да унѣшится Авпорское швое самолюбіе: я видѣлъ швою *учебную книгу Россійской Словесности* и особенно: *Краткій Опытъ Исторіи Россійской Литературы*, въ богатыхъ переплесахъ (5).“

Г. Греть. — „Если вы, *Фадей Венедиктовичъ*, перепечатаете первые пяшь нумеровъ *Л. л.* 1823 года въ 8-ю долю, и вмѣстѣ съ *листками*

(3) Лип. Л. 1824, Ч. II, стр. 59. (4) С. О. 1824, No 38, стр. 214.

(5) Л. Л. 1824, Ч. III, стр. 85.

нынѣшняго, раздѣлите ихъ на *части*: то я обещаюсь вамъ доставить въ началѣ 1825 года *Систематическое оглавленіе по извѣстному порядку всѣхъ статей*, заключающихся въ первыхъ частяхъ *Лит. листковъ*, въ надеждѣ, что вы удостоите одобренія мой трудъ, имѣющей цѣлю сдѣлать пріятное для любителей Словесности и для самаго Издашеля (6).“

Г. Буларинъ. Послушайте, что случилось въ Кронштадтѣ же и въ ту же побѣду:

„Гг. Директоры Американской Компаніи и Офицеры корабля *Елены* угощали насъ обѣденнымъ споломъ, по старому обыкновению; при семъ торжественномъ случаѣ исполнено было нѣсколько задравныхъ постовъ. *Первый* за здравіе Государя Императора и всей Августѣйшей фамилии, при проекрашномъ восклицаніи: *ура!*—Послѣ того, за здравіе Г. Главнаго Командира Кронштадтскаго порта, за благосостояніе Россійскаго флота — и, наконецъ, представъ себѣ мою радость! за благосостояніе и успѣхи Россійской Литературы! Троекрашное: *ура!* снова прогремѣло въ воздухѣ, и я почти былъ въ восторгѣ, когда со всѣхъ сторонъ раздались восклицанія: *да процвѣтають Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ!* — Сожалѣй, почтенный *Николай Ивановичъ*, что ты по обстоятельству не могъ бытъ въ на-

(6) С. О. 1824, No 38, стр. 214. Нужнымъ счишаю предупредить, что все, заключающееся между знаками: „—“ взято сюда изъ взаимныхъ Журнальныхъ похвалъ Издашелей *Сѣв. Архива*, С. О. и Л. Л., съ дипломатическою точностію.

шемъ обществѣ: о себѣ у меня много распрашивали (7).“ —

Г. Грегъ. — „Для Сѣв. Архива я также составляю подобное *систематическое оглавление*, которое надѣюсь со временемъ доставить вамъ, почтенный Издапель онаго, для напечатанія, если вы того удостоите. Сей Журналъ продолжается равномерно съ одинакимъ успѣхомъ (8).“ —

Г. Булгаринъ. — „Вашъ *Краткій Опытъ Истории Русской Словесности*, заключающій въ себѣ материалы для Истории нашей образованности и нашего просвѣщенія, есть явленіе, достойное вниманія и поощренія, и въ эпозѣ ему, по справедливости, не было отказано въ печеніе двухъ испекшихъ лѣтъ, со времени появленія сей полезной книги (9). —

Г. Грегъ. „Въ вашей книгѣ: *Воспоминанія объ Исландіи* видно, что вы имѣете духъ наблюдательный, счастливую память и искусство писать живо и выразишельно. Немногія, изрѣдка встрѣчающіяся неправильности и уклоненія отъ строгихъ предписаній школы, придаютъ вашему слогу видъ непринужденности и свободы, приличный Воину-Литератору (10).“ —

Г. Булгаринъ. Помните ли, что я сказалъ о вашемъ С. О. въ самомъ началѣ 1824 года? Я здѣсь вкратцѣ повторю это (11).

„Изъ числа выходящихъ въ С. Петербургѣ Журналовъ, понынѣ (Янв. 14.) вышло въ Свѣтъ

(7) Л. Л. 1824, Ч. III, стр. 85. (8) С. О. 1824, No 38, стр. 215.

(9) Лист. Листки 1824, Ч. III, стр. 117. (10) С. О. 1823, кн. 21, стр. 38. (11) Л. Л. No 11, стр. 65.

двѣ книжки С. О., копорого добрая слава столь упрочена въ іѣ лѣтѣ, что похвалы показались бы неумѣстными. Здѣсь всегда полезное съ пріятнымъ находится въ согласіи.“

Г. Грегъ. Мнѣ пріятно и шеперь еще разѣ сказать вамѣ въ глаза и изустно то, что тогда было напечатано въ первой книжкѣ С. О. на 1823 годѣ.

„Изъ новыхъ Журналовъ достоинѣ отличнаго вниманія *Сѣверный Архивъ*: онѣ заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ спашей и важныхъ матеріаловъ для Русской Испоріи (12).“—

Г. Буларинъ. Вы, конечно всегда хвалили мой *Сѣвер. Архивъ*; но я плашилъ вамѣ за это наличными и шой же пробы похвалами. Напримерѣ:

„Сынѣ *Отчества*, изд. Н. И. Грегемъ, десяшь лѣтѣ продолжается съ одинакимъ уснѣхомъ,“ — кричалъ я въ помѣ же 1824 году (13), во всеуслышаніе, — „заключая въ себѣ Лицерапуру и Полипику. Журналѣ сей можетъ назваться образцовымъ, по чистотѣ языка и обработкѣ спашей, представляемыхъ публикѣ.“

Г. Грегъ. Разверните, С. О. 1823 года; (14), шамѣ напечатано:

„Съ *Буларинымъ* стоялъ я на постобѣ въ обществѣ Записныхъ весельчаковъ, (въ анекдотѣ: *Военная шутка* (15); 1) переселялся въ Смирну и слушалъ нравоченія опытнаго Дервиша;

(12) Стр. 14. (13) *Сѣверный Архивъ*, Ч. V, стр. 410.

(14) С. О. кн. III, стр. 12. (15) Полярная звѣзда 1823 года.

восхищался мужествомъ Польской Архидаміи XVII вѣка (16).“

Г. Буларинъ. „Въ Сынѣ Отечества Историческія и Политическія ученія статьи, Поэзія, опривки изящной прозы, остроумныя крипики и новѣйшія политическія извѣстія, составляютъ богатое собраніе къ выбору любителей опечесшвенной Словесности. Весьма важная въ нашемъ Журналѣ статья, *Николай Ивановичъ*, есть Библіографія, или извѣстіе о всѣхъ вновь выходящихъ книгахъ, о которыхъ вы, почтенный Издатель, даете краткій опчетъ своимъ читателямъ (17).“ — —

Г. Греть. Я превозносилъ не только ваши сочиненія ; но даже снимки съ почерка рукъ, при *Сѣв. Архивѣ*, прилагаемые (18).

„Въ *Сѣв. Архивѣ*, (сказано въ моемъ С. О. на 1823 годѣ,) заняли меня пріятнымъ образомъ снимки съ подписей знаменитыхъ особъ: посредствомъ Литографіи скопированы во всей точности почерки и подписи: Императрицы *Анны Иоанновны*, *Екатерины II*, *Павла I*, Царевича *Алексѣя Петровича*, *Князя Потемкина* и Генералиссимуса *Князя Суворова*; къ симъ почеркамъ знаменитыхъ особъ, прибавлены для любопытныхъ подписи *Алѣксѣя Демитрія* и жены его. Видишь руку, ходившую по бумагѣ, смотришь въ глаза, слѣдовавшіе за ея движеніями! Издатель общаетъ сообщитъ еще болѣе такихъ сним-

(16) Тамъ же. (17) *Сѣв. Архивъ* 1824, Ч. V, стр. 410.

(18) *Книжка III*, стр. 112. и 113.

ковъ: ожидаю ихъ съ неперпбнїемъ.“ (19). —

Г. Булгаринъ. Умалчиваю на эпосъ разъ о *Сынъ Отечества* . . . но не могу удержаться, чпобъ не излишь передъ вами моихъ мыслей, опносительнo къ *Литературнымъ прибавленїямъ*. По самой строгой справедливости, —, Сїе изда- нїе должно почищаться особымъ Журналомъ: ибо совершенно различествуешъ съ С. О. по содержанїю, и пощому, чпо получалось опдбльно по желанїю подписчиковъ. *Литературныя при- бавленїя* заключающъ въ себъ Повѣсти, оплич- ныя по выбору и слогу. Сїе Изданїе прїобрѣло благосклонность Публики и, по справедливо- сти, заслуживаетъ оную, исполняя строго все, чпо было обѣщано (20).“ —

Вы меня научили писатъ по Россійски; я въ эпосѣ шоржешвенно признался въ *Сѣверной Пгелѣ* при выходѣ въ Свѣтъ вашей проспранной Грамматики. Вамъ подобаетъ честь и слава, *Николай Ивановичъ!*

Г. Грегъ. Довольно, довольно, добрый пова- рищъ, *Вадей Венедиктовичъ*; раздблїмъ же лавры и оливы.

Конецъ первому разговору.

(19) „Для меня непоняшны поступки Издашелей С. О., въ „опношенїи кришикъ и аншикришикъ, говорїшь Н. „А. Полевой (М. Т. 1825, кн. 13, стр. 43.), помѣщаемыхъ „въ ихъ Журналъ. Мнѣ кажется, Издашелей опвѣш- „сшвуетъ за все, напечатанное въ его Изданїи. У Из- „дашелей С. О. эшо дбло посстороннее: пиши чшо хо- „чешъ; ошибайся, какъ хочешъ; прошиворѣчь самъ себѣ; „—они печашающъ да молчашъ—и чшо всего забавнѣе: „скажи имъ объ ошибкахъ—они опвѣчашъ: *намъ ка- кое дбло? вить не мы писали.*“—(20) Сѣверный Архивъ 1823, Ч. V, стр. 414. —

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

В О Е Н Н О Е.

О Д В И Ж Е Н І Я Х Ъ К О Н Н И Ц Ы.

Изъ Бисмарка.

Воинскія движенія вообще раздѣляются на два рода: на

1-е движеніе какъ *переходъ* и

2-е движеніе, какъ *маневръ*.

Когда войска оставляютъ свои расположенія, лагерныя или канпониры - кварширы, съ тѣмъ, чтобъ перейти въ другія, то движеніе сіе называется *переходомъ*.

Когда же войска, въ новомъ расположеніи своемъ, или во время похода шуда, избираютъ боевой порядокъ и готовятся вступитъ въ дѣло: то движенія, коими они достигли до мѣста сраженія, равно какъ и тѣ, копорыя производятся посреди самаго дѣла, называются *маневрами*.

Стратегія занимается движеніемъ войскъ вообще; она учитъ, когда должно переменить позицію, доказываетъ необходимость въ оной, и отыскиваетъ новую.

Позиція избирається на однихъ стратегическихъ точкахъ. Движеніе съ одной позиціи на другую можесть содержать нѣсколько переходовъ.

Подобные переходы, одинъ за другимъ послѣдовавшіе, составляютъ операцію (дѣйствіе).

Новая позиція, которую посредствомъ движеній сихъ — достигнуть и занять должно — есть предметъ дѣйствія.

Коль скоро стратегія извѣстила о необходимости новаго дѣйствія, указала направленіе и предметъ онаго, и начертила свои предположенія: то тактика занимается исполненіемъ.

Тактика, соображаясь съ обстоятельствами, раздѣляетъ войска и устраиваетъ части, тщателью наблюдая за мѣстоположеніемъ, по которому движеніе имѣетъ бытъ производимо: за числомъ дорогъ, удобныхъ для марша колоннъ и за возможностью или вѣроятностью непріятельскихъ нападений, во время сего перехода.

Тактика, при составленіи колоннъ изъ войскъ разнаго рода, имѣетъ въ виду два главные предмета: 1-е) безопасность дорогъ и движеній, 2-е) удобность и покой для войска. Сія двоякая цѣль достигается въ такомъ случаѣ, когда мѣстоположеніе открыто, и колоннамъ предшествуетъ конница; но гдѣ оно гористо и вынуждаетъ пѣхоту слѣдовать впереди колоннъ: тамъ удобность сія исчезаетъ; опъ того и цѣль въ одномъ только отношеніи исполнена.

Изъ сихъ двухъ главныхъ предметовъ, безопасность составляетъ первый, а удобность второй.

Движенія бываютъ наступательныя и оппупательныя. Каждое изъ нихъ, въ своихъ оппупеніяхъ, пребуеуъ особенныхъ и нерѣдко совершенно проотивныхъ мѣрѣ, при шакпическомъ распредѣленіи коихъ, необходимы постоянное вниманіе и шочность въ подробноспяхъ; ибо малѣйшее упущеніе можеуъ имѣуъ слѣдспвіемъ самыя большіе беспорядки.

Одна изъ запруднительнѣйшихъ задачъ состоиуъ въ шомѣ, какимъ способомъ ушпроиуъ съ порядкомъ движимосуъ и движенія шѣхъ огромныхъ обозовъ, копорые обыкновенно обременяюуъ и запрудняюуъ арміи.

Всоще, фурушпауъ при войскахъ еще не ушпроенъ шакъ, какъ бы слѣдовало: въ иныхъ арміяхъ образование онаго посредспвенно; въ другихъ съ большими даже недоспашками.

Офицерскіе обозы, — копорыхъ не можеуъ быуъ довольно мало, спараясь слѣдовауъ за своими полками, пробираюуъ между колоннами и запрудняюуъ ихъ ходѣ, между шѣмъ, какъ пошребности нынѣшнихъ большихъ арміи, справедливо шакъ называемыхъ, — превосходя каждое исчисленіе, сами собою достапочно, штобы покрыуъ и заперешъ всѣ дороги.

Одни уже паркы съ боевыми снарядами нерѣдко препяшспвуеуъ движенію войскъ Но безъ нихъ нельзя обойшися.

Когда же, сверхъ шого, приспанууъ къ арміи въ необозримыхъ колоннахъ, везомые съ

величайшими издержками подвижные магазины, нерѣдко съ захлою и къ употребленію не годною мукою; но таковыя только вредящъ и шягопящъ войска и землю, чрезъ копорую проходящъ.

Огромныя спада воловъ, по той причинѣ мало полезны, что не могутъ поспѣвать за войсками; погибая на большихъ дорогахъ, они заражаютъ воздухъ и вообще весь скопъ той земли, чрезъ копорую ихъ прогоняютъ.

Подвижные магазины не должны заключать въ себѣ сѣбстныхъ припасовъ болѣе, какъ на чепверо сушкѣ. Припасы же сіи должны состоять изъ сухарей, крупъ, ржи, овса и водки, и укладываются, какъ можно шуже на фуршпашскія повозки; весь прочій обозъ уничтожается — и тогда армія въ движеніяхъ своихъ свободна.

Сверхъ того, солдатъ самъ на себѣ можетъ нести чепырехдневный провіантъ; симъ способѣмъ армія будетъ всегда имѣть на восемь дней продовольствія.

Съ симъ количествомъ запасовъ, когда къ тому еще источники земли употребляются благоразумно и дѣльно, возможно произвестъ всякое скорое дѣйствіе.

Все сіе относится до движеній въ Европѣ, и то въ обитаемыхъ ея земляхъ—въ походахъ же противъ Турокъ и въ Азіи система войны совершенно иная.

Рядъ операцій составляетъ войну; послѣ каждой операціи, нѣсколько дней нужно отдохновенія, даже и тогда, если никакого сраже-

ня не было: ибо силы челоѡѡка имѡютѡ свои предѡлы.

Во время сего отдыѡа, возобновляются боевые снаряды и пополняются сѡѡспные припасы—вѡ оборонительной войнѡ изѡ магазиновѡ; вѡ наступательной изѡ завоеванных мѡстѡ и областей.

Сѡ шѡхѡ порѡ, какѡ арміи, исключая Англійскую, перестали соспавляться изѡ иноземныхѡ, вербованныхѡ солдатѡ и сѡблались, пакѡ сказать, народными; сѡ того времени оказалась невозможность, среди роскошной и во всемѡ изобильной земли, ограничить солдата одними сухарями, шѡмѡ менѡе, что вѡ день сраженія, и вѡ часѡ рѡшительный, когда нужна вся сила и всѡ добродѡтели его: бодрость и крѡпость шѡла, духѡ воинственный, любовь и благодарность кѡ Государю и кѡ Опечесству, мы, вѡ замѡну оказанныхѡ о немѡ попеченій, приобрѡщаемѡ право смѡло пребывать онѡ него исполненія священныхѡ обязанностей, и сими благородными чувствованіями одушевлять его на храбрые подвиги.

Воинская строгость или дисциплина, состоитѡ не вѡ шомѡ, вѡ чемѡ полагаютѡ обыкновенно: обыватель называетѡ воинскую строгость и военнымѡ порядкомѡ то, когда начальникѡ обращается сурово сѡ солдатомѡ и принуждаетѡ его довольствоваться однимѡ сухарями. Спрадаетѡ ли армія отѡ усталости, отѡ недостатка необходимой пищи, отѡ продолжительныхѡ осеннихѡ и зимнихѡ биваковѡ, уменьшается ли она отѡ заразительныхѡ бо-

лѣзней, упадаетъ ли духъ, а съ тѣмъ и вся сила ея. . . . обывашель на сіе не смопришъ. — Чувствуя одну пягость наспоющей минушы, онъ не взираетъ на послѣдствія, копорыхъ жершвою неминуемо самъ содѣлаешся. . . . онъ не видитъ въ солдата челоѡка, изнуреннаго ненасъемъ, голодомъ и жаждою, копорый соверша опасные и тяжкіе труды, ищетъ пріюша и отдохновенія, копорого гостепрїимное привѣшствіе, пища, хоша простая, но опъ добраго сердца данная, всегда довольствуешъ и веселитъ: ибо веселость и умѣренность суть главныя чершы воина; — но обывашель судитъ иначе.

Обывашель видитъ въ солдатахъ буйную, дикую толпу, предназначенную для наказанія, для ошягощенія земли; онъ принимаетъ солдата сухо и грубо. . . . даетъ ему, что по положенію предписано; но скупо, пищу неопрятно и безъ вкуса прагошовленную, не приправляешъ ее ласковымъ словомъ, не вознаграждаетъ его за скудную пищу радушіемъ; — однимъ словомъ, обывашель всегда самъ виноватъ, если солдатъ, наконецъ, спановишся суровымъ и взыскашельнымъ.

Испинная дисциплина есть тотъ уставовленный для войскъ порядокъ, посредствомъ коего они оспіаюшся всегда въ кругу своихъ обязанностей, вѣрны присягѣ, безпрекословно послушны уставу; исполняютъ приказанія слѣпо и не оспанавливаясь препяшствіями; дисциплина есть то благородное постоянство, копорого ни угрозы, ни спрахъ близкой и не-

минуемой смерти не можетъ поколебать; — по высшаго рода хладнокровіе, которое ни въ какомъ случаѣ не перяетъ присущія духа, сохраняетъ всегда въ рядахъ успройство, шину и по цѣлое, которое дѣлаетъ ихъ неприсупными. — Я называю дисциплиною, соединеніе всѣхъ нравственныхъ силъ, въ шой высокой степени, въ которой оно всѣ физическія силы себѣ подчиняетъ.

Прекрасно и достойно высокаго званія человека, спараніе Полководца заслуживъ приверженность шой страны, которая по несчастію, сдѣлалась театромъ войны; но если сія приверженность куплена на счетъ изнуренія воиновъ: по доброта его сердца ни что иное, какъ слабость — и онъ попираетъ ногами главнѣйшую изъ своихъ обязанностей.

Полководецъ тогда только выходитъ на сцену, когда война уже неизбежна. Упреки, несчастіе, вопли народовъ и опустошеніе земель не опносятся къ нему; онъ не опвѣстствуетъ за горестныя послѣдствія и за неразлучныя съ войною всякаго рода бѣдствія. Употребляемый Государствомъ, какъ крайнее средство, какъ чрезвычайное орудіе для достиженія великой цѣли, онъ опдѣленъ опъ опальной рода человеческого и, съ своею арміею, составляетъ особую часть свѣта.

Если Полководецъ щадитъ народъ и землю, по это предпочтительно съ шѣмъ, чтобы пользоваться способами и богатствами ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ найдетъ для души своей величайшее упѣшеніе, если успѣетъ до-

стигнуть своей цѣли, не опустошая земли; но если другая, важнѣйшая цѣль, иногда имѣ однимъ постигаемая, заставляетъ его сдѣлать проливное; то онъ безъ гнѣва, хладнокровно, какъ будто бы самъ чуждый, но рѣшительно и рукою непоколебимую, все вокругъ себя предаешь мечу и превращаешь въ пепелъ.

Полководецъ—въ военное время—выше человека; но съ водвореніемъ мира, онъ опять принадлежитъ человѣчеству.

Искусство производишь кѣницею движенія, какъ маневръ, имѣешь при главныхъ предметахъ.

А) Строишь линію или фронтъ изъ сомкнутыхъ частей, (Деплояда).

В) Дѣйствовать фронтомъ по всѣмъ направленіямъ.

С) Сверпывать фронтъ въ сомкнутый строй (поспроеніе колонны).

А.) *Деллояды.*

Войска приходятъ на мѣсто сраженія не иначе, какъ въ колоннахъ. Здѣсь представляются три случая: или 1-е) непріятель уже занялъ мѣсто сраженія, или, 2-е) онъ занимаетъ его въ одно время съ нами, или въ 3-хъ) мы на томъ мѣстѣ намѣрены ожидать непріятеля.

Въ 1-хъ, если мы находимъ непріятеля, уже совершенно построенымъ въ боевой порядкѣ; то должно не теряя времени, подъ прикрытіемъ всего авангарда, осмотрѣть непріятельскую позицію и обыскать тѣ точки,

на которыя удобнѣе произвествъ нападеніе: почки сіи называются ключами позиціи.

Командующій всею Кавалерією всегда лично долженъ находиться при сихъ обзрѣніяхъ, дабы потчасъ получить ясное понятіе о расположеніи непріятельскихъ войскъ и вообще о мѣспности.

Начальникъ Кавалеріи получаетъ отъ главнокомандующаго изъ двухъ приказаній одно: или потчасъ атаковать, или, не входя въ ручной съ непріателемъ бой, ограничиться удержаніемъ его въ бездѣйствіи.

Въ первомъ случаѣ, то есть, когда приказано ему атаковать, то онъ весь расчетъ свой основываетъ на силѣ удара, а потому не уважаетъ непріятельскихъ орудій и деплоируетъ, оставляя между эскадронами первой линіи самыя малые промежутки (интервалы), т. е. не болѣе 15 шаговъ.

Во второмъ случаѣ, когда онъ имѣетъ въ виду не наносить ударовъ, а только угрожать непріятелю: тогда интервалы могутъ быть проспраннѣе, и онъ обязанъ спавить войска свои въ пушечнаго выстрѣла.

Кто намѣренъ потчасъ, по сформированіи линіи своей, произвествъ атаку, потъ долженъ спараться быстрою деплоядою изумить непріятеля и обскакать одинъ изъ его фланговъ: движенія, которыя обыкновенно пригопвляють побѣду и облегчаютъ ее—и которыя *Фридрихъ Великій*, чаще и искуснѣе всѣхъ, производить умѣлъ.

Въ подобныхъ дѣйствіяхъ является Кавалерія во всей своей силѣ и блескѣ.

Прусская Кавалерія, подѣ предводительствомъ Генерала *Зейдлица*, рѣшила сраженіе подѣ Росбахомъ единственно внезапною и быстрою, съ каковыми она выстроила фронтъ въ виду непріятельскихъ колоннъ.

Во 2-хъ, Когда войска занимаютъ мѣсто сраженія въ одно время съ непріателемъ: то и тогда имѣетъ Полководецъ полную свободу избрать и выстроить войска удобнѣйшимъ боевымъ порядкомъ, пользуясь на каждомъ шагу мѣстоположеніемъ, и примѣняя къ оному свои движенія.

Въ такомъ случаѣ, конница участвуетъ въ сраженіи съ самаго начала; ибо тогда съ обоихъ сторонъ равно стараются, посредствомъ скорыхъ депоудъ и, еще скорѣйшихъ движеній, занять всѣ впереди лежація высоты и равнины. Извѣстно, какое иногда счастливое вліяніе имѣетъ на ходъ главнаго сраженія благовременное оныхъ занятіе.

Начальникъ Кавалеріи обязанъ имѣть въ виду расположеніе своихъ линій такимъ порядкомъ, чтобы онѣ могли служить для сей арміи густою завѣсою, позади которой ей было бы способно окончить свое построеніе.

Въ 3-хъ, Когда мы избираемъ мѣсто сраженія, на которомъ намѣрены ожидать непріятеля: тогда вся удобность развертыванія колоннъ — очевидно бываетъ на нашей сторонѣ.

В). Движеніе линій.

Линія или фронтъ бываетъ:

1-е), Прямый, когда фронтъ расположенъ параллельно фронту непріятельскому.

2-е), Косвенный, когда фронтъ составляетъ уголъ съ фронтомъ непріятельскимъ.

3-е), Выпуклый, если мы подвигаемъ оба фланга впередъ и удерживаемъ середину, или наша середина дѣйствуетъ наступательно, а фланги оцъ того уклонены; первое составляетъ внутреннюю, второе, наружную дугу, или линію на центръ вдающуюся, и линію оцъ центра уступающую.

1-е, Движенія прямымъ фронтомъ бываютъ: движеніе впередъ, движеніе назадъ и рѣшительное движеніе атаки.

При маршѣ фронтомъ прямо, поставляюцца первымъ условіемъ вѣрность и единообразіе аллюра, а необходимымъ закономъ—спокойствіе, пишина и сомкнутость рядовъ.

Многіе полагаютъ въ сраженіи излишнимъ и называютъ педанствомъ, строгое въ самыхъ мѣлочахъ наблюденіе правилъ, предписанныхъ уставомъ; но такъ судятъ или невоенные люди, или люди, которые хотя и въ службѣ, но еще не обняли всей обширности военнаго ремесла, во всѣхъ отношеніяхъ на постепенности и на строгомъ порядкѣ основаннаго, и въ которомъ упущеніе малѣйшей части влечетъ за собою распройство цѣлаго.

Для военнаго человекъ не можетъ быть зрѣлища важнѣе, какъ во время жаркаго сра-

женія плавное и подѣ ядрами правильное движеніе прямого фронта: непоспозимая пропозвоположность шишины и покоя сѣ губишельными громами смерши и ужасами ея, и высочайшая спепенъ храбросши и военного успроисства!

Ашакя должна бытъ главнымѣ движеніемѣ конницы; она имѣетѣ предметомѣ общій ударѣ, или напискѣ; напискѣ же естѣ послѣднее и чрезвычайное усиліе кавалерійскаго фронта.

Вѣ постепенной быспротѣ ашакы и вѣ вѣрномѣ направленіи ея заключаешся успѣхѣ написка.

Чѣмѣ пропяженнѣ ашакующая линія, тѣмѣ менѣ дозволено спѣшишь.

Находясь вѣ 300-хѣ шагахѣ опѣ непріятеля, ашакующая линія переходишь вѣ рысь; сему движенію предшешествуетѣ команда: укороши поводья! кѣ ашакѣ! оспріе впередѣ! сигналѣ кѣ галопу даешся во спа шагахѣ; галопѣ должно прибавляшь по мѣрѣ сближенія сѣ непріятелемѣ; вѣ 30 или 50 шагахѣ, пускающся по командѣ вѣ каріерѣ.

Изѣ двухѣ начальниковѣ обыкновенно храбрѣйшій оспанется побѣдителемѣ; ибо вѣроятно, что личная его храбросшь послужишь примѣромѣ для всего войска.

Реширада производится: или успупами, или ан-эшекѣ, на топѣ конецѣ, чтобы при оспупленіи одной части фронта, другая часть пропозвостояла непріятелю и удерживала его.

Никогда во время оспупа не должно допускать, чтобы непріятель насѣ ашакowałъ;

напрошивъ того , какъ скоро мы усмотримъ, что онъ къ тому готовишься, то слѣдуетъ поспѣшнѣ предупредить его и произвести ударъ со всевозможнымъ порывомъ; не съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ удачи заняться преслѣдованіемъ, а единственно съ тѣмъ, чтобы опрокинувъ его, съ большимъ порядкомъ продолжашь свой отступъ.

Сіе должно быть принято всею кавалеріею за неизмѣнное правило: соблюденіе онаго чрезвычайно важно, и неоднократно спасало преслѣдуемыхъ отъ совершеннаго истребленія — но всегда ли бываетъ оно удобо-исполняемо?... Всегда — памъ, гдѣ войска храбры и начальники рѣшительны.

Англійская Королевская конная Гвардія, при отступленіи Герцога *Веллингтона* на позицію подъ Ваперло въ $\frac{17}{8}$ день Іюня 1815 года, бывъ тѣсна Французскою Кавалеріею, произвела блестящую на нее атаку: всѣ Французскіе передовые эскадроны были опрокинуты и въ преслѣдованіи останвлены.

Во время репиреды болѣе, нежели въ какомъ другомъ случаѣ, надобно заспавишь неприятеля уважать себя.

Если для наступательныхъ движеній потребно все превосходство блестящихъ дарований: быстрота, прозорливость и опважность; то при отступательныхъ дѣйствіяхъ, еще въ большей мѣрѣ, необходимы въ Предводителѣ рѣшимость и присущствіе духа, презрѣніе опасностей, мужество непоколебимое, великодушіе и собою жертвующее.

2-е, Движенія косвеннымъ фронтомъ производятся успунами:

Сіе движеніе, посредствомъ котораго одно крыло отъ непріятели успраняется, между тѣмъ, какъ другое прошивъ него дѣйствуешь, было всегда почитаемо удобнѣйшимъ для кавалеріи.

Успунами можно долго обманывать непріятели на счетъ своихъ движеній, и маневрировать во всѣ стороны, не удаляясь далеко отъ первоначальной своей линіи.

Успунами удобно производить нечаянныя атаки, не теряя своего главнаго боеваго порядка.

Успунами легко обскакашь одинъ изъ фланговъ непріятельскихъ, угрожая въ одно и то же время всю протяженностъ его фронта; безопасность собственныхъ своихъ фланговъ и удобностъ дѣйствовать по произволу частями фронта, не распроявая его и перемѣнять его непримѣтнымъ образомъ во всѣ стороны: вошъ главныя преимущества сего построенія.

При отступѣ, можешь быть употребляемы успуны съ равнымъ успѣхомъ: доказательствомъ тому—служашъ маневры Французской арміи при Маренго 1800-го года, $\frac{1}{2}$ Іюня. Маневры сіи, вообще заключающъ въ себѣ богатѣйшіе для военнаго искусства уроки и заслуживаютъ удивленіе!

3-е, Полукружныя боевыя порядки также составляютъ изъ успуновъ:

Движеніе впередъ успунами съ обоихъ фланговъ, составляетъ на центрѣ вдающуюся линію.

Движеніе впередѣ уступами изѣ середины образуетѣ отѣ центра уступающую линію.

Какѣ то, такѣ и другое движеніе, служатѣ для дѣйствій наступательныхѣ.

Одинѣ изѣ главнѣйшихѣ для кавалеріи маневровѣ есть переѣна фронта.

Сей маневрѣ пошому столь важенѣ, что прошивѣ обхода непріятелемѣ нашихѣ фланговѣ—нѣтъ другого оборонительнаго построенія.

Самая слабая частѣ кавалерійскаго фронта фланги его; по шому, что конницу не можно и не должно, подобно пѣхотѣ, спавить вѣ каре; ибо сей послѣдней послѣ шакаго построенія оспаешся для защиты ея огонь, для кавалеріи же не оспаешся ничего, кромѣ вѣроятности, что если она дождешся непріятельской атаки, то будеш опрокинуша и разстроитѣ весь остальной фронтѣ своей арміи.

Все превосходство кавалеріи состоитѣ вѣ подвижности; вся сила пѣхоты—вѣ ея расположеніи. Отѣ сего то, вѣ конницѣ спараются всегда обойти другѣ у друга фланги, и шотѣ, кому сіе удастся, обыкновенно оспаешся побѣдителемѣ.

Переѣна фронта вѣ передѣ, сѣ вѣрнымѣ глазомѣромѣ и сѣ быспрошою исполненная, шолько же шревожитѣ и угрожаешѣ непріятелю, сколько переѣна фронта назадѣ, обезпечиваетѣ прошивѣ всякаго изѣ его движеній.

Предполагаетѣся произвестѣ изѣ косвенной линіи А—В, атаку правымѣ ея крыломѣ, позади котораго построена колонна изѣ середины

С (первое положеніе); колонна С, сдѣлавъ перемѣну дирекціи на право шупымъ угломъ, де-плоируетъ вправо $a—b$, и шѣмъ самымъ обскакиваетъ лѣвый флангъ непріятельской линіи D, E, (второе положеніе).

Какъ скоро непріятель упустилъ удобное мгновеніе: то не спасушъ его ни храбрость, ни стойкость—и онъ неминуемо будетъ опрокинутъ и разбитъ.

Чтобъ сдѣлать во время опорѣ сей атаки, необходимо, чтобы Предводитель линіи D, E, проникнувъ въ намѣреніе первоначальнаго движенія колонны С, исполнилъ галопомъ съ шрешимъ полкомъ перемѣну фронта косвенно назадъ с b , (шрешіе положеніе).

Движеніе сіе прикрывается фланкерами, которые бѣглымъ огнемъ своимъ должны зашруднять и шрешшвовашъ развершыванію колонны С.

Вмѣстѣ съ сими распоряженіями (четвертое положеніе) принимаетъ полкъ G изъ резерва, построенный изъ середины въ колонну, галопомъ влѣво, поворачиваетъ во фронтъ, миновавъ на полполка лѣвый флангъ своей линіи С, D; шпроишся вправо и влѣво, или, что еще лучше, ударяетъ шощасъ колонною на непріятеля $a—b$.

Въ сраженіи бываюшъ мгновенія рѣшительныя—Полководецъ ознаменовываетъ ихъ блестящими подвигами.

С.) *Построеніе колоннъ.*

Сколь легко и удобно, послѣ счастливо-окончаннаго сраженія свернушъ линіи въ колон-

ны для преслѣдованія, столько же и, еще вѣ большей мѣрѣ, бываетъ затруднительно построение колоннъ къ опспуленію, вѣ виду и подѣ огнемъ побѣдоноснаго непріятели; но истинное дарованіе ни вѣ какомъ случаѣ не можетъ лучше показаться во всемъ своемъ блескѣ, какъ вѣ семъ движеніи.

На опкрышомъ мѣстоположеніи, Кавалерія прикрываетъ опспуленіе арміи.

Чѣмъ ближе подходитъ время, когда самой Кавалеріи опспупать, тѣмъ для нее становится нужнѣе хладнокровіе и самонадѣянность.

При опспупѣ фронтомъ и линією, уже сказано выше, какими движеніями и вѣ какомъ порядкѣ проходитъ должно равнины и опкрытые поля. Если же позади находящаяся тѣснина (дефилеи): то полки по очереди строящаяся вѣ колонны назадъ, но не прежде, какъ уже извѣщены будутъ, что армія миновала дефиле.

При сихъ построеніяхъ, необходимо держать непріятели вѣ недоумѣніи и обманывать его на счетъ своихъ движеній, прикрывая себя густою цѣпью фланкеровъ.

Здѣсь-то для Кавалерійскихъ полковъ опкрыто обширное поле: на немъ могутъ они съ пользою и славою показаться все свое искусство вѣ эволюціяхъ.

Когда линія была расположена параллельно съ дефилеєю: то полки проходятъ оный съ фланговъ назадъ; опъ ширины дефиле зависитъ назначеніе частей, имѣющихъ соспавлять длину колонны; если вѣ сіе время непріятели, какъ того

ожидать должно, участишь свои напски до пакой спенени, что покажешся невозможнымъ совершишь всѣми полками опспупленіе чрезъ дефиле, по часъ войскъ должна сдѣлать ашаку и стараться опразить непріателя, жершвуй иногда великодушно собою, между пѣмъ, какъ все прочее проходишь и спасаешся за пѣсноюю.

При реширадахъ, скоро узнаемъ, какое зло причиняюшь многочисленныя обозы. Во избѣжаніе отъ нихъ препятшвей и пагубныхъ оспановокъ—необходимы строгія приказанія и строгіе Офицеры, безъ всякаго пошворшва ихъ исполняющіе.

Чѣмъ болѣе позади линіи находишся удобныхъ для колоннъ дорогъ, тѣмъ болѣе облегчается и реширада (*).

Безъ конницы всякая реширада запруднипельна. *Ксенофонтъ* испышалъ истину сію въ полной мѣрѣ, при достпопамятномъ опспупленіи своемъ съ 10.000 Грековъ. Въ уваженіе того, что окружавшіе его непріатели безпрестанно его превожили и испощали его войска; что походъ его пѣмъ оспанавливался и что, по собственному его выраженію, *безъ конницы при лобдѣ нисго не лъзя вышратъ, при неудатѣ же можно все потерять*, въ уваженіе всего эшаго, составилъ онъ самъ себѣ Кавалерію, выбравъ изъ

(*) Само собою разумѣшся, что колонны всегда должны оспавашся въ возможности подкрѣпляшь одна другую.

въючныхъ и Офицерскихъ лошадей лучшихъ, и посадивъ на нихъ храбрѣйшихъ своихъ воиновъ.

Французы приписываютъ одному недостатку въ конницѣ всѣ бѣдствія, претерпѣнныя ими при ретирадѣ 1812 года.

Пер. съ Нѣм. *Лакманъ.*

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ПАЖЬ ГЕРЦОГА ФРИДЛАНДСКАГО.

Историческая повѣсть; соч. *Тролица.*

(Продолженіе).

Съ пошаненнымъ фонаремъ въ рукѣ, въ бальномъ платьѣ, Графиня шла по длинному корридорю къ башнѣ, обипели звѣздочеша *Сени*. Тихонько входя на лѣстницу, она не мало испугалась, когда увидѣла спящаго челоуѣка у входа въ его комнашы, сего свяпилища, къ которому никакой незваный подойпи не опваживался. Она оспорожно посвѣшила спящему въ лице, и узнавъ въ немъ *Роткирха*, крайне изумилась. Тупѣ она увидѣла въ рукѣ его розу, которую держалъ онѣ прижавъ къ сердцу. — Улыбаясь, наклонилась она, оспорожно взяла цвѣшокъ и шихо посшучалась въ дверь аспролога. „Сей часъ, любезный Пажъ!“ вскричалъ старикъ изнупри, шихо опворилъ, и не мало удивился, когда увидѣлъ предъ собою Графиню,

которая, указывая на спящего, кивала ему въ знакъ того, чшобы онъ не говорилъ громко, и шопопомъ передала ему приказъ Герцога.

Сени заперъ дверь и пошелъ съ Графинею. *Георгъ* все спалъ преспокойнымъ сномъ.

„Сегодня спояніе планетъ было благопріятно,“ сказалъ *Сени*: „Марсъ находился съ Юпитеромъ въ самомъ лучшемъ согласіи; сегодня во вшоромъ часу по полуночи случилось нбчто великое.“

— Можетъ быть! — вздохнула Графиня.

„Все, что сегодня мой повелитель предпринялъ, будетъ ему во благо!“ продолжалъ *Сени*.

— Едва ли!—невольню вырвалось у Графини.

„Вы, Графиня!“ продолжалъ *Сени*, идя съ нею по длинному корридору: „не вбрите вліянію созвбздій. Я это знаю, и при всемъ шомъ я гадалъ на гороскопъ о вашей будущей судьбб.“

— И что предсказалъ гороскопъ? спросила Графиня насмбшливымъ голосомъ.

„Позвольте мнб объ этомъ умолчать,“ важно ошвбтспшвовалъ аспрологъ: часто судьба соспрадашельно накидываетъ благодбнешельный покровъ на будущность людей; и однимъ шолько посвященнымъ въ шаинспва природы она дблается зримою.“ Онъ взошелъ на поштенную лбспницу, и ошавилъ Графиню одну въ галереб.

— Сшранно! — сказала она: всб сіи шаинспвенныя пущяки я почишаю за обманъ и шарлапанство и, не смотря на то, дивнымъ образомъ поразили меня слова Ишальянца.

Разумѣется! — Кто, какъ мы, споишѣ надѣ бездною, того превоживѣ малѣйшій шорохѣ, хопя бы вѣшка надѣ его головою пошевелилася. Но эша роза, продолжала она: копорую сняла я съ груди соннаго *Роткирха*, — не уже ли? . . . Конечно, безѣ сомнѣнiя! Эшо одна изѣ двухѣ подаренныхѣ дочери моей сегодня *Гуасто*. Такѣ конечно: розы теперь рѣдки. —

Она пошла по освѣщеннымѣ еще комнашамѣ вѣ залу: шамѣ еще гремѣли прубы и лишавры, и раздавались скрипки и флейшы. *Герцогъ* удалился; но празднество продолжалося; зная, что онѣ всегда рзно уходивѣ, никто эшому не удивился; также и отсутствiе *Графини* никѣмѣ не было замѣчено.

Опяшѣ вошедѣ, она увидѣла что *Матильда*, рука съ рукой спояла съ юною *Марiєю Елисаветою* передѣ *Герцогиней*. *Матильда* почпипшельно внимала рѣчамѣ своей Свѣплѣйшей шетки, а юная *Марiя* нешерпѣливо ожидала минушы, когда машь кончивѣ, дабы снова съ какимѣнибудь спашнымѣ кавалеромѣ облешашѣ залу. *Графиня Терчки* подошла къ нимѣ. — Но когда дочь увидѣла розу вѣ рукѣ мащери, и когда сiя послѣдняя безмолвно подала ей цвѣшюиѣ, она сама заалѣла какѣ роза.—Поцѣловавѣ у мащери руку, и, запинаясь, хопѣла что - шо сказашѣ, но *Маркизь-дель-Гуасто* прибѣжалѣ къ дамамѣ и колкимѣ, выразишельнымѣ голосомѣ свросилѣ *Матильду*: чья спашливая рука нашла поперянную розу? —

„Рука моей любезнѣйшей маминьки,“ отвѣчала *Матильда*: „какѣ я рада, господинѣ *Мар-*

кизь, что получила розу изъ такихъ драгоценныхъ рукъ.“ Она поклонилась и вшорично поцѣловала у машери руку ; но когда взглянула вверхъ, *Роткирхъ* споялъ передъ нею, и неподвижнымъ, почти дикимъ взоромъ смотрѣлъ на розу, копорую она, опустивъ глаза въ землю, приколола къ груди, вмѣстѣ съ другими цвѣтами.

Гости разѣѣхались ; зала опустѣла ; восковыя свѣчи догорали, *Роткирхъ* все еще споялъ прислонясь къ колоннѣ, и вперялъ неподвижный взоръ на дверь, входя въ копорую, *Матильда* еще разъ оглянулась и на него посмотрѣла, какъ бы въ знакъ безмолвнаго прощанія. Наконецъ, подошелъ къ нему Гофъ - фурьеръ и сказалъ ласково: развѣ вы не хошите почивать ? Я спану гасить свѣчи и запру комнапы ! О отдохните отъ трудовъ нынѣшняго дня, и усните сладко. — Покойной ночи ! —

Камеръ-лакеи гасили одну свѣчу за другою ; — медленно *Георгъ* сошелъ съ мраморной лѣспницы. — Идти въ свою комнапу и лечь, было въ сію минушу для него невозможно. „Еще развѣ хочу испытать мою судьбу, копорая столь коварно похишила у меня розу, сей небесный залогъ !“ воскликнулъ онъ, и посмотрѣлъ на темное окно въ аспрологовой башнѣ : „онъ спитъ, но я разбужу его !“ Въ темнотѣ, онъ ощупью взшелъ на лѣспницу, и постучался въ двери ; но никто не откликался ; онъ постучался еще крѣпче. — Ни звука, ни шороха не было слышно ; вдругъ показался свѣтъ внизу

круглой лѣспницы, слышались тихіе шаги, явился аспрологъ, и посвѣшилъ *Роткирху* въ распроенное лице: А, это вы, любезный Пажъ, вы все еще здѣсь? сказалъ *Сени*: я думалъ, что вы давно ушли спать; но вы здѣсь выпались, и потому-то вамъ теперь не спится. Прощайте! желаю вамъ покойной ночи! — —

„Нѣтъ,“ вскричалъ юноша съ жаромъ: вы не развѣ мнѣ обѣщали составить мой гороскопъ. Нынѣшній день, я чувствую, есть важный день моей жизни, сегодня благосклонная судьба подарила мнѣ драгоценность, а злая опять изъ рукъ вырвала. Сегодня, сію минушу, скажите мнѣ мое будущее, умоляю васъ!“

Спарецъ-аспрологъ пошаривъ фонаремъ посвѣшилъ Пажу въ пылающее лице; улыбнулся, вытащилъ ключъ изъ кармана, и отворилъ дверь. Войдите, молодой человекъ! сказалъ онъ: я исполню ваше желаніе! — Онъ зажегъ большую лампу, отъ коей разлилось по комнатамъ тихое, необыкновенное мерцаніе.

Садитесь! — продолжалъ онъ, указывая на высокія креслы, на коихъ вырѣзаны были различныя безобразныя фигуры.

Роткирхъ сѣлъ, и между тѣмъ, какъ *Сени* уходилъ въ боковую комнату, онъ могъ вниматель-но рассмотреть свяпилице, до сихъ поръ ему недоступное. Книги, ландкарты, астрономическіе инструмен-ты разбросаны были на малень-кихъ столикахъ. Огромный зодіакъ шянулся по своду потолка; въ каждомъ углу комнаты споялъ человѣческой осповъ; на карнизѣ высокаго камина вырѣзаны были изъ дерева чудныя вещи,

чада игриваго воображенія. Впрочемъ, все было такъ какъ и во всѣхъ шайникахъ людей ученыхъ: вездѣ безпорядокъ и неопрятность. — Аспрологъ возвратился съ открытою головою, въ черной длинной одеждѣ, опоясанной золотымъ широкимъ поясомъ. Въ рукѣ держалъ онъ небольшой бѣлый жезлъ. Онъ безмолвно спалъ прошивъ юноши, разсмапривалъ его долго, пронцашельнымъ, испышующимъ взоромъ; попомъ сказалъ: знай, молодой человекъ! что наша судьба ввѣрена двумъ Ангеламъ, по волѣ того непоспимаго Существа, которое въ сильной десницѣ своей держитъ вселенную. Одинъ изъ нихъ пупеводствуетъ судьбу нашу въ нѣсномъ кругу внутренней, другой въ обширномъ кругу внѣшней жизни! Оба ведутъ человека, хоща и различными пупями, къ двумъ предѣламъ земнаго спранспвованія: къ счастью или несчастью!—въ небо или въ адъ!—Часто они вспрѣчаются у самой цѣли, часто никогда. — *Георгъ Роткирхъ*, пы, который стоишь предо мною, испышуй шайны сокровенной будущности, — говори! котораго изъ Ангеловъ долженъ я спросить? Оба повинуются моему гласу. —

„Того, который руководствуетъ мою внутреннюю жизнь!“ сказалъ *Роткирхъ*—и вздрогнулъ. Сосрадашельная улыбка пробѣжала по лицу Аспролога; онъ обернулся и вошелъ въ боковую комнашу. — Когда, черезъ нѣсколько времени онъ возвратился, юноша споялъ съ поникшею головою, въ глубокой думѣ, рука его была крѣпко прижата къ сердцу.

Георгъ Роткирхъ!—вскричалъ ему Сени, и юноша пробудился изъ своихъ мечпаній. — Ты хотѣлъ изгнать того Духа, который обитаетъ въ твоёмъ сердцѣ, боясь, что онъ обнаружилъ мнѣ свои сокровеннѣйшія чувства, и потому ты невольно прижалъ руку къ сердцу: напрасно! Изъ твоего духовнаго ока прозираетъ сей Духъ: опшуда, онъ не разъ уже открывалъ мнѣ спящееся въ твоей груди! Подобно какъ Духъ обширной внѣшней жизни говоритъ со мною въ звѣздахъ и планетахъ небесныхъ: Духъ внутренней жизни бесѣдуетъ въ звѣздахъ твоихъ звницъ. Съ обоими я совѣщался! Твой гороскопъ... — —Роткирхъ быспро подошелъ къ аспрологу и хотѣлъ говорить: —

— Назадъ, на свое мѣсто! Вскричалъ ему старецъ съ негодованіемъ: молчи—и не мѣшай мнѣ!—Одна только та сила, которая непостижимо связуетъ человѣка съ человѣкомъ, та сила, которая съ первой минутой нашего знакомства, таинственно влечетъ меня къ тебѣ, принуждаетъ меня поднятъ для тебя завѣсу. Внимай и безмолствуй! —

Высоко поднявъ жезлъ надъ своей обнаженной опъ волосъ головою, и проспирая его ко всѣмъ странамъ свѣта, онъ наконецъ основилъ его надо остовомъ, который споялъ къ Востоку. Вперивъ черные, сверкающіе глаза свои на юношу, онъ началъ громкимъ, торжественнымъ голосомъ: „Спранствующій рыцарь! впередъ! перебирайся черезъ скалы и ущесы, низвергайся въ шумящія волны нагорнаго пошока, сражай гиганшовъ и драконовъ,

восходи! Пренебрегай язвы отъ колючаго перня и острыхъ скалъ, язвы, нанесенныя тебѣ исполинами, пройди сквозь пламя, изрыгаемое драконами. Вверхъ! вверхъ, смѣле мой бодрый рыцарь! Тамъ на высотѣ стоишь она, прелестная роза;—отважный прыжокъ черезъ бездонную пропасть, тебя отъ нее отдѣляющую. — Поздравляю! Счастливо совершилъ ты свой опасный путь: смотри, она къ тебѣ наклоняется;—ты проспираешь къ ней руку!—

Опусти теперь завѣсу, сострадательный Духъ!—вскричалъ *Сени* распроганнымъ голосомъ и преклонилъ жезлъ,—глаза его съ умилениемъ покоились на юношѣ.

„Подыми завѣсу!“ — воскликнулъ *Георгъ* съ воспоргомъ: „подыми ее *Сени!*“ — и кровь его бурно взволновалась въ жилахъ: „я проспиралъ къ ней руку.“

Аспрологъ отъ усалоспи бросился въ креслы, и опушилъ съдую голову на руку. — Юноша! сказалъ онъ съ живѣйшимъ участіемъ *Георгу*, копорый все еще стоялъ передъ нимъ въ помительномъ ожиданіи, — для нынѣшняго дня довольно. Таящееся за покрѣвомъ принадлежишь другому Духу; швоя внутренняя жизнь сливается съ швоею внѣшнею; касательна сей послѣдней, я долженъ молчать. Только одно могу открышь тебѣ: завтра поштру въ девять часовъ, спупай въ Гостинницу Золотаго Гроза; тамъ найдешь благосклонную руку, копорая поможетъ тебѣ приближиться къ розѣ.

„Въ Гостинницѣ Золопаго Грозда?“ вскричалъ изумленный *Георгъ*. Онъ внезапно вспомнилъ о двухъ закутанныхъ въ плащи незнакомцахъ, коихъ встрѣшилъ ночью въ Капуцинскомъ переулкѣ.

— Покойной ночи, *Роткирхъ!* — сказалъ астрологъ вмѣсто отвѣта, пожалъ ему руку, ласково проводилъ до дверей, и заперъ ихъ за собою. Одинъ стоялъ юноша; мрачно простиралась ночь передъ нимъ, какъ судьба его; одна только роза на крутой вышинѣ сіяла ему Гесперомъ среди густаго мрака.

„И сорву ли ее, и прижму ли ее къ моему сердцу?“ воскликнулъ онъ: „назову ли ее моею?“ — Никогда! — раздалось спрашнымъ голосомъ, какъ будто съ башни. — „Никогда?“ вскричалъ юноша, и лихорадочная дрожь пробѣжала льдомъ по его жиламъ; — онъ опрометью бросился съ лѣспницы, черезъ дворъ, въ свою маленькую комнашку. „Никогда! — Никогда!“ все еще повторялъ онъ самъ себѣ, и ему казалось, какъ будто и здѣсь еще его преслѣдовалъ гремѣщій голосъ страшнѣйшей будущности.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(Изъ Байрона).

О шы, увядшая во цвѣтѣхъ юныхъ дней,
 Не долженъ шягошишь гранишь швоей могилы;
 Пусшь роза ранняя одна цвѣшешъ на ней,
 Когда придетъ весна: пусшь кипарисъ унылый
 Раскинешъ вокругъ нее гусшую шѣнь вѣшвей.

Гдѣ грустный шумъ ручья шебя напоминаешъ,
 Тамъ часшо шяжкую главу печаль склоняешъ;
 Въ раздумѣ, въ горькія мечшы погружена,
 Она и съ робосшью и медленно спупаешъ:
 Бояся швоего нарушишь сладосшь сна.

„Забудь, забудь шоску; ни слезы, ни моленья
 Не могушь роковой судьбины ошврашишь!“
 Но сердце можешъ ли шакъ скоро насладенья,
 И радосшь и любовь и счастье позабышь?
 Ты говоришь: забудь! — О чемъ же самъ вздыхаешъ,
 И шайную слезу невольню ошираешъ?

Пер. А. Кировъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

О дѣва! если какъ видѣнье,
 Какъ сна — минушныя мечшы,
 Въ швоемъ угасну вображенѣ,
 То, можешъ бышь, невольню шы
 Меня въ спранахъ чужбины дальнюй
 Мечшою нѣжною посѣшишь,
 Когда очами спихъ прощальной
 Съ нѣмымъ раздумьемъ пробѣжишь....
 И все забышое явишя
 Бышь можешъ въ памяти швоей,
 И въ ней, какъ Фениксъ, загоришя
 Начальной жизнию своею!

Н. Заборовскій.

Крохитадтѣ.

КЪ ПЯЛЬЦАМЪ К. С. М.

Въ искусствѣ вышивашъ
 Хозяйка здѣшняя соперница съ Милеровой.
 Но мудрено рѣшишь: кошорую бы первой
 Изъ нихъ двухъ должно называшъ?

А. Изм.

Архангелъскѣ.

ЭКСПРОМПТЪ.

Я видѣлъ Царскія палашы,
 Я видѣлъ — рай среди зыбей!...
 Онѣ счастливы!... Какъ богашы!
 Въ нихъ М а т ь Россіи, М а т ь Ц а р е й!
 Души восшоргомъ упоенный,
 Бросаль повсюду жадный взглядъ,
 И слышалъ голосъ полвселенной,
 Сыновъ Россіи — вѣрныхъ чадъ —
 Ихъ слышалъ теплыя молишвы,
 У Бога Вышнихъ алшаря:
 „Храни Ег о, Творецъ! средь бишвы,
 „Храни намъ мудраго Ц а р я!“

Павель Хотяинцовъ.

1828, 12 Іюня.
 Павловскъ
 Въ Павильонѣ розъ.

*Нѣчто объ Издателяхъ Англійскихъ Журналовъ:
Лондонскій Трутень и Бомбайская Каланча.*

Въ нашей благословенной мапушкѣ Россіи не бываетъ такихъ смѣшныхъ пѣшушьихъ дракъ между Журналистами, и такихъ жаркихъ перебранокъ, какъ въ чужихъ краяхъ, особливо въ Англии, гдѣ чернь, спрастная охотница до кулачныхъ боевъ, медвѣжьей справи и полемическихъ бивѣвъ.

Теперь всѣ Журналисты и Газетчики ведутъ войну съ зазорными Издашелями Лондонскаго Трутня и Бомбайской Каланчи.

Первый, часто по привычкѣ, обидѣвшись какою нибудь оспрою шушкою, или замысловатою насмѣшкою своихъ товарищей, и не умѣя опвѣчать шушкою на шушку, готовъ жаловаться на нихъ въ Парламентъ. Въ опмщеніе за это, Издашели Edinburgh Review прозвали его *Литературнымъ ежомъ* Literary Urhin; а Издашели Лондонскаго курьера не величаютъ иначе, какъ Литературнымъ крючкомъ.

Другой, занимаясь прежде Химіею и въ особенноти перегонкою спиртоватыхъ газовъ, вдругъ, почувствовавъ шалантъ порошокъ дичь, записался въ Литературный цѣхъ и завелъ Журнальную лавочку подъ вывѣскою: *Бомбайской*

Каланги въ Золотомъ полѣ. Но, по пословицѣ: *горбатаго исправитъ могила*; онъ всѣ свои сравненія, всѣ риторическія пропы и фигуры заимствуетъ изъ Химическихъ Препаратовъ. Въ его Журналѣ, говоритъ Издатель *Лондонскаго Курьера*, найдете вы „кубъ бумагомаранія, въ „коемъ перегоняетъ онъ слова какъ спиртъ, „посредствомъ паровъ Санскритскаго языка и „сливая въ бочку массивныхъ нарѣчій, закупариваетъ ихъ изобрѣшенною имъ маспикою „шарлапанизма, а потомъ спавитъ эту подмѣсь въ темный подвалъ невѣжества.“

Давно бы такъ!

Наконецъ, Господа Издапели *Сѣверной Пгелы* въ Но 120-мъ, добровольно сознались въ нѣкоторыхъ своихъ невѣрныхъ показаніяхъ; однако же, все еще сердятся на Издапеля *Славянина* за обличеніе, все, по старой привычкѣ своей, сваливаютъ свои ошибки на безвинныя буквы Россійской азбуки. Теперь виноваты *Буки, Вѣдѣи* и *Ша!*

Не понимаю, за что шумѣ гнѣвапесья? Чшо за бѣда, чшо *Гг. Грегъ* и *Булгаринъ* взяли по городу: одинъ у Персіянъ, другой у Турокъ? Имъ же больше славы!

Что сдѣлалось съ *Издателямъ Моск. Телеграфа?*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

„Вѣрьше, *мусье Грипусье*, Издашелю М. Т.;
вы обязаны ему своимъ существованіемъ.

Онъ славно пишешь, переводишь (1)!

Сѣв. Пчела 1825, No 125.

Что сдѣлалось съ Издашелемъ *Московского Телеграфа?* Ужь не принялъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ девизомъ своимъ *рака*, представленнаго на листочкѣ Сѣв. Пчелы въ лицахъ (2)? Печатаешъ, что Кучукъ-Кайнарджскій миръ заключенъ въ 1775 году, тогда, какъ всякому извѣстно, что онъ подписанъ въ 1774! Увѣряешъ, что Султанъ *Селимъ III* потерялъ въ одно время и престолъ и жизнь (3), тогда какъ онъ жилъ цѣлый годъ послѣ сверженія съ Престола! Извѣщаешъ, что онъ купилъ 800 экземпляровъ Поэмы Делиевой: *Слуды*, переведенной Г. Воейковымъ (3), тогда какъ сей книги печатано было только 600 экземпляровъ (5)! Куда дѣвались его высшіе взгляды, выводы? Не уже ли онъ промоталъ свой невещественный капиталъ?

Мы заранѣе отгадываемъ, что Кучукъ-Кайнарджскій миръ причтется къ опечашкамъ, такъ какъ взятіе Шумлы храбрымъ его союзникомъ Г. *Бумаринымъ*, что въ разсужденіи старинной шутки о залежалыхъ книжкахъ пе-

(1) Горе ошь ума, соч. А. С. Грибоѣдова.

(2) Сѣв. Пчела 1825, No 133.

(3) М. Т. 1828, Кн. XIV, стр. 190. (4) М. Т. Кн. XIV, стр. 127. (5) Объ этомъ легко справишься въ Медицинской типографіи.

ревода Г. Вейкова, онъ скажетъ, что ему далеко наводитъ объ этомъ справки; но чѣмъ оправдается онъ въ преждевременномъ убійствѣ Турецкаго Султана *Селима III*, котораго умершвилъ онъ годомъ прежде, чѣмъ Янычары? Самые Янычары были чловѣколюбивѣе Издашеля М. Т.! Пусть онъ послушаетъ здѣсь, какъ это происходило; учись не стыдно; не лзя бытъ *Всецѣдайкою*, особливо въ Испоріи; ей учатся, ее не опгадываютъ.

„Когда Русскія войска заняли Молдавію и Валахію (1806), Турція объявила войну Россіи (18-го Дек. 1806). Гупъ обнаружилось изнеможеніе Опшоманской Имперіи. Англійскій флотъ прошелъ чрезъ Дарданельскій проливъ (8 Февр. 1807) и явился предъ Константинополемъ; но Французскій Посолъ Генералъ *Себастьяни* овладѣлъ духомъ Дивана и раздражилъ Турецкую чернь прошивъ Англичанъ. Между тѣмъ, Россіане одерживали побѣду за побѣдою, брали крѣпость за крѣпостью. Буйные Янычары взбунтовались и (17-го Мая 1807) *Селимъ III* сверженъ съ престола, а *Мустафа* провозглашенъ Султаномъ. Когда же и при новомъ Властншелѣ, дѣла Поршы не поправлялись и Турецкій флотъ совершенно разбилъ при Тенедосѣ эскадрою Вице-Адмирала *Сенявита*, тогда другъ *Селима III*, предприимчивый Руцукскій Паша, *Мустафа Байрактаръ*, воспользовался смятеніемъ Столицы — и овладѣлъ ею. При семъ случаѣ, несчастный *Селимъ* лишился жизни (16-го Іюля 1808), и *Байрактаръ* возвелъ на престолъ нынѣ царствующаго Султана *Махмуда II*.“

Но пусть Историческія свѣдѣнія Г. Полева всѣма ограничены, эшаго сѣ него уже чипашели и не взыскиваюпѣ. Мы хопимѣ поговоpишь сѣ нимѣ о другомѣ, о языкѣ и слогѣ *Моск. Телеграфа*. Писашелю, знающему Бирманскій, Пегуанскій, Сіамскій, Лаосскій, Камбоджійскій, Тонкійскій и Арраканскій языки, грѣшно не умѣшь писашь на языкѣ опечеспвенномѣ и, увлекшись прелестью и великолѣпїемѣ иноземнаго, издавашь Русскій Журналѣ, а писашь по Санскрипски.

Развернувѣ книжку XII *Телеграфа*, мы находимѣ! „Вѣ доказашельство похвалѣ, *сдѣланныхъ* здѣсь водамѣ Докшора Спруве, (сѣ коими совершенно во всемѣ сходны Московскія минеральныя воды) полагаешь нужнымѣ и пр.“ спр. 496.

Не уже ли мы, подобно бѣднымѣ Французамѣ, спанемѣ вѣчно употребляшь эшопѣ несчастный глаголѣ: *дѣлать*, для выраженія имѣ всѣхѣ возможныхѣ дѣйствїей человѣческихѣ? Русскій языкѣ богашѣ и разнообразенѣ вѣ способахѣ извѣясненія.

„Желаніе видѣшь дикую Каянскую спорону, древнїй зѣмокѣ и живописныя мѣста тамошнїя, побудили Имперашора АЛЕКСАНДРА, вѣ 1819 году *зѣхавши изъ Сердоболя вѣ Сѣверную Финляндію*, свернупѣ сѣ Улеборской дороги вправо и посѣшипѣ Каяну.“ Спр. 497.

Для людей внимашельныхѣ и основашельно знающихѣ свой опечеспвенный языкѣ, шакїя погрѣшности ясны сами собою; но для шакїихѣ, копорымѣ

Печашный всякїй лїспѣ бышь кажешь свяшымѣ,

онѣ темны, и попому мы обязаны раскрыть для нихъ сіи ошибки. Въ предспавленномъ нами примѣрѣ, причастіе согласовано съ существительнымъ не по правиламъ Русской Грамматики: это чистый галлицизмъ. Судя по этому выраженію, должно разумѣть, что не Государь, но желаніе видѣть дикую Каянскую сторону, древній замокъ и живописныя мѣста тамошнія бхали изъ Сердоболя въ Сѣверную Финляндію. Какова картина? Къ пому же, какая аналогія между желаніемъ видѣть Каянскую сторону, и древнимъ замкомъ и живописными мѣстами тамошними? Къ чему здѣсь служатъ тамошнія мѣста? Кто обнимаешь своими взорами цѣлое, пому открыты и его части, пому и вся сторона является со всѣми ея мѣстами.— Въ этомъ періодѣ отсутствіе Логики.

„Мы обращаемся съ просьбою къ Автору: собрать всѣ письма о Сибири, какія гдѣ были имъ напечатаны, присовокупить къ нимъ новыя, еще находящіяся у Автора въ рукописи.“
Стр. 503.

Къ чему тутъ два раза повторено слово: Авторъ? Для избѣжанія сего Русскій языкъ предлагаетъ мѣстоименія.

„Англійскому правописанію выучишься въ полгода, Русскому въ двѣ недѣли, а науку о словахъ, Грамматику, и въ цѣлую жизнь не узнаете совершенно безъ труда, размышленія и логики.“ 505.

Здѣсь столько же нелѣпицъ, сколько словъ! Во первыхъ: Русскому правописанію не лзя выучишься въ двѣ недѣли. Въ этомъ согласенъ

съ нами и *Г. Полевой*, выше сего утверждающій, а ниже сего опровергающій самъ себя: „Безъ увеличеній сказать можно, что изъ юношей, занимающихся Липерапурою, едва ли на десятъ найдете одного, который бы зналъ порядочно Русское правописание.“ Спр. 512. — Во вѣснхъ: Правописание есть часть Грамматики, а по законамъ здравой Діалектики не должно говорить объ одномъ какомъ либо видѣ, упоминая о *цѣломъ*. Въ прѣдѣхъ: Грамматика не есть Наука о словахъ, но Наука о языкѣ, а это составляетъ существенную разницу. Въ четвертыхъ: Въ раздѣлительныхъ понятіяхъ, одно понятіе не должно заключаться въ другомъ; то есть: не лзя представитъ себѣ въ Липерапурѣ ничего безъ труда; если вы занимаетесь на примѣрѣ: сочиненіемъ какой либо нравственно-философической спашьи, въ которой гоните пороки: то вы трудитесь гораздо полезнѣе, нежели Химикъ, который гонитъ спиртъ, далѣе: *размышленіе и Лошка* не одно ли и то же? Это *idem per idem!*

Ужъ не нарочно ли *Г. Шелевой* нагромоздилъ сполько ужасныхъ ошибокъ на помѣ самомъ листкѣ, на которомъ несправедливо упрекаешь Редактора В. Е. въ нечистотѣ слога? Не хотѣлъ ли онъ, напомнивъ здѣсь стихи:

И кто не падалъ никогда?

Мудрецъ, народовъ просвѣщитель,

Бывалъ ли мудръ и швердъ всегда?

Ушѣшитъ этимъ *Г. Катеновскаго*? Но это лишняя забота. В. Е. двадцать шесть лѣтъ оплещается чистою, правильною прозою, а нынѣш-

ній Редакторъ его основательнымъ знаніемъ языка опечиственнаго. Въ эпомъ согласны всѣ безпристрастные цѣнители Словесности. Въ семъ Журналѣ мы не найдемъ *Санскритизмовъ*, *Бирманизмовъ*, *Пецианизмовъ*, *Сіамизмовъ*, *Галлицизмовъ* и *Германизмовъ*; не встрѣшимъ желаній, древнихъ за́мковъ и живописныхъ мѣстъ, скатцущихъ на погтовыхъ изъ Сердоболя въ Финляндію.

Напрасно Г. Полевой задумалъ обличать Редактора В. Е. въ незнаніи Русскаго языка грубою игрою словъ, при извѣсненіи слѣдующаго выраженія :

„При печатаніи стиховъ предположено на-,
„блюдашь спрогую разборчивость.“—Не уже ли читашели пакъ недогадливы, что не поймутъ, въ какомъ значеніи приняно здѣсь слово: *легатаніе*. Не все должно шолковать въ буквальномъ смыслѣ; на пр: Гг. Грегъ, Катеновскій, Булгаринъ, Строевъ, Погодинъ, А. Е. Измайловъ, Князь Шаликовъ, Павловъ, Шевыревъ, Калайдовичъ, Сомовъ, Федоровъ, Воейковъ, и пр. и пр. и пр. и пр. и пр. и пр. и пр. говорятъ, что Издашель М. Т. дурно пишеть; шо не уже ли надлежитъ здѣсь разумѣть его почеркъ, а не слогъ? Снимковъ съ его руки мы не видали въ Телеграфѣ, а плохимъ слогомъ онъ по два раза въ недѣлю угощаеть своихъ читашелей. И за чѣмъ начинаеть онъ наступательную войну съ В. Е., когда бы лучше отражать напискъ Моск. Вѣспника, ш. е. выполнитъ данныя имъ обѣщанія, перестать бросать вышшіе взгляды на небо, а опустя ихъ въ землю, смиренно заняшья шѣми книгами, разбора коихъ Публика, положась на его слово, давно

ожидаетъ. Къ чему приведетъ насъ общность и частность такихъ хитрыхъ періодовъ: „явился ли ктонибудь изъ Русскихъ Литераторовъ съ разборомъ и оцѣнкою сего важнаго Литературнаго явленія? Преодолѣлъ ли ктонибудь изъ Литературныхъ Мападоровъ лѣнь, сдѣлавшуюся у нашихъ Литераторовъ, съ весьма не многими исключеніями, общею привычкою?“—Спр. 511.

Видно, что Г. Полевой не перечисываетъ страницъ, имъ написанныхъ, и потчасъ описываетъ ихъ въ книгопечатню. Это не похвально! ему бы слѣдовало слушаться совѣсовъ Гг. Катеноскаго, Грета, Строева, Булгарина, А. Е. Измайлова, Погодина, Кн. Шаликова, Павлова, Шевырева, Федорова, Калайдовига, Сомова, Воейкова и многихъ другихъ. Они опъ доброй души совѣсовали ему не бышь споль самонадѣянну. Неумбспная опвага не Героизмъ!

W.

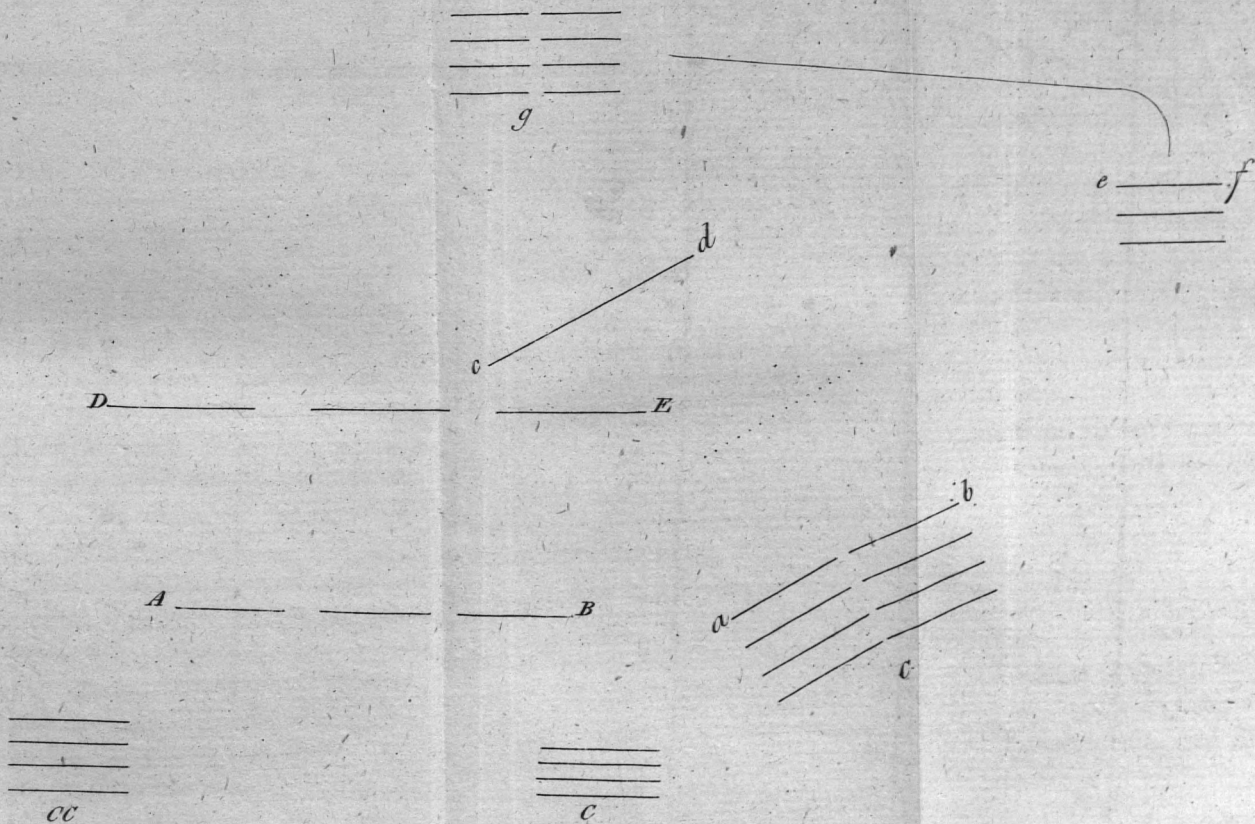
Москва.

(Вторая глава обѣщана.)

При сей книжкѣ приложенъ тертежъ.

Из статьи: о двойных Копицы, из Вилларда.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

ВЗЯТІЕ СВЕАБОРГА

вѣ 1808 году.

Вѣ Февралѣ 1808 года открылась война между Россією и Швецією; *Аборфорсъ*, (на Кюмени вѣ Финляндіи) былѣ первымѣ шеапромѣ военныхѣ дѣйсвій. — Генералѣ Графѣ *Буксгевдинь*, коему Императорѣ АЛЕКСАНДРѣ поручилѣ начальство надѣ войсками, назначенными противѣ Шведовѣ, началѣ походѣ блистательнымѣ образомѣ. Лѣвая колонна сей арміи, подѣ предводительствомѣ самаго Главнокомандующаго, быстро овладѣла *Ловизою*; средняя, кою начальствовалѣ Генералѣ-Маіорѣ *Тутковъ 2-й*, почти безпрепятственно достигла *Гардома*; а правая — Генерала *Князя Багратиона*, также безѣ затрудненій, дошла до *Элиме*. Сими скорыми движеніями, непріятельскія войска, расположенныя на границѣ, были принуждены къ поспѣшному отступу. Вѣ слѣдствіе сего, Русскіе заняли вѣ теченіе нѣсколькихѣ дней почти все пространство, принадлежавшее Шведамѣ

между Гейнолы, Таваспгуста и Гельзингфорса. Изъ сего послѣдняго, непріятельскія войска решировались къ *Свеаборгу*, оставя Русскимъ до 20 орудій разнаго рода и калибра, 20 п. ядеръ, 4 п. бомбъ и гранатъ, и вообще богатые магазины, какъ военныхъ, такъ и свѣстныхъ припасовъ.

Взятіемъ *Гельзингфорса* Русскіе получили возможность спѣснить *Свеаборгъ*, представлявшій Шведамъ надежное убѣжище. Во второй половинѣ Февраля, Главнокомандующій Графъ *Буксгевденъ* предписалъ Генералъ - Маіору *Раевскому* приступить къ блокадѣ сей крѣпости. Войска, назначенныя для сего предмета, состояли только изъ ченырехъ баталіоновъ пѣхоты и двухъ сотъ человекъ кавалеріи. Вопъ все, что можно было на первую минушу опдѣлать отъ арміи подъ *Свеаборгъ*.

Въ продолженіе сихъ происшествій, начальство надъ Шведскими войсками въ Финляндіи было поручено престарѣлому, опытному Генералу *Клингспорту*. Главная квартира его, сначала была расположена въ *Тавасгустъ*, но дѣятельность Графа *Буксгевдена* скоро принудила непріятели опступить отъ сего мѣста; и 25-го Февраля оно уже было занято Россійскими войсками.

Занятіе *Тавасгуста* и послѣдовапельные успѣхи Россійскаго оружія, спѣсняли болѣе и болѣе *Свеаборгскій* гарнизонъ, заключавшій въ себѣ нѣсколько свыше 7 п. человекъ; частію Финляндцевъ, частію Шведовъ и сверхъ сего числа 700 мапросовъ. Войска сіи состояли

подѣ начальствомъ Вице - Адмирала *Кроншета*.

Покореніе *Свеабора* было слишкомъ важно для операций Россійской арміи. Чшобы убѣдись въ эшомъ, надобно шолько взглянуть на пеапрѣ войны Россіянкъ прошивъ Шведовъ въ сію кампанію. По сей-то причинѣ, малочисленный отрядъ Генерала *Равскаго* былъ вскорѣ опозванъ къ Сѣверу, и блокада *Свеабора* поручена 17-й дивизіи, подѣ начальствомъ Генерала *Каменскаго* 2-го. Дивизію сію соспавляли 10,930 чѣловѣкъ пѣхоты и 1,363 кавалеріи.

Свеаборгъ, называемый Шведами *Сѣвернымъ Гибралтаромъ*, естъ крѣпость, построенная при южномъ Финляндскомъ берегѣ на пяши оспровахъ. Три изъ нихъ, именно: *Вестеръ - Сварте*, *Дилля-Остеръ-Сварте* и *Стора-Остеръ-Сварте* лежатъ къ споронѣ *Гельсингфорса*, въ разспояніи отъ сего города на малый пушечный выспрѣлъ. Они прикрываютъ собою съ сей спороны оспровъ *Варгенъ*, гдѣ находятся главныя укрѣпленія *Свеаборга*. Ближе ихъ всѣхъ къ швердой землѣ находится еще небольшой оспровокъ *Лангернъ* съ отдѣльнымъ укрѣпленіемъ; а со спороны моря, осаждающій сію крѣпость встрѣчаетъ первое препяшствіе въ цитадели *Густавсварте*, имѣющей въ при ряда бапареи.— Укрѣпленія *Свеаборгскія* построены большею частію изъ гранита и на гранишномъ же грунтѣ. Съ перваго взгляда на сіи швердыни можно увидѣть, что онѣ воздвигнуты безъ первоначальнаго плана и почти безъ всякой системы; но не взирая на сіи недоспашки, суще-

спвующія въ *гастяхъ*, *цѣлов* представляетъ собою первокласную крѣпость. Въ иныхъ мѣстахъ высѣчены искусственные рвы, а въ другихъ вмѣсто оныхъ служитъ самое море. — Постройка *Свеаборга* стоила Швеціи безчисленныхъ издержекъ и продолжалась около пятидесяти лѣтъ.

Блокада *Свеаборга* дивизією Генерала *Н. М. Каменскаго*, вскорѣ обратилась въ осаду. Работы послѣдней были поручены Инженеръ-Генералу *П. К. Сухтелену*. — Не лзя описать сколь великія затрудненія вспрѣчали при производствѣ оныхъ Россійскія войска: ибо еще при началѣ всѣ припасы и артиллерію надлежало возить по зимнимъ, весьма часто едва проходимымъ дорогамъ.

Первыя бапарей были построены на Гельзингфорскомъ мысѣ, а за тѣмъ на оспровѣ Скандешландетѣ и на нѣкоторыхъ каменистыхъ мѣляхъ, разсѣянныхъ въ окружности Свеабургскихъ укрѣпленій. При семъ должно замѣтить, что число орудій, употребленныхъ при сей осадѣ, во все время оной, не превышало сорока шести, именно: 16 морширѣ и 30 единогоговѣ и пушекъ.

Выше уже было сказано, что производство осадныхъ работъ подѣ Свеаборгомъ, было сопряжено съ великими затрудненіями. При построеніи бапарей, должно было ограничиваться одними фашинами и насыпными шурами: ибо каменистый и покрытый глубокимъ снѣгомъ грунтъ не могъ доставлять ни земли для бруствера, ни дерна для его одежды. Желая

ускоришь взятіе Свеаборга, рѣшались было штурмовать его; но воля Императора *АЛЕКСАНДРА*, щадившаго челоуѣчество, и самое благоразуміе предписали опложить сие ужасное средство до самой крайности, а между тѣмъ, употреблять всѣ возможные средства для стѣсненія гарнизона.

Первая перестрѣлка осаждающихъ съ крѣпостью произошла 23-го Февраля. Псводомъ къ сему была одна изъ Россійскихъ бапарей, успроенная на утесѣ посреди *Свеаборгскаго порта*, между сею крѣпостью и городомъ *Гельзингфорсомъ*. Съ нее открытъ огонь по людямъ, высланнымъ отъ Адмирала *Кронштета* для прорубленія льда, передъ тѣми мѣстами, кои онъ почиталъ наиболѣе присступными. Шведы отвѣчали на это сильнымъ огнемъ, и каждое ихъ ядро повреждало зданія въ *Гельзингфорсѣ*. Городъ сей былъ угрожаемъ совершеннымъ разрушеніемъ; для предупрежденія сего, отправленъ къ *Кронштету* изъ осаднаго войска Парлеменшеръ. На представленія сего Офицера, что дальнѣйшій огонь крѣпости можетъ причинить сильный вредъ жителямъ *Гельзингфорса*, коихъ большая часть имѣли въ *Свеаборгѣ* друзей или родственниковъ, непріятельскій Адмиралъ хладнокровно отвѣчалъ, что раззореніе *Гельзингфорса* необходимо для обороны защищаемаго имъ мѣста. Даже угрозы, что за подобныя дѣйствія, Русскіе заплашавъ равнымъ при занятіи ими впредь городовъ Швеціи, не убѣдили *Кронштета* прекратить пальбу по безвинному городу.

Однако же, вскорѣ за тѣмъ, было положено между обѣими сторонами, чѣобы на вышеприведенномъ пунктѣ не производить никакихъ работъ, и даже считать Гельзингфорсъ неустральнымъ. Это условіе принесло Русскимъ ту выгоду, что они могли помѣстить въ семь городѣ свои гошпипали и магазины, въ совершенной безопасности. Съ сего времени, учреждена было здѣсь и главная кваршира осаднаго корпуса.

Между тѣмъ, Россійская артиллерія занимала опѣ времени до времени высоты окружающія *Свеаборгъ*. Башарей сіи дѣйствовали почти на удачу по мѣльницамъ, магазинамъ и разнымъ деревяннымъ строеніямъ, кои совершенно были открыты за валами, и не взирая на сіе, въ продолженіе десятидневной канонады, произвели внутри крѣпости нѣсколько пожаровъ. Въ теченіе сего времени, Русскіе бросили въ *Свеаборгъ* 1,565 бомбъ и ядеръ, а изъ крѣпости отвѣчали 2,577 выстрѣлами.

Переговоры, нѣсколько разъ производившіеся подѣ *Свеаборгомъ*, дали Генералу *Сухтелену* возможность замѣнить слабость духа и недоспапокъ рѣшимости въ нѣкоторыхъ изъ непріятельскихъ начальниковъ; онъ увидѣлъ, что ихъ военныя дарованія далеко не соотвѣтствовали тѣмъ сильнымъ средствамъ, кои крѣпость имѣла для своей обороны. Открытіе сіе показало Русскому Генералу новую надежду и новую шочку, съ копорой надлежало дѣйствовать для ускоренія сдачи *Свеаборга* безъ кровопролітія.

Первыя средства, употребленныя Инженеръ-Генераломъ *Сухтеленнымъ* состояли въ томъ, чтобы держать непріятеля въ непрерывномъ безпокойствѣ и безпрестанно прѣвожись, особенно по ночамъ, гарнизонъ, который состоялъ, хотя изъ хорошихъ, но неопытныхъ и не привыкшихъ переносить трудности осады солдатъ.

Для сего высылались паршіи барабанщиковъ или стрѣлковъ; а иногда даже одно или два полевые орудія. Сіи небольшіе отряды, пробираясь между утесами, выходили на ледъ и внезапно появлялись передъ крѣпостью, часто не далѣе картечнаго выстрѣла. Въ Экспедиціяхъ сихъ, особенно отличался Артиллеріи Полковникъ *Ариунъ*, котораго по всей справедливости можно было назвать будильникомъ непріятельскаго гарнизона.

Средства сіи удались въ полной мѣрѣ. Русскіе Генералы скоро замѣтили, что Адмиралъ *Кронштетъ* смотрѣлъ на сіи ночные поиски, какъ человекъ, проведшій весь свой вѣкъ только на морѣ. Онъ изнурялъ свое войско безпрестанными, но безплодными работами; не давалъ ему покоя, безпрестанно опасался приступа и взиралъ на защищаемую имъ крѣпость, какъ на корабль, не безопасный отъ абордажа. Многіе изъ его Офицеровъ и даже онъ самъ, увидѣли весьма ясно, что зима, окруживъ чрезмѣрно обширное пространство крѣпости твердыми дорогами, лишало его средства обороны.

Множество бесполезныхъ людей спѣшили укрыться въ *Сваборгъ*, еще при самомъ началѣ

военныхъ дѣйствій. Тогда, кажется, не было обращено на сіе особеннаго вниманія; но когда *Кронштеть* увидѣлъ себя сильно стѣсняемымъ Русскими войсками, тогда, вмѣстѣ съ симъ увидѣлъ и свою ошибку. Онъ не преминулъ выслать изъ крѣпости всѣхъ людей, безполезныхъ для защиты ея; но строгіе законы войны воспрещали Русскимъ ихъ выпустить, и передовые посты осаждающихъ принудили сію толпу возвратиться назадъ въ *Свеаборгъ*; только одной фамиліи *Кронштеа* былъ предложенъ свободный выходъ изъ крѣпости, но Шведскій Адмиралъ отказался отъ сего предложенія. Русскіе Генералы доставляли ему постоянно журналы и газеты того времени, гдѣ помѣщаются были извѣстія о неудачахъ, кои постигали оружіе Шведовъ. Оффиціальныя извѣстія изъ дѣйствующей Россійской арміи, разныя прокламаціи, частныя письма, однимъ словомъ все, что только могло поколебать, и безъ того уже шаткіе умы людей, заключенныхъ въ *Свеаборгъ*, было къ нимъ почти ежедневно посылаемо, и принималось ими съ тою жадностію, какая свойственна людямъ, лишеннымъ всякихъ сношеній.

Личныя свиданія Россійскихъ Генераловъ и Офицеровъ со многими изъ непріятельскихъ начальниковъ, дали первымъ возможность познакомиться съ характеромъ своихъ противниковъ. Вскорѣ замѣчено, что изъ Офицеровъ *Свеаборгскаго* гарнизона весьма немногіе были знакомы съ войною, и что между природными Шведами и Финляндскими войсками существо-

валъ нѣкопорый родъ соперничества и несогласія. Большое число женщинъ, дѣшей и людей совершенно бесполезныхъ; распочительность, съ какою по неопытности раздавались свѣстные припасы, столь драгоценные въ осажденной крѣпости; наконецъ, общее мнѣніе о превосходствѣ Россійскаго оружія; вопль главные предметы, приводившіе въ недоумѣніе Шведскаго Адмирала и подчиненныхъ ему начальниковъ. Изъ вышесказанныхъ свѣдѣній, можно было догадываться, что погдашняя полипка Шведскаго Правительства была совершенно не одобряема *Кронштотомъ*, и что онъ почиталъ *Свеаборгъ* непрочнымъ оплошомъ. Далѣе, сей Адмиралъ весьма заботился о сохраненіи въ цѣлости флопили, копорою онъ начальствовалъ со славою въ прежнюю войну противъ Россіи, и копорою одна удачно направленная бомба могла превратить въ пепель. *Кронштотъ* также не весьма полагался на союзъ и пособіе Англичанъ, коихъ недавній поступокъ при Копенгагенѣ, заспалялъ его думать, что подобное дѣло съ ихъ спороны могло случиться впредь и со всякою другою морскою державою. Сверхъ сего, служа всегда на морѣ, Адмиралъ сей затруднялся въ защитѣ крѣпости неподвижной; какъ человекъ и отецъ семейства, онъ не могъ взирать равнодушно на положеніе столькихъ семействъ, укрывшихся въ крѣпости и драгоценныхъ ему по родспвеннымъ связямъ. Нужно ли говорить о послѣдствіяхъ, какія влекутъ за собою подобныя чувствованія въ военномъ человекѣ? Они совер-

шенно овладѣли его душою: онѣ сдѣлался уныль, медленъ въ распоряженіяхъ и робокъ. Онѣ собиралъ неоднократно Военный Совѣщъ, а опредѣленія подобныхъ совѣщаній, какъ извѣстно изъ безчисленныхъ опытовъ, всегда склоняются на уступки. Такъ точно случилось и при осадѣ Свеаборга. *Кронштетъ* присупилъ къ переговорамъ, въ слѣдствіе коихъ, [24-го Марша между имѣ и Генераломъ *Сухтеленымъ* заключена конвенція и перемиріе между обѣими сторонами, по естѣ, между крѣпостнымъ гарнизономъ и осаждающимъ войскомъ, на чепыре недѣли, съ тѣмъ, что если по истеченіи сего срока, именно въ полдень 3-го Маія (по нов. сп.) первый не получитъ подкрѣпленія, состоящаго, по крайней мѣрѣ, изъ пяши линейныхъ кораблей: то *Свеаборгъ* будетъ сданъ Россійскимъ войскамъ, со всѣмъ, въ ономъ находящимся, какъ то; артиллерією, мунициєю, магазинами и флопилюю.

Непосредственно послѣ подписанія конвенціи, островъ *Лангернъ* занятъ Россійскими войсками, равно какъ и острова *Вестеръ-Сворте* и *Остеръ-Лилля-Сварте*, кои однако же Россіяне обязывались очистить, если бы къ назначенному сроку Свеаборгъ получилъ подкрѣпленіе.

Время перемирія было употреблено Русскими на усовершенствованіе и увеличеніе осадныхъ работъ. Въ собенности, они занимались построеніемъ баатарей для обстрѣливанія фарвашера, коимъ могли приходить корабли съ подкрѣпленіями для Свеаборга. При сихъ баатаряхъ были успроены печи для каленія

ядеръ.—Всѣ сіи пригошовленія были напрасны. Условленный срокъ наступилъ, подкрѣпленіе не являлось и крѣпость сдана. Гарнизонъ ея состоялъ тогда на лицо изъ 208 офицеровъ и 7,386 нижнихъ чиновъ. Изъ сего числа, Шведскія войска были объявлены военноплѣнными и отправлены въ Россію, а уроженцы Финляндіи получили дозволеніе возвратиться въ свои дома. Двадцать шестаго Апрѣля, Русскій флагъ развился впервые на стѣнахъ Свеаборга и былъ привѣшпшованъ 101 пушечнымъ выспрѣломъ.—Покореніе сей важной крѣпости доставило побѣдителямъ 58 мѣдныхъ и 1,975 чугунныхъ пушекъ; до 1,000 зарядовъ въ карпузахъ, 3,000 боченковъ съ порохомъ, 10,000 карпечъ, 340,000 ядеръ, бомбъ и гранатъ, до 9,000 ружей и множество оружія разнаго рода. Кромѣ сего, Русскіе нашли въ гавани два фрегата, одинъ бриггъ, шесть шебекъ, шесть военныхъ яхтъ, двадцать пять палубныхъ канонирскихъ лодокъ, пятьдесять одинъ іоль, такоже число баркасовъ, шлюпокъ и другихъ мѣлкихъ судовъ, девятнадцать транспортовъ; большой запасъ вещей, потребныхъ для флота и, наконецъ, еще бдльшій сѣвспныхъ припасовъ.

Вице-Адмиралъ *Кронитетъ* въ донесеніи своемъ Королю о сдачѣ Свеаборга, между прочимъ написалъ слѣдующее :

„Свеаборгъ въ настоящемъ своемъ положеніи, по еспь, недокончанный и по многимъ отношеніямъ еще не усовершенствованный, будучи способенъ выдержатъ нападенія съ моря, въ зимнее время дѣлаешся приступнымъ

со всѣхъ споронъ, и попому перяетъ значительную частъ своей силы. Несоразмѣрность пространства, занимаемаго укрѣпленіями, съ числомъ гарнизона, ихъ оборонявшаго; великое множество рекрутъ и больныхъ; недоспапокъ въ Офицерахъ, коихъ приходилось по одному на сто солдатъ и по одному же на бастіонъ; не менѣ сего, оцупипельный недоспапокъ въ аршиллериспахъ, коихъ приходилось по два на три орудія; попребленіе прешьей часпи всего пороха, только въ продолженіе десяти дней канонады, чрезмѣрное истощеніе гарнизона, занимавшагося безпрерывно прорубленіемъ льда въ мѣстахъ, наиболѣ удобныхъ къ приступу и усовершенствованіемъ оборонительныхъ средствъ; неимѣніе закрытыхъ магазиновъ и жилыхъ казематовъ; опасеніе подвергнути испребленію флошилію и морскіе магазины и, наконецъ, надежда сохранить все сіе для Швеціи, если бы Свеаборгъ получилъ благовременную помощь: вопиъ причины, побудившія Военный Совѣтъ, рѣшиться на сдачу крѣпости.“

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ ВОЙНЫ СЪ ГОРЦАМИ И ПЕРСИНАМИ.

Второе донесеніе Генераль - Майора Мейера Генераль-Лейтенанту Глазенацу, отъ 24 Августа 1804 года, изъ лагеря при рѣкѣ Малкѣ.

Для отвлеченія отъ селенія Прохладнаго непріяшеля, а во вторыхъ для нанесенія хищникамъ ущербъ, я нашёлъ себя принужденнымъ, не обнажая моей диспанціи, п .е. отъ Соленобродскаго поста до дальнѣйшаго моего Пепрекеевскаго поста вверхъ по Малкѣ, произвестъ по сей рѣкѣ какое нибудь скорое предпріятіе. По чему сего числа, распавя повсюду между постами пикеты и въ лагерь моемъ одну роту ввѣреннаго мнѣ полка, при Порупчикѣ *Щецовѣ 1-мъ*, одномъ орудіи, шестидесяти рекрутшахъ и ста козакахъ, отправился я предъ зарю съ тремя ротами и полупораспа козаками, прямо къ первому хищническому ущелію, — лежащему отъ меня въ 30 верстахъ по той сторонѣ Малки, принадлежащему *Расламбецу Мисостову* и называемому *Сабанъ-Кошъ*.

При входѣ моемъ въ дефилею, встрѣченъ я былъ толпою, состоявшею почти въ двухъ стахъ Кабардинцахъ, направшихъ было на Майора *Луткина* и Есаула *Венеровскаго*; но Офицеры сіи, дѣлая видъ отступленія, обратились на мои фланги за двумя курганами, копорые будучи впереди моего фронта надъ ложиною, закрывали оный, равно какъ и бывший до полудня густой шуманъ. Едва хищники увидѣли

пѣхоту, какъ бросились назадъ, при чемъ Маіоръ *Луткинъ*, Есаулы *Сторожиловъ* и *Венеровскій*, Сопникъ *Софїевъ*, Спаршина *Переллетниковъ*, и Донскаго *Крюкова* полка *Адьюпаншъ Поздѣевъ*, сильно начали ихъ стѣсняшь и убили четырёхъ человѣкъ, ссадивъ ихъ съ лошадей. Шестеро непріятелей окружили Сопника *Софїева*, но онъ мужественно пробился. Видя вражескую паршію усиливающеюся, и скачущихъ повсюду отъ нее вѣстниковъ, я поспѣшилъ рѣшиться дѣло, и не оспанавливаясь ни мало, съ пѣхотою ударилъ въ шпыки на Кошъ, гдѣ непріятель сдѣлалъ пѣшую засаду. При семъ дѣйствіи особенно опличились: вѣреннаго мнѣ Казанскаго мушкетерскаго полка *Капишанъ Марковъ* и Поручикъ *Швецовъ 2-й*. Сіе произвело пошъ успѣхъ, что Кабардинцы съ урономъ шести человѣкъ бѣжали всѣ внутрь ущелія, оставя въ моихъ рукахъ четыре лошади, двѣ шашки, три ружья, семь буйволовъ, и двадцать семь рогатыхъ скопинъ. Раззоривъ ихъ пчельникъ, болѣе нежели семь сотъ ульевъ или сарпешокъ въ себѣ содержавшій, но опнюдь не допуская ходишь по саклямъ и взяшь что либо изъ плашья или ушвари, я, не взирая на воровскія на пуши моемъ мѣста, перерѣзанныя частыми дорогами изъ Кисборунскаго ущелія чрезъ Малку идущими, въ при часа по полудни благополучно возвратился въ свой лагерь, не потерявъ ни одного человѣка и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла.

При семъ дѣлѣ, особеннаго вниманія заслуживаетъ спремительность движенія со спо-

роны пѣхоты. Я выступилъ изъ лагеря въ четыре часа по полуночи, и сдѣлавъ въ оба пуши 56 верстѣ, былъ уже въ три часа по полудни опять въ своемъ лагерѣ.

Непріятель примѣчая, что опрядѣ мой всѣ свои движенія обращаетъ въ правую сторону, вѣроятно не преминетъ памѣ усиливъ для защиты своихъ ауловъ, и я увѣренъ, что сія малая экспедиція весьма много обезсилитъ его со стороны Прохладнаго. Завтра, усиливъ посты, займу я лагерь между Бѣломечетскимъ и Соленобродскимъ постами, дабы получить способъ дѣйствовать, какъ вверху по Малкѣ, такъ и внизъ оной до Прохладнаго. Вологодскаго мушкетерскаго полка Маіора Чернецкаго, вѣреннаго мнѣ полка Капитана *Маркова*, Шефскаго Адъютанта *Гаврилова*, Поручика *Шецова*, и Волжскаго Козачьяго полка Маіора *Лукина*, Сопника *Софѣва*, Старшину *Переллетикова*, Моздокскаго Козачьяго полка Есауловъ: *Сторожилова* и *Венеровскаго*, и Донскаго Крюкова 1-го полка Адъютанта *Поздѣва* осмѣливаюсь, яко оплично подвизавшихся въ семъ дѣлѣ, препоручить милоспивому предспашельству В. П.

Третіє донесеніє Генераль - Маіора Мейера Генераль - Лейтенанту Глазенау, отъ 28 Августа 1804 года, изъ лагеря при рѣкѣ Малкѣ.

Вчерашняго числа въ 11 часу отправивъ весь обозъ въ Марьинское, я выступилъ въ одиннадцатомъ же часу вечера къ вершинѣ Малки. Опошедши осьмнадцать верстѣ, я остановился, чшобъ дасть солдатамъ отдохновеніе; тогда приведенъ былъ ко мнѣ Кабардинецъ, баранщикъ съ Коша Армянина *Понасова*, объявившій мнѣ, что у нихъ уже третій день какъ кочуетъ сынъ *Адиль - Гирей*, Князь *Гатакжукъ Адель-Гирей*, сдѣлавшій для ночныхъ набѣговъ засаду въ яру надъ Золкою. По сему, предъ зарею поднялся я съ моимъ ошрядомъ, и пошелъ вправо прямо на большую Золку, къ Кошу упомянушаго Армянина. Прибывъ на Малую Золку, гдѣ уже Льногорскій постъ былъ у меня со всѣмъ назади, я ошрядилъ Маіора *Лукина* и *Есауловъ*: *Сторожилова* и *Венеровскаго* для ошкрытія передовой окреспности къ настоящей Золкѣ; но они, бывъ со всѣхъ споронъ, даже отъ прибывшихъ шуда съ *Баксани* трехъ сотъ Кабардинцевъ встрѣчены, пошребовали отъ меня подкрѣпленія. Построивъ изъ чепырехъ моихъ дивизионовъ чепыре каре, я поспѣшилъ на шребованную отъ меня помощь, оставя два каре назади, между первымъ и чепвертымъ. Лишь только началъ я подымашься на крушизну, находящуюся подъ берегомъ настоящей Золки, какъ около полупораста Кабардинцевъ бросились въ шашки (сабли) на мой фасъ, —

гдѣ я самъ находился — и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Я приказалъ первой шеренгѣ бросить шпыки на крестъ, а второй дать изъ пятнадцати ружей залпъ, которымъ убитъ сынъ *Адилъ-Гиря*, коего ружье, прошивъ меня выстрѣлившее, при семъ препровождаю къ В. П. и ранено двѣнадцать человекъ. Съ восклицаніемъ *Боръ Боръ Парръ!* бросились непріатели въ рѣку и убѣжали на ту сторону, куда и я, выславъ стрѣлковъ, переправился въ слѣдъ за ними, положи еще двѣнадцать человекъ на мѣстѣ. Въ то же время, Маіоръ *Луккинъ*, Есаулы *Старожилъ* и *Венеровскій* и войска Донскаго Подполковникъ *Крюковъ 1-й*, который у меня спрятанъ былъ въ лощинѣ съ лѣвой стороны, для удара на флангъ непріателей, обратили ихъ послѣ долговременнаго ристанія и перепалки въ бѣгство въ ущелія на супротивъ *Асла* горы. Убито у нихъ пятнадцать человекъ, между коими два узденя *Адилъ-Гиря* и два брата *Анзоровы*, а именно : *Хаджи-Али* и *Оришь-Умаръ*. Сей шармицель кончился въ двѣнадцатомъ часу пополудни, безъ потери одного человека. Съ нашей стороны добыча козачьихъ войскъ состоитъ въ пяти лошадахъ, трехъ ружьяхъ, чепырехъ прекрасныхъ пистоляхъ и пяти шашкахъ. Я долгомъ считаю В. Пр. чистосердечно сказать, что для меня нѣтъ ничего легче командованія хотя малымъ, но шакowymъ отрядомъ, каковъ есть мнѣ порученный. Усердіе и храбрость, извѣявленные Донскаго полка Подполковникомъ *Крюковымъ 1-мъ*, а въ особенності Воложскаго козачья-

го полка Маіоромъ *Лукинымъ*, Сопникомъ *Софѣевымъ*, младшимъ Спаршиною *Переллетниковымъ* и Пятидесятникомъ *Патреевымъ*; Моздокскаго козачьяго полка Есаулами *Старожиловымъ* и *Венеровскимъ* и Донскаго *Крюкова* 1-го полка Адъютантомъ *Поздѣевымъ* и козаками (сыновьями Спаршинъ) *Крюковымъ* и *Банниковымъ*. Ихъ подвиги и неупомимось, равно какъ храбрость вѣреннаго мнѣ полка Капитана *Маркова*, Поручиковъ *Швцова* 1, *Швцова* 2 и полковаго Адъютанта *Комстадіуса*, Подпоручика *Меркулова* и Прапорщиковъ *Полова* и *Гужевскаго* заслуживаютъ вышшей похвалы, нежели какую я имъ приписать могу; равно какъ Вологодскаго мушкетерскаго полка Маіора *Чернецкаго*, Капитана *Сивкова*, Штабс-Капитана *Селезнева*, Поручика *Желябужскаго* и Прапорщика *Федяковца* 9-го.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ПАЖЬ ГЕРЦОГА ФРИДЛАНДСКАГО.

Историческая повѣсть; соч. Громлица.

(Продолженіе).

На другой день, когда солнце спояло уже высоко, камеръ-лакей разбудилъ спящаго *Роткирха*. — Я вамъ говорилъ, любезный Пажь, сказалъ онъ съ упрекомъ: что лучше идши спать, нежели дремать въ залѣ у колонны и смолръбшь на шускый свѣтъ догорающихъ лампъ; теперь вы не выспались; а мы ѣдемъ. —

„Ѣдемъ?“ вскричалъ *Роткирхъ*.

— Сегодня послѣ обѣда, въ Гичинѣ, отвѣчалъ камеръ-лакей: опять для меня бѣднаго мученика наспали шяжкіе дни; кто, шакъ какъ вы, мигомъ можешъ уложить свое добро въ чемоданъ, и сбспъ на лихова Венгерскаго коня, шопъ шчастливлъ! —

„Да развѣ дворъ ѣдетъ въ Гичинѣ?“ спросилъ *Горъ*.

— Кромѣ одной Графини *Терцки*. — —

„Графиня *Терцки*?“ прервалъ *Нажъ*.

— Побѣдѣть завтра въ слѣдѣ за нами! возразилъ сей, — и мнѣ приказано, пригласить Маркиза *дель-Гуасто*, провожаясь шуда молодую Графиню! Я заваленъ дѣлами, и пошому вы оказали бы мнѣ большое одолженіе, еслибъ сходили къ нему вмѣсто меня.

„Пошлине послѣдняго конюха!“ — прервалъ его раздосадованный *Роткирхъ*, и вскочилъ съ постели: да и конюхъ-посолъ дѣлаетъ слишкомъ большую честь этому Испаліянцу. Я не берусь исполнить такого порученія!“

— Я васъ и не принуждаю, перервалъ его камеръ-лакей и вышелъ. —

„И шакъ ѣдушъ въ Гичинъ!“ вскричалъ *Роткирхъ*, ходя взадъ и впередъ по комнатамъ скорыми шагами, — „въ Гичинъ! и онъ — ее провожаетъ? и мнѣ взбираешься на крушизну, мнѣ проспираешь руку,“ говоритъ аспрологъ, — но — онъ велѣлъ мнѣ въ девять часовъ ушра иди въ Гостинницу Золотаго Грозда; — пора!“

Онъ одѣлся наскоро, и съ трепещущимъ сердцемъ побѣжалъ въ Гостинницу, одну изъ самыхъ плохихъ въ городѣ. Когда вошелъ онъ въ буфешную и пошребовалъ кружку вина и завтрака, хозяинъ не мало изумился, видя у себя щегольски одѣшаго Пажа Двора *Валленштейнова*. Молва о скоромъ отѣздѣ Герцога изъ Праги уже разнеслась по всему городу: всѣ ожидали чего-то необыкновеннаго. — Любопытному хозяину крайне хотѣлось вывѣдать чтонибудь ошъ *Роткирха*; и пошому обратился онъ

къ нему съ разными вопросами, но сей безмолснвовалъ; ибо самъ ничего не зналъ. Онъ сидѣлъ въ глубокомъ молчаніи, пошупивъ глаза въ полъ, иногда прихлебывалъ вина, и ждалъ съ неперпѣніемъ, чья ласковая рука поможетъ ему достать розу. Ни рука, ни человекъ не являлись. А болпливый хозяинъ сидѣлъ пропивъ него, какъ прикованный. Потерявъ шерпѣніе, спросилъ у него *Роткирхъ*: „не оспановились ли вчера въ его Госшинницѣ два чужеспранца, отецъ и сынъ?“ — Оспановились! быстро подхвашилъ хозяинъ: „два спрансвующихъ пѣвца изъ Нюрнберга, жалкіе бѣдняки, копорые пьютъ вино шолько въ своей землѣ, а золото знаютъ шолько по лучамъ нашего любезнаго солнца; сей ерешическій городъ, сказывающъ, вмѣщаетъ въ стѣнахъ своихъ цѣлое гнѣздо такихъ тунеядцевъ.

„Когда же они прибыли въ вашу Госшинницу?“ спросилъ *Георгъ*.

— Вчера вечеромъ, опвѣчалъ словоохотный хозяинъ, поужинали весьма бѣдно, и опять ушли: Богъ вѣдаетъ, гдѣ они пѣли, или что дѣлали; но ворошились домой довольно поздно. Посмотрите; вотъ они оба споятъ въ сѣняхъ; подойдите сюда; въ эщо окно вамъ будетъ виднѣе. —

Роткирхъ всналъ, и подошедъ къ окну, увидѣлъ человека пожилова, но еще довольно бодрого. — Взоръ онъ имѣлъ выразительный, смѣлый; но глаза его, казались, омрачены были гореспію. Другой былъ спашный молодой человекъ, едва достигшій юношескаго возраста;

большіе глаза его шомно выглядывали изъ-подъ русыхъ кудрей; на розовыхъ устахъ его покоилась пріятная улыбка. — Нѣжный спанъ его зашпанушъ былъ въ длинномъ кафтанѣ коришневаго цвѣта; синяя коропкая маншія, почешный знакъ Трубадуровъ, накинута была на плеча.

Георгъ не могъ наглядѣшья на юношу, кошорый, облокочьясь на арфу, внимашельно разсмашривалъ колокольню Іезуишской церкви. Онъ подошелъ къ нимъ, поклонилъ имъ ласково, и пригласилъ выпишь съ нимъ покалъ вина. Онъ просилъ шакъ искренно, шакъ усердно, что спарикъ не могъ опшговоришься. Пойдемъ, *Рудольфъ!* сказалъ онъ младшему: намъ не лья опказашья опъ приглашенія эшаго Господина; вышьемъ съ нимъ кружку вина; попомъ заплашимъ ему за учшivenessъ его пѣсенкою.

Они вошли. Хозяинъ налилъ шри покала Венгерскаго, поднесъ ихъ гостямъ, и забилъ въ уголокъ, чтобы подслушашья, но *Георгъ*, угадывая его намѣреніе, вскричалъ: „Господинъ хозяинъ, если вы понадобишесь Пажу Герцога Фридландскаго, по онъ васъ позоветъ. Намъ нужно ваше вино, а не уши.“

Ворча сквозъ зубы, хозяинъ ушелъ. „За швое счастье!“ вскричалъ *Георгъ*, и спукнулъ о покалъ юноши. — Оно для меня не расцвѣшешъ, опшвѣчалъ сей важнымъ голосомъ: я принужденъ ограничишь свои желанія — одною надеждою; пейше, желая, чтобы она не умерла въ моемъ сердцѣ! —

„И я!“ сказалъ *Роткирхъ*, вздохнувъ: и я!“

—Вамъ обоимъ, сказалъ спарецъ-Трубадуръ, и поднялъ вверхъ покалъ: желаю счастья въ любви... и чего желать вамъ лучшаго? Любовь есть та богиня, которая въ утро вашей жизни сіяетъ вамъ, какъ заря. Она вплетаетъ душистый вѣнокъ въ ваши юныя кудри; она устилаетъ ваши стези розами, которые быстро увядаютъ, и оставляютъ спароспи одни только терны.—Я пью за счастье въ любви!—

Но юноша поставилъ покалъ на сполъ, и сказалъ умоляющимъ голосомъ: Папинька, — прошу тебя, оставь это! —

И отецъ грустно опустилъ покалъ. *Роткирхъ*, пробужденный изъ своихъ мечпаній спраннымъ волненіемъ незнакоцевъ, сталъ въ нихъ внимательнѣе всматриваться. Въ глазахъ спарика пылало гнѣвное пламя, на глазахъ юноши навернулись двѣ крупныя слезы. Тутъ вспомнилъ онъ минувшую ночь и хотѣлъ удословиться, почто ли госпи его тѣ самыя ночные спранники, которые у воротъ Герцогскаго дворца грозили кому-то мщеніемъ.

Онъ высоко поднялъ свой покалъ. „Выпьемъ его за мщеніе!“ воскликнулъ онъ, и быстро оба простерли руки къ своимъ покаламъ, но мгновенно ихъ опять отдернули. — Чпо это значить, Сударь!—спросилъ спарикъ, смотря на него пристально: вы предлагаете намъ спранный постъ! —

„Развѣ вы не сами его вложили мнѣ въ уста?“ возразилъ *Георгъ*, „когда въ прошедшую ночь вы стояли у Дворца моего Повелишеля,

и шамѣ полагали найши жерпву вашего мщениа?“

—Государь мой! Кшо вы?—быспро подхвапилѣ спарикѣ и наморцилѣ брови, а юноша между пѣмѣ, краснѣя, робко поглядывалѣ на опца.

„Я *Роткирхъ*, Силезскій дворянинѣ, Пажѣ Герцога Фридландскаго, и гошовѣ вамѣ служить, чѣмѣ и сколько могу, если только не замышляете ничего худаго прошивѣ моего Повелишеля и его Свѣшлѣйшаго дома.“

—Нѣштѣ! — сказалѣ спарикѣ, прошивѣ *Валленштейна* и его высокой фамилии не имѣемѣ худаго умысла, клянусь вамѣ честію. —

„А вы молчите!“ сказалѣ *Георгъ*, обращяся кѣ молодому пѣвцу, и схватилѣ его за руку, кошора вѣ его рукѣ судорожно дрожала.

„Вы молчите? Ну, продолжалѣ онѣ ласково: если я слишкомѣ крѣпко васѣ задѣлѣ за чувствительную спруну вашего сердца, шо просшите меня — и забудьше.“

—Милоспивый Государь! сказалѣ спарикѣ, обѣ одномѣ только васѣ покорнѣйше просимѣ: доспавьше намѣ случай, на какомѣнибудь пиршествѣ увеселишь вашего Повелишеля нашимѣ искусствомѣ. — Мы пѣвцы порядочные; сему юношѣ природа даровала полный звучный голосѣ, а на арфѣ онѣ играетѣ хорошо, почти масперски. Если намѣ сдѣлаете сію милоспѣ, мы вѣчно вамѣ будемѣ благодарны. —

Герцогѣ со всѣмѣ дворомѣ своимѣ сегодня ѣдешѣ вѣ Гичинѣ!“ сказалѣ *Георгъ*.

—Эшо худо!—замѣшилѣ спарикѣ.

„Но прїѣзжайте и вы пуда!“ прервалъ *Роткирхъ* молчаніе: хощя Герцогъ и не слишкомъ восхищается пѣніемъ и музыкою, но пѣмъ болѣе наши дамы, кои сами большія мастерицы играють на арфѣ.“

—Кшо изъ гостей ѣдетъ съ Герцогомъ?—быстро подхватилъ старикъ.

„Я думаю всѣ!“ отвѣчалъ Пажъ: „по крайней мѣрѣ *Колальто*, *Фюрстенбергъ*, *Маркизь дель Гцасто*, и молодой *Дидрихштейнъ*.“

— Хорошо!—сказалъ старикъ: я буду!—но извините,—нужное дѣло меня опзываетъ;—въ Гичинѣ васъ поблагодарю за ласковое угощеніе. Пойдемъ, *Рудольфъ*!—

Младшій вспалъ и пожалъ *Роткирху* на прощаніе руку. „И я благодарю васъ, Милоспизый Государь!“ сказалъ онъ разпроганнымъ голосомъ, и посмотрилъ на него такъ грустно, такъ сердечно, что *Роткирхъ*, невольно къ нему увлеченный, съ жаромъ обнялъ юношу. Сей послѣдній, спыдясь и дрожа, нѣжно освободился изъ его пылкихъ объятій.

„Послѣ завпра мы увидимся!“ сказалъ старикъ улыбаясь, и пошелъ. — Младшій, краснѣя, за нимъ послѣдовалъ.

Когда *Роткирхъ* вошелъ на дворъ Герцогскаго замка, астрологъ *Сени*, окутанный въ шубу, споялъ въ воротахъ башни, и только что хотѣлъ сѣсть въ носилки, копорыя его ждали. Онъ позвалъ къ себѣ *Роткирху*, и сказалъ улыбаясь: „Нашелъ ли ты ласковую руку, копорая доставитъ тебѣ доступъ къ розѣ?“

—Я никого не нашелъ памѣ, кромѣ спрансвующаго пѣвца и его сына! Они желаюшъ играть и пѣть при Дворѣ Герцогскомъ. Помогите мнѣ, исполнишь ихъ желаніе.—

„Съ большимъ удовольствіемъ, любезный Пажъ!“ сказалъ *Сени*: „но спунайше поскорѣ въ переднюю, памѣ ждушъ васъ!“—Онъ ласково поклонился и сѣлъ въ носилки; *Роткирхъ* взбѣжалъ на круглую лѣспницу.

Когда *Роткирхъ* вошелъ въ переднюю, Каммергеръ приказалъ ему немедленно явиться къ Его Свѣшлости.

Опасаясь гнѣва Герцога, который не прощаль ни малѣйшей нерадивости въ службѣ, онъ съ спѣсненнымъ сердцемъ вошелъ въ его кабинетъ. *Валленштейнъ* стоялъ прислонясь къ столу, и смотрѣлъ на дверь.

„*Роткирхъ!*“ сказалъ онъ ему ласковымъ голосомъ: „гдѣ ты былъ все утро? я долго ждалъ тебя!“—

—Господинъ *Сени!* . . . — сказалъ Пажъ запинаясь.

„Я ужь знаю!“ прервалъ его Герцогъ: „подойди поближе, сынъ мой!“ — *Роткирхъ* подошелъ къ Герцогу. Такимъ благосклоннымъ голосомъ онъ никогда еще не говорилъ съ нимъ, хотя почти во всякомъ важномъ дѣлѣ упореблялъ молодаго *Роткирха*, и всегда опличалъ его передъ другими Пажами.

„*Роткирхъ!*“ сказалъ Герцогъ, положилъ руку на его плечо, и посмотрѣлъ ему приспаль-

но въ лице: „ты родился подъ счастливымъ Созвѣздіемъ, — ты стремишься къ высокому, это я одобряю,—ты вѣренъ мнѣ безкорыстно, это я знаю, я вѣ помѣ увѣренъ, и потому люблю тебя больше, нежели когонибудь изъ моихъ служителей. Я думаю, что могу повѣрить тебѣ тайну, до сихъ поръ извѣстную только Графинѣ *Терцки* и спарику *Сени*.

—Ваша Свѣшлость!—сказалъ Пажъ; почтительно поклонился, и прижалъ руку къ сердцу.—

„Не нужны увѣренія; я знаю, что въ груди твоей всякая тайна будетъ сохранена свято!“

„Маркизъ *дель-Гуасто*,“ продолжалъ онъ послѣ крапкого молчанія,“ предназначенный супругъ моей племянницы. Обстоятельства требующія сего союза! Но кажется, что Графиня *Матильда* не очень расположена къ нему; мать подозрѣваетъ, что какаянибудь тайная склонность отвлекаетъ ее отъ *Маркиза*. — Замѣчай, наблюдай ея шаги, открой того дерзкаго глупца, копорый, безъ воли моей, имѣетъ на нее виды; такая наглость не останется безъ наказанія. Довѣряю твоей проникательности; ты, я знаю, имѣешь острый взглядъ. Очень обяжешь эгимъ Графиню, копорая къ тебѣ весьма хорошо расположена, и знаетъ, что я тебѣ поручаю это дѣло!—Поди! въ Гичи нѣ объ этомъ еще поговоримъ.“

Роткирхъ низко поклонился, чтобы скрыть свое замѣшательство и краску, вспыхнувшую на щекахъ его.—Онъ хотѣлъ удалиться, но Герцога позвалъ его назадъ.

„Сени швой другъ!“ сказалъ онъ, разсмапривая Пажа съ необыкновенно вниманіемъ : „знай этому цѣну, и слушайся его совѣтовъ!“ Онъ кивнулъ головою — и Пажъ вышелъ изъ кабинета.

По пѣниспымъ алеямъ дворцоваго сада въ Гичинѣ задумчиво прогуливался *Гсоргъ Роткирхъ*, заняшый порученіемъ Герцога. Сей родъ довѣренности былъ для него совершенно новый: ему надзирашь за поведеніемъ молодой Графини *Терчки*! Проникнуть въ сокровеннѣйшія шайны ея сердца! Нѣтъ, нѣтъ! Эшого онъ не долженъ отъ меня шребовать! Послѣднія слова Герцога были увѣщательный голосъ великодушнаго Повелителя, который угадалъ мою сердечную шайну. Мнѣ должно: или опказашься отъ всѣхъ надеждъ моихъ или явно ишши прошивъ *Валленштейна*. — — Онъ содрогнулся при эшой мысли, ибо еще не былъ увѣренъ во взаимной любви къ себѣ *Матильды*.

„Не слѣпая ли самонадѣянность,“ подумалъ онъ самъ въ себѣ, заспавило меня почешь за искры любви нѣкопорые благосклонные взгляды, маленькія ласки, копорыя, можешь бышь, полько изліянія ея добродушія, ея снисхожденія.

„Будь швердъ! будь признашеленъ къ швоему благодѣтелю, копорый къ тебѣ, почши къ тебѣ одному, нисходитъ съ гордой высоты своей, обращается съ шобою какъ съ роднымъ сыномъ, увѣщеваетъ тебя какъ отецъ;

шамъ, гдѣ всякаго другаго уже давно бы покаралъ его справедливый гнѣвъ!—Будь швердъ!“ вскричалъ онъ громко.

— Вы говорите правду!—раздался голосъ позади его : будьте шверды , юный другъ ! заслужите шпоры , пора вырваться вамъ изъ круга служителей. —

Роткирхъ вѣ замѣшательствѣ посмопрѣлъ вѣ глаза звѣздочешу *Сени* , который извѣ-за ку-спа къ нему подкрался.

—Кто такъ какъ вы , продолжалъ аспрологъ: близокъ къ сердцу нашего Великаго Герцога , къ сему пошпенному замку , который сперегушъ могучіе богашыри : шотъ долженъ чувствоватъ вѣ себѣ силу лешать и воспарять вѣ высшіе предѣлы!—

„Почтенный спарецъ!“ сказалъ юноша , опомнясь отъ изумленія: „куда ни поспавитъ меня милоспивая рука моего благодѣшеля , вездѣ будетъ мнѣ хорошо. Мое сердце скромно , оно не любитъ залешать высоко.

— Юноша! — сказалъ спарикъ , и лице его озарилось почти свѣрхвеспешвеннымъ свѣшомъ:—юноша! вѣ недовольномъ сердцѣ швоемъ ты спремисься къ высокому. Помни розу , смѣло прошняи свою ррку , и сорви ее. — Только храбрый одерживаетъ побѣду , шолько вѣ слѣдъ ошважному мчипся форшуна на вершящемся шарѣ , лишь передъ швердою волею преклоняетъ желѣзный рокъ ; великолѣпно сіяютъ швои звѣзды , весело встрѣчаются Марсъ и Венера ; и гдѣ сіи планешы соединяются : шамъ сошприсущешвуешъ и Юпитеръ!— Спарецъ ме-

дленно удалился опѣ молодого человѣка — и скрылся въ чащѣ кустарника. *Роткирхъ* снова погрузился въ глубокую думу. — Вдругъ услышалъ стукъ каретъ, вѣбжающихъ на дворъ. Приникнувъ ухомъ къ пророческому голосу настоящаго, *Георгъ* опрометью бросился черезъ садъ къ замку. „Эпо она! эпо она!“ — Вскричалъ онъ: „она и Маркизъ *дель-Гцасто!*“ — и вдругъ, задумавшись, оспановился. — Не унывай мое сердце! хопя бы за нее пы погибло!“ —

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

І.

П О Э Т Ъ.

(Графу Дмитрію Иваповичу Хвостову).

Кшо знаешь гдѣ лучи берешь
 Царь-солнце въ яркій свой восходъ?
 Кшо знаешь, гдѣ берешь природа
 Воспорги дивные пѣвца?
 Рожденный возышашь сердца
 И властелиновъ, и народа,
 Покинешь игры дѣшскихъ лѣшъ,
 Ошь мысли сладкой: я Поэтъ!

И злашо, вѣчный идолъ свѣша,
 Не будешь идоломъ Поэша!
 Не полетишь на корабль
 Искать близъ полюса народовъ,
 Трубою Гершеля къ землѣ
 Онъ не приблизитъ горнихъ сводовъ,
 И удивленія вѣковъ
 Не купишь кровію враговъ!
 Онъ не пойдешь въ края чужіе:
 Умѣешь шамо осмѣять
 Обыкновенія свяшья,
 Кошорымъ научаешь машъ —
 Дождешься Музъ въ родной дубравѣ!
 Унынья шуская печашъ,
 Высокосшь мыслей, спрасшь ко славѣ,
 И взоръ свѣщаяйся умомъ,
 Ошь черни опличашъ Поэша.
 Играешь Вакховымъ жезломъ;
 Не шарѣешь сердце въ немъ; —
 Яншаръ и золошо разсвѣша,
 Съ луны упадшее сребро,
 Жемчугъ росы на лисьяхъ розы,
 Сушь лучшее его добро!
 Его душѣ чужія слезы,
 Какъ дѣвы полной спрасшью взглядъ —
 Краснорѣчиво говоряшь.
 Любимыя воспоминанья
 Его прибѣжище въ спраданѣхъ;
 Какъ въ зеркалѣ черны лица —
 Видна въ спихахъ душа пѣвца.
 Онъ чесшь шполѣшья, цвѣшъ народа,
 Онъ счасливъ счасшіемъ чужимъ;

И избрала его природа
 Въ друзья любовникамъ младымъ. —
 Объяшый ужасомъ священнымъ,
 Пророчишь воздаянне злымъ,
И униженіе надменнымъ.
 Онъ вопрошаешь у вѣковъ
 Какъ жили, какъ сражались дѣды:
Ихъ добродѣтели, побѣды
 Ввѣряешь памяти сыновъ.
 Подслушивая голосъ шайный
 Развалинь и гробницъ сѣдыхъ,
 Тревожишь пѣсню печальной
 Поклонника суепъ земныхъ,
 Онъ современниковъ уводишь
 Въ міръ созданный его мечшой; —
 Въ закашъ свой на цвѣшокъ ходишь,
Который предъ ночной порой
 Усиливаешь запахъ свой. —
 Упрашиваешь часшо Бога,
 Чшобъ нѣсколько его сшиховъ,
Написанныхъ въ пылу воспорга,
 Спаслись опъ жадноши вѣковъ!
 Съ симъ пламеннымъ желаньемъ сердца,
 Онъ вспрѣпишь часъ послѣдній свой,
 Такъ равнодушно, какъ пришельца
 Съ спраны далекой и чужой! —

Николай Невѣдомскій.

ОТВѢТЬ Н. В. НЕВѢДОМСКОМУ НА СТИХИ ЕГО
ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ : ПОЭТЪ.

Среди хлопошь, среди суешъ,
Хлопошь хозяйшвенныхъ, приказныхъ, —
Забавъ, часовъ не зная праздныхъ,
Ты пѣлъ на лирѣ кшо поэшь.

Тебѣ просшраншво міра шѣсно:
Какъ Исполинъ крылашыхъ силъ
Въ Поэшѣ суцешшво небесно
Прекрасно шы изобразиль.

Брось пушь, углаженный Марономъ,
Пари за Шиллеромъ, Бейрономъ,
Не убоясь кремнишпыхъ скаль
Осуцешшви свой *Идеаль!*

Графъ Хвостовъ.

3.

КЪ * * *

Едва на мигъ одинъ судьба насъ породнила,
И вдругъ младенецъ нашъ, залогъ родшшва исчезъ!
Любовь Создашеля его переселила
Съ невѣрныхъ земли въ пріятный край небесъ!
Воспоминачіемъ будь прошлое хранимо!

Но рокъ.... имъ правишь Божешшво!
Для насъ же все еще ошалося родшшво —
Въ ушрашѣ дружбою дѣлимой.

Ж.

РОМАНСЪ.

Не называй меня своимъ!
 Я былъ невольникъ; — слава Богу!
 Оковы рушились, какъ дымъ;
 И я зацѣль идя въ дорогу:
 „Не называй меня своимъ!“

* * *

Не называй меня своимъ!
 Вокругъ себя шолпа шѣснись;
 Довольна будь: шы идолъ имъ;
 Но швой пѣвецъ не возвращишя
 Не называй меня своимъ!

* * *

Не называй меня своимъ!
 Не вѣрю я пусшой надеждѣ,
 Не вѣрю кудрямъ шелковымъ;
 Не вспоминай чшо было прежде,
 Не называй меня своимъ!

* * *

Не называй меня своимъ!
 Я былъ невольникъ; — слава Богу!
 Оковы рушились, какъ дымъ —
 И я зацѣль идя въ дорогу:
 „Не называй меня своимъ.“

В. Владиславлевъ.

Письмо къ Издателю Славяннаго. ()*

Рано вспаю я здѣсь съ мѣста (съ постели), сброшу, *оцѣтку* (одѣяло), надѣну *обувку* (обувь) и примусь за книгу, или за перо. Когда же *обряжусь* (ошдѣлаюсь) и *облачусь* (одѣнусь), велю *человѣку* *пахать* (месши) и прибирашь комнапы, а самъ пойду на *цгорь* (на высокой берегѣ), спою и люблюсь на величественную Двину, покрышую ладьями, *карбасами*, *шняками* (разнаго рода суда) и *дѣшецѣбками* (челноками). Цгорь унизанъ красивыми деревянными домиками, а дома почши всѣ съ *вышками* (со свѣшлицами, шеремами) и въ *вышкахъ* *лолы* (окна) опкрышы. Дѣлалъ я съ *прѣзда* сюда визишы. Если скажущь гдѣ *живеть* (дома), то войдешь; если же услышишь: *повалился* (спитъ), такъ опъ *ворощь*. Быдъ я и на *новѣѣ* (**) (на шоргу, на рынокѣ). Въ одномъ мѣстѣ сельскія красавицы въ *отдиркахъ* (въ головныхъ плапкахъ) продающь въ *тѣсахъ* (въ буракахъ) морошку, *землянку* (землянику) и *кислицу* (красную смородину); въ другомъ сидящь съ *тетерками* (***) и *шана-*

(*) Писано нарѣчиємъ жишелей города Архангельска. В.

(**) *Новдемъ* называютъ здѣсь шоргъ, пошому что съ него привезущь, или принесущь всегда домой чтонибудь *новенькое*.

(***) Буква: е, произношишя здѣсь часшо какъ ё (іѳ), на примѣръ: шешѣрка, дѣржашь, прелѣсшная и ш. п.

ли (булками и лепешками); въ прешьей съ горшками и кубами (корчагами). Былъ у насъ недавно одинъ путешественникъ (изъ иноземцевъ). Лжешъ *дорожно* (очень много). Представыше себѣ: увѣрялъ шоржественно здѣшнихъ спарожиловъ, будто у насъ въ Архангельскѣ можно выспроить порядочный домикъ за сорокъ рублей, и съ хлѣвомъ. По крайней мѣрѣ въ десятеро убавилъ. Хорошо у насъ въ Архангельскѣ; годы шеперь не *зеленые* (голодные), а урожайные; но *издержаться и рѣшиться* (умереть) желалъ бы я лучше въ Пешербургъ, или въ Москвѣ. Простите, *доброхотъ*: пора за дѣло.

А. И.

Архангельскъ.

М Ы С Л И.

Изъ всѣхъ надписей на надгробныхъ камняхъ должно заключить, что до насъ не было порочныхъ людей.

Сколько головъ, столько умовъ, говоритъ пословица, слѣдственно глупцы безъ головы.

Мы часто хвалимъ покойниковъ изъ одной ненависти къ живымъ.

Замужество бѣдной невѣсты называютъ ея счастьемъ; замужество богатой—счастьемъ жениха.

Многіе не женятся для того, чтобы не обѣднѣть, а не одинъ не женится для того, чтобы не разбогатѣть.

Кпо все хвалишь , того самого не лзя хвалишь:—на свѣшѣ много худаго.

Несчастіе людей соединяешѣ ; счастье заставляешѣ забывашѣ дружбу.

Нѣкоторые заключающѣ , что люди болѣе склонны ко злу , чѣмѣ къ добру, единственно изѣ того, что еще въ самой глубокой древности выдумано ими наказаніе—выкалывашѣ глаза, и не болѣе зоо лѣшѣ , какѣ изобрѣшены ими очки.

Спрогоспію и безприспращіемѣ совѣспи пакѣ напугали людей, что большая часть изѣ нихѣ рѣшилась никогда ее не знашь.

Взаимная любовь между старикомѣ и молодой дѣвушкой пакѣ невозможна и невѣрояшна, что самое дерзкое воображеніе романистовѣ и сказочниковѣ не осмѣливается основашѣ на оной содержанія своихѣ рассказовѣ. Оно нашло, что люди скорѣе повѣряшѣ подвигамѣ Бовы Королевича и приключеніямѣ Вѣроошспутника (романѣ соч. д'Арленкура), нежели подобной спращіи.

Брань Журналистовѣ для чипапелей листковѣ ихѣ столь же занимательна, какѣ обѣдѣ въ представляемой піесѣ для зрипелей.

Обѣдѣ скупаго — неоспоримое доказательство спращіи нашей любви къ жизни.

Невѣрная жена—не болѣе , какѣ поблекшій листѣ прекрасно-цвѣтущаго дерева.

Опецѣ мой , говорилѣ жидѣ своему сыну , ошправляя меня въ свѣшѣ, не далѣ мнѣ ничего, предоспавилѣ только право пользоваться всѣ-

ми средствами для содержания себя, и я нажилъ сто тысячъ рублей: Я предоставляю тебѣ также всѣ средства для набогаченія и, сверхъ того, даю шалеръ, спускай и возвращись ко мнѣ съ миліономъ, иначе лишишься любви моей и наследства. Молодой жидъ, не желая, по крайней мѣрѣ, поперясть послѣдняго, употреблялъ всѣ способы нажить миліонъ, и былъ повѣщенъ. — Виновата Судьба !

Все различіе между ябѣдой и злословіемъ состоитъ въ ихъ издержкахъ: — дѣла первой, по большей части, пишутся на гербовой бумагѣ, и она подвержена судейской пени. Послѣдняя безъ всякихъ пошлинъ изливаетъ ядъ свой.

Грѣхи и деньги имѣютъ общее между собою то, что безъ нихъ люди жить не могутъ.

Пора уже перестать называть золотымъ вѣкомъ то время, въ которое совсѣмъ не было золота. Пусть онъ будетъ вѣкомъ счастья или самой добродѣтели; но почешное названіе Золотого, по всей справедливости, принадлежитъ нашему времени, ложно называемому жѣлезнымъ.

Послѣ многолѣтнихъ наблюдений, дѣланныхъ мною со всѣмъ безпристрастіемъ, открылъ я, что невѣсты имѣютъ свой Календарь. До 15 лѣтъ своей жизни онѣ, какъ и мы, считаютъ въ году 12 мѣсяцовъ, отъ 15 до 20 годъ ихъ состоитъ изъ 24 мѣсяцовъ; отъ 20 до 30 изъ 36 мѣсяцовъ; отъ 30 до замужства, или до самой смерти, какъ случится, все про-

долженіе времени называютъ онѣ однимъ 31 годомъ.

Мѣсяцы невѣстѣ имѣють одинакое число дней съ нашими.

Умирающій невольникъ спрашивалъ у своего господина, что прикажетъ дѣлать ему на небѣ? „Не сказывай, что дѣлается на землѣ,“—опѣчалъ его властелинъ.

1. . . . 3.

Лагерь на р. Араксѣ.

Невѣрныя показанія Г. Свиньина о Керченскихъ древностяхъ, обнаруженныя Издателемъ Одесскаго Вѣстника.

Въ No 61-мъ нынѣшняго года, Издашель Одесскаго Вѣстника (В. И. Туманскій) упрекаетъ почтеннѣйшаго П. П. Свиньина въ маленькихъ невѣрностяхъ или невѣрояпностяхъ, опносительно Керченскихъ древностей (Отчественныя Записки 1828, Апрель) и говоритъ: „На спр. 26-й Путешественникъ (П. П. Свиньинъ) обвиняетъ покойнаго Генерала Розенберга (предмѣстника Дюка-де-Ришелье въ начальствованіи Новороссійскимъ краемъ), во взорваніи пороховъ близъ Керчи зданія, извѣстнаго подъ названіемъ Золотаго Кургана. Разрушилъ порошокъ сіе зданіе предпринималъ (но къ счастью, безъ большаго успѣха), бывший въ Керчи Командантомъ Генераль-Маіоръ Борзовъ, а не Генераль Розенбергъ.“

„На спр. 50-й, Авторъ (П. П. Свиньинъ) приписываетъ Генуэзцамъ поспройку Еникаль-

ской цитадели. Но сіе укрѣпленіе существуетъ только со времени владычества Турокъ въ Крыму, какъ показываетъ самое имя оной: ибо Ени-Кале на Турецкомъ языкѣ значитъ *Новая-крѣпость.*“

Не уже ли Издапель *Одесскаго Вѣстника* этому удивляется? Пора бы привыкнутьъ къ подобнымъ промахамъ: *Отвѣтственныя Залиски* уже десятый годъ въ свѣтѣ выходятъ. И такія ли историческія черпы находимъ мы у *Г. Свиньина!* Напр: 1) Всѣмъ пробѣжавшимъ изъ Москвы въ Санктпепербургъ извѣстно, что Новгородскій Соборъ покрытъ жесью, а у него крышка вызолочена. 2) Пароходъ съ обыкновенными путешественниками пробѣгаетъ не болѣе 15-ми, рѣдко по 20-ти верстѣ въ часъ, когда же на немъ плыветъ *Павель Петровиъ*: по по 28½ верстѣ. Мы шутимъ не любимъ! 3) Каждому грамотному Русскому человѣку извѣстно, что книгопечатаніе введено въ Россію въ 1553-мъ году; а *Павлу Петровицу* угодно, чтобъ сіе благодѣтельное искусство водворилось въ нашемъ Ошечествѣ *девяносто однимъ* годомъ позднѣе, т. е. въ 1664-мъ году! 4) У *Карамзина* въ *Исторіи Государства Россійскаго*, гдѣ все основано на доказательствѣхъ, справкахъ и ссылкахъ, казнь *Марѣы Посадницы* послѣдовала при Великомъ Князѣ *Иоаннѣ III Васильевицѣ*. У *П. П. Свиньина* (Ч. VII, стр. 337) она казнена *Царемъ Иоанномъ Васильевицемъ Грознымъ*.

Довольно ли?

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

О КАВАЛЕРІЙСКОЙ ТАКТИКѢ ВООБЩЕ.

(Изъ Бисмарка).

Искусство распавлять войска, производить ими движенія и, наконецъ дѣйствовать или сражаться, составляетъ предметъ обширнаго искусства Тактики.

Расположенія войскъ и движенія ихъ производятся въ сраженіи, или внѣ онаго. Въ слѣдующихъ главахъ говорено будетъ обо всемъ подробнѣе; шеперь же, прежде всего, слѣдуетъ упомянуть о важнѣйшихъ началахъ къ расположенію и движенію войскъ во время сраженія, и о сраженіи вообще.

Здѣсь напередъ предполагается учрежденіе полка, образованіе и вооруженіе человека, доведеніе лошади и всѣхъ къ тому принадлежностей до совершеннаго единообразія и устройства, такъ, чтобы полкъ имѣлъ видъ мудро-составленной машины, копорую опытная и искусная рука можетъ дѣйствовать скоро удобно и легко.

Въ этомъ заключаются первоначальныя основанія службы; онѣ не вездѣ одинаковы, а зависящѣ частію отъ свойствъ и образа жизни народа, частію же отъ воли и вкуса Государя.

Хотя обыкновенно сіи первоначальныя основанія службы называются предварительною Такшикою, и считаются къ ней принадлежащими, но не менѣе того, все, что здѣсь разумѣется подъ основаніемъ службы, никакъ нельзя отнести къ Такшикѣ.

Не смотря на то, что *Маршалъ де Саксъ* производитъ слово *Тактика* отъ правильной маршировки подъ такпу древнихъ Римлянъ, понимаемъ мы теперь подъ названіемъ Такшики со всѣмъ иное, нежели полковое ученіе и манежную бѣду.

Хотя искусство верховой бѣды и вообще образованіе всадника чрезвычайно важно, и должно быть почитаемо основаніемъ Такшики; но между Такшикою и означенными искусствами, существуешь почти шоль же большое различіе, какъ между фундаментомъ зданія и самимъ зданіемъ.

Касательно же предварительныхъ основаній службы; по желательному видѣнь, чтобы пакыя во всякой арміи ясно и подробно были изложены въ уставахъ; дабы отъ рядоваго до Полковника, каждый находилъ въ нихъ всѣ отношенія службы, обязанностей и правъ своихъ.

Подобный общій уставъ могъ бы раздѣленъ быть слѣдующимъ образомъ.

*Основанія Кавалерійской службы въ четырехъ частяхъ.**Часть I-я, книга законовъ.*

А.) Военные законы.

Б.) Чинопочитаніе, ясно и подробно изложенное, какъ служащее самымъ вѣрнымъ основаніемъ военному сословію.

В.) Правосудіе: по еспь, изложеніе опношеній военнаго вѣдомства къ законамъ Гражданскимъ и Уголовнымъ и обнародованная Инструкція для Аудиторовъ:

Надлежитъ опредѣлить ясно, въ какихъ случаяхъ солдатъ подвергается законамъ Гражданскимъ въ видѣ гражданина, дабы не наказывать его за преступленія, учиненныя не по службѣ, и строгостию, свойственною законамъ воинскимъ; почему можно раздѣлить преступленія на воинскія и гражданскія.

Часть II-я, книга о службѣ.

Отдѣленіе I-е) Общія опношенія по службѣ; или Уставъ ея, съ приложеніемъ всѣхъ формъ для всякаго рода рапортовъ, приказовъ и прочихъ бумагъ.

Отдѣленіе II-е) подробныя опношенія по службѣ, внутренняя служба въ полку, описаніе и рисунки всѣмъ оружіямъ, амуниціи солдатской и конной збруи.

Часть III-я, книга занятій.

Отдѣленіе I-е) выправка пѣшая и конная по одиначкѣ; выѣздка ремонтша, употребленіе оружій.

Отдѣленіе II-е) эскадронное ученіе: пѣшее и конное, и образованіе фланкеровѣ.

Отдѣленіе III-е) Полковое ученіе.

Часть IV-я, книга о службѣ полковой.

Форпостная служба. — Малая война.

Кѣ симѣ правиламѣ и наспавленіямѣ, можно присовокупить, какѣ доказательства ихъ пользы, относящіеся кѣ тому примѣры, почерпнутые изѣ Исторіи опечеспвенныхъ походоѣ; — такимѣ образомѣ, помѣспя вѣ оной книгѣ имена опличившихся Офицеровѣ, унперѣ-офицеровѣ и рядовыхъ, Правительспва нашли бы новый и благороднѣйшій способѣ возжечѣ честолоубіе вѣ молодомѣ воинѣ, и сдѣлапѣ сію честпершую книгу основанія кавалеріійской службы, вѣ наспопящемѣ смыслѣ сего слова, родословною книгою арміѣ.

Если вѣ Аршиллеріѣ опличается частѣ снарядная, то есть орудіе, боевые припасы, упряжѣ и ш. д. опѣ частп личной, то есть опѣ Аршиллеристовѣ, и если раздѣленіе сіе, по мнѣнію *Теобальда*, можетѣ проспираться на всѣ роды оружіѣ, то вѣ кавалеріѣ спковому различію пѣмѣ приличнѣ имѣпѣ мѣспо.

Вѣ такомѣ случаѣ лошади, збруя и оружія соспавляли бы частѣ снарядную или машеріальную; всадники — частѣ личную. По испинѣ, опѣ части сіѣ имѣюпѣ сущеспвенное между собою различіе: ибо сколь мало вѣ соспояннѣ принеспѣ пользы самый искусный Аршилле-

ристъ, орудіемъ поврежденнымъ; столь мало имѣетъ присутствіе духа самый опважный бздокъ, коль скоро подъ нимъ дурная лошадь; пѣшій же Кавалеристъ совершенно бесполезенъ; лучшимъ доказательствомъ сего можетъ служить походъ *Наполеона* 1812 году, во время которой 80.000 спарой и опытной Кавалеріи погибло единственно отъ того, что часть снарядная не могла быть сбережена.

Въ Москвѣ приказалъ *Наполеонъ* составить изъ пѣшихъ Кавалеристовъ, число коихъ простиралось тогда до 10.000 человекъ, цѣлые полки и баталіоны по пѣшему расчету, и вооружить и употреблять ихъ какъ пѣхоту; однакоже, черезъ три дни по выступленіи изъ Кремля, они совершенно разстроились, между тѣмъ, какъ настоящая пѣхота бодрствовала и еще упорно сражалась подъ малымъ Ярославцемъ и Вязьмою (*).

(*) *Наполеонъ* не одинъ разъ выступалъ въ походъ, имѣя пѣшими цѣлыя дивизіи драгунъ, и уже въ продолженіи войны доставлялъ имъ лошадей изъ завоеванныхъ земель; но въ послѣдствіи самъ не одобрялъ сего распоряженія; вошь на сей счетъ собственныя его слова. „Въ походахъ 1806 и 1807 годовъ возникло предубѣжденіе прошиву драгунъ; драгунскія дивизіи были пѣшими собраны въ Компіенъ и Аміенъ для высадки ихъ на Англійскіе берега; онѣ назначены были для управленія пѣхотной службы, пока непріятельская земля не доставитъ для нихъ пошребнаго количества лошадей. Въ послѣдствіи, сіи самыя дивизіи служили пѣшими въ походахъ 1805 и 1806 годовъ до самаго сраженія подъ Еною, послѣ котораго удалось

Доказательствомъ того , сколь важна лошадь и сколь мало опасенъ, пѣшій кавалеристъ, можетъ служить еще приказъ *Густава-Адольфа*, отданный по Шведской кавалеріи на канунъ Лейпцигскаго сраженія въ 1631 году, коимъ повелѣно было рубить поперешными ударами по головѣ и по шеѣ непріятельскихъ лошадей ; дабы пѣмъ распроишь ряды ихъ и воспользоваться безпорядкомъ , имѣющимъ опъ того произойши.

И въ новѣйшія времена частные пѣхошные начальники съ успѣхомъ направляли огонь своихъ баталіоновъ не по всадникамъ , а по лошадямъ ихъ ; будучи въ помъ мнѣніи, что съ паденіемъ лошади всадникъ перестаетъ быть опаснымъ.

Бюловъ въ сочиненіи своемъ : о духѣ настоящей системы войны, подробно объясняетъ, какое имѣетъ вліяніе потребность фуража на дѣйствія и движенія войскъ — ,читая исчисленія Генерала *Темпельгофа*, говоритъ онъ , и вспоминая о той несмѣрной громадѣ лошадей, которая для нынѣшнихъ армій содѣлалась необходимою, позволительно безпокоиться, дабы непомѣрное число сіе не оголодило цѣлую часть свѣта.

Сохраненіе снарядной части есть первая обязанность кавалерійскаго Офицера: лошадямъ потребенъ опдыхъ и время для корма ; ковка

„посадишь ихъ на лошадей, опняшихъ у Прусской кавалеріи Но всѣ сіи обстоятельство послужили къ ихъ вреду.“ (См. *Записки Монтолона*).

должна бытъ опличная и производима съ разборчивоспію, смотря по копышамъ; конскій уборъ пригнанъ съ величайшею пщательноспію и въ лучшемъ видѣ сберегаемъ.

Рѣдко конница принуждена бываетъ, по недоспашку въ людяхъ, опсылашь здоровыхъ лошадей; гораздо чаще случается видѣшь здоровыхъ людей пѣшими; часть личная кажется менѣ важна; не потому, чѣмобъ сіе въ существѣ такъ было; но единственнено по той причинѣ, что какъ скоро еспь средство сберечь часть снарядную: то часть личная сама собою сохраняется. И въ самомъ дѣлѣ, кавалеристъ, подъ предлогомъ фуража, собсвенно болѣе о себѣ печеться, отъ того такъ часто и слышна жалоба: конница грабишь! ибо кавалерійскіе Офицеры скорѣе соглашаются снисходитьъ на то, чему совсѣмъ препяшпвовать они не въ силахъ, и что съ войною неразлучно, нежели перяшь изъ виду первую свою обязанность: сохраненіе части снарядной.

Искусство разставлятъ кавалерію.

Конница не можетъ дѣйспвовать иначе, какъ наступательно: для наступательныхъ дѣйствій нужны сила и спремленіе, для оборонительныхъ—осторожность и благоразуміе.

Конница должна искать опкрышаго мѣстоположенія: на ономъ ей удобно обнаружитъ всю силу и всю быспрошу свою.

Движеніе еспь спихія конницы; въ семъ состоитъ все ея превосходство; но здѣсь разумѣется исключительно движеніе, производи-

мое ни чемъ инымъ, какъ спрасстію къ славъ, направляемое соображеніемъ смѣлымъ и исполняемое со всею гоповностію и увѣренностію души рѣшипельной и опважной.

Никогда не спановяшъ конницу пакъ, какъ спановяшъ пѣхопу: на той самой линіи, которую надлежитъ охраняшъ; напрошивъ того, почка, которую поручено защищать кавалеріи, должна находиться впереди ея фронта или къ сторонамъ, на томъ концѣ, дабы она имѣла возможность, въ томъ же мигъ, какъ означенная почка бываетъ угрожаема, дѣйствовать на оную всю силою общаго удара.

Изъ сего слѣдуетъ, что конницу никогда не располагаютъ впереди мѣстныхъ препятствій, но всегда позади оныхъ, и въ такомъ отъ нихъ разстояніи, чѣмъ удобно было ей безпрепятственно произвести свою атаку. Когда конница несется во весь опоръ; но ничто не должно преграждать быстроту ея полета. Если же мѣстное препятствіе удержало ея стремленіе и принудило построиться въ малые отдѣленія, тогда уже нечего ожидать отъ ея дѣйствій: сила ослабѣла и огонь ея угасъ; много потребно времени, чѣмъ снова приготовить ее къ удару и, можетъ быть, навсегда ускользнула рѣшипельная, невозвратная минута.

Разсавляшъ конницу въ видѣ прикрытія за батареями и при томъ слишкомъ близко, значитъ жертвовать ею бесполезно, всегда выгоднѣе спавить ее на одной линіи по сторонамъ батарей, или косвенно, тупым угломъ

къ нимъ; пѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ случаѣ, она способна произвести самую рѣшительную изъ всѣхъ атакъ атаку во флангъ непріятелю.

Въ день сраженія, полагается первымъ условіемъ: собратъ на одной почкѣ, но въ двухъ или трехъ линіяхъ; большую массу кавалеріи. Вся сія кавалерія поручается въ распоряженіе одному лицу, умѣющему воспользоваться благопріятными мгновеніями для сильныхъ напсковъ. Начальникъ сей важной массы получаетъ приказанія отъ одного только Главнокомандующаго, и дѣлается тогда Генераломъ отъ Кавалеріи, въ полномъ смыслѣ сего слова.

Различныя существующія мнѣнія на счетъ того, какое надлежитъ въ день общаго сраженія, конницы заняты мѣсто. Долгое время становили ее по флангамъ позиціонной линіи, Это вошло было въ обыкновеніе; но изъ сего произошла та невыгода, что войска не были въ состояніи поддерживать себя взаимно и, съ разбитіемъ конницы, фланги пѣхопы оставались безъ опоры.

Вѣроятно, что таковое разобщеніе конницы подало поводъ почитать оружіе сіе не необходимымъ тогда, какъ оба оружія—пѣхопа и кавалерія—не рѣдко дѣйствовали совершенно отдѣльно. Онѣ даже иногда споль мало себя обоюдно поддерживали, какъ будто одно къ другому не принадлежало;—между пѣмъ, какъ скоро Кавалерія бывала опрокинута, то не менѣе того и пѣхопа, полагая себя потерянною, оставляла свою позицію. Сіе заставило нако-

нецѣ полководцевѣ снова обратишь вниманіе на конницу, и пошѣ извѣ нихѣ, у кого она превосходитѣ, старался прежде всего атаковать и опрокинуть непріятельскую конницу, чшобѣ бытъ увѣрену вѣ успѣхѣ всего сраженія.

Иногда, чувствуя несоразмѣрную поверхность непріятельской конницы, подкрѣпляли полководцы собственную свою небольшими опрядами пѣхоты.

Такѣ, во время тридцатилѣтней войны, *Густавъ-Адольфъ* обыкновенно ставилѣ цѣлые взводы пѣхоты вѣ интервалы своихѣ эскадроновѣ, полагая шѣмѣ придашь имѣ болѣе силы и преимущества надѣ Австрійскою кавалерією, которая вѣ храбрости равнялась сѣ его кавалерією; но превосходила ее числомѣ.

И *Фридрихъ великій*, вѣ сраженіи подѣ Мольвицомѣ, употребилѣ для кавалеріи своей пошѣ же самый боевой порядокѣ: она поставлена была по флангамѣ арміи, а вѣ интервалы ея размѣщены были два баталіона Гренадерѣ,—,распоряженіе, которому вѣроятно, говорилѣ откровенно самѣ Король, никто не будешѣ подражать болѣе.“ (*)

По большой части, самое поле сраженія указываетѣ кавалеріи ея позицію: такѣ же, гдѣ удобность сія не имѣетѣ мѣста, должна она бытъ свернушою позади пѣхоты вѣ большой массѣ; скорость движеній ея позволяешѣ,

(*) Исторія моего времени.

не раздѣльно употребишь ее въ день битвы на разныхъ почкахъ. (*)

На какое бы ни было расположеніе конницы, она всегда должна имѣть въ виду два главныхъ правила: обезпеченіе своихъ фланговъ и сохраненіе сильнаго позади себя резерва. Чрезъ сіе боевая линія не только приобрѣтаетъ болѣе надежности, но и самая нравственность въ солдатахъ возрастаетъ. — Онъ сражается смѣлѣе, видя позади себя многочисленное войско, готовое подкрѣпить его. Угадываетъ мгновеніе, когда должно ввести въ дѣло резервъ, принадлежитъ къ задачамъ, которыя рѣшаются Геніемъ.

Нѣсколько меньшихъ отрядовъ легкой кавалеріи, говоритъ Эрцгерцогъ Карлъ раздѣ-

(*) *Наполеонъ*; кошорога сужденія о воинскомъ искусствѣ, по словамъ *Графа Бисмарка* (*) до шѣхъ поръ спашу служить правилами, пока воеваш на свѣш будуш, въ Февраль 1814-го, гошовясь произвеш нападеніе на Силезскую армію и опдавая Генералу *Груши*, начальштвовавшему всею Кавалерією, приказанія свои, произнесъ между прочимъ сіи доспопашныя слова: „Въ предшоящихъ намъ дѣлахъ, я много ожидаю отъ Кавалеріи, не взирая на то, что большая часть ея изнурена отъ непрестанныхъ движеній и переходовъ; вѣрояшно, что конница Союзниковъ и многочисленнѣе нашей; но не въ шомъ дѣло—Кавалерія важна не числомъ; а употребленіемъ — помнише эшо, Генераль! что шамъ гдѣ не имѣешся многихъ Кавалерійскихъ массъ, обязаны мы вознаградишь сей недоспашокъ движимостію одной и шой же массы.“ Л

(*) Система для Кавалеріи стр. 254.

щенныхъ позади первой боевой ликии пѣхоты, достапочно, чшобѣ бросишья сѣ успѣхомѣ сквозь интервалы ея, коль скоро наступающій или опрокинутый непріятель представитѣ къ тому удобный случай.

Кто слѣдуетѣ сему правилу, соединя всю остальную кавалерію на одну почку, подѣ начальство искуснаго и опважнаго Генерала, потѣ вѣ правѣ ожидать опѣ нее шогда дѣйствій чрезвычайныхъ, чудесныхъ.

Эрцгерцогѣ *Карль* присовокупляетѣ далѣ: Генералу, „которому Главнокомандующій армією „вѣ день общаго сраженія поручилѣ всю кавалерію“, не должно ни какими убѣжденіями „другихъ Генераловѣ согласишья на раздробленіе своей массы—для оказанія ея часпями „мгновеннаго и вѣ сущесствѣ ни къ чѣму не „служащаго вспомошествованія.“

Рѣдко Австрійскіе Генералы руководствовались сими правилами; повсюду была ими перемѣшиваема конница сѣ пѣхотою тамѣ, гдѣ шолько на позиціи встрѣчались равнины; эшо наблюдали они даже и на самыхъ переходахъ войскѣ. Такимѣ образомѣ пѣхота теряла существенную свою силу и сѣ симѣ вмѣстѣ и собственное свое достоинство; а кавалерія, будучи раздроблена на опряды, лишалась возможноши рѣшатѣ участѣ сраженій.

Искусство производить движенія.

Движенія конницы должны бытъ быспры, для непріятели не — ожиданны и носить на себѣ печать рѣшимости и увѣренности.

Конница должна спарашься выигрывать у непріятели фланги, и для того производишь движенія свои столь быстро и столь внезапно, чпобъ не оставалось ему времени совершить оборонительное построение.

Противъ конницы, сіе произвести гораздо удобнѣе, нежели противъ пѣхоты; ибо пѣхота скорѣе успѣваетъ построиться въ Каре, чѣмъ атакующая конница совершитъ свой ударъ.

А потому слѣдуетъ испытывать посредствомъ частныхъ атакъ авангарда, расположение и свойство противу-стоящей пѣхоты, спарашься пѣмъ самымъ, если не поколебашь, то по крайнемѣрѣ, распретвожить ее, а тогда уже избрать удобнѣйшее мгновение къ рѣшительному удару. Сей цѣли соопвѣпспвуетъ болѣе всѣхъ прочихъ построение успупали.

Нѣкоторыя военныя писатели предлагали строить противъ пѣхоты кавалерію въ густую сомкнушую колонну, имѣя въ виду, что бы послѣднія части конницы, претерпѣвая менѣе отъ огня пѣхоты, съ большимъ усиленіемъ напирали и гнали впередъ голову колонны. Со времени усовершенствованія огнеспрѣльнаго оружія, глубокой спрой, при самомъ напикѣ, вышелъ изъ употребленія.

Впрочемъ бывають случаи, въ коихъ быстрый ударъ столь важенъ и столь рѣшительнъ, что потеряшь драгоцѣнное время въ развертываніи колонны было бы погрѣшностію непростибельною — тогда все равно, какимъ бы порядкомъ ни былъ нанесенъ непріятелю

ударъ, фронтомъ ли, сомкнушою или разомкнушою колонною: лишь бы онъ нанесенъ былъ съ пою рѣшимостію и живостію, копоры всегда предвѣщающъ и дающъ успѣхъ.

Опважный поступокъ Генерала *Ремера* въ сраженіи подъ Мольвицомъ, служивъ шому блистательнымъ примѣромъ:

Имераторская Армія, подъ предводительствомъ Фельдмаршала *Нейлера*, не помышляя о Генеральномъ сраженіи, расположена была въ шѣсныхъ кантониръ - кварширахъ въ окрестностяхъ Мольвица; Въ 10-й день Апрѣля 1741-го года, Фридрихъ нечаянно атаковалъ ее. Генераль *Графъ Шцлембургъ* начальствовалъ Прусскою кавалерією; — Генераль *Ремеръ* кавалерією Римскаго Императора.

Генераль *Ремеръ*, прибывъ на мѣсто сраженія, усмотрѣлъ пошчасъ, что Прусская кавалерія, сдѣлавъ по эскадронно лѣвья плеча впередъ, слѣдовала къ деревнѣ Герендорфъ, къ копорой должно было примкнуть правое крыло Арміи; онъ проникнулъ всю важность сего намѣренія, а пошому, не шеряя времени въ развершываніи своихъ шридцати эскадроновъ, бросился онъ, такъ какъ шелъ, эскадронною колонною во весь опоръ на непріятеля, копорого смялъ и опрокинулъ, чего и ожидать надлежало; обѣихъ споронъ кавалерія пошеряла своихъ Генераловъ.

Движенія и атаки фланговья производяшя различными способами, о коихъ въ послѣдствіи будетъ упомянуто. Эрцгерцогъ *Карль* и Генераль *Теобальдъ* совѣшующъ, чтобы позади

фланговъ боевой линіи слѣдовали резервные полки въ колоннахъ, съ пѣмъ, чтобы обезпечить свои собственные фланги, и сохраняя удобность посредствомъ быстрой деплояды обскатить фланги непріятельскіе.

Одно изъ лучшихъ средствъ для того, чтобы выиграть фланги, особенно проптивъ конницы, есть перемѣна фронта быстрымъ движеніемъ исполненная; равномерно и внезапное построение косвенной линіи.

Построение уступами весьма способствуетъ къ сформированію и сохраненію Облическаго фронта. Косвенный порядокъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайныя преимущества; но пребываетъ только, какъ и предполагается здѣсь, опытныхъ, внимательныхъ и исправно обученныхъ полковъ.

Сраженіе конницы.

Атака конницы на каждомъ шагѣ подвержена случайности, и часто не удается отъ малѣйшаго сопропивленія, если только оно было неожиданно.

Отсюда происпекаетъ правило, чтобы стараться всегда производить на непріятеля нечаянныя нападенія; себя же отъ таковыхъ обезопасить.

Первое исполняется посредствомъ быстрыхъ движеній, производимыхъ на одинъ или на оба непріятельскіе фланга и, вмѣстѣ съ пѣмъ, и на резервъ его, какъ скоро позволятъ сіе сдѣлать превосходство силъ. Во второмъ случаѣ, всегда успѣемъ, если, для одержанія

поверхности, сосредоточимъ на одномъ мѣстѣ большее число своей кавалеріи, разставимъ ее въ двѣ или при линіи, сообразно съ обстоятельствами, и не упустимъ и здѣсь изъ виду обезпеченіе собственныхъ своихъ фланговъ.

Самая же атака исполняется съ пѣмъ порывомъ, который одинъ въ состояніи произвести счастливыя послѣдствія.

Такъ какъ общій ударъ пребудетъ напряженія всѣхъ нравственныхъ и пѣлесныхъ силъ, во время коего конница приводится въ необыкновенное состояніе горячности, оканчивающееся противуположенною крайностію, покоемъ или истощеніемъ; и, такъ какъ даже и успѣшный ударъ, влечетъ почти всегда за собою безпорядокъ отъ неравенства фронта, происходящаго отъ неравенства силы и быстроты лошадей: то изъ сего явствуетъ, что прежде всего надлежитъ увѣриться въ успѣхъ наиска, и для того въ то самое мгновеніе, когда переходятъ изъ галопа въ каріеръ и, когда рѣшительная кавалерія, и безъ того уже, пылаетъ храбростію и неперѣніемъ, умѣетъ употребить всѣ средства, чтобы возвысить духъ сей до состоянія совершеннаго изступленія.

Сила истощается отъ употребленія силы, и въ такой мѣрѣ, что послѣ крайнихъ усилій слѣдуетъ крайность истощенія; а по сему надобно искать обезпечить успѣхъ огня, пока еще онъ не прекратился.“

Никогда кавалерія споль ни слаба, какъ послѣ счастливой атаки, и ни въ какое время не бываетъ легче ее побѣдить.

Пока выспраиваеяся фронтъ и даеяся время опомниаься людямъ, и успокоишь лошадей, обыкновенно раздаеяся по всей линіи дикій шумъ, гулъ радосной побѣды; ибо всякій спѣшишь сообщишь поварищу о подвигахъ своихъ. Вотъ отъ чего въ то время биваютъ и невнимательны къ командѣ; напрасно играеяъ труба; щепно стараюяся начальники возспановишь порядокъ; въ сію минушу явишь свѣжая, непріяшельская кавалерія: она все смѣшаеяъ; но прошивъ сего должна обеспечишь вторая линія, слѣдуюшая на рысахъ въ величайшемъ порядкѣ.

Если бы можно было заманишь въ дѣло всѣ силы прошивника своего, и уже тогда двинушь впередъ свѣжую линію многочисленной кавалеріи, подобно какъ сдѣлалъ Эрцгерцогъ Карлъ подъ Вирцбургомъ, то всегда можно бышь увѣрену въ побѣдѣ.

Побѣда неблеспяца, нерѣшипельна, несовершенна, кошорою конница не можеяъ воспользоваться; напрошивъ того, пошеря сраженія, кошорое рѣшаеяся конницею, биваетъ для прошивника всегда пагубна и сокрушипельна.

Лахманъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Пажъ Герцога Фридландскаго.

Историческая повѣсть; соч. *Тролица*.

(Продолженіе).

Графиня *Терцки*, Маркизъ *дель-Гуасто* и множество другихъ гостей пріѣхали въ Гичинъ; они оживили Герцогскій замокъ. Извѣстіе о проигранномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ побудило *Валленштейна*, оставивъ на короткое время Прагу, и удалился въ Гичинъ; надлежало дать пройти первому ужасу отъ пораженія Императорской арміи; онъ радовался несчастію Генерала *Тилли*, соперника имъ ненавидимаго; однако же не смѣлъ обнаружить своей радости. Для избѣжанія всего этого, оставилъ онъ Прагу, и пригласилъ только своихъ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ, сопутствовавъ ему въ Гичинъ.

Графиню *Терцки*, кошорой отккрышы были всѣ его шайные планы, оставилъ онѣ на нѣсколько дней въ Прагѣ единспвенно для того, чшобы черезѣ нее узнать, какое впечатлѣніе сдѣлаеть на Богемцевѣ вѣсть о Лейпцигскомѣ пораженіи. Для него очень важно было, въ точности узнать расположеніе народа; до самой Саксонской границы повсюду разсланы были его лазутчики, дабы немедленно извѣстить его о вшорженіи *Арнима* и о духѣ Богемцевѣ.

По пріѣздѣ своемѣ, Графиня потчасѣ поспѣшила къ Герцогу, и увѣдомила его обо всемѣ, что въ отсутствіи его происходило въ Прагѣ. Герцогѣ крайне обрадовался, услышавѣ обѣ уныніи *Донь-Бальтазара* и о восторгѣ Богемцевѣ, все еще вшайнѣ приверженныхѣ къ исповѣданію *Гусса*. Отбышіе Герцога еще болѣе взволновало умы. „Но кромѣ сихѣ извѣстій,“ присовокупила Графиня въ концѣ разсказа, я должна сообщить вамѣ еще нѣчто важное. Извѣ Вѣны пріѣзжалѣ гонецѣ отѣ Князя *Эгенберга* къ аспрологу; онѣ говоряшѣ, даже и шеперь еще здѣсь.“ —

—Князь мнѣ другѣ! — Сени мнѣ преданѣ! — прервалѣ ее Герцогѣ: кто знаетѣ, какіе вопросы о будущности *Эгенберга* предложилѣ моему аспрологу! — Еслибѣ я могѣ всѣмѣ доврять, какѣ эшимѣ двумѣ особамѣ! —

„Еще я получила достовѣрное извѣстіе,“ продолжала Графиня: „что *Георгъ Роткирхъ*. . . вы знаете, какѣ я люблю его. . .“

—Любите!—подхватилъ Герцогъ.

„Что Георгъ Роткирхъ,“ продолжала Графиня: въ день вашего опѣвѣда имѣлъ пайное свиданіе съ однимъ Нюрнбергскимъ пѣвцемъ въ гостинницѣ золошаго грозда. Вы знаете, какъ доброжелательствуютъ вамъ Нюрнбергцы!“

Герцогъ улыбнулся.

„Эти Имперскіе граждане, какъ мнѣ о нихъ сказывали, странные люди; они опѣ всего робко удаляются! И не смотря на то, въ самый день прибытія въ Прагу, ихъ не было дома до глубокой ночи. Говорятъ, будто они сюда пріѣхали!“

—Право!—сказалъ Герцогъ пропѣжнымъ голосомъ. Лицо его сдѣлалось угрюмѣе; онъ посмотрѣлъ на Графиню испытующимъ взоромъ.— —Хотя вы спараешесь одушевить себя духомъ мужества, сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія: но все видно женщину и вы не можете опказатьсь опѣ мѣлочнаго щеславія. Вы имѣете мою полную довѣренность, вамъ только опкрываю мое сердце. Но вы симъ не довольствуетесь.—Всякаго, кому я доброжелательствую, вы хотите опѣ меня удалить. Вы ненавидите аспролога: ибо до того самолюбивы, что мечтаете сами угадывать мою будущность, между шѣмъ, какъ онъ въ звѣздахъ ее читаетъ и показываетъ мнѣ блестящіе образы. Сходство дня и часа рожденія, стояніе планетъ и ихъ спройное печеніе, непоспужимую силою шѣсно сопрягаетъ меня съ эшимъ молодымъ человекомъ. Мой аспрологъ въ послѣднюю важную ночь увѣрялъ меня, что надъ нами обоими властвуетъ одна сча-

спливая звѣзда, что намъ предстоитъ одинакая участь, что его жизнь неразлучна съ моею.—Вы завидуете, что онъ такъ близокъ къ моему сердцу. Неоспорожная дѣвская шалость навлекаетъ на него вашъ гнѣвъ. Вы давно бы принесли его въ жертву вашимъ честолюбивымъ планамъ, еслибъ я не защищалъ его!—Слѣдую вашему совѣшу, я предостерегъ его;—для Силезскаго дворянина, моего придворнаго служителя, слишкомъ высоко еще до племянницы Герцога *Фридландскаго*.—Если же его счастливая звѣзда взойдетъ вмѣстѣ съ моею и возсіяетъ подлѣ моей, когда одна судьба сдѣлается нашимъ удѣломъ,—тогда, Графиня, я признаюсь что *Роткирхъ* поступилъ славно! Тогда я повѣрю, что онъ, предчувствуя свою блистательную будущность, упрямо и смѣло стремился впередъ—къ *высокому*, и почиалъ себя достойнымъ шага *высокаго*.—Такъ я самъ поступалъ, когда внѣшняя жизнь предлагала мнѣ скудную дань; изъ себя самаго почерпнулъ я свое величье, и въ себѣ самомъ нашелъ по веществу, изъ коего я сопчалъ себѣ багряницу.—Но такая сила находится внѣ предѣловъ вашего духа, такая высота недоступна женщинамъ!—

Онъ обернулся къ ней спиною, и пошелъ въ свой кабинетъ; Графиня удалилась.

Ея пронзительный взоръ смогрѣлъ яснѣе въ будущность; потому, что не былъ такъ ошуманенъ обманчивыми призраками воображенія, какъ надмѣнная душа ея зятя. Она боялась астролога, его связей съ Вѣною, съ Иезуитами; однимъ словомъ, она не имѣла довѣрен-

ности къ этому человѣку, — думая, что пружина всѣхъ его дѣйствій есть—собственная выгода. *Георгъ Роткирхъ*, кошорого она прежде покровительствовала и любила за многія превосходныя качества, особенно же за преданность къ ея фамиліи, сдѣлался ей ненавистенъ по двумъ причинамъ. — Взоры *Матильды* слишкомъ часто оспанавливались на мужественно-пригожемъ юношѣ, а съ нѣкопорого времени и онъ опважился искашь ея взора: съ той поры явно обнаруживалось опвращеніе дочери ея къ Италіянцу. Ей легко бы, удаленіемъ *Матильды*, поставилъ конецъ эпохѣ младенческой шалости; но сверхъ того, она была увѣрена, что Герцогъ не одобрилъ бы дерзкихъ замысловъ молодого человѣка. Болѣе всего превозжило ее то, что аспрологъ успѣлъ увѣришь Герцога, будто бы судьба его тѣсно сопряжена съ участью *Роткирха*. Что это значилъ, и какую цѣль имѣетъ *Сени*, было и оспавалось для нее тайною.

Сбѣздѣ гостей снова оживилъ Герцогскій замокъ въ Гичинѣ. *Валленштейнъ* все еще показывалъ видъ, будто не вѣришь молвъ о разбитіи *Тилли*. Пиршествва слѣдовали за пиршествами. На сихъ непрерывныхъ праздникахъ никто не чувствовалъ себя столь счастливымъ, какъ *Роткирхъ*, кошорому однажды вечеромъ особенно улыбнулось счастье.

Уединенно сидѣлъ онъ въ садовой бесѣдкѣ; внезапно послышался шорохъ; онъ пробудился

опѣ своихъ мечтаній, приходѣ дамъ заспавилъ его, ускользнушь изъ своего шихаго убѣжища; онѣ полагалъ, что ни одна изъ нихъ его не видала; но *Матильда*, копорая съ подругами своими вошла въ бесѣдку, его замѣшила. Не долго онѣ памѣ пробыли, и лишь полько вышли изъ бесѣдки, *Роткирхъ* опять вошелъ въ нее. Тамъ увидѣлъ онѣ что-то на дерновой скамѣ. Онѣ пропянулъ руку,—то была роза, поблекшая,—но вѣрно та самая роза, копорая покоилась на его сердцѣ, и копорая, безъ сомнѣнїя, увядая, въ послѣднїй разъ благоухала! на груди *Матильдиной*; вокругъ розы была обвѣша нѣжная, скромная незабудка! — Тогда показалось ему шамѣ душно; онѣ бросился вонѣ изъ бесѣдки, изъ сада, и далеко оставилъ за собою шумъ пиршества, не заботясь о своей должности. — Онѣ получилъ опѣ *нес* залогъ ея къ нему благосклонности: что же, послѣ эшаго, значили для него другїе? Какъ низокъ казался ему въ эту минушу его Свѣшлѣйшїй Повелитель!—Онѣ самъ сдѣлался Царемъ!—Прижимая къ усшамѣ своимъ поблекшую розу и незабудку, онѣ съ восторгомъ глядѣлъ на звѣзды! — Это была первая блаженная минуша, ему казалось, будшо все вокругъ шепшало ему: она тебя любитъ!—

„Милосшивый государь!“ раздался позади его голосъ: „милосшивый государь, позвольше напомнїшь о вашемъ обѣщанїи!“ Онѣ оглянулъся, и увидѣлъ Нюрнбергскаго пѣвца съ сыномъ.

„Вы такъ веселы, сударь! что вѣрно и насъ захошите обрадовать исполненїемъ на-

шого единственнаго желанія. Доставьте намъ случай, въ нынѣшній праздникъ, повеселишь здѣшнихъ господъ нашимъ шалантомъ.—Пойдемте!“—

Младшій молчалъ и, съ видомъ боязни, ожидалъ отвѣта отъ Пажа, который сначала, казалось, едва понималъ слова спарца; но вдругъ, съ выраженіемъ челоуѣка, чувствующаго себя счастливымъ, и желающаго весь міръ сдѣлать счастливымъ, воскликнулъ: „спушайте за мною!“ Онъ возвратился съ ними черезъ садъ.—„Побудьте здѣсь! я потчасъ возвращусь,“ сказалъ онъ, и побѣжалъ въ замокъ.—

Общество только что собралось въ рыцарской залѣ, гдѣ играли Герцогскіе музыканты; самъ Герцогъ удалился уже въ свои комнаты.

Роткирхъ подошелъ къ Герцогинѣ, почтительно поклонился и доложилъ, что два Нюрнбергскіе пѣвца просятъ позволенія повеселить общество пѣніемъ.—Прикажете ли ихъ впустить сюда, Ваша Свѣтлость? —

„Спросите сестру! она сегодня распоряжается праздникомъ!“ сухо отвѣчала Герцогиня.

Онъ пошелъ къ Графинѣ. — „Такъ они уже здѣсь, ваши спаринные знакомцы изъ гостиницы золотого грозда въ Прагѣ?“ спросила Графиня выразительнымъ голосомъ: „гдѣ же они такъ долго замѣшались?“—Вы ихъ знаете?—сказалъ, запинаясь, *Георгъ*.—

„Болѣе, чѣмъ вы думаете!“ — подхватила Графиня поропливо, но почпш' шопотомъ— „подите къ Герцогу, можете быть онъ *ваиль*

доступенъ. — Если онъ позволишь, по и я шакже.“—

Роткирхъ, изумленный такимъ спраннымъ пономъ, поклонился и вышелъ. У кабинеша Герцога заспалъ онъ *Сени*. Пажъ не успѣлъ еще отккрышь рта, какъ встрѣшилъ его аспрологъ и сказалъ моношоннымъ голосомъ: „введише въ залу Нюрнбергскихъ спранниковъ, Пажъ! я за эшо буду ошвѣчать Герцогу; онъ никого не велѣлъ впускать къ себѣ въ кабинетъ. Дѣлайше по, что я вамъ приказываю! —

Еще минушу медлилъ *Роткирхъ*, но вспомнивъ рѣзкія слова Графини, побѣжалъ въ садъ, и повелъ пѣвцовъ въ рыцарскую залу.—

Вошедъ въ нее, они поклонились низко, и взоры всѣхъ на нихъ обратились. Старшій былъ въ простой одеждѣ Имперскихъ гражданъ погдашняго времени; синяя маншя являла въ немъ маспера Нюрнбергскаго цѣха пѣвцовъ; сѣдая борода показывала его преклонныя лѣта. Младшій, въ нарядѣ молодого рейшара, къ великому изумленію *Георга*, украсилъ лице свое поддѣльными усами, изъ-подъ коихъ свѣжія уста его горѣли пурпуромъ. На немъ былъ желтый колетъ съ синею выпушкою, на плеча накинута коропкая Испанская епанча синяго же цвѣша. Черные волосы его длинными кудрями упадали на плеча и шею; темные, быспрые глаза рыскали по залѣ, какъ будшо кого-шо искали. Отецъ подалъ ему арфу. — Болѣе всѣхъ изумленъ былъ *Георгъ*; волнуемый помипельнымъ предчувствіемъ, онъ робко поглядывалъ на юношу.— Усы придавали ему совершенно дру-

гой видъ, однако его не обезобразивали; *Роткирху* показалось, будто онъ когда-то видѣлъ этого юношу въ Прагѣ, въ такомъ же почно нарядѣ. „Что это значить?“ подумалъ онъ самъ въ себѣ, и вдругъ вспомнилъ о ихъ разговорѣ въ Капуцинскомъ переулкѣ. Онъ возобновилъ себѣ въ памяти оскорбительныя слова Графини *Терцки*, и сердце его сжалось безвѣспнымъ ему ожиданіемъ чего-то спрашнаго.

Тутъ спарецъ подошелъ къ Герцогинѣ, скромно и почтительно прося ее, дозволишь его сыну спѣшь пѣсенку и аккомпанировашъ на арфѣ. — Герцогиня кивнула въ знакъ согласія. — „Какого содержанія пѣсню прикажете, Ваша Свѣшлость? — спросилъ старикъ.

„*Матильда!*“ сказала Герцогиня, оборотясь къ своей племянницѣ, подлѣ нее сидѣвшей: „назначь ты! — пѣсни принадлежность молодости.“ —

— Я бы желала, чтобы сынъ вашъ, сказала *Матильда* робкимъ голосомъ: спѣлъ намъ пѣсню о безнадежной любви! —

Спарецъ поклонился и пошелъ къ сыну.

Графиня *Терцки* едва могла скрыть свое негодованіе. — Она бросила сердитый взоръ на дочь, испытующій взоръ на Пажу, который, укрываясь отъ нее, подошелъ къ пѣвцамъ, вывелъ младшаго на средину залы, прямо прошивъ Герцогини, а самъ спалъ позади его.

Мило было смотрѣшь, когда нѣжный юноша, съ арфою въ рукахъ, оспановился посреди высокой залы. — Онъ задумчиво поднималъ глаза: казалось, будто собирался съ мыслями, и

вдругъ. . . ударивъ въ золотыя струны, запѣлъ
прогашельнымъ голосомъ:

Ахъ! со слезными очами
И съ разшерзанной душой,
Мнѣ ли, о любви богиня,
Твой алшаръ злашой вѣнчашь
Вспоминанія цвѣшами?
Ахъ! чего желаешь шы!

* * *

Съ юной Флорою шы вкралась
Въ сердце юное мое,
И умчалась.—Грусшь и муку
Ты оставила въ душѣ
Вмѣсто райскаго блаженшва;—
Чѣмъ себя я прогнѣвилъ?

* * *

Небомъ все шогда дышало;—
Обновился Божій міръ;
Но прошла весна младая,—
Съ нею первую любовь
Унесло дыханье бури!
Чѣмъ ее мнѣ замѣнишь?

* * *

Нѣшь! единая минуша
Тѣхъ небесныхъ, свѣшлыхъ дней
Вѣкъ блаженшва перевѣсишь!—
Нѣшь, счастливецъ шощь, кшо здѣсь
Разъ дышалъ, любовь, шобою,
И въ слезахъ шебя поешь.

* * *

„Въ ризѣ изъ лучей лазурныхъ
 Возвращись ко мнѣ, любовь,
 Принеси мнѣ незабудку!—
 Глядя грустно на цвѣшокъ,
 Сладко воспою сквозь слезы
 Гимнъ поржешвенный шебѣ!

Рука юноши соскользнула со струнъ и опустилась; неподвижно смотрѣлъ онъ внизъ; потомъ внезапно поднялъ свою кудрявую голову, почтительно поклонился, и *Роткирхъ* отвелъ его обратно къ дверямъ залы.

Сей послѣдній во все продолженіе пѣсни смотрѣлъ на юнаго пѣвца; но при словахъ: „Принеси мнѣ незабудку!“—онъ невольно взглянулъ на *Матильду*, глаза его встрѣтились съ глазами *Матильды*; они поняли другъ друга; оба попунили глаза,

„Развѣ отецъ молодого пѣвца не покажетъ намъ своего таланта?“ спросила Герцогиня: „Господинъ Маркизъ!“ сказала она *дель-Гуасту*, который стоялъ за *Матильдиными* креслами: „сдѣлайте одолженіе, попросите старика ошъ моего имени.“—

Маркизъ, казалось, былъ разсѣянъ; онъ не понялъ пошчасъ, чего ошъ него Герцогиня требовала; она принуждена была повторить свои слова. Онъ пошелъ черезъ залу. *Георгъ* слѣдовалъ за нимъ взоромъ; Маркизъ подошелъ къ старому пѣснопѣвцу, и передалъ ему желаніе Герцогини.

„Очень радъ исполнить приказаніе ея Свѣшлости,“ отвѣчалъ спарецъ поклонясь: „я

спую вамъ пѣсенку!“ — Мнѣ? спросилъ Маркизъ съ удивленіемъ, и пристально посмопрѣлъ спарику въ лице.

„Да, вамъ, Господинъ Маркизъ *дель-Гуасто!*“ — сказалъ пѣвецъ рѣзкимъ голосомъ, устремля на него сверкающіе глаза, онъ схватилъ арфу изъ рукъ сына, и швердыми шагами подошелъ къ Герцогинѣ. Сынъ оспался удверей; Маркизъ возвратился на свое мѣсто и сѣлъ за креслами Графини *Матильды*.

Вѣрною, опытною рукою спарецъ ударилъ въ струны, и сильнымъ голосомъ запѣлъ:

На брегѣ свѣшлаго ручья

Красавица сидѣла:

Смопрѣла въ слѣдъ печеню волнъ,

Дробившихся о берегъ! —

И смятые цвѣшы она

Въ могилу водъ бросала,

И межъ луговъ и межъ холмовъ

Спруя ихъ уносила.

* * *

Тушь спашный юноша пришелъ,

Во взорѣ пламень спрасши,

И молвилъ: лживая волна

Цвѣшовъ не возвращаешь!

Сей свѣжій миршъ вплеши же шы

Въ свои злашыя кудри, —

А шамъ, красавица моя,

Скорѣй къ вѣнцу со мною!

* * *

Она въ власы вплешаетъ миршъ,

Она идешь съ любезнымъ;

Онъ не ведешь ее къ вѣнцу,
 Онъ дѣву покидаешь!
 Заявля розы, миршъ поблекъ,
 Тоска ее убила! —
 Увы! какъ смятый цвѣшъ, она
 Главу на грудь склонила. — —

Спарецъ умолкъ и мрачно пошупилъ взоръ
 въ землю. Казалось, будто сильное чувство
 взволновало его сердце, будто онъ спарался
 припши въ себя. Рука его судорожно дрожала
 надъ спрунами. Юноша пожалъ *Георгу* руку и
 опворопшилъ. Между тѣмъ, спарикъ возвелъ
 глаза, дикимъ и грознымъ взоромъ посмошрѣлъ
 черезъ *Графиню Матильду* на *Маркиза*, и сно-
 ва запѣлъ громовымъ голосомъ:

Но день наспанешъ, спрашный день,
 День мщенія наспанешъ!
 Кшо можешъ сердце раздирашъ,
 На вѣки да погибнешъ!
 Да поразишъ небесный громъ
 Пресшупную измѣну!
 И шакъ, взываю я: злодѣй!
 На казнь, на казнь явися!

Послѣднiя слова спарикъ прогремѣлъ безъ
 сопровожденiя на арфѣ; онъ высоко пропянулъ
 правую руку, произнесъ слова: „На казнь, на
 казнь явися!“ дикимъ голосомъ, и какъ спраш-
 ный призракъ, остановился, неподвижный, сре-
 ди залы.

Дамы запрепешали.—Всѣ смошрѣли на стар-
 ца, кошорый, подобно мспишельному духу;

грозно смопрѣлъ черезъ *Матильдины* креслы, и, казалось, ничего вокругъ себя не замѣчалъ.—Внезапно, попряся сѣдинами, быспро подошелъ онъ къ Герцогинѣ. — „Выведите опсюда сумашедшаго!“ вскричала она, видя, что онъ бросился къ *Матильдѣ*.—Служители прибѣжали, схватили старика подъ руки и вывели его изъ залы.

Всѣ встревожились, одна только Графиня *Матильда* была спокойна.—„Знаете ли вы эшаго человекъ, Маркизъ?“ спросила она *дель-Гуасто* выразительнымъ голосомъ.

—Нѣтъ, прелестная Графиня! — отвѣчалъ онъ холодно: я его не знаю! —

„Вы его не знаете, Маркизъ?“ сказала *Матильда*, опворошилась опъ него, и пошла за маперью, кошорая удалилась вмѣстѣ съ Герцогинею.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

І.

МОИ ЖЕЛАНІЯ.

Пшичкой пѣвицею

Бышь бы хошѣлъ;

Съ юной денницею

Я бъ прилешѣлъ

Первый къ своимъ дверямъ ;
 Въ нихъ бы порхнулъ ,
 И къ молодымъ грудямъ
 Милой прильнулъ.

* * *

Будь я сіяніемъ
 Дневныхъ лучей,
 Слышый съ пыланіемъ
 Яркихъ очей,
 Щекибъ румяныя
 Жарко лобзаль,
 Въ перси бы рдяныя
 Вкравшись пылаль

* * *

Еслибъ я сладостнымъ
 Былъ вѣшеркомъ;
 Вѣяньемъ радостнымъ
 Тайно кругомъ
 Милой лешаль бы я.
 Съ доловъ, луговъ,
 Къ ней привѣвалъ бы я
 Запахъ цвѣшовъ.

* * *

Спаль бы я, спаль бы я
 Эхомъ лѣсовъ,
 Все повпоряль бы я
 Милой: любовь! . . .
 Ахъ! но напрасное
 Я загадалъ ;
 Тайное, страшное ,
 Кшо выражалъ?

* * *

Пшичка, небесный свѣшъ,
 Бѣгъ вѣшерка,
 Эха лѣсной привѣшъ
 Издадека —
 Быспры, но ясное
 Намъ безъ рѣчей,
 Тайное, спрасшное
 Все ихъ быспрѣй.

2.

НОВОЕ ЧУВСТВО.

Злашаго Мая вѣшерокъ,
 За чѣмъ шы грудь мою лобзаешь?
 За чѣмъ серебряный пошокъ
 По свѣжей зелени споль радосшно играешь?
 За чѣмъ въ шиши ночной шы свищешь соловей? —
 Я слышалъ звукъ ея плѣнишельныхъ рѣчей!
 За чѣмъ въ огнѣ злашой денницы
 Слеза небесная на ландышѣ горишь?
 —Я видѣлъ блескъ ея пурпуровыхъ ланишъ,
 Я видѣлъ небеса сквозь шемвныя рѣсницы!
 Огнемъ зажженный неземнымъ,
 Миѣ въ душу взоръ проникъ волшебный: —
 Чшо блескъ Ямшидова рубина передъ нимъ!
 Чшо Майскій вѣшерокъ, чшо Гебы сокъ цѣлебный
 Предъ сладкимъ, Делія, дыханіемъ швоимъ!
 Въ восшоргѣ розовы уша швои лобзая,
 Въ немъ жизнь нездѣшнюю мечша моя пила;
 Когдажъ суровосшь ледяная

Слешишь съ лилейнаго чела ?
 Когда душа швоя сольешся
 Съ моею—въ опрадной шишинѣ,
 И сердце вспыхнешь и забьешся
 У сердца друга—не во свѣ? . . .

В. Телляковъ.

1822 года.

3.

М . . . ѣ Д . . . ѣ.

Не оживляй въ душѣ моеи
 Давно уснувшія мечшанья,
 Мнѣ непояшенъ пылъ спрасшей,
 Мои свершились упованья !
 Смошри, я опжилъ въ цвѣшѣ лѣшъ
 Тоска, какъ змѣи мнѣ сердце гложешъ:
 Обманушь я!—и шумный свѣшъ
 Развеселишь меня не можешъ.
 Ошворошисъ же опъ меня,
 Будь щасшлива въ спокойной долѣ;
 Не обольщай меня. . . ужъ я
 Не вѣрую въ прекрасныхъ болѣ.

В. Владиславлевъ.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ.

J saw the weep.

(Изъ Байрона).

Я зрѣлъ себя — швой взоръ прелестный
 Наполненъ былъ слезой;
 Я мнилъ — фіалки цвѣшъ небесный
 Блесшишъ злашюй росой.
 Я зрѣлъ себя — шы улыбалась :
 Сафира блескъ исчезъ ; —
 Его сіянье зашмѣвалось
 Огнемъ швоихъ очесь.

Какъ солнце вешнею порою
 Сквозь облако скользишъ,
 И долго, скрывшись за горою,
 Сводъ неба багрянишъ :
 Улыбка шакъ швоя пишаешъ
 Воспоргомъ сладкимъ дужъ,
 И въ сердцѣ пламень ошавляешъ
 Хошь блескъ ея пошухъ.

Пер. А. Кировъ.

Х А М Е Л Е О Н И С Т И К А .

(Продолженіе тринадцатое).

„Въ Сѣверной Пчелѣ Кришика замѣняешся такъ называемою *Литературною Тактикой*, *тестъ* усовершенствованія кошорой принадлежишь единственню Гг. Издашелямъ Сѣверной Пчелы. Ужасно какъ подумаешь: въ наше время ничего не спѣишь, жалко насмѣхаясь надъ истиною, подыашь до небесъ и распошашь въ прахъ *одно и то же* произведеніе. Ушѣшимся шѣмъ шолько, чпо въ одной Сѣв. Пчелѣ совершающся подобныя явленія.“

М. В. 1828, No 8, стр. 405.

Ни одна Хамелеонистическая спашья, ни прошедшая, ни будущая, не пошѣшашь такъ нашихъ чипашелей, какъ два прошивоположныя сужденія Гг. *Грега* и *Булмарина* о достоинствѣ *Исторіи Россійско-Австрійской камланіи 1799 года*, подъ предводительствомъ *Суворова - Рымникскаго*, соиненной *Е. Б. Фуксомъ*.

Въ Сынѣ Опечества (1) *Г. Фуксъ* былъ выставленъ безграмошнымъ и сопричисленъ къ ордену *Грилцье* на горѣ-Тешкѣ (2). Въ Сѣверной же Пчелѣ превознесенъ на равнѣ съ *Карамзиннымъ* и великимъ *Сомовымъ* (3), а книга его

- (1) 1816, No VI, стр. 18. 1819, No XXXVI, стр. 111. Сѣв. Пчела 1826, No 65 и 66.
- (2) Въ одной книгѣ гора *Чатырдагъ*, значащая *Шатеръ-гора*, при переводѣ съ Французскаго названа *горою - Теткою*, по сходству словъ: *la tante* шешка и *la tente* шашерь, палатка.
- (3) По чиноположенію Издашелей Сѣв. Пчелы за *Тацитомъ* слѣдуешъ *Гиббонъ*, за *Гиббономъ Карамзинъ*, а за *Карамзиннымъ* непосредственню — *О. М. Сомовъ*.

заняла мѣсто подлѣ Исторіи Государства Рос-
сійскаго и Гайдамака (4).

Мы хотѣли было вкратцѣ представить объ-
снъ Библіографическія спашьи ; но на первыхъ
спрочкахъ почувствовали, что не въ состоя-
ніи передать этого искусства фехтовашъ пе-
ромъ, коимъ Гг. Греть и Булгаринъ обладаютъ
въ превосходной степени. Они мастерски на-
ходящъ у своего пропивника слабое мѣсто —
и мешко ранящъ. Имъ нѣтъ дѣла: правъ онъ,
или виноватъ. Они напускающъ на него пучу
ложныхъ доказательствъ, изъ частнаго случая
выводящъ общее заключеніе, соломенку назы-
вающъ бревномъ, пылинку массою грязи или
алмазомъ, забрасываютъ чашаполя выписками,
ссылками, восклицательными и вопроситель-
ными знаками, вырываютъ изъ книги клочки
и печатающъ ихъ курсивомъ (5), заманиваютъ
разсудокъ чашаполя въ пѣснину, гдѣ ему узко,
темно, душно — и не даютъ ни вздохнуть, ни
опомниться. Тушъ и самый опытный мысли-
тель принужденъ уступить поле набѣдникамъ
и замолчать, а неопытный, не твердо знающій

- (4) Плохая повѣсть, наполненная смѣшными несообразно-
стями и писанная вялымъ слогомъ. Баронъ Дельвицъ
по добродушію своему далъ ей мѣсто въ Сѣв. Цѣв-
шахъ — и пѣмъ обезобразилъ свой прекрасный аль-
манахъ.
- (5) Слова печатающъ курсивомъ въ Сѣв. Пчелѣ въ па-
комъ случаѣ, когда Издашели ея увѣрены, что ошиб-
ка, несообразность или нелѣпость въ нихъ заключа-
ющаяся, видна съ перваго взгляда каждому. Выписки
курсивомъ никогда не подкрѣпляющъ доказатель-
ствами. Тушъ шребуешся слѣвая вѣра въ непогрѣши-
мость Издашелей.

спайные проходы, ущелья, крупизны и спрем-
нисные спуски, по копорымъ ведушъ его, уди-
вляешся всему, что слышишъ и соглашаешся
со всѣмъ, что ему предлагаюшъ.

Но послушаемъ самихъ Гг. *Грега* и *Булмарина*,
если хошимъ составишъ себѣ полное, чистое
поняшяе объ ихъ лишературной Такшикѣ и
Спрагегии.

Сынъ Отечества.

„Авторъ нашъ не придержи-
живаешся никакого порядка,
ошъ чего слогу его, испол-
ненный жизни и мыслей,
ошрѣвистъ и несвязанъ.

Такимъ образомъ царш-
вуешъ въ семь сочиненіи за-
бавное разнообразіе.

Россия не имѣешъ Истории
Суворова. Въ *Истории Князя*
Суворова (6), сраженіе на
Кинбурнской косѣ, считае-
мое всѣми знапоками чудомъ
военнаго искусства, описано
въ 19-ши строчкахъ; шамъ
же приступъ *Измаила*, зна-
менишый въ военныхъ бы-
шописаніяхъ всѣхъ народовъ,
изложенъ въ 15-ши строкахъ;

Сѣверная Пела.

„Всѣ науки изобрѣшены че-
ловѣкомъ для его пользы (7).
Исторія ешъ наука о самомъ
человѣкѣ. Она показываешъ
намъ состоянне разумнаго
сущешва въ предѣлахъ, на-
значенныхъ ему природою
въ гражданскомъ общешвѣ.
Человѣкъ, выведенный за сію
чершу, ошдѣленный ошъ об-
щешва, принадлежишъ къ
наблюденіямъ Психологii и
Физиологii, и размашири-
ваешся шолько, какъ живош-
ное и какъ сущешво духов-
ное. Но какъ скоро его нрав-
спвенныя или духовныя спо-
собности дѣйшвуошъ въ
ошношеніи къ его ближнимъ

-
- (6) Въ первыхъ двухъ часяхъ *Г. Фукса* называешъ свою
книгу *Исторією Князя Суворова*.
- (7) Въ сей спашъ особеннаго замѣчанія достоенъ Такши-
ческій Маневръ *Θ. В. Булгарина*. Онъ начинаешъ об-
лцими мѣстами о пользѣ наукъ, пошомъ о пользѣ
Исторii, повшоряешъ давно сказанное, что Исторія
Государшва — ешъ жизнь цѣлаго народа, распро-
спранаешся о цѣли Исторii, переходишъ къ Биогра-
фіямъ великихъ мужей. А для чего все эшо? чтошбъ
ушомишъ чшашеля и сдѣлашъ его неспособнымъ къ
различенію лжи ошъ истины, когда онъ будешъ осы-
пашъ *Г. Фукса* хвалами, преувеличенными до безмѣр-
ности — и очищашъ мѣшечко для его *Исторii Су-*
ворова подлѣ Исторii Государшва Россійскаго.

а между шѣмъ, формулярный списокъ и показаніе какіе Князь имѣлъ ордена, какъ онъ обѣдалъ, занимающъ десятички страницъ въ одномъ и томъ же томѣ.

У Г. Фукса — „Суворовъ, осмопрѣвши крѣпости на Шведской границѣ, отпра-вился къ вѣрнной ему арміи въ Тульчу, которая крѣпость лежишь за Дунаемъ, а какъ погда былъ миръ съ Турками: шо, разумѣшся, они и не пустили его къ себѣ.“

Вмѣсто *Тулчи*, не въ *Тултинъ* ли, мѣстечко Подольской губерніи, гдѣ и нынѣ находихся главная кваршира вшорой арміи?

Въ 5-мъ пунктѣ изъ диспозиціи *Суворова* для *Пражскаго* шшурма, Г. Фуксъ написалъ: „Предъ всякою колонною будутъ слѣдовашъ 128 оружейныхъ мастеровъ и 272 рабочника. Первые должны опнимашь непріятельскіе аванъ-послы не спрѣляя, защищашъ рабочниковъ, спрѣляшъ по непріятелямъ, настигая ихъ на земляномъ валу, а самимъ, между шѣмъ, подвигашъся впередъ.“

Всякій видишь, что оружейные мастера Г. Фукса суть изъ всей арміи опличные люди: ибо они первые должны ударить на непріятеля, и идущей за ними колоннѣ указашъ путь къ побѣдѣ. *Суворовъ* имъ приказываетъ настигать непріятеля и защищашъ своихъ рабочниковъ. Новый опытъ увѣренности Главнокомандующаго въ мужесствѣ и рѣ-

и имѣющъ вліяніе на судьбу ихъ, погда онъ ставовишся лицомъ историческимъ, въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ. Исторія слѣдуетъ за развишемъ его способностей, наблюдаешъ его дѣла и побужденія, взвѣшивашъ ихъ на вѣсахъ справедливости, и, по числу добра или зла имъ сдѣланнаго, опредѣляешъ его достоинство. Это Исторія одного человѣка. Учасіе, принимаемое народомъ въ судьбѣ своихъ правителей или великихъ мужей, начальствовавшихъ надъ нимъ, или имѣвшихъ на него вліяніе; степень просвѣщенія и нравственности цѣлаго народа, его политическій характеръ, подвиги, произведенные общими силами, внутреннее состояніе и вѣшнія отношенія, успѣхи и несчастія, однимъ словомъ, жизнь цѣлаго народа соспавляютъ Исторію Государства. Опдѣляныя Исторіи въ общей сущи поже, что цѣшныя полосы въ одной радугѣ: онѣ сливаюшся вмѣстѣ непримѣнно, почти неоцѣпительно. *Какая цѣль всякой Исторіи?* Одна, чтобы сдѣлашь людей лучшими. Блескъ добродѣтели и заслуги пропекшихъ вѣковъ должны были руководствовашъ насъ въ настоящемъ и будущемъ. Порокъ и злодѣяніе должны наполняшь сердца наши ужасомъ и омерзѣніемъ. Спремясь къ сей цѣли, Историкъ дѣйствуетъ какъ Философъ. Какъ политикъ, онъ долженъ оцѣняшъ дѣла и подвиги, сообразно политическому со-

шишельности предъ' всѣми прочими сихъ оружейныхъ мастеровъ.

Но откуда и зачѣмъ взялись сіи 128 мастеровъ! Не нарочно ли они были выписаны (продолжаешь *Сынъ Отчества*) изъ Тулы или Сесребека, самыхъ ближайшихъ оружейныхъ заводовъ къ Варшавѣ? Ибо полки, кромѣ своихъ ложниковъ, такихъ мастеровъ (я разумѣю настоящихъ мастеровъ) не имѣли и шеперь не имѣють, а получають гошова ружья изъ арсеналовъ. Не смѣдно ли храбрымъ гренадерамъ, егерямъ, побѣдителямъ *Костюшки*, *Сераковскаго*, уступить въ столь рѣшишельной бишвѣ, надъ собою преимуществво какимъ нибудь *Оружейнымъ Мастерамъ*?

Не хочу вѣришь, чшобы въ диспозиціи *Гр. Суворова* именно упоминалось о шѣхъ *Мастерахъ*: ибо не ихъ мастерство на шшурмѣ работашъ, какъ говорихся, *холоднымъ ружьемъ*, здѣсь были нужны люди распорочные, опважные и изведанной храбрости — и шочно такіе были выбраны. Ваши сомнѣнія уничтожашся, когда вы увидите, чшо *Г. Фуксъ* на-

споянію различныхъ странъ, назначаемому ешественнымъ порядкомъ вещей, характеромъ народовъ и Географическимъ положеніемъ (8). Въ нашей старой Европѣ могущъ и должны бышь однѣ *Монархіи*, а въ *Монархіяхъ*, въ государствахъ обширныхъ должны сіяшь *Пожарскіе* и *Минины*, *Румянцовы*, *Суворовы* (9). Исторіку предстоить великая обязанность возжечь въ сердцахъ пламень высокой доблести и, указавъ истинные пути общаго блага и заслуги, увлечь за собою все, чшо шолько мыслишь и чувствуетшь.

Россійская Исторія предсшавляетъ много блестящихъ эпохъ величія и славы. Но до какой бы степени могущества и блеска ни достигла Россія, осьмнадцатое столѣтіе будешь всегда почиташься знаменитѣйшею эпохою въ Исторіи. Въ семъ вѣкѣ Великій *Петръ* выдвинулъ Россію изъ мрака и утвердилъ ее между Европейскими державами. Созданы законы, благоустроенное воинство, флоты; насаждено просвѣщеніе. *Екатерина Великая* усовершила начашое

-
- (8) Какимъ образомъ родились сіи мысли въ головѣ *Фадѣя Венедиктовича* при чтеніи *Исторіи Суворова*? Тушь нѣтъ ни слова о семъ *Полководцѣ*? Весь эпошъ пышный наборъ громкихъ словъ пригодился бы, можешь бышь, въ Предисловіе ко Всеобщей Исторіи. А здѣсь ошъ, какъ говорихся, ни къ селу, ни къ городу!
- (9) Великіе люди ролятсь вездѣ: *Густавъ-Ваза* въ Швеціи, *Пожарскій* въ Россіи, *Вашингтонъ* въ Америкѣ, *Наполеонъ* на ошровѣ Корсикѣ, *Принцъ Евгений* въ Савои, *Шаретъ* въ Вандеѣ.

зываетъ *Оружейными Матерами* — фузелеровъ, коихъ и шеперь по 9-ши ротъ въ каждомъ полку гренадерскомъ, ошъ слова *fusil* (ружье); но шущъ вѣшь никакого сходства!

„Чешвершая колонна, преодолевъ всѣ препятствія и захвашивши *двухъ конныхъ ратниковъ*, немедленно овладеешь паркомъ.“ Сказано въ осьмомъ пунктѣ диспозиціи *Суворова*, разумѣется, что это переводъ *Г. Фукса*, по исчисленію кошораго, каждая Русская колонна состояла изъ *шести тысячъ теловѣкъ*.

По диспозиціи видно, — говоришь Рецензентъ *Исторіи Суворова*, — что сія (*четвертая*) колонна изъ всѣхъ *семи* имѣла самое важнѣйшее назначеніе. Преодолевъ всѣ препятствія велишь Главнoкомандующій и немедленно овладеешь паркомъ — ошъ какого случая собственнo зависѣлъ успѣхъ дѣла. Но за чѣмъ *шеститысячной* колоннѣ схвашишь шолько *двухъ конныхъ ратниковъ*? За чѣмъ не разбишь ей десяти, двадцати тысяччи неприятелей? Ошъ чего шесты тысяч побѣдителей *Крупница, Бреста, Мацевита*, въ шполь рѣшишельную мину-

Петромъ, и Россія, какъ исполнишь, кошорому развѣзали руки, скрѣпленные узамы, и сняли покровъ съ глазъ; Россія, говорюя, распрощерла и ушвердила владычештво свое надъ полуміромъ.

Осьмнадцашый вѣкъ славились множешвомъ доблешныхъ Россіянь, полишковъ, воиновъ, ученыхъ и лишерашоровъ. Мы повинѣ, шакъ сказашь, живемъ и пишаемся ашмосферою осьмнадцашаго вѣка; блестя его славы повинѣ озарешъ насъ. Россіяне гордяшся, называешъ пошомками сподвижниковъ Петра и дѣшми современниковъ *Екатерины* (10).“

Примѣт. Издателя Славянина. Дорожа временемъ нашихъ чипашелей, пропускаемъ нѣсколькo шпраницъ пустословія, длинныя ошѣшты *Θ. В.* на собешвенные свои вопросы, въ числѣ коихъ находяшся слѣдующія: правда ли, какъ нѣкошорые ушверждаюшь, что шпеченіе великихъ людей образуешъ славу и величіе царешвованія, независимо ошъ способностей самаго Правителя? Сколько мрамору въ мірѣ, а много ль *Аполлоновъ Бельведерскихъ*? Кшо шакoвъ

(10) Все это было бы кшашаи въ похвальномъ Словѣ Петру I-му, въ жизнеописаніи Екатерины II-й, въ Исторіи осьмнадцашаго шполшя; но за чѣмъ забрело оно въ разборъ *Исторіи Италіанскаго похода Русскихъ*, въ біографію *Суворова*? Предѣлы газешнаго листка шакъ малы, что должно дорожись каждою шпрочкою, заключаешъ большой смыслъ въ маленькое количештво словъ. Но *Г. Булгарину* хошѣлось закидашь насъ словами — и удалось!

шу, ошъ коей зависѣла участь республики, или всей арміи, посылающъ схватишь недремляно не больше и не меньше *двухъ ратниковъ верьхами*; но одинъ и шощъ же Главнокомандующій приказываешъ имъ преодолѣть всѣ препятствія и овладѣть паркомъ?

Не смѣя приписать подобную диспозицію величайшему изъ Полководцевъ, я раскрылъ планъ Праги — продолжаешъ Рецензентъ расшувившись, — видѣлъ движеніе колоннъ, смотрѣлъ пункшы, куда онѣ направлялись — и первый предметъ, предшарившійся глазамъ моимъ — были *два кавальера* правильного расположенія и хорошей профили, куда шла ша — *тетвертал колонна*. Тогда недоумѣнія мои исчезли; Суворовъ послалъ чешвершую колонну атаковать сіи *два кавальера* и послѣ ошбиль паркъ. (Г. Фуксу угодно было отрядить ее къ двумъ коннымъ ратникамъ!!!).

Вотъ какой безобразный шолкъ дающъ (11) форшификаціоннымъ линіямъ: укрѣпленіе называется *коннымъ ратникомъ*, и цѣлая колонна посылаешся взять не сей непреоборимый оплощъ гарнизона, не сію шверднюю крѣпости; но какихъ-то *двухъ жалкихъ конфедератовъ!!!*

*

былъ Суворовъ? и пр. мы спѣшимъ къ настоящему дѣлу, ш. е. къ оцѣнкѣ достоинствъ книги Е. Б. Фукса о Суворовѣ.

Ө. В. мнѣніемъ полагаешъ, что мы не имѣемъ донинѣ Исторіи ни Петра Великаго, ни Суворова. Для обѣихъ мы имѣемъ шолько драгоценные матеріалы. Сочиненіе, изданное Г. Фуксомъ, заключающее въ себѣ ошдѣльную часть подвиговъ Суворова, драгоценно какъ самый лучший матеріалъ для безсмертнаго памяшника подвигамъ Суворова, Исторіи его жизни, нравственной, военной и полишической, частной и общественной. Г. Фуксъ, какъ очевидный свидѣтель великихъ дѣлъ Суворова въ Италіи, въ первой часши сообщилъ проснымъ, чистымъ и яснымъ слогомъ вѣрный разсказъ о происшествіяхъ, а въ двухъ часпахъ подлинныя акты и официальные бумаги, какъ-шо: донесенія Суворова къ Государю Императору Павлу Петровичу и Союзнымъ Государямъ, письма къ знаменитымъ особамъ и ошвѣшты на оныя, указы по арміи, диспозиціи, описанія сраженій и ш. п.

Если Исторія Государства Россійскаго, соч. Н. М. Карамзина, сверьхъ другихъ своихъ достоинствъ, драгоценна для изыскашельнаго ума по приложеннымъ къ

Сія рецензія окончана нижеслѣдующимъ приговоромъ (12):

„Искусство писанія Исторіи всегда будетъ рѣдкимъ. Для того требуется слога высокой, чистой, измѣняющійся, пріятный. Есть законы, какъ пишешь Исторію, равно какъ и для всѣхъ изящныхъ искусствъ. Много изложено правилъ; но весьма немного большихъ художниковъ. Метода *Тита-Ливія*, его важность, его силь-

ней матеріаламъ (13), по двѣ части матеріаловъ для Исторіи *Суворова* столь же драгоценны для сердца Русскаго, и вмѣстѣ съ нѣмъ полезны не только для война, но для Историка, политика и каждого просвѣщеннаго челоука. Мы не находимъ словъ для возблагодаренія *Е. Б. Фукса* за сочиненіе, которое можно называть сокровищемъ для современной Русской Исторіи (14). Введеніе или взглядъ

(12) Тамъ же, стр. 128.

(13) Твореніе *Карамзина* драгоценно не по матеріаламъ къ нему приложеннымъ; но по внутреннимъ великимъ своимъ достоинствамъ.

Карамзинъ сохранилъ все, что нашлось въ нашихъ лѣтописяхъ драгоценнаго: каждую черту героя древняго времени, постоянное мужество нашихъ пастырей душъ — просвѣщителей народа, вѣсегда смѣлыхъ заступниковъ онаго у Трона — полное наше гражданское и церковное законодательство, и каждый оплосокъ славы изъ временъ древнѣйшей Россіи. Донынѣ единственный въ слогѣ, *Карамзинъ*, съ благоразумнымъ выборомъ, соблюлъ также и мѣлкія Историческія событія въ той великой и вѣрной картинѣ, гдѣ изобразилъ онъ нашу феодальную систему и ужасы междоусобія. Употребленный на сіе трудъ скрытъ въ искусствѣ изображенія. Кто безъ предубѣжденія читалъ предшественниковъ *Карамзина*, тотъ знаетъ, что его трудъ предшествовалъ Хаосу.

М. Т. 1827, No 23, стр. 208.

(14) Въ описаніи военныхъ дѣйствій необходимо нужно означать мѣсяць, день и, даже нерѣдко часъ, въ который началось или кончилось сраженіе, выступила въ походъ армія или отрядъ ея, прибыло подкрѣпленіе и ш. д. У *Г. Фукса* въ цѣлой Исторіи похода 1799 года ни разу не выставлены числа достопамятнѣйшихъ событій: отъ него мы не узнаемъ, когда одержана побѣда подъ Нови, взята Маншуй, прибылъ къ арміи Его Высочества Великій Князь Константинъ Павловичъ. Отъ сего — нѣтъ ясности въ изложеніи, происшествія смѣшиваются въ памяти — и читатель остается въ недоумѣніи.

ное краснорѣчіе, во всемъ соопредѣлявали величеству Римской Республики; *Тацитъ* былъ созданъ описывать пирановъ; *Полибій* преподавалъ уроки въ военномъ искусствѣ, а *Діонисій Галикарнасскій* посвящалъ древность. Какое обширное поле предстоитъ дѣйствительно, кошорый вознамѣрился дашъ намъ Испорію безсмертнаго *Суворова* !

на полипическѣя происшествія, ошъ начала Французской революціи до весны 1799 года, дѣлаешь честь познаніямъ, наблюдательному духу и правиламъ Авшора.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

В О Е Н Н О Е.

Информация (Наставленіе Гетмана Ивана Мазепы за собственно-ручною его подписью) Господину Іліи Новицкому, Полковнику Колонному (Конному) какъ долженъ поступать въ военныхъ дѣйствіяхъ ().*

Давно было наше Гетманское намѣреніе послать войски подѣ Кизикирмень, для учиненія промысла надѣ непріятелемъ, кошорый находясь въ подвластныхъ и близкихъ къ краямъ нашимъ мѣспяхъ, безпрестанно вредитъ намъ,

(*) Наставленіе сіе писано во время совмѣстнаго Царствованія Царей *Іоанна* и *Петра Алексѣевичей*, какъ видно изъ подписи *Мазепы*. — Я переложилъ оное съ Малороссійско-Польскаго нарѣчія (на кошоромъ тогда писались всѣ Акшы въ Малороссіи, и кошорое шеперь не всякому было бы поняшно) слово въ слово, не измѣняя ни сколько и самыхъ оборотовъ въ слогъ и выраженіяхъ.

Оригинальный Манускриптъ, переложеннаго мною Наставленія сего, хранился въ числѣ многихъ (да собственно-ручными же подписями Гетмановъ *Малой Россіи Самойловича* и *Мазепы*) фамильныхъ бумагъ почтеннѣйшаго земляка моего *А. Н. Новицкаго*, попомка, въ прямой линіи, *Іліи Новицкаго*, коему Наставленіе сіе писано. *А. Стороженко.*

не только на той сторонѣ въ пчельникахъ и на рыбныхъ промыслахъ людей ловя; но и на сей сторонѣ Днѣпра, а особливо зимнимъ временемъ: подѣ самыя города впадая,—такое же разореніе причиняешъ. Нынѣ горимъ о томъ сердце наше! и мы положили, при помощи Божіей, опмспипъ врагамъ нашимъ!—О чемъ и Монаршій, ихъ Царскаго Пресвѣшлаго Величешва, Указъ имѣемъ.

Припомъ же, Господинъ *Семень Палъй*, Полковникъ Королевскаго Величешва (*) спороны, *Охотницкій*, многокрасно къ намъ съ охотою своею опзывается, обѣщая самъ собою и съ своимъ поварищешвомъ въ шакowychъ военныхъ случаяхъ прямодушную учинипъ помощь. И теперь, въ особенноти чрезъ нарочно-присланнаго своего обѣявилъ намъ, что онъ со дня Свяшыхъ Апосполъ *Петра* и *Павла* въ недѣлю, или наидалье въ двѣ недѣли, съ Хвасова хочешъ въ поле выступипъ, и нашему намѣренію споспѣшешвовашъ. По сему мы Гопманъ, посылаемъ нашъ (Реймершарскій) предводипельскій Указъ Господину *Иліи Говицкому*, Полковнику Охотницкому, съ другими Комонными и пѣхопными Полковниками, дабы имѣли въ виду совершенную гоповносшь къ походу подѣ Кизикирмень, и чшобы коль скоро Господинъ *Палъй* къ нимъ съ своими Полчанами прибудешъ, топчасъ соединясь съ нимъ, и призвавши Бога на помощь, выступили въ подлежащій пущъ. Въ каковой походъ изъ городовыхъ полковъ

(*) Польскаго.

мы назначили и приказали бысть въ гошовноспи нарочипшой часпи войска; а именно: съ полку Переяславскаго 1.000 человекъ, подъ команду самого Полковника Переяславскаго *Г. Лиссенка*; съ полку Лубенскаго 1.000 человекъ при Наказномъ, и при обоихъ сихъ Полчанахъ велѣли мы имѣть по два орудія. Люди сіи могутъ бысть, при помощи Божіей, доброю спѣною, до укрѣпленнаго шого похода (*).

Нынѣшній нашъ Гепмана замыслъ есть, совершивъ полько военный поискъ подъ Кизикирмень; и мы желаемъ, дабы для опмщенія врагамъ, бусурманамъ, жипелямъ Кизикирменя, Господинъ *Новицкій* съ прочими Комонными и пѣхопными Полковниками, и со всѣми полковъ ихъ поварищами въ походъ сей безъ опговорки (опшмовы) снаряжались; и не пропустили бы назначеннаго времени, на кошорое Господинъ *Палъй* прибыть имѣетъ. Въ дѣлѣ семъ предназначенные городовыхъ полковъ люди, будучи подъ однимъ началомъ *Г. Полковника Переяславскаго*, со рвеніемъ и дѣяпельностію помогать обязаны.

Таковой, при Монаршемъ Указѣ, приказъ нашъ учинивши, все вышепрописанное предаемъ на здравый размыслъ *Г. Новицкаго* Комоннаго Полковника, и на общее его съ *Г. Палъемъ* Полковникомъ Охопницкимъ совѣщаніе: дабы ближе обдумали, и посовѣтовавшись предварительно, рѣшили: въ обѣденное ли время, когда всѣ обѣзды Кизикирменскіе съ поля

(*) Здѣсь должно разумѣть укрѣпленный лагерь.

въ городѣ возвращающся, ударить на спада, и опогнавши ихъ, подѣ городокѣ приступѣ, для спаленія посадовѣ и для вышолоченія пажишей учинишь? — или въ ночную пору спарашься подступити подѣ самый замокъ, и такимѣ приступомѣ въ одинѣ разѣ, посадки могли бы бышь вызжены, засѣянный хлѣбѣ вышопшанѣ, и спада опняшы, кои въ поляхѣ отѣ шабора будущѣ распущены. Все сіе изображаемѣ въ подробномѣ нашемѣ предложеніи семѣ для того, дабы означенное военное дѣло, принадлежащее пользамѣ и службѣ Пресвѣшлыхѣ Монарховѣ нашихѣ, началось фундаментально, и съ добрымѣ производилось порядкомѣ. Въ чемѣ десница Всемогущаго Творца нашего, за проливаемыя слезы Христіанами, бѣдствующими въ плѣну бусурманскомѣ, да можешѣ!

Хошя опогнаніе спадѣ Кизикирменскихѣ, было бы дѣло весьма великое, войску поживное, а непріятелю разорительное. Но наиболѣе, намѣ Гешману, о томѣ идешѣ дѣло, когда, нынѣ намѣреваемымѣ нами дѣйствіямѣ, посадки Кизикирменскіе вызжены будущѣ, и хлѣбѣ бусурманскій, на пню ли, или въ копнахѣ уже сложенный (ибо не весь еще будешѣ сняшѣ) будешѣ выбитѣ и до останка вышопшанѣ. О чемѣ *Г. Новицкій*, обще съ *Г. Палѣемъ* и со всѣми Полковниками и войскомѣ, при Божіей помощи, всѣми способами спарашься обязаны. Если бы въ совершеніи сего намѣренія нашего, приходило на мысль сомнѣніе, что Запорожцы, будучи въ мирѣ съ Крымомѣ, спанушѣ бусур-

манамъ въ отпоръ противу нашихъ людей помогать; но мы Гепманъ никакъ того опъ Запорожцевъ не ожидаемъ: ибо они видяшъ, что бусурмане съ ними въ миръ будучи, не пощадили для того людей Малороссійскихъ; а всѣхъ черезъ рѣку Бугъ и черезъ рѣчки левыя перегнали и забрали въ неволю! О какомъ Христіанъ несчастіи, всѣмъ вообще Христіанамъ скорбѣнь должно: ибо, при перегонѣ чрезъ рѣку Бугъ, мало кто въ живыхъ остался.

Мы разумѣемъ, что добрые молодцы Запорожье сославляющіе, болѣе брашій своихъ жалѣютъ и любяшъ, нежели бусурманамъ пріятельствуютъ! Да и неподобное по дѣло, что бы они Запорожцы, противъ нашихъ войскъ городовыхъ, бусурманамъ помогали; а хощя и суть такіе между Запорожцами, которые узнавали о нынѣшнемъ намѣреніи нашемъ, захотѣли бы, для несчастнаго прибышку, дасть вѣсть въ Кизикирменѣ для оспорожности: то опъ такихъ (невѣгласовъ) не внимлющихъ гласу совѣсти, надобно, чтобы *Г. Новицкій* обще съ *Г. Палѣемъ* и со всѣмъ войскомъ при нихъ находящимся, преднамѣренный походъ свой совершали тихо, безъ огласокъ, слѣдуя такимъ шактомъ, на коемъ не только Запорожцы не могли бы ихъ увидѣть; но и бусурманская шража подсперечь: что всякому войску для промыслу надъ непріателемъ идущему, прежде всѣхъ подвиговъ, имѣть въ виду пошребно. Каковую оспорожність и тихость въ семъ случаѣ, и мы весьма и весьма предлагаемъ, и счастливаго успѣха сердечно имъ желаемъ.

Томъ же *Г. Палъй* чрезъ посланнаго своего и о томъ самомъ намъ писалъ. А онъ, какъ опытный въ походахъ, знающій непріятельскія жилища, всего лучше войско повести можеть. Побывавши же подъ Кизикерменемъ, можно будеть добрымъ и спойкимъ (чорсцвымъ) молодцамъ, добычи себъ и славы желающимъ, отдохнувши на выгодныхъ мѣстахъ нѣсколько дней, пойти за Бугъ и за Днѣпръ въ условное мѣсто, гдѣ каждый значительною добычею обогатиться можеть. Когда дася Богъ побывашь подъ Кизикирменемъ, и по желаемомъ исполненіи дѣла, счастливо опшолъ возвратишься назадъ, то на удобномъ мѣстѣ, устрой укрьпленный таборъ и оставивши пѣхоту, позволяемъ мы какъ съ Охопницкихъ, такъ и съ городовыхъ Полчанъ, охочимъ коннымъ поварицамъ съ *Г. Палъемъ* шуда пойти, и учинишь, при Божьей помощи, для большей славы своей надъ непріателемъ промыслъ.

Съ какимъ числомъ *Г. Палъй*, къ нему *Г. Новицкому* придесть, и въ какомъ числѣ войска своего *Г. Новицкій* съ *Г. Палъемъ* въ походъ съ мѣста своего и какимъ практомъ выступяшь, о томъ чтобы намъ опъ нихъ прислана была вѣдомость.

Присемъ, оянь повшоряемъ, что если бы и были пакіе между Запорожцами головы, кои по своей легкомысленности начали бы проповѣдовать, что войско Низовое, по миру своему съ Бусурманами, должно бы помочъ имъ прошиву войскъ нашихъ; — но того быть не можеть: ибо съ Запорожья все конное войско

до гола вышло въ поле для чиненія промыслу надъ пѣми же Бусурманами, а пѣхоша съ Сѣчи для подобныхъ случаевъ пойши не захочешъ, да и не можешъ; къ помужь и пѣмь они должны быть удержаны, что нынѣ по Указу Монаршему посланъ опѣ насъ на Запорожье хлѣбный запасъ и денежное пособіе;—чемъ воспоществовавшись, не согласяпся они на такое дѣло, которое бы намъ вредилъ имѣло.

Напрошивъ того, мы увѣрены, что пѣ Запорожцы, которые, конно выступили для промыслу въ поле, помогутъ намъ въ рашномъ прошиву Бусурманъ намѣреніи; а въ особенности, зимовавшие въ городахъ, какъ то: *Ковальцукъ* съ поварищами, почуя о нынѣшнемъ движеніи нашемъ, съ охошою шудажъ приспѣшъ. Каковаго случая онъ *Ковальцукъ* вѣрно на извѣстныхъ полевыхъ мѣстахъ уже и ожидаетъ.

Сколько мы не желаемъ въ томъ намѣреніи нашемъ препяпспвія, сполько и не ожидаемъ, чтобы непріатель съ Крыму могъ шеперь въ городахъ своихъ усиливапъся: ибо всѣ Орды съ Крыму выступили: одна до Хина къ Венгерскимъ границамъ, другая до Калги-Солтана въ Бѣлогородщину; а Крымъ не малъ, и въ малолюдспвіи оставленъ, по не ожиданію шеперь никакихъ опѣ спороны Россійской на себя насуповъ. Однако же, на всякій случай напоминаемъ здѣсь и то, что если бы непріатель къ опшору пригошовилъся: то мы полагаемъ, чтобы уже войско наше пѣмъ далекимъ полевымъ шракомъ, коимъ шуда слудовапъ будетъ, во звращапъся не усиливалось; а устрои-

ло бы свой поворотъ къ Днѣпру просто до Переволичинской пристани, а попомъ береговымъ пушемъ по надѣ Днѣпромъ прямо бы шло (простовало) на свое мѣсто ; гдѣ мы крѣпко надѣмся, что силою отваги и порядка войска нашего, Господь Богъ такъ устрашилъ непріятеля, что не только не будетъ наступать на таборъ (лагерь) нашъ, но и побѣжденъ останется.

Въ заключеніе сего, не только совѣщаемъ, но весьма просимъ, чтобы Старшіе, имѣющіе быть надѣ вышеосначеннымъ войскомъ, никакъ не разнились мыслями своими для первенства въ правахъ, и опнюдь не возносились бы одинъ надѣ другимъ; но да связуются они полною брашскою любовью;— и прямодушными совѣтами, дѣло Божіе и Монаршее орудуютъ и распоряжатъ, избѣгая всемѣрно, чтобы (опъ чего Боже сохрани), чрезъ нелюбовь и неопкровенность не могъ нарушиться порядокъ, долженствующій быть неразлучнымъ съ предпріятымъ походомъ, опъ чего могъ бы не совершиться и успѣхъ надежды нашей и упованія. А попому, для услуги Монархамъ и для самой доброй славы, не только совѣщаемъ и просимъ, но и напоминаемъ ; да совершатъ дѣло сіе Старшіе съ полною любовью и согласіемъ, отдавая преимущество во всякихъ оказіяхъ, совѣтамъ и предложеніямъ *Г. Семена Палѣя*, какъ такого добраго Рыцаря, который ознаменовалъ себя въ ратныхъ подвигахъ, и приобрѣлъ опытъ и навыкъ какъ по-

спупать въ военныхъ промыслахъ прошиву шѣхъ креста свяаго непріятелей! —

Подлинное подписалъ :

Иванъ Мазела, Гетманъ войска ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества Залорожскаго.

Списокъ Кавалерамъ Военнаго Ордена Св. Георгія 4-го класса, пожалованнымъ въ Царствование Императрицы Екатерины II, съ означеніемъ въ какомъ сраженіи, за какой опличный подвигъ и когда они оный получили.

Когда пожалованы.

Когда скончались.

1770.

Ноября 1. Воронежскаго пѣхотнаго полка Преміеръ - Маіоръ Густафъ Густафовиць фонъ Штрандманнъ. Скончался Генераломъ отъ Инфантеріи.

1803 Генваря 30.

— — — Орловскаго пѣхотнаго полка Преміеръ - Маіоръ Алексѣй Никитиць Шилиловъ, Полковникъ за опличное мужество при штурмованіи Бендерской крѣпости, на которую первые они были вступившими по лѣспнищамъ, и съ храбростію предводительствовали своими командами, опнимая у непріятеля башніоны, башарей и улицы.

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

Слѣдующіе чепыре кавалера получили сей орденъ за отличное мужество при штурмованіи Бендерской крѣпости и храбрость, съ ко- шорою предводительствуя, они опнимали у непріятели бастіоны, башареи и улицы.

Ноября 1. 1-й) Сѣвскаго пѣхопнаго полка Преміеръ-Маіоръ *Иванъ Бухвостовъ.*

— — — 2-й) 2-го Гренадерскаго пѣхопнаго полка Преміеръ-Маіоръ *Федоръ Филисовъ.*

— — — 3-й) Преміеръ-Маіоръ *Карль Мцффель.*

Скончался вѣ опспавкѣ
Генералъ-Маіоромъ

1788 Юля

— — — 4-й Преміеръ-Маіоръ Баронъ 23.
Петръ Алексѣвиль Флонъ-деръ-Палень.

— — — Маіоръ *Моргенштернь.*

За отличную храбрость и мужество, съ копорыми поступалъ онъ при штурмованіи Бендерской крѣпости, предводительствуя колоннами.

Дашской службы Каммергеръ.

Слѣдующіе при кавалера получили сей орденъ за отличную храбрость во время осады Бендерской крѣпости, при штурмованіи кошорой они были изъ самыхъ пер- выхъ :

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

- Ноября 1. 1-й) Генералъ-Адъютантъ
Баронъ *Антонъ . . . Ферзенъ*.
Скончался въ Тобольскомъ
пѣхотномъ полку Подпол- 1771 Де-
ковникомъ. кабря 19.
- — — 2-й) Аршиллеріи 1-го Фузе-
лернаго полка Капитанъ *Сер-*
гѣй Сабанъевъ.
Скончался Аршиллеріи Со- 1778 Фе-
вѣшникомъ враля 20.
- — — 3-й) Аршиллеріи 1-го Фузе-
лернаго полка Капитанъ
Князь *Николай Волконской*. 1770 Ок-
Скончался въ 1-й Арміи шября 20.
Слѣдующіе чепыре кавалера
получили сей орденъ за
опличную швердосшь въ хра-
бросши и неушомленносшь
въ шрудахъ во время продол-
женія Бендерской осады, бу-
дучи безсмѣнно въ шраншеѣ
на батареяхъ:
- — — 1-й) Аршиллеріи 1-го Кано-
нерскаго полка Капитанъ
Богданъ Ивановичъ Нилусъ.
Скончался Генералъ - Лей- 1798 Ю-
шенаншомъ ля 10.
- — — 2-й) Аршиллеріи Капитанъ
Нефедъ Батюшковъ.
Скончался въ городѣ Св.
Елисаветы Аршиллеріи Пол- 1786 Ап-
ковникомъ рѣля 6.
- — — 3-й) Аршиллеріи Капитанъ
Михайло Васильевитъ Мусинъ -
Пушкинъ.
Скончался Коллежскимъ 1797 Фев-
Совѣшникомъ раля 26.

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

- Ноября 1. 4-й) Аршиллеріи Капитанъ
Андрей Фоминъ Мордовинъ.
Спапскій Совѣтникъ; скон- 1811 Авгу-
чался спа 12.
- — — Инженернаго корпуса Ка-
питанъ *Григорій... Фелмерсъ.*
За особенное мужество и
неупомленные труды во вре-
мя осады Бендерской крѣпо-
сти при произведеніи инже-
нерныхъ работъ въ наопас-
нѣйшихъ мѣстахъ.
Скончался въ опспавкѣ 1790 Юня
Инженеръ-Полковникомъ 21.
- — — Минерной ропы Капитанъ
*Карль Николаевичъ Пауль де-
Шардонъ.*
За отличное мужество и
неупомленные труды, во вре-
мя осады Бендерской крѣпо-
сти, при исполненіи сѣ осо-
блывымъ искусствомъ званія
своего должностіи.
Генералъ - Лейпенантъ. 1814 Сен-
Скончался въ Кіевѣ тьября 10.
- — — 2-го Гренадерскаго пѣхош-
наго полка Секундъ - Маіоръ
Алексѣй Ильичъ Цызыревъ.
За отличную храбрость и
мужественные подвиги при
осадѣ Бендерской крѣпости,
гдѣ предводительствуя под-
чиненными своими къ опня-
тію у непріятели держан-
ныхъ еще бастіоновъ и
мѣстъ, былъ первовспутив-

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

шимъ на главной валъ съ лѣ-
вой стороны.

Скончался Бригадиромъ 1797 Мая

Слѣдующіе при кавалера
получили сей орденъ за оп-
личную храбрость и муже-
ство, оказанныя при осадѣ
Бендерской крѣпости, буду-
чи первовспушившими при
штурмѣ на главную крѣ-
пость за прежде сражав-
шимися побитыми и ране-
ными, предводительствуя
подчиненными своими къ оп-
ниманію у непріятели дер-
жанныхъ еще имъ бастіо-
новъ и улицъ.

Ноября 1. 1-й) Бѣлевскаго пѣхошнаго
полка Секундъ-Маіоръ *Петръ*
Юдичъ Кутузовъ.

Бригадиръ. Скончался 1803.

— — — 2-й) Брянскаго пѣхошнаго
полка Секундъ-Маіоръ *Самой-*
ло Салтановъ.

Скончался Преміеръ-Маіо- 1774 Июля
ромъ во 2-й Арміи 19.

— — — 3-й) Сѣвскаго пѣхошнаго
полка Секундъ-Маіоръ *Сергій*
Андреевичъ Фаминцынъ

— — — Владимирскаго пѣхошнаго
полка Капитанъ *Матвѣй . . .*
Олсуфьевъ.

За отличное мужество ока-
занное имъ при случаѣ не-
пріятельской изъ Бендерской
крѣпости вылазки: онъ въ
самой потѣ часъ, какъ отъ

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

взорванной мины землю онѣ
былъ засыпанѣ, освободясь
изѣ подѣ оной, командовалѣ
ропѣ напасѣ на непріятеля
вѣ штыки, котораго и
опровергнули съ великою хра-
бросцію; изѣвляя оную и
при штурмованіи крѣпости.

Убишѣ

1773 Юня 12.

Ноября 1. Капишанѣ Францъ Николае-
вичъ Шевалье-де-Вильно.

За отличную храбросѣ и
мужество оказанныя имѣ при
осадѣ Бендерской крѣпости
вѣ различныхъ сраженіяхъ
такъ какъ и вѣ самой штурмѣ
Спатскій Совѣшникѣ. Скон-
чался

1801.

(Будетъ продолженіе).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ПАЖЪ ГЕРЦОГА ФРИДЛАНДСКАГО.

Историческая повѣсть; соч. Тромлица.

(Продолженіе).

Уже при восклицаніи: „На казнь, на казнь явися!“ — молодой пѣвецъ безъ чувствъ упалъ въ объятія *Георга*. — Вонъ, вонъ опсюда! — шепнулъ онъ, и глаза его закрылись. — *Роткирхъ* его понялъ: онъ обхватилъ юношу и, между пѣмъ, какъ вниманіе всѣхъ обращено было на шарца, непримѣтно вынесъ его изъ залы; шолько опъ взора *Матильды* сіе не ускользнуло. Черезъ длинную галлерею, на высокую лѣспницу понесъ онъ на могучихъ рукахъ своихъ юнаго незнакомца.

Онъ положилъ его на свою постель, принесъ воды, перъ спирпомъ виски, — ничто не помогало! — Боясь, чтобы несчастный не

задохнулся, онъ послѣшно распягнулъ ему колѣнъ, и — нѣжныя, какъ на зарѣ упренней распустившаяся роза, открылись дѣвственныя перси.

„Что я вижу?“ вскричалъ *Роткирхъ*, видя себя опъ изумленія; быстро сорвалъ съ себя шарфъ и опворопясь, накинулъ его на красавицу. Но безпомощная имѣла въ немъ нужду. Робко онъ опять оглянулся: закрыто было свяпилище, но и глаза ея были закрыты. Всѣ средства привести ее въ чувство, упопробилъ онъ — и наконецъ, къ величайшей радости, увидѣлъ признаки жизни: уста ея зашевелились; большіе голубые глаза открылись — и съ изумленіемъ ошановились на молодомъ Пажѣ.

„Гдѣ я!“ сказала она, и приподнялась съ постели. — „Боже милосердый!“ вскричала она, послѣшно закрыла грудь, и бросилась къ ногамъ юноши. „Сжальшесь надъ несчастною! я въ вашей власпи! — Пресвятая Богородица! защити меня!“

— Мое сердце защищаетъ васъ опъ меня, моя рука опъ вашихъ враговъ; — позвольте мнѣ быть вашимъ Рыцаремъ - мспипелемъ! вскричалъ *Роткирхъ* въ жару негодованія. Онъ поднялъ ее.

„Гдѣ бапюшка?“ спросила она. *Роткирхъ* не могъ ей дать опвѣстъ. „Ради Бога, опведише меня къ нему;“ просила она умоляющимъ голосомъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ! опвѣчалъ *Роткирхъ*: позвольте мнѣ только узнать, гдѣ

онъ пеперь находится. Побудьте здѣсь, пока возвращусь, — я запроу комнашу. Онъ хотѣлъ уже иди, но быспро обернулся: извинише, если сдѣлаю вамъ нескромный вопросъ: знаеше ли вы Маркиза *дель-Гуасто*? — Красавица покраснѣла, и сомнишельно, взглянула на *Роткирха*. — Эшошъ взглядъ мнѣ все отккрылъ! — сказалъ Пажъ и вышелъ изъ комнашы.

Когда вспунилъ онъ въ залу, аспрологъ *Сени* первый попался на встрѣчу. — „Поздравляю!“ шепнулъ онъ ему на ухо; — черезъ первую пропасть ты счасливо перепрыгнулъ; смѣлбе впередъ!“ *Роткирхъ* посмошрѣлъ на него съ изумленіемъ „Вы ищете стараго пѣвца? — Онъ подъ спражею; его схвапили, когда онъ занесъ было кинжалъ. Его дѣла плохи. Спущай къ Герцогу, не перья ни минушы. Чшо ты шакъ успремилъ на меня глаза? Дѣйствуй! — Спѣши! Я не вмѣшиваюсь въ эшо происшествіе, эшо швое дѣло, молодой человекъ!“ — Онъ ласково кивнулъ ему головою, и вышелъ изъ залы.

Роткирхъ побѣжалъ къ Герцогу.

Оберъ-Гофмейстеръ *Графъ Гаррахъ* былъ у него въ кабинетѣ. *Роткирхъ*, въ помисельномъ безпокойствѣ, ждалъ въ передней. Вскорѣ отворилась дверь; изъ нее вышелъ *Гаррахъ*. — „Прикажише съ нимъ посшупишь, какъ я сказалъ!“ кричалъ ему въ слѣдъ *Валленштейнъ*.

— Умоляю васъ именемъ человекшва! — сказалъ *Роткирхъ* Оберъ-Гофмейстеру, услышавъ сіи грозныя слова: не отдавайше никакого приказа до моего возвращенія отъ Гер-

цога. — Тупѣ отворилась дверь; вышелъ Герцогъ; быспрымъ взоромъ окинулъ приѣмную, и увидя *Роткирха*, кликнулъ суровымъ голосомъ: „*Георгъ!*“

Онъ послѣдовалъ за Герцогомъ, который подошелъ къ камину, и съ досадою бросилъ дровъ въ огонь; попомъ, закинувъ руки на спину, сталъ передъ огнемъ и приспально посмотрѣлъ Пажу въ лице. *Роткирхъ* съ мучительнымъ нестерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда ему позволено будетъ говорить.

„*Роткирхъ!*“ сказалъ Герцогъ: „какихъ людей привелъ ты сегодня въ собраніе?“

— Это Нюрнберцы, Ваша Свѣшлость! странствующіе пѣвцы, — отвѣчалъ юноша не безъ замѣшательства, ибо Герцогъ мрачно вперилъ въ него глаза.

„Зналъ ли ты ихъ прежде?“ быспро прервалъ его *Валленштейнъ*.

— Я два раза видѣлъ ихъ въ Прагѣ. —

„Два раза?“ спросилъ Герцогъ: „гдѣ?“

— Первый разъ въ ту ночь, когда мнѣ велѣно было у задней калишки поджидать *Сесинцу*. —

„Что ты говорилъ съ ними?“ снова прервалъ его Герцогъ.

— Ни слова, Ваша Свѣшлость! — отвѣчалъ *Георгъ*: я только видѣлъ ихъ, закупанныхъ въ плащи, и слышалъ нѣсколько несвязныхъ словъ.

„Ты не понялъ ихъ?“ спросилъ Герцогъ, смотря на него испышующимъ взоромъ.

— Нѣтъ, Ваша Свѣшлость! — отвѣчалъ *Роткирхъ* ободряясь; я не понялъ смысла ихъ

рѣчей. На другой день я видѣлъ ихъ въ Госпинницѣ Золопаго Грозда. —

„Какъ ты узналъ мѣсто ихъ жительства?“
быстро подхватилъ Герцогъ.

Роткирхъ вспомнилъ объ аспрологѣ; но чувствуя, что его не надобно вмѣшиваться въ это дѣло, онъ отвѣчалъ Герцогу, что узналъ объ этомъ изъ ихъ разговора, и почтительно обязанностию, обспояшительнѣе освѣдомиться о сихъ людяхъ. —

„За чѣмъ же ты привелъ сюда этихъ сумасшедшихъ?“

— Ваша Свѣпность! — отвѣчалъ *Роткирхъ*, и подспунилъ ближе къ Герцогу: Ваша Свѣпность! —

„Чего ты отъ меня хочешь?“ — спросилъ Герцогъ смягченнымъ голосомъ, и просянулъ ему руку. *Роткирхъ* схватилъ ее, и — на что никогда еще не отваживался, — поцѣловалъ и прижалъ ее къ своему сердцу.

— Сжалысь надъ старцемъ! — вскричалъ онъ: опмѣните строгій приговоръ, Ваша Свѣпность! Это несчастный, котораго не имѣлъ противъ васъ никакого злаго умысла! Выслушайте его прежде, чѣмъ наказывать! —

Герцогъ, казалось, былъ въ нерѣшимости. —
„Развѣ ты за него ручаешься?“

— Ручаюсь, Ваша Свѣпность! — твердо произнесъ юноша.

„Слушай же къ *Графу Гаррачу*, и скажи ему отъ моего имени, чтобы сегодня же представили мнѣ этого человѣка. — Попомъ возвращись ко мнѣ!“

Роткирхъ бросился изъ комнаты. — Онъ зналъ, какъ быспро и рѣшишельно дѣйствуешъ *Валленштейнъ*, зналъ, какъ строго, часто даже спроже, чѣмъ приказалъ Герцогу, исполнялись его приказанія. — Посему — то онъ спѣшилъ, чшобы не опоздашь.

Возвращаясь, онъ засталъ Герцога, сидящаго въ креслахъ. Онъ, казалось, ждалъ его.

„Подойди ко мнѣ, *Георгъ!*“ сказалъ онъ ласково: „и расскажи мнѣ подробно все, что знаешь ты о безумномъ снарикѣ, копорато ты такъ жарко защищаешь, и копорый“ прибавилъ онъ выразительнымъ голосомъ, и вперилъ на *Роткирха* пронцапельный взоръ: „однако же противъ моей племянницы, Графини *Матильды*, кажешся, имѣлъ преступный умыселъ: ибо занесъ на нее кинжалъ!“

— Не на нее, сказалъ юноша съ жаромъ: могъ ли я вспушиться за человекъ, копорый — онъ заикнулся и почувствовавалъ свою неоспорожность.

„Продолжай!“ сказалъ *Валленштейнъ* спротимъ голосомъ.

— Копорый имѣлъ было злое намѣреніе прошивъ кого либо изъ особъ вашей высокой фамилии? —

„Къ кому же относились его угрозы?“ спросилъ Герцогъ.

— Если сей человекъ, опвѣчалъ *Роткирхъ*: имѣлъ какой нибудь дурной умыселъ, шо, сколько знаю и догадываюсь, эшо прошивъ Маркиза *дель-Гцасто!* —

„Ужасно!“ вскричалъ Герцогъ вставая съ креселъ, но пошчасъ сблѣ опять, и мрачно взглянулъ на юношу: „я эшо предчувствовалъ; и такъ, смертоносный ударъ угрожалъ Маркизу *дель-Гуасто*, — жениху Графини *Матильды*? — Помнишь ли ты, что я приказывалъ тебѣ въ день нашего отбѣзда изъ Праги?“

— Помню, Ваша Свѣшлость! Ваши слова глубоко врѣзались не только въ моей памяти, но и въ сердца! —

„Какъ же ты могъ,“ сказалъ Герцогъ хладнокровнѣе, — „какъ ты могъ просить у Герцогини дозволеніе ввести такого человѣка въ мой замокъ?“

— Милосливый Государь! — я тогда еще не зналъ тѣхъ связей, о коихъ и шеперь только догадываюсь; я почиалъ спарикову дочь за его сына! —

„Дочь?“ подхватилъ Герцогъ.

— Точно такъ! Открылось, что молодой человѣкъ, о которомъ вѣрно донесли Вашей Свѣшлости, — есть дѣвица. —

„Право?“ сказалъ Герцогъ послѣ краткаго молчанія: „шеперь, кажешся, у меня глаза открываются; — шеперь догадываюсь, отъ чего такъ сильно ты вступилъ за этихъ людей!“

— Быть заступникомъ беззащитныхъ женщинъ, вскричалъ юноша съ жаромъ: есть обязанность каждаго Рыцаря. Я добровольно вызвался быть Рыцаремъ сей дѣвицы! —

„Какъ ты смѣлъ на эшо вызваться?“ спросилъ Герцогъ гнѣвнымъ голосомъ.

— Ваша Свѣтлость не откажетъ мнѣ въ позволеніи! — отвѣчалъ *Роткирхъ*, поклонясь почтительно.

„Развѣ тебѣ не нужно ни у кого, кромѣ меня просить на шо позволенія?“

Роткирхъ попунилъ глаза.

„Какъ другъ, я предостерегаю тебя!“ продолжалъ Герцогъ вспавая, и схватилъ молодого человека за руку. — „Какъ отецъ, я тебя увѣщаю! Какъ Герцогъ, я былъ бы принужденъ наказывать тебя за твои глупости. — Теперь спуй!“ — Онъ подалъ знакъ рукою. — *Георгъ* хотѣлъ выйти; но Герцогъ опять позвалъ его.

„Гдѣ дочь этого спранныго человека?“ спросилъ онъ Пажу.

— Въ залѣ она упала въ обморокъ; я отнесъ ее въ свою комнату; отвѣчалъ *Роткирхъ*.

Герцогъ улыбнулся. — „Такъ шамъ ты завербовалъ себя въ ея рыцари? Желаю тебѣ успѣха! кромѣ меня, я даю тебѣ позволеніе служишь и ей.“ —

Роткирхъ поклонился.

„Теперь спуй же и отведи свою даму къ Графинѣ *Терцки*; съ отцемъ я самъ переговорю.“ —

Роткирхъ, возвращаясь въ свою комнату, засталъ молодую незнакомку въ такомъ же видѣ, какъ при первомъ свиданіи въ гостиницѣ Золотаго Гроза; усы исчезли, русые волосы роскошными кудрями лежали по плечамъ;

на блѣдномъ лицѣ ея написано было помненіе страха. Одна, разлученная съ опцемъ, запертая въ комнашѣ молодаго человѣка, она должна была и радоваться его возвращенію и бояться его. Узнавъ, что ему приказано отвести ее къ Графинѣ *Терцки*, а не къ опцу, она залилась слезами, и одно шолько самое убѣдительное увѣреніе *Роткирха*, что отецъ ея скоро будетъ освобожденъ, что онъ въ сію самую минушу вѣроятно у Герцога, могло ее нѣскольکو успокоить; когда же *Георгъ* сказалъ, что будетъ сопровождать ее, она долго стояла въ раздумьѣ и не могла рѣшиться; но, сказавъ про себя слова, „къ Графинѣ *Терцки*,“ она, какъ будто бы, очнулась, и сказала рѣшительно: „Ведите меня къ Графинѣ;“—

—По приказанію Его Свѣплости, сказалъ *Роткирхъ* съ нѣкопорымъ замѣшательствомъ, вошедъ въ комнашу Графини: „я привелъ къ вамъ сію несчастливицу. — „Ко мнѣ?“ вскричала Графиня съ гнѣвомъ: „на что мнѣ эшаго спраншвующаго пѣвца?“ Но прежде нежели *Георгъ* успѣлъ отвѣчать ей, она прибавила покорнымъ голосомъ: „воля Герцога, моего Свѣпльйшаго зятя, для меня священна! Не можете ли вы мнѣ сказать, *Роткирхъ*, для чего присланъ ко мнѣ эшопъ молодой человѣкъ?“

Герцогъ поручаетъ его вашему покровительству!—отвѣчалъ *Роткирхъ* поклонясь.

„Моему покровительству?“ Кому и когда въ замкѣ Герцога *Фридландскаго* нужна была другая защита, *кромѣ Герцогской? сказала Графиня.

— Я оставляю вамъ эту безпомощную дѣвицу; выразительно произнесъ *Роткирхъ*, подведя незнакомку къ Графинѣ.

„Дѣвицу?“ воскликнула она съ удивленіемъ. — И съ большимъ удовольствіемъ, Милостивѣйшая Государыня! вашему благородному сердцу, потому что она избрала меня своимъ рыцаремъ! —

Не удостоивъ дѣвушки, которая скромно отступила нѣсколько шаговъ, ни одного ласковаго слова, Графиня позвонила; вошла камеръ-фрау. — „Позовите сюда мою дочь!“ сказала она улыбаясь, но на дрожащихъ устахъ ея мелькнула язвительная насмѣшка! Она молчала; но испытующимъ взоромъ разсматривала красавицу, которая сначала опустила глаза; но потомъ спокойно и гордо встрѣчала взоръ Графини. — Вошла *Матильда*.

„Дочь моя!“ сказала Графиня: „передъ побою стоить дѣвица, присланная ко мнѣ Герцогомъ, который отдалъ ее подъ мое покровительство. Вотъ ея рыцарь, котораго она удостоила сей чести. — Сдѣлай милость, возьми ее къ себѣ до дальнѣйшаго приказанія Герцога!“ —

Матильда покраснѣла. Она бросила на *Роткирха* быстрый взоръ, въ которомъ видно было ея удивленіе; но *Роткирхъ* смѣло подошелъ къ ней и голосомъ глубочайшаго почтенія сказалъ: Милостивая Государыня! Почтеннѣйшая ма-шущка ваша назначаетъ меня рыцаремъ сей дамы, слѣдственно, я имѣю право, покорнѣйше просить у васъ приюта и защиты для сей

несчастной. Я почти увѣренъ, что вы, исполнивъ мою просьбу, отдадите только долгъ благодарности! —

„Я васъ не понимаю, господинъ *Роткирхъ!*“ сказала *Матильда* въ замѣшательствѣ.

—А я еще меньше! подхватила Графиня, оборотясь къ *Роткирху*: вы исполнили порученіе Герцога, и можете идти!

Она опворопилась отъ него и подошла къ дочери.

„Милоспивая Государыня!“ сказалъ *Роткирхъ*, подошедъ къ ней, и цѣлуя у ней руку, — „въ первый разъ вы меня такъ опускаете. Прежде вы мнѣ доброжелательствовали; я гордился вашими милостями; не глядите на меня такъ гнѣвно! Это меня ужасно перзаептъ; я питаю къ вамъ высокое уваженіе, люблю васъ сыновнею любовію! —

— *Роткирхъ!* гнѣвно прервала его Графиня, которая до сихъ послѣднихъ словъ смотрѣла на него съ участіемъ: мнѣ совсѣмъ не нужна ваша сыновняя любовь! Она мнѣ скорѣе тягостна, чѣмъ пріятна. Когда Герцогъ будетъ присылать васъ ко мнѣ съ порученіями, то прошу никогда не переступать предписанныхъ границъ благоприличія!

Роткирхъ поклонился съ благородною гордостью и вышелъ изъ комнаты.

„Прежде, чѣмъ мы разспанемся,“ сказала Графиня молодой незнакомкѣ: „намъ нужно однако знать, кто именно та особа, за кошо-

рую рыцарь ея пакѣ жарко вступається. И пакѣ, опкройсьеь намѣ, кшо вы, чшо привело васѣ вѣ Гичинѣ, и чшо побудило вашего опца рѣшишься на шакое преступное дѣло?“

—Милоспивая Государыня!—опвѣчала она поклонясь, прежде нежели познакомлю васѣ сѣ моимѣ несчастнымѣ положеніемѣ, позволше молодой Графинѣ удалиться. —

„Развѣ произшесствія вашей жизни шакого „рода, спросила Графиня; чшо благопранвой „дѣвицѣ не приспойно ихѣ слушашь?“—

Незнакомка вспыхнула; но безмолвствовала; полько вѣ глазахѣ ея сверкаль огонь благороднаго оскорбленнаго чувсшва.

„Начинайте же!“ прервала молчаніе Графиня, почши смущенная благородною осанкою юной красавицы.

— Происшесствія моей жизни, Сіапельная Графиня!—опвѣчала сія послѣдняя: непріятно вмѣшивающся вѣ будущность вашей прелестной дочери.—

„Чшо можеше вы имѣшь общаго сѣ Графинею *Терцки*?“ вскричала Графиня рѣзкимѣ, язвительнымѣ голосомѣ.

—Жениха! — спокойно опвѣчала дѣвушка, вѣ сердцѣ коей оскорбленное благородсшво и чувсшво собственнаго достоинсшва подавили всѣ другія чувсшвованія.

„Чшо?“ вскричала Графиня, между шѣмѣ какѣ *Матильда* вслушивалась со вниманіемѣ.

—Маркизѣ *дель-Гуасто* принадлежишь намѣ обѣимѣ! сказала дѣвушка сѣ гордостью и достоинсшвомѣ: но пакѣ какѣ предметѣ наше-

го спора слишкомъ ничпоженъ : по я вамъ уступаю Маркиза! —

„Безумная!“ вскричала Графиня, а *Матильда*, желая успокоить ее, бросилась въ объятія мащери: „ты опваживаешься такъ говорить со мною; знаешь ли ты, что я ближняя родственница Герцога *Фридландскаго*?“ —

—Я несчастна, но Богъ пому свидѣтель, что не заслуживаю презрѣнiя!—возразила справедлица.—Вашему высокому роду я могу прощивупоставить чувство моего собщвеннаго достоинства! И самое безсильное насѣкомое жалитъ того надменнаго, который хочетъ расщоптать его ногами. Упадая къ ногамъ вашимъ, умоляю о защитѣ великодушную, сощрадательную женщину прощивъ гордой, язвительной я прибѣгаю къ пому единственному оружию, которое сберегла мнѣ моя невинность. —

„Вонъ!“ вскричала Графиня: „прочь съ глазъ моихъ, гордая сумазбродка, ты своими продажными прелестями хотѣла поймать въ свои сѣщи человека знашнаго; — вонъ!“ — —

—Это уже слишкомъ!—сказала оскорбленная незнакомка, и сдѣлала шагъ впередъ; но бросивъ взглядъ презрѣнiя на Графиню, обернулась и гордою поступью пошла къ двери.

Тутъ вспрѣшилась она съ Герцогомъ; „Куда?“ спросилъ онъ дѣвушку; она, ушрашенная присутствиемъ Герцога и дикимъ пламенемъ его взора, съ шрепешомъ ему поклонилась. „Куда вы идете! Останьтешь!“ — попомъ взглянулъ на Графиню и на *Матильду*, и

попчасъ опгадалъ все, что между ними происходило. „Оспаньпесь!“ вскричалъ онъ вопрично незнакомкѣ, которая, казалось, опдохнула опъ спраха, наведеннаго на нее внезапнымъ появленіемъ Герцога. — „А вы, Графиня *Матильда*, удалипесь опсюда!“ —

Когда *Матильда* вышла изъ комнаты, Герцогъ съ грозною важностію сказалъ Графинѣ: „Я разрываю предположенный бракъ *Матильды* съ Маркизомъ *дель-Гуаста*. Я говорилъ съ опцемъ эпой дѣвицы; онъ представилъ мнѣ письменныя, неопровергаемыя доказательства испины, всего имъ сказаннаго.

Онъ Пфальцскій дворянинъ. Маркизъ, будучи раненъ въ авангардной спычкѣ прошивъ *Мансфельда*, недалеко опъ зѣмка, съ Испаліанскою хипростію вкрадывается въ сердце къ опцу, а попомъ и къ дочери. Между шѣмъ, выздоравливаетъ; сія дѣвица легкомысленно вѣришь спраспнымъ увѣреніямъ Маркиза. Надежда возрастаетъ вмѣстѣ съ любовью; опецъ столь безразсуденъ, что не видитъ бездны, надъ корою споипъ его дочь;—онъ молчитъ. Коварный Испаліанецъ, употребивъ щещно всѣ средства соблазнить невинность, прибѣгаетъ къ преступному насилію. Наканунъ шоржественнаго дня обрученія, когда опецъ, дочь и Маркизъ прогуливались въ роцѣ, близъ зѣмка, внезапно бросаются на нихъ люди въ маскахъ, связываютъ ихъ, уводяшь Маркиза и невѣсту, опца оппускаютъ.—

„Сіи разбойники были сообщники *дель-Гуаста*; но непоколебимая добродѣшель спасла

несчастную опъ неминуемаго посрамленія. — Она возвратилась въ родительскій замокъ. Маркизъ ускакалъ въ Италію. Осмѣянная подругами, презираемая всѣми благородными молодыми людьми въ своей родинѣ, она жестоко наказана за свою младенческую неоспорожность. Черезъ нѣсколько лѣтъ отецъ узналъ о мѣстопребываніи *дель-Гуасто* въ Прагѣ, онъ спѣшилъ къ нему, спѣшилъ сюда, вооружается кинжаломъ, — и онъ правъ! Онъ шолько въ томъ не правъ, — что осмѣлился, въ моемъ замкѣ произносить смертный приговоръ надъ пресупникомъ. — По сему, для собственннй его безопасности и въ наказаніе за причиненную мнѣ обиду, пусть онъ пробудетъ еще нѣсколько дней въ шюрмѣ, а вы, Графиня, возьмите сію несчастную подъ свою защиту. Я самъ переговорю съ Маркизомъ!“

— Возвратите свободу опцу моему, Свѣплѣйшій Герцогъ! — воскликнула дѣвушка, упавъ къ ногамъ *Валленштейна*: позвольте намъ возвратиться въ опечество! — „Нѣтъ!“ возразилъ Герцогъ важнымъ голосомъ: „я хочу кончить это дѣло. Родитель вашъ находится не подъ спрогимъ арестомъ, и порученъ попеченію вашего рыцаря. — Не безпокойтесь о немъ. — Вспаньте! — Можеть быть сіе дѣло еще приметъ для васъ хорошій оборотъ!“

— Эшаго быть не можеть! воскликнула дѣвушка, вскочивъ: я лишена добраго имени! — „Ваша правда! сказалъ Герцогъ по краткомъ размысленіи. — „Маркизъ не можеть зо-

лопомъ исцѣлить нанесенную вамъ рану.— Жалю о васъ!—

„Но,“ сказалъ онъ послѣ крапкого молчанія: „не унывайте!— Судьбы чловѣка зависяпѣ отъ звѣздъ ; при вашемъ рожденіи онѣ благопріятно сіяли : ибо споль дивно спасли васъ изъ рукъ Маркиза.“—

— „Примите ее подѣ свое покровительство, Графиня! Все прочее беру на себя.“

— Ваша Свѣшлость! — сказала дѣвица: „я буду въ пягоспѣ ея Сіашельству ; не соблаговолите ли поручить меня другой дамѣ вашего двора ; я никому не желаю бытъ въ пягоспѣ!— —

Герцогъ бросилъ на Графиню гнѣвный взоръ. — „Кого Я рекомандую,“ сказалъ онъ швердымъ, рѣшительнымъ голосомъ : „шопѣ никому не бываетъ въ пягоспѣ , шопѣ всякому пріятенѣ! Завтра увидимся!“

Онъ вышелъ. Дѣвушка послѣдовала за Графинею въ ея внутреннія комнаты.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

КЪ МОЕЙ КУРИТЕЛЬНОЙ ТРУБКѢ (*).

О шрубка, ты мнѣ ушѣшенье, —

Другъ меланхоли моей!

Ты погружаешь въ размышленье

Меня и въ обществѣ людей.

Люблю бесѣдовать съ шобою.

Когда вѣщейся спруею,

Твой дымъ несешься въ высоты :

Я слѣдую воображеньемъ

За исчезающимъ круженьемъ,

Лелѣя милыя мечты.

Пусть алы розы украшаютъ,

Прелестной дѣвы нѣжду грудь ;

Къ роскошной спальнѣ устилаютъ

Спѣдливый новобрачныхъ пушь.

Въ уборной пышныя левкои, —

И бѣла лилія, — цвѣтъ Хлои

Благоуханіемъ дышатъ !

Табакъ мой вкусъ — щекочешь, — грѣешь —

Дымишься, — поспешенно шлѣешь ; —

И я вдыхаю ароматъ !

Куривши шрубку забываюсь

Во шмѣ мелькающихъ идей.

Охотно дѣломъ занимаюсь,

(*) Писано на бивакѣ.

Съ любезной шрубкою моею.

Она шрварищъ неразлучный :

И въ шумный день, — и въ вечеръ скучный ;

И на бивакъ, и зимой,

Она всю роскошь сосшавляешь !

Сспрасшей порывы ушишаешь,

Миришь меня съ самимъ собой !

Сей часъ — я съ нею удалился

Ошъ шума праздныхъ крикуновъ. . . .

Дымъ въ шалашъ моемъ спѣснился, —

Преградой встрѣшя низкій кровъ,

Искалъ проспраншва и свободы !

Нашель, — исчезъ ; шакъ въ юны годы

Мы ищемъ мнимыхъ благъ земныхъ ; —

Сспремимся вверьхъ ; но разумъ зрѣешь,

Туманъ величія рѣдѣешь, —

И меркнешъ блескъ надеждъ пусныхъ !

Во всемъ ешь вѣчные законы : —

И годы, шакъ какъ дни пройдушь.

Какъ непримѣшно миліоны

Людей къ ничшожешву шекушь

Гоняясь за слѣпой форшунной.

Ахъ ! если сшасшіе въ подлунной, —

Или съ вѣками уплыло ?

Я думалъ, — дымъ гусшой пуская,

О юношпи моею мечшая, — —

И все бывое ожило !

Вишь жизнь солдаша, мы смышляемъ,

Близка ко сшасшыю шѣхъ времянь,

Когда и шепъ казалась раемъ

Для дикихъ полчищъ и племень.

Безпечносшь — война подруга.

Въ часы безмолвнаго досуга,
 Не вымышляешь онъ сисшемъ,
 Но закуривши шрубку, — смѣло
 Лешишь въ опчаянное дѣло, —
 Гордясь усами и мечемъ!

Онъ спишь подъ буркою космашой,
 Подъ кровомъ дымныхъ облаковъ.
 Погасла шрубка, богъ крылашый,
 Кидаешь макъ изъ облаковъ.
 Бивакъ и шѣсная кваршира:
 Жилище гражданина міра...
 Сажень квадрашная земли
 Удѣлъ для бышя — и праха! —
 Онъ чуждъ и роскоши и страха,
 Прельщаясь славою въ дали!...

Судьбы по Всемогущей волѣ,
 И я назначенъ къ жизни сей.
 Какъ часно на ошкрышомъ полѣ,
 У пошухающихъ огней,
 Куривши шрубку — забывался...
 Въ уподобленіяхъ шерялся,
 Когда о счасшьѣ разсуждалъ:
 Смошря, какъ клубомъ дымъ взвивался,
 На вышинѣ разсѣявался —
 И пошепенно исчезалъ!

Но шрубка изъ руки валишся,
 Въ глазахъ шемнѣешь шусклый свѣшъ!
 Они смыкаюшся... мнѣ сншся...
 Очаровашельный предмешъ.
 Коринны милой приближенъе,
 Приводишь кровь мою въ волненъе, ...
 Бросаюся въ восшоргѣ къ ней;

Но руки призракъ обнимають,
 Чершы прелесшной исчезають;
 Опяшь я съ шрубкой лишь моей!

Проснувшись съ раннею зарею,
 Желалъ бы вновь забыться сномъ,
 И вновь бышь съ милою моею. . . .
 Трубяшь! . . . Бьюшь въ лагеряхъ подъемъ:
 Колонны спрояшся, дѣляшся,
 Уланы и козаки мчашся;
 Громъ пушекъ слышенъ въ споронѣ! —
 Изъ шрубокъ дымъ кругами вьешся! . . .
 Громъ ближе, — чаще раздаешся. . . .
 Жду бишвы съ шрубкой на конѣ.

— 0.

2.

С М Ъ Н А.

Посланиѣ къ дѣвицѣ N. N.

(Военная шутка).

Я, признаюсь вамъ, очень радъ,
 Чшо вы другаго полюбили,
 И новый ушвердивъ нарядъ,
 Мнѣ сдѣлашь смѣну разсудили.
 Не въ огередъ на службѣ бышь,
 Я, право, шакже несогласенъ:
 Эльвира! за другихъ служишь
 Трудъ непріятенъ и опасенъ,
 Ахъ! намъ бываешъ иногда

Дежурство очень непріятно :
 Какъ радовался я всегда,
 Бывало, *смѣнѣ* благодашной.
 Смѣнившись съ должности — опяшь
 На милой волѣ — шо ли дѣло!
 Опяшь ешь время погуляшь
 И можешь порѣзвисься смѣло.
 Теперь пускай преемникъ мой
 Свою вамъ *отередь* ошслужишь.
 Пускай шоржесивуешъ — а порой
 Онъ искренно ошъ васъ пошужишь.
 Но если нужно доказашъ,
 Чшо я *долез службы* знаю славно,
 Позвольше шолько подписашь
 Миѣ въ вашемъ сердцѣ : *сдалъ исправно*.

Бестужевъ-Рюминъ.

1820 г. *Рогенсальмъ.*

3.

КЪ П. * * *

Счастливецъ! *Ею* шы любимъ!
 Но будешъ ли она любима шакъ шобою,
 Какъ сердцемъ искреннимъ *моимъ*,
 Какъ пламенной *моей* душою!
 Возмижь ихъ ошъ меня—и, спрасшию *своей*,
 Достоинъ будь *своей* судьбы прекрасной!
 Миѣжь сердце и душа, и жизнь и все *напрасно*,
 Когда *всего* ошдашь не лзя на жершву *Ей!* —

*Письмо къ Издателю Славянина отъ Г. Гло-
товскаго, изъ Сибирска.*

М. Г. !

Между шѣмъ, какъ *Гг. Полевой, Греть и Булгаринъ* усиливаюшя доказывашь, что *Сѣверный Вѣстникъ*, копорый еще не вышелъ, будешь дурень, въ Парижѣ опдаюпъ должную справедливостъ шаланшамъ *Г. Олина* (*). Вопъ что напечатано въ послѣдней книжкѣ *Révue Encyclopédique*, одного изъ самыхъ лучшихъ Европейскихъ Журналовъ: „Le premier des trois ouvrages (двѣ Элегіи—Оскаръ и Альпосъ—Кальеонъ—говоришь одинъ изъ Издашелей сего

(*) Ошзывы чужеспранныхъ Рецензеншовъ и Издашелей Журналовъ весьма благопріяшны нашему Авшору, и уже имя *Г. Олина* посшавлено между именами писашелей, пользующихся въ Европѣ уваженіемъ. Вопъ убѣдительное доказашельство, что нападки нѣкошорыхъ нашихъ близорукихъ Рецензеншовъ, копорые усидивались внушишь Публикѣ, что въ швореніяхъ *Г. Олина* нѣшъ занимашельности, что они не оригинальныя, а списки съ чужихъ спашей. Кшо бы могъ принудишь чужеспраннаго Кришика хвалишь спихошворенія нашего сошечешвенника? И Россійскимъ любишелямъ словешности можно шеперь подписывашься на его Журналъ и чишашь его (ошъ чего спшарались отвлечь ихъ нѣкошорые Кришики): Русская Публика хорошо привыла Поэмы *Г. Олина*: въ эшомъ послѣдовала ей Публика Европейская. *Глотовскій.*

Журнала, Г. Геро (Héreau, изучившій превосходно Русской языкъ) le premier des trois ouvrages que nous annonçons ici a fondé la réputation de son auteur, et l'a placé au rang des poètes modernes les plus distingués de la Russie. Nous ne connaissons rien de *Mr. Olin* qui ait parut avant ces deux élégies, dans lesquelles il régnе une douce mélancolie et un sentiment de résignation religieuse, combattu par des regrets bien sentis, et dont l'expression est aussi délicate que naturelle. — Les deux poèmes sont des épisodes imités librement du poème de Fingal, d'Ossian. *Mr. Olin* n'a fait qu'emprunter le fond du sujet traité dans chacune de ces deux compositions : les ornemens et les détails lui appartiennent entièrement : et il faut avouer qu'il a su parfaitement saisir cette forte teinte de rêverie et de mélancolie qui caractérise les poésies Ossianiques, et qui a tant de rapport d'ailleurs avec les premiers poèmes Russes, inspirés par les mêmes idées et sous un ciel plus rigoureux encore que celui de l'Ecosse. — Après avoir loué, comme il est juste de le faire, les qualités brillantes du style de *Mr. Olin*, nous devons dire qu'en général ces transformations que les imitateurs font subir aux morceaux qui attirent leur attentions dans les littératures étrangères, nous semblent présenter des grands inconvéniens, dont le moindre est de dénaturer souvent, sans aucun bénéfice pour la littérature moderne, les compositions qui portent le cachet classique, ainsi que celui des lieux et des tems où elles ont été écrites. — Nous approuvons donc le dessein de *Mr. Olin* de se livrer à l'exécution d'un poème original, pour le quel les sujets ne lui manqueront point dans l'histoire

nationale. Il nous a prouvé qu'il est bon coloriste: nous ne doutons point qu'il sache aussi bien ordonner le plan d'un tableau. — „То есть: первое изъ сихъ прехъ сочиненій (двѣ Элегіи), о коемъ мы говоримъ здѣсь, ушвердило лихерапурную славу Автора, и помѣспило его въ число опличнѣйшихъ новѣйшихъ спихопворцевъ Русскихъ. Намъ неизвѣспно, появлялось ли что въ свѣтѣ изъ сочиненій Г. Олина прежде сихъ двухъ Элегій, въ копорыхъ царспвуемъ пихая меланхолія и чувспво религіозной покорности къ пушямъ Провидѣнія, обуреваемое соболъзнованіями истинно сердечнымъ, и выраженными споль же нѣжно, сколько и непринужденно, и проч. Должно признахся, что Г. Олинъ (въ Поэмахъ своихъ) уловилъ превосходно сіи яркія краски мечшательности и унынія, кои составляютъ характеръ Поэмъ Оссіаническихъ, и имѣющъ сверхъ сего споль много сходства съ древними Русскими пѣснями, внушенными пѣми же мыслями и подъ небомъ еще болѣ суровымъ, чѣмъ небо Шотландіи, и проч. Такимъ образомъ, мы ободряемъ намѣреніе Г. Олина заняхся сочиненіемъ Поэмы оригинальной, для копорой онъ не будетъ имѣть недоспашка въ предметахъ изъ Испоріи Опечеспвенной. Онъ доказалъ намъ, что онъ искусный колористъ; мы не сомнѣваемся спакже, что онъ умѣетъ хорошо расположихъ и планъ картины.“— Теперь, когда уже и Французскій Журналистъ опдаемъ Г. Олинъ споль должную справедливость, приписывая слогу его *качества блистательныя*, опспаетъ сполько любителямъ Русской

Словесности, и вообще всѣмъ людямъ безпристрастнымъ, рассудишь о причинахъ, побуждающихъ Гг. *Полеваго, Грегга и Булгарина* вооружаться противъ Г. *Олмна*. Къ сему прибавлю, что Гг. *Издашелямъ Сѣверной Пчелы и Московскаго Телеграфа*, насъ чинашелей, морочить теперь прудно; сами чинамы разумъ.

Литература наша, М. Г., только что начинается развиваясь изъ пеленъ своихъ; и намъ оспается нелицембно пожелать Г. *Олмну* въ благомъ его намбреніи наилучшихъ успѣховъ.

Имѣю честь быть, и пр.

Сибирскъ
23 Октября.

Что случилось съ *Издателями Моск. Телеграфа*?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

„Вы мнѣ дали добрый совѣтъ: выучишься по Французски и не чинашь Телеграфа; позволше же и вамъ заплашишь равносильнымъ совѣтомъ: выучишься всему шому, въ незнаніи чего уличены вы Журналами, и выдавайше свой Телеграфъ безъ грубыхъ ошибокъ.“

Сѣв. Пчела 1825, No 98.

Въ XII-й книжкѣ своего Журнала, Г. *Полевой* позабавилъ своихъ Чинашелей чуднымъ словоизвишемъ: „Явился ли кпонибудь изъ Русскихъ Литераторовъ съ разборомъ сего важнаго Литературнаго явленія, преодолѣлъ ли кпонибудь изъ Литературныхъ Мападоровъ лбнь, сдѣлавшуюся у нашихъ Литераторовъ, съ весьма немногими исключеніями, общею привычкою.“

Въ XIII книжкѣ на спран. 133, выставился у Г. Полевова — *рыгагь мнѣнній*; онѣ пытается поворотивать *рыгагомь мнѣнній*; ужь не хочепѣ ли онѣ въ Липерашурномѣ мирѣ бытъ *Архимеломь*? Избави насѣ Боже! Онѣ перевернетѣ намѣ головы зашылкомѣ на передѣ! Въ его рукахѣ *рыгагь* естъ орудіе опасное. Это шоже, что *цвѣсистый булыжникъ* баснописца Крылова.

Но въ XIV-й книжкѣ Г. Полевой превзошелъ самѣ себя. Эта книжка, какѣ будто нарочно, вся состоипѣ изѣ желѣпицѣ. Первая спашья: Историко - Статистическое обозрѣніе Молдавіи и Валахіи испещрено самыми грубыми ошибками. Мы сначала весьма было удивились, прочитавѣ въ оглавленіи, что она взята изѣ Англійскаго Журнала Blackwood's Magazine; но удивленіе наше кончилось, когда прочли примѣчаніе Издашеля, въ коемѣ онѣ говоритѣ, что сей опрывокѣ взяшѣ сокращенно, т. е. переводчикѣ сократилѣ въ немѣ смыслѣ и распространилѣ безсмыслицу.

Мы уже не упоминаемѣ о шомѣ, что Кучукѣ-Кайнарджскій мирѣ между Россійскою и Турецкою Имперіями, у Издашеля М. Т. заключенѣ цѣлымѣ годомѣ позднее, а Султанѣ Селимѣ III лишенѣ жизни годомѣ ранѣе; не привязываемся кѣ шому, что у него Россійская армія введена въ Молдавію и Валахію въ 1805 году, шогда какѣ она вступила шуда въ исходѣ 1806; что онѣ Г. Полевой принуждаетѣ знаменшаго Великобританскаго Министра Фокса желашѣ ознаменоватѣ владычество свое войною: шогда, какѣ всему свѣшю извѣсно его

миролюбіе; что онъ *Г. Полевой* по своей прихоти, безъ вѣдома Султана, переименовалъ великаго Визиря, *Яныгаръ - Аю* и *Мүфтѣя* въ Вице-Короли, что провелъ Англійскую эскадру чрезъ Дарданельскій проливъ подъ стѣны Царя-града въ 1805, а не въ 1807 году, какъ это было дѣйствительно, и что заставилъ Россію принять Континентальную систему въ Эрфуртѣ, а не въ Тильзитѣ.

Мы даже не потребуемъ отъ него *Г. Полева*, чтобы онъ писалъ такъ мужественно и правильно, какъ Издашель *Вѣстника Европы*, такъ пріятно и щеголевато, какъ Издашель *Дамскаго Журнала*; но все надобно писать почто, ясно, вразумительно, по *Русски*. Вишь его *Телеграфъ* не *Египетская пирамида*, испещренная внутри Гіероглифами; не *Траяновъ столль*, описанный главными изображениями; не *колокольня Звенигородская* съ колоколомъ, на которомъ начертаны непонятныя буквы.

XIV-я книжка *Телеграфа* начинается слѣдующими спроксами: „Извѣстно, что Правители Молдавіи и Валахіи донинѣ избирались между Греками, обитателями Фанара, часпи Конспаншинополя, почти исключительно обитаемой Эллинами, возводимыми въ достоинство Драгомановъ и занимающими другія должности въ Турціи.“ Этимъ періодъ чисто *Санскритскій!*

„Одаренный рѣдкимъ благоразуміемъ, зная основательно различные Европейскіе языки...“ Это по *Халдейски!*

„Вскорѣ, посольства и другія подобныя сему должности содѣлались исключительно

принадлежностью Грековъ. Невѣжество и тщеславіе заспаляло ихъ удивляться и подражать бѣднымъ ошаккамъ своего прежняго образованія, возникавшаго у фанариоповъ, и какъ развернулись первыя семія Греческой независимости.“ — Прошу понять, прошу сдѣлать спройную рѣчь изъ эшаго хаоса! Вошъ настоящее *Вавилонское* хипросплетеніе!

„Кайнарджинскій пракшанъ подписанный 10-го Іюля 1775 (у *Г. Полевого*; а Вержховный Визиръ и Фельдмаршалъ *Румянцовъ* подписалъ его 10-го Іюля 1774) года, служилъ основаніемъ всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ переговоровъ; на немъ основывается и нынѣ С. Пешербургскій *Дворъ*, почему *выписывается* здѣсь содержаніе спашей, относящихся до Валахіи и Молдавіи.“ Власъ ваша, *Г. Полевой*! а шупъ что-то не какъ! Опкуда *выписывается*: изъ Архива Коллегіи Иноспранныхъ дѣлъ, изъ Лондона, изъ Парижа, или изъ Энциклопедическаго Словаря? Эшо истинное *Финикійское* хипрословіе!

„Уважаешь предспавленія, которыя побудяпъ ихъ *цгннить* выгоды Молдавіи и Валахіи.“ — Вошъ эшо преузорочное словцо родилось на свяшой Руси въ Подъбическомъ приказѣ, крещено въ чернилахъ, воспшано въ Воеводской Канцеляріи.

„Англійскій Посланникъ не имѣлъ попребнаго полномочія; его должно было *сждать* изъ Англии.“ — Эшо что за слово? Развѣ не лзя было поспавить одного изъ общеупопрешельныхъ Россійскихъ глаголовъ: *ждать, ожидать, дожидаться?*

Господину *Полевому* хотѣлось блеснуть *много-различно-языковѣдѣніемъ*. Эпо по *Колтски!*

„Султанъ, спрашась народнаго бунша и негодуя на вшорженіе въ свои обласпи, изрекъ *войну нелримиримцю*.“ Полно пакъ ли, Г. Нереводчикъ? Всякая война непримирима; но миръ спавипъ ей конецъ, война прекращается миромъ; эпо по *Русски*, а вы выразились — по *Ассирійски!*

На стр. 186, Г. *Полевой* написалъ: *Апшу-Еффенди*; на стр. 187, *Галибъ-Рейсъ-Еффенди*; а на стр. 194, онъ же вышереченный и частпоупоминаемый Г. *Полевой*, въ 4-й строкъ сверьху, спспавилъ: *Галибъ - Эффенди* и въ 7-й строкъ шже: *Галибъ - Эффенди*. Такое своевольство правописанія позволишельно шолько въ *Липешурѣ Латышсй и Самоѣдовъ*.

„Сила *Наполеонова* цма заспавляла робкіе *Дворы* Германіи и высокомѣрныхъ попомковъ *Амурапа* учаспвовашъ въ его честполюбивыхъ предпріяніяхъ и, пакъ сказашъ, *влрягла* ихъ въ *тріумфальню колесницу* его, спремившуюся опаснымъ путемъ ко всеобщей *Монархіи*.“

Наполеонъ влрягалъ *Дворы Германскихъ Государей* въ свою колесницу. Вопъ эпо уже домашнее рукодѣлье Г. *Полевова*. Такой чудовищной фразы не найдемъ ни въ *Грамматикѣ Чукгей*, ни въ *синтаксисѣ Якутовъ*, ни въ *Рипорикѣ Камтадаловъ*, ни въ *Словесности Алкутовъ*.

Мы бы весьма запруднились, еслибъ предпріяли опредѣлишь характеръ слога Г. *Полевова*, но въ той же XIV-й книжкѣ, онъ самъ весьма удовлешворишельно опредѣлилъ свой

манерѣ сочинять. — „Когда онѣ начнетѣ ра-
„бошашь, по кладетѣ камень на камень, сма-
„зываетѣ все это журнальнымѣ цементомѣ,
„и созидаетѣ нелѣпое зданіе, вѣ копоромѣ,
„подлѣ куска гранита торчитѣ кусокѣ глины,
„и копорое оканчивается какѣ попало, если
„недостаеѣ машеріаловѣ.“

W.

Москва.

(Конецъ второй главы, а всѣхъ главъ будетъ 1001).

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Журналъ Капитана 2-го ранга Поскогина командовавшаго отрядомъ Россійскихъ и Турецкихъ военныхъ судовъ, веденный при занятіи острова Чефалоніи, съ 14 по 23 Октября 1798 года.

Октября 14 въ 10 часовъ утра, получилъ я отъ командующаго флотомъ Г. Вице-Адмирала и кавалера *Θ. Θ. Ушакова* повелѣніе; чшобы съ кораблемъ *Св. Троицю*, фрегатами: *Сошествіемъ Св. Духа*, *Счастливымъ* и однимъ Турецкимъ и крейсерскимъ судномъ *Красносельемъ*, немедленно отправиться къ острову Чефалоніи, занятому Французами и овладѣшь онымъ. При семъ препровождены были ко мнѣ, оказывавшіе усердіе къ нашей пользѣ жители того острова, отставные флота: Капитанъ-Лейтенантъ *Спиро Ригардолуло* и Лейтенантъ и Кавалеръ *Антонъ Глези*. Отославъ перваго изъ нихъ на фрегатъ *Счастливый*; а втораго на *Красноселье*, приказалъ я имъ слѣдовать впередъ и, находясь близко берега, сѣвхашъ на островъ, дабы они

успѣли къ моему приходу вооружить жителей противъ Французовъ и чрезъ то сдѣлашь намъ помощь. Самъ же я съ фрегаши: *Сошествіемъ св. Духа* и Турецкимъ, забравъ наскоро своихъ солдатъ, бывшихъ въ десантѣ на островѣ Зантѣ и при нихъ одну десантную пушку, того же числа, въ 2 часа пополудни, при маловѣтріи между N и O и временно со шпилемъ, отправился въ предписанный мнѣ путь. Въ это время, посланныя мною предварительно суда, уже находились впереди, въ разстояніи десяти верстъ. Тогда же я учредилъ и разослалъ между отдѣленіями моего опряда необходимо нужные сигналы.—

Продолжая плаваніе чрезъ всю ночь, на разсвѣтѣ пришли мы предъ устьемъ острова Цефалоніи, и соединились съ посланнымъ прежде фрегаши *Сошествіе св. Духа*. Судно же *Красноселье* оставалось въ близости Цефалоніи, назади верстахъ въ двадцати. Какъ противное маловѣтріе не дозволяло намъ войти въ устье, то и пригласилъ я командующихъ фрегаши Капитанъ-Лейтенантовъ *Константинова* и *Белли* и пассажира *Спиро Ригардолуло* и совѣщивался съ ними о способахъ, какъ бы не медля начать наши дѣйствія. Общимъ мнѣніемъ положено было, что если вѣтръ не допуститъ войти до вечера; то подойдя ближе къ острову, при способномъ мѣстѣ высадить на оный десантъ. Г. *Ригардолуло* взялся подкрѣпить десантъ жителями и слѣдовать съ ними къ батареѣ, защищающей входъ въ городъ Аргостоли. Я уже предоставилъ себѣ съ вѣренными

мнѣ опрядомѣ спарашься, сколько возможно скорѣе, войши въ устье, прямо къ башарѣ на ближній выспрѣль и сбишь оную. Сдѣлавъ по-пребныя разпоряженія, лавировалъ я весь день при входѣ къ Чефалоніи.

15-го числа, по полудни въ 3 часа, прибыла ко мнѣ съ острова лодка подъ Россійскимъ флагомъ. Находившійся на оной, одинъ изъ Чефалонскихъ жипелей, привезъ мнѣ письмо отъ Маіора *Андрея Ритардолцло*, въ которомъ содержалось, что Французы, замѣшивъ приближеніе наше и не видя способовъ защищаться въ худо укрѣпленной башарѣ, сего утра рано собрались и на малыхъ лодкахъ переѣхали на другую сторону города Аргосполи, съ намѣреніемъ пробраться въ крѣпостцу Ассо, по иную сторону острова, а если будущъ и опшуда вытѣснены: то бѣжать на судахъ на другой островъ. — Лодку, пріѣхавшую ко мнѣ съ симъ извѣщеніемъ, послалъ я сей же часъ при Офицерѣ на островъ Зантъ къ командиру флотомъ, а самъ въ ту же минуту посадилъ на кашера двадцать чепыре человекъ отборныхъ солдатъ, при прехѣ уншеръ-офицерахъ и барбанщикѣ, съ Капитанъ-Лейшенантомъ *Литвиновымъ*, Порупчикомъ *Поджіо* и Капитанъ-Лейшенантомъ *Слиро Ритардолцло* и опправилъ ихъ въ устье залива, къ башарѣ. — Капитанъ-Лейшенантъ *Литвиновъ* получилъ отъ меня предписание соединиться съ вооруженными жипелями и слѣдовать къ городу Аргосполи, пакже къ башарѣ и овладѣть на оной всѣми орудіями; занявъ посты на пропивной сторонѣ за-

лива Ликсури, равно какъ и старую крѣпость, называемую Чефалонія, которая опшуда въ разстояніи 12 верстѣ, дабы Французы туда не вошли и въ ней не засѣли.

Капитанъ-Лейтенантъ *Ригардолло* убѣдительно просилъ меня позволить, къ высаженнымъ опѣ насѣ войскамъ, присоединить изъ усердныхъ и преданныхъ намъ жипелей 500 человекѣ, надѣ коими поруча начальство одному изъ надежныхъ обывателей Чефалоніи, послашь ихъ въ погоню за Французами и форсированно стараться догнашь и не допустишь ихъ до крѣпости Ассо, которая разстояніемъ бо верстѣ опѣ Аргосполи, — также стараться ихъ безоружить и привести плѣнными, а въ случаѣ неудачи, немедленно дашь мнѣ знашь.

Вскорѣ за симъ прислалъ ко мнѣ, командирѣ судна *Красноселья* флота Лейтенантъ *Рябининъ*, рапортѣ: что прошлой ночи, когда онѣ лавировалъ вблизи острова Чефалоніи, въ первомъ часу, прибыла къ нему съ берега лодка, опѣ селенія, гдѣ жипельствуешѣ вышеупомянутый Лейтенантъ *Глезі*, находившійся у него, и съ оной обѣявили, что Французы въ величайшемъ страхѣ и недоумѣніи о приближеніи нашихъ судовѣ, разоряютѣ укрѣпленія и намѣреваюшся въ сію же ночь бѣжашѣ; жипели же всѣ вооружены, но не смѣютѣ безѣ нашего войска напасть на непріятелей и просяшѣ послашь къ нимѣ хотя малый десантъ при офицерѣ, для оживотворенія ихъ усердія, обѣщаясь быть въ послушаніи. Лейтенантъ *Рябининъ*, увѣрясь въ семѣ опѣ Лейтенанта *Глезі* и не видя меня вблизи,

рѣшилъ самъ послать десантъ подъ командою исправнаго Мичмана *Македонскаго* съ волонтеромъ *Шелковниковымъ*, а съ ними, при одномъ унтеръ-офицерѣ и барабанщикѣ, солдатъ 10 человекъ. Съ симъ отрядомъ вмѣстѣ, посланъ былъ и Лейтенантъ *Глези*, которому было приказано соединиться съ превосходнымъ противъ непріятеля числомъ жителей, и общими силами идти на Французовъ, требовавъ отъ нихъ сдачи, а въ случаѣ нападенія, дать бапалію. Снабдивъ десантъ симъ наставленіемъ, Лейтенантъ *Рябининъ* высадилъ его въ той же деревнѣ на берегъ, разстояніемъ отъ бапарей въ 30 верстахъ.

Сего же числа, продолжая самъ идти ближе къ берегу, дабы примѣчать за дѣйствіями отряда мною посланнаго, увидѣлъ я въ 6 часовъ вечера, бѣжавшую къ намъ лодку. Давъ приказаніе осмошрѣть напередъ бывшихъ на ней людей, допустилъ ихъ на мой корабль. Это было дворянство и духовенство изъ города Ликсури, числомъ 12 человекъ, кои съ радостию объявили, что Французы сего ушра изъ всѣхъ городовъ бѣжали къ крѣпости Ассо. Депутаты сіи просили дать имъ караулъ при Офицерѣ, для успокоенія городскихъ жителей отъ поселянъ, кои пользуясь симъ случаемъ, хотѣли разграбить городъ. Сочтя сіе за нужное, отправилъ я въ Ликсури Мичмана *Тухасса* съ унтеръ-офицеровъ и 10 рядовыми, приказавъ имъ занять всѣ посты и пушки оставленныя Французами; соблюдать порядокъ въ городѣ и не допускать до грабительства. Во всю сію

ночь на островъ было спокойно, а мы за пропивнымъ маловъпріемъ со шпилемъ, лавировали.

Октября 16-го, въ 6 часовъ утра, получа благополучный вѣстрѣ, пошли въ заливъ, куда въ 10 часовъ и прибыли, расположась по близости батареи на якорѣ. На батареѣ былъ поднятъ Кейзеръ-флагъ *Его Императорскаго Величества*, коему мы салютовали въ то же время изъ 7 пушекъ; а изъ подъ онаго отвѣчали намъ равнымъ числомъ. Вскорѣ за симъ, споявшія при городѣ Ликсури мѣлкія купеческія суда, на коихъ были уже Русскіе флаги, салютовали вдругъ многимъ числомъ выстрѣловъ; на что отвѣ меня имъ отвѣтствовано пятью выстрѣлами. Вслѣдъ за тѣмъ, пріѣзжали къ намъ изъ обѣихъ городовъ духовенство и обыватели во множествѣ на лодкахъ, съ изображеніемъ нашего флага и крича непрерывно съ восторгомъ: *вивать Императоръ ПАВЕЛЬ!* По прибытіи на корабль мой, извѣявили они свою благодарность за избавленіе отъ Французовъ, и при томъ просили для соблюденія порядка и сбереженія ихъ отъ грабительства раздраженной черни, усилить по городамъ караулы, что тогда же было исполнено. Я приказалъ высадить въ городъ Аргостоли 120 человекъ солдатъ при двухъ Офицерахъ, и 10 канониръ съ однимъ унтеръ-офицеромъ, для содержанія батарей и въ городѣ десантныхъ пушекъ; да въ городѣ Ликсури прибавилъ 30 солдатъ при одномъ Офицерѣ, предписавъ имъ имѣть всякую оспорожность, не допускаяъ жишелей до буйства и

грабежа и, быть всегда гошовыми, имѣя въ каждомъ городѣ по двѣ заряженныя пушки, изъ оставшихся опѣ Французовъ, но больше спарашься уговаривать и къ силѣ, безъ крайней надобности, не прибѣгашь. — Въ 12 часовъ отправилъ я исправнаго Лейпенанта *Дефабра*, для осмошрѣнїя состоящихъ при городахъ Аргосполи и Ликсури судовъ и, если между ними найдутся Французскїя, то оныя отобрапъ: сомнительныя же взяпъ за арестпъ. Въ помощь же къ нему опредѣлилъ я Мичмана *Тухаева*. Въ 2 часа пополудни шого же числа, прибылъ изъ города Аргосполи Мичманъ *Македонскїй*, который донесъ, что при сбѣздѣ его въ ночи на 15 число съ судна *Красноселья*, былъ онъ у берега встрѣченъ вооруженными жишелями, кои восклицая — *да здравствуетъ Императоръ ПАВЕЛЬ*, потчасъ соединились съ нашимъ десантомъ и прибыли въ деревню, гдѣ еще къ нимъ приспало множество вооруженнаго народа, и духовенство со крестами и служенїемъ. Всѣ они показывали свою преданность. Онъ же принявъ, обще съ Лейпенантомъ и Кавалеромъ *Глезн*, начальство надъ жишелями, немедленно отправился къ городу Аргосполи. По трудности пуши и худой дорогѣ, прибыли они туда уже въ 12 часу дня, шогоже 15 числа, но Французовъ не застали, а духовенство съ Архїереемъ въ облаченіи и со крестами, встрѣтили наше войско при входѣ въ городъ, изъясняя свое усердіе. Мичманъ *Македонскїй*, принявъ поздравленїе, немедленно отправился на башарю, гдѣ находились чепыре 30 фуншова

пушки. Занявъ оную своимъ карауломъ, и взявъ ключь отъ пороховаго погреба, опрядилъ онъ волонтира *Шелковникова* съ двумя гренадерами и часпю вооруженныхъ жипелей на другую сторону залива, къ городу *Ликсури*. Возвращаясь отсюда къ Аргостоли, Мичманъ *Македонскій* увидѣлъ, что жипели грабятъ одинъ домъ, называя хозяина онаго Якобинцемъ и угрожая также прочимъ домамъ. Немедленно пошелъ онъ въ полпу сихъ грабителей съ малою часпю своихъ солдатъ и уговорилъ ихъ оставить все на разсмотрѣніе начальства, а самимъ успокоиться, что и подѣйствовало. Въ 9 часовъ вечера, когда прибылъ въ городъ Г. Капшанъ-Лейтенантъ *Литвиновъ*, *Македонскій* являсь къ нему, донесъ о своихъ успѣхахъ и оспался въ его командѣ.

Въ 4 часа вечера сего же дня, отправился я съ командующими судовъ, на башарею для распоряженія и въ городъ Ликсури, гдѣ учредилъ и умножилъ караулъ, опредѣля на башарею Офицера, а въ Ликсури, по случаю несогласія между жипелями, далъ публикацію, чтобы всѣ деревенскіе жипели слѣдовали въ свои мѣста, и не ходили бы болѣе съ оружіемъ. Похваляя впрочемъ ихъ усердіе, я объявилъ, что болѣе отъ нихъ помощи не требуется, и шакую же *прокламацію* послалъ публиковать въ городъ Аргостоли, съ повелѣніемъ разослать оную по деревнямъ.

Въ 7-мъ часовъ вечера сего же числа, прибылъ ко мнѣ на корабль Капшанъ-Лейтенантъ *Литвиновъ* и донесъ, что по выходѣ своемъ на

берегѣ, въ 6-ть часовѣ, немедленно опсправил-ся онѣ въ городѣ Аргосполи, куда въ 9-ть часовѣ прибылѣ въ сопровожденіи жипелей, обще съ Капипанѣ-Лейшенанпомѣ *Ригардолцумѣ*. Тамѣ нашелѣ онѣ Мичмана *Македонскаго*, уже занявшаго посты, осмопрѣлѣ батарею и нашелѣ въ городѣ двѣ 3-хѣ-фуншова, оставленныя отѣ Французовѣ пушки. Усилилѣ караулы, *Литвиновѣ* оставилѣ въ городѣ Начальство *Македонскому*, а самѣ съ Порупчикомѣ *Поджіо* и съ 18 человекѣми солдатѣ, вмѣстѣ съ *Ригардолцумѣ* и жипелями, пошелѣ къ старой крѣпости, именуемой Чефалонія, разспояніемѣ въ 12 верстахѣ, куда къ разсвѣту прибылѣ и нашелѣ, что и опшуда Французскій караулѣ бѣжалѣ. Овладевѣ сею крѣпостию, взялѣ ключѣ и флагѣ, поднялѣ нашѣ флагѣ и оставилѣ 6 человекѣмѣ солдатѣ съ жипелями для караула. Велѣлѣ сверхѣ сего поправитѣ укрѣпленія и приказавѣ близѣ лежащимѣ деревнямѣ, на случай надобности, защищать малый нашѣ караулѣ, что они съ радостию обѣщались. К. Л. *Литвиновѣ* возвратилѣся обратню. Капипанѣ же Лейшенантѣ *Ригардолцумѣ* донесѣ мнѣ, что въ погоню за Французами онѣ опсправилѣ 500 человекѣмѣ храбрыхѣ и усердныхѣ жипелей, подѣ командою опспавнаго Капипана *Дивора* и сверхѣ того послалѣ шуда крапчайшею дорогою курьера, дабы жипели деревень около крѣпости Ассо вооружились, и не допустили войши въ крѣпость Французовѣ.

Октября 17-го по упру въ 9 часовѣ опсправилѣ я на обывательской лодкѣ Мичмана *Ма-*

кедонскаго къ Командующему флотомъ на островъ Зантъ и препроводилъ съ нимъ доставленные ко мнѣ: Капитанъ-Лейтенантомъ *Литвиновымъ* ключъ и флагъ крѣпости Чефалоніи, а Мичманомъ *Македонскимъ* флагъ съ башарей, и при томъ рекомендовалъ дѣйствовавшихъ особенными Экспедиціями: сихъ означенныхъ офицеровъ, и также опспавныхъ: Капитанъ-Лейтенанта *Слиро Ритардолцло*, Лейтенанта и Кавалера *Глези* и Маіора *Андрея Ритардолцло*. Въ 11 часовъ того же дня опсправился я, обще съ командующими судовъ, въ городъ Аргостоли, для разсмотрѣнія и распоряженія. Тамъ встрѣченъ я былъ Архіереемъ, съ духовенствомъ и съ крестами, всѣмъ дворянствомъ и жителями съ пушечною съ судовъ пальбою и ружейною и колокольнымъ звономъ. По прибытіи, вошелъ въ церковь и служилъ молебствие о благополучномъ избавленіи острова изъ подъ ига непріятелей. Въ часъ по полудни того же дня, Лейтенантъ и Кавалеръ *Глези* увѣдомилъ меня, что Французы въ числѣ 195 человекъ, гнавшіеся за ними жителями, не доходя крѣпости Ассо, остановлены, принуждены положить оружіе сдатьъя военно-плѣнными Россійскому флоту и оными жителями приняты.

О семъ въ 2 часа сего числа на жительской лодкѣ препроводилъ я къ начальствующему флотомъ рапортъ, а Лейтенанту *Глези* приказалъ послать отъ себя, чшобы не ограбляя плѣнныхъ, немедленно вели бы ихъ ко мнѣ. Того же числа дано мною повелѣніе Артиллеріи Капитанъ-Лейтенанту *Злобину* осмошрѣть и

описать всѣ пушки, порохѣ, снаряды и все оставшееся отъ французовѣ, въ какомѣ чпо состояніи, и освидѣтельствовавѣ рапортовать. Того же дня въ 6 часовѣ вечера приведены прошиву города Аргосполи оставшими Капитанами *Спиро* и *Анастасіемѣ Дивора* плѣнные Французы. Часѣ ихѣ, именно: Секундѣ Комендантѣ 1, Офицеровѣ 8, унтеръ-офицеровѣ и рядовыхѣ 179, всего 188 человекѣ были рописаны по судамѣ. Остальные же оставлены по болѣзни въ крѣпости Ассо за карауломѣ, и при помѣ ими же представлены ко мнѣ ключъ и флагѣ крѣпости Ассо. Того же дня въ 2 часа, идущую изѣ острова Корфу лодку, вооруженнымѣ каперомѣ догнали и нашли, чпо на ней ѣхалѣ изѣ Корфы въ Чефалонію Французской Артиллеріи Капитанѣ *Шамбцке* съ женою и двумя малолѣпными дѣтьми для починки крѣпостей и башарей. Офицерѣ сей объявленѣ плѣннымѣ, а лодка, принадлежавшая жипелямѣ, отдана хозяевамѣ. Попомѣ, того же числа въ 9 часовѣ вечера, получилѣ я увѣдомленіе, чпо Французская бриганпина, имѣющая по 6 на споронѣ пушекѣ, пришла на другую спорону острова Чефалоніи, при заливѣ Само. Въ слѣдствіе сего, тогда же далѣ я повелѣніе фрегату *Счастливому*, подѣ командою Капитанѣ-Лейтенанша *Белли*, ийти на западную спорону острова и спараться овладѣшь онымѣ судномѣ, а если ушло, то догнашь. Жипель же острова Чефалоніи Графѣ *Анастасій Метакса* просилѣ позволенія ийти шуда, и не допустить Французовѣ выйти на берегѣ, а если

будешъ возможно: по взяшь ихъ, на что и далъ я мое согласіе. Того же вечера получилъ я извѣстіе, что деревенскіе жишели собрались около города на пригоркахъ во множествѣ вооруженными, и намѣреваюшся ограбить городъ. Посему далъ я немедленно повелѣніе карауламъ нашимъ въ городахъ до сего не допускать, а фрегатшу *Сошествіе*, подъ командою Капишанъ-Лейшенанша *Константинова*, приближись на карпечной выспрѣлѣ къ городу Ликсури; судну *Красноселью*, подъ командою Лейшенанша *Рябинина*, приближись къ Аргостоли и защищать сей городъ, въ случаѣ нападенія грабителей, спрацая ихъ сперва холоспыми выспрѣлами. Турецкій же фрегатъ пославленъ около башарей, дабы соблюсти ее въ случаѣ бунта, а самъ я съ кораблемъ остался посреди бухшы для наблюденія за приходящими и выходящими судами. Симъ движеніемъ все успокоилось.

Публиковалъ впорично, чпобъ опнюдь ни кто изъ жипелей вооруженнымъ образомъ не ходили, а особливо не сбирались бы въ большія шолпы: ибо Французы всѣ находяшся въ плѣну, а если же за симъ не послушаютьъ, по повелѣно отъ меня защищать городъ орудіями. Сверхъ сего, послалъ я въ крѣпость Ассо свой караулъ и приказалъ тамъ поднять флагъ нашъ, подъ защищеніемъ Капишана *Дивора*. Сего же числа въ 10 часовъ, фрегатъ *Счастливыи* вышелъ въ море и закрылся. Въ 12 часовъ получилъ я увѣдомленіе что Французская бриганшина хотѣла въ мѣстечкѣ Само высадить

малый десантъ, но вооруженными жителями оный прогнанъ. За пѣмъ выпаливъ изъ пушки, бригашина ушла обратно въ море.

19 Октября, по публикованію и за распавленіемъ при городахъ судовъ и караула, на всемъ островѣ было спокойно. Прибыли въ островъ изъ Мореи при малыя лодки, имѣвшія Французскіе билеты. Оныя, по разсмотрѣніи нашлись здѣшнихъ жителей, бѣдившихъ для порту пшеницею и, по отобраниіи билетовъ, были отосланы въ городъ Ликсури. Сего же числа приведены ко мнѣ изъ оставленныхъ въ крѣпости Ассо два плѣнные Француза. Отправленъ къ командиру флотомъ на островъ Зантъ съ обстоятельною реляціею, о всѣхъ на семъ островѣ дѣйствіяхъ, на обывательской лодкѣ Мичманъ *Цымбаль*; при чемъ препровожденъ ключъ крѣпости Ассо и флагъ республиканской.

20-го, было спокойно. Прибыли торгующія мѣлочными продуктами изъ разныхъ мѣстъ чепыре лодки, кои всѣ принадлежали жителямъ, по чему и пропущены.

21, То же спокойно. Сего числа показались въ морѣ нашъ и Турецкій флоты предъ островомъ.

22, Посланный для освидѣтельствованія взятыхъ отъ Французовъ крѣпостей Чефалоніи и Ассо башарей, всей Артиллеріи и снарядовъ, Артиллеріи Капшанъ - Лейшенантъ *Злобинъ* возвратился и донесъ рапортомъ, что имъ найдено и въ какомъ состояніи.

Вѣдомость.

Въ крѣпости Чефалоніи, въ городахъ Аргосполи и Ликсури, равно и на башарѣ, гдѣ подняли флагъ нашъ, пушекъ чугунныхъ разныхъ калибровъ годныхъ 14, негодныхъ 9, мѣдныхъ на полевыхъ лафешахъ 3-хъ-фунтовыхъ Французскихъ 4, фалконетъ мѣдный 1, морширъ 48 фунш. 4, ядеръ чугунныхъ 1771, бомбъ 786, карпечь съ желѣзными шпигелями 180, пороху 64½ боченка; изъ сего взято на флотъ: пушекъ мѣдныхъ и морширъ по 4, пороху 40 боченковъ, бомбъ нечиненыхъ до 600.

23 числа въ десятомъ часу по утру, прибыли нашъ и Турецкій флоты, подъ Начальствомъ Господина Вице - Адмирала и Кавалера Ушакова, въ заливъ острова Чефалоніи. Опнесясь Его Превосходительству о командѣ, остался я подъ его Начальствомъ и уже дѣла опносились къ нему. Сего же числа Лейтенантъ *Дефабрь* и Мичманъ *Тухаевъ* окончили описаніе судовъ. Паспорты же оныхъ и всѣ найденныя бумаги представили они ко мнѣ. Всего нашлось судовъ съ грузомъ: Лодокъ, Фелюкъ и Полакрь 12; безъ груза: Полакрь, Бриганшинъ, Таршанъ, Требакъ, и проч. 103. Всѣ сіи суда принадлежали жителямъ острова; сомнительнаго ни одного не нашлось; паспорты и описи препроводилъ я къ Командующему флотомъ на разсмотрѣніе и резолюцію.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ПАЖЪ ГЕРЦОГА ФРИДЛАНДСКАГО.

Историческая повѣсть; соч. *Тромлица.*

(Продолженіе).

Большую часть ночи *Роткирхъ* провелъ въ комнаѣ арестанпа, которая находилась во флигелѣ зámка. Тупъ сшарецъ разсказалъ ему о несчастной любви своей бѣдной *Іоанны*, умолялъ Пажу бытъ ея засшупникомъ и со слезами умолялъ его, чшобы онъ выпросилъ ему у Герцога позволеніе повидаться съ дочерью.

Тронушый до глубины сердца повѣстью несчастнаго опца, *Роткирхъ* возвратился въ свою комнашу. Онъ самъ вызвался бытъ мспшелемъ оскорбленной красавицы. Герцогъ, хопя и въ шупку, далъ ему на то позволеніе. Ни чшо не могло бытъ ему пріяшнѣй поединка съ Маркизомъ *дель-Гцасто*, ненависшнымъ ему женихомъ *Матильды*!

Когда наступило утро, онъ надѣлъ бѣлую съ голубою выпушкою одежду, перекинулъ черезъ плечо военную перевязь Герцога *Фридрихскаго* и пошелъ съ лѣстницы сквозь полпу служителей, кои крайне изумились, видя Герцога Пажу, во дворцѣ его, не въ придворной одеждѣ.

Маркизъ *дель-Гуасто* еще спалъ. Происшествіе вчерашняго вечера было имъ почти уже забыто; въ пѣвцахъ онъ не узналъ ни *Юанны*, ни опца ея; голосъ ея, хопя и показался ему знакомымъ, но время и другія любовныя связи испребили всякое о ней воспоминаніе, и вчерашнія пѣсни слабо опозвались въ его памяти.

Неперпѣливому Пажу показалась вѣчностью каждая минута, копорую принужденъ онъ былъ ждашь у него въ приемной. Маркизъ спѣшилъ принять его, воображая, что онъ пришелъ съ порученіемъ отъ Герцога. Посему, когда *Роткирхъ* вошелъ, Маркизъ встрѣшилъ его вопросомъ: „что угодно его Свѣшлости?“

— Ничего! — отвѣчалъ молодой Рыцарь: я пришелъ къ вамъ съ порученіемъ отъ дамы вашего сердца.

„Отъ Графини *Матильды*?“ спросилъ Маркизъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ! — холодно отвѣчалъ *Георгъ*.

„Кого же называете вы дамою моего сердца, Пажъ?“ спросилъ *Гуасто* улыбаясь.

Вмѣсто отвѣта, *Роткирхъ* снялъ перчатку съ правой руки, и бросивъ ее къ ногамъ изумленнаго Маркиза, сказалъ твердымъ, шоржешвеннымъ голосомъ: Его Свѣшлость, мой

повелишель, Герцоґъ *Фридландскій*, позволилъ мнѣ бытъ защитникомъ вашей дамы; слѣдственно вы, по старинному Рыцарскому обычаю, благоволите поднять мою перчатку. — —

Дель-Гуасто улыбнулся. — „Скажите, пожалуйста-ше, Г. Пажъ, вскричалъ онъ насмѣшливо: „къ чему эша комедія? — Рыцарь какой-либо дамы носитъ ея только цвѣтъ. — Но вы — клянусь — одѣлись въ цвѣтъ Графини, и пришли ко мнѣ не въ придворной одеждѣ Герцогской!“

— Эшо значить, Маркизъ, отвѣчалъ ему *Георгъ*, окинувъ его гордымъ взглядомъ: что перчатку бросаешь вамъ не придворный Герцога *Фридландскаго*, а свободный Германецъ. Вы, Маркизъ Неапольскаго Королевства, — я дворянинъ Германскаго Императора. —

„Оканчивайте!“ сказалъ съ негодованіемъ *Гуасто*: „оканчивайте скорѣй свой фарсъ, молодой человекъ! Говорите скорѣе, за чѣмъ и отъ кого вы ко мнѣ присланы?“

— Отъ *Иоанны*, дочери *Конрада-фонъ-Вашена*, Рейнскаго дворянина. —

Маркизъ смѣшался; но скоро оправился.

— Отецъ ея вручилъ мнѣ сей перстень, сии письма: или исполните вашъ обѣтъ, или поднимите перчатку — и мы будемъ драться.

Маркизъ гнѣвно посмотрѣлъ на *Роткирха*. Въ душѣ его происходила жестокая борьба страстей. Ему было ясно, что Герцогу все извѣстно. Сверхъ того, онъ давно уже замѣтилъ склонность *Матильды* къ Пажу; взгляды ея на мужественно-пригожаго молодого чело-

вѣка неоднократно воспламеняли ревность Ипаліянца; онъ ненавидѣлъ *Роткирха*. Все сіе побудило его принять вызовъ. Онъ поднялъ перчатку. — „Спранспвующему Рыцарю прерѣнной прелестницы я доставлю то, чего онъ добивается. Я постараюсь забыть, что вы Придворный лакей, и переимѣняли бы у меня за споломъ шарелки, еслибъ я захотѣлъ.“

— Я? . . . У васъ? — вскричалъ *Роткирхъ* въ бѣшенствѣ: я служу одному Герцогу, такому Герцогу, такому знаменитому человѣку, передъ величіемъ котораго вы пресмыкаетесь ниже, и съ большимъ раболѣпствомъ, нежели я; я ближе къ нему, пошому что я ему вѣренъ, сынъ одного опечества и благородной крови; ваши предки еще во времена Императора *Карла II-го* были въ Палермо погонщиками лошадокъ. — —

„Г. Пажъ!“ заревѣлъ Маркизь, вскочивъ съ креселъ: „не раздражайте меня.“

— И вы не раздражайте моего Германскаго сердца, прервалъ его *Роткирхъ* хладнокровно: наше дѣло само по себѣ очень важно; на что перяшь слова понапрасну. Мимо церкви *Св. Антонія*, пропинка ведетъ въ рошу яворовъ; шуда черезъ часъ приходите съ секундашомъ. Кромѣ одного друга, котораго будетъ шуда сопровождать меня, никто ни слова не знаетъ о нашемъ дѣлѣ; онъ Германскій дворянинъ, человѣкъ надежный и намъ не измѣнитъ. Слѣдственно, если Герцогъ объ этомъ прежде времени узнаетъ, то узнаетъ только отъ васъ.

„Не безпокойтесь!“ вскричалъ *Гуасто*. „Я

приду проучить тебя, безбородый мальчишка! Не за свою прелестницу спану я драпьясь; есть другой предметъ, за который мнѣ давно бы надлежало вызвать тебя на поединокъ.“

— Я васъ понимаю Маркизъ! — быспро подхвашилъ *Роткирхъ*, и въ сильномъ движеніи схватилъ его руку — я васъ понимаю — до свиданія! — Онъ поспѣшно удалился.

Въ кабинетъ Герцога вошелъ аспрологъ *Сени*.

— Чшо прикажите, Ваша Свѣшлость? сказалъ онъ, низко поклонясь.

„Наблюдали ль вы звѣзды въ прошедшую ночь, какъ вчера я вамъ приказывалъ?“

— Наблюдалъ, Ваша Свѣшлость! —

„И чшо же онъ вѣщающъ? — —“

— Нынѣшній день,“ отвѣчалъ аспрологъ: вамъ не должно ничего рѣшать опрометчиво. Онъ прошекаешъ, грозно надъ вами сягошья — дайте ему пройши, не мѣшайте никакимъ предпріятіемъ возвращенію его гибельнаго колеса — и онъ безвредно промчится. По упру властвуетъ кровавый Марсъ; въ полдень будешъ владычествовать, — свѣшпозарная Венера; — а съ восходомъ вечерней звѣзды снова воцарится Юпитеръ. —

Герцогъ споялъ задумавшись. „Я сегодня ожидаю обрашно *Сесинчу*,“ сказалъ онъ наконецъ, прервавъ долгое молчаніе.

— Сегодня? — спросилъ удивленный аспрологъ, развѣ у него есть крылья! —

„*Арнимъ* вступилъ въ Богемію; развѣ вамъ еще это неизвѣстно?“

— Нѣтъ, Ваша Свѣтлость! Чтѣ произвело мановеніе, что поглотило другое; что пришло и прошло; то открыто всякому просполюдину, копорый полюбопышспвуешъ узнать о помѣ. Одно только сокровенное, одно будущее предсказывающъ звѣзды; шуда только устремлено мое внушренное око. — —

„Что такое вносятъ въ воропа замка?“ вскричалъ внезапно Герцогъ, и подозвалъ *Сени* къ окну. — Въ воропа внесли на носилкахъ раненаго. *Валленштейнъ* позвонилъ. — „Бѣги!“ сказалъ онъ вошедшему Пажу: „спроси, кто раненъ, узнай, что случилось?“

— Это Маркизъ *дель-Гуасто*, сказалъ *Сени*, смотря на *Валленштейна* съ выраженіемъ сильнаго безпокойства.

„Маркизъ?“ вскричалъ сей: „я сегодня рано за нимъ посылаю, но его уже не было дома.“

Въ это время распворилась дверь: вошелъ *Роткирхъ* въ бѣломъ колепѣ, почтительно преклонилъ передъ Герцогомъ колѣно, и печально опушя глаза въ землю, сказалъ:

— Ваша Свѣтлость! Вы позволили мнѣ бытъ защитникомъ дѣвицы *Вангенъ*; если, Милостивѣйшій Государь! я принялъ его въ слижкомъ обширномъ смыслѣ, то прошу просшишь меня. — Онъ поднялъ глаза и неподвижно вперя ихъ на Герцога, смиренно ожидалъ своего приговора.

„И въ этой одеждѣ смѣешь пы ко мнѣ явиться?“ вскричалъ Герцогъ съ гнѣвомъ, вскочилъ съ креселъ, и, не смотря на то,

что одержимъ былъ подагрою, опираясь на простъ, поспѣшно подошелъ къ Пажу.

— На мнѣ военная перевязь Вашей Свѣтлости, смѣло отвѣщивовалъ молодой человекъ, — Рыцарь не можетъ иначе сражаться, какъ только въ одеждѣ цвѣта своей дамы. —

„Въ цвѣтѣ своей дамы!“ вскричалъ Герцогъ еще съ большимъ гнѣвомъ. — „Черный — праурный цвѣтъ твоей пришелицы; а это, бездѣльникъ, это цвѣтъ“ . . . Герцогъ остано-вился — *Роткирхъ* вспалъ; *Валленштейнъ* свирѣпо смотрѣлъ на Пажу, который вспрѣчалъ взоръ его съ гордымъ спокойствіемъ.

— Прошу увольненія отъ службы Вашей Свѣтлости! — сказалъ онъ. Герцогъ, пораженный такою неожиданною смѣлостью, долго смотрѣлъ на него, не находя, что отвѣчать. Аспрологъ *Сени* съ удовольствіемъ смотрѣлъ на эту сцену.

— Прошу увольненія! — повторилъ *Роткирхъ* почтительнымъ, но твердымъ голосомъ.

„Ты?“ вскричалъ разгнѣванный Герцогъ — ты?“

— Герцогъ *Фридландскій* не терпитъ бездѣльниковъ при своемъ Дворѣ; а *Георгъ Роткирхъ* не терпитъ оскорбленій. —

Герцогъ въ гнѣвѣ замахнулся на него простью. *Георгъ* въ то же мгновеніе распорилъ окно. — Лучше смерть, чѣмъ посрамленіе! вскричалъ онъ рѣшительно, и вскочилъ на окно.

— Ваша Свѣтлость, помните звѣзды! — шепнулъ *Сени* Герцогу на ухо. *Валленштейнъ* опустилъ простью видя, что при малѣйшемъ

движеніи, молодой человекъ кинулся бы изъ окна на каменный помостъ. Мужесшвенная рѣшимость его, лучше погибнуть, нежели бытъ обезчещену, пронула спараго Героя.

„*Георгъ!*“ сказалъ онъ ласково: „сойди съ окна, я тебя прощаю, я опять швой милосшивый повелишель, швой вшпорой опецъ; подойди ко мнѣ.“

Юноша подошелъ къ Герцогу и поцѣловалъ у него руку.

„*Роткирхъ!*“ сказалъ сей послѣдній: „я оскорбилъ швое честшлюбіе словомъ и почти дѣломъ; но ты лучше хотѣлъ разможжить себѣ голову обѣ мостштовую, нежели вышерпѣшь ударъ палкой. Это славно, сынъ мой. Но еслибъ ты осмѣлился обнажить противъ меня шпагу — ты погибъ бы на мѣстѣ!“ вскричалъ онъ гнѣвнымъ голосомъ, грозно поднявъ правую руку. — „Теперь расскажи мнѣ все, что случилось.“

— Маркизъ *дель-Гуасто* раненъ мною на поединкѣ, и, кажется, шяжело; спокойно опвѣчалъ *Георгъ*.

„Понимаю,“ подхватилъ Герцогъ, безъ выраженія досады: „Поди, *Роткирхъ*, и позови ко мнѣ караульнаго Офицера моей Гвардіи.“

„Я долженъ наказать нарушителя общешшвеннаго спокойшствія,“ сказалъ Герцогъ астрологу: „а вы подите къ арештаншу и увѣрьте его въ моей милосши. Арестъ его не будетъ продолжителенъ.“

Георгъ возвратился съ Офицеромъ.

„Пажъ *Роткирхъ* арешпованъ; вы можеше

опвеспи ему комнапу, подлѣ комнапы Пфальца-
каго Дворянина. — Довольно его чеспнаго
слова.“

Роткирхъ опдалѣ Офицеру свою шпагу и
пошелѣ за нимѣ.

Лишь полько вступилѣ онѣ вѣ свое новое
жилице, какѣ опворилась боковая дверь. Во-
шелѣ *Конрадъ-фонъ-Вангенъ*, и сѣ воспоргомѣ
обнялѣ юношу. „Вы за меня опмспили, под-
лецу, молодой человекѣ!“ вскричалѣ онѣ:
„какѣ я вамѣ благодаренѣ! Небо за одинѣ сей
благородный поступокѣ да озаритѣ вашу жиз-
ненную спезю, да исполнитѣ ваши желанія!
Вѣрно вамѣ же обязанѣ я пѣмѣ, что увижу
дочь, что прижму ее кѣ моему сердцу.“

— Оспавыше это! сказалѣ *Георгъ*: садитесь
со мною, Милоспивый Государь! и будьте уве-
рены, что скоро получите свободу, и позволе-
нѣ возвратитѣся сѣ вашей дочерью вѣ оше-
чество. —

Спарикѣ вздохнулѣ. Опправляясь вѣ Прагу,
я еще надѣялся, что вѣроломное сердце мо-
жетѣ обратиться кѣ моей *Иоаннѣ*. Но вскорѣ
узналѣ, что измѣнникѣ обрученѣ сѣ Графиней
Терчки, что всѣ надежды исчезли. Тогда одни
полько моленія моей дочери удержали меня
опѣ кровавой меспи. Она желала еще разѣ его
видѣть, желала увѣрится, совершенно ли она
забыта вѣроломнымѣ, и попомѣ шерпѣливо
переноситѣ свою жестокою участь. Но когда
явился я пѣвцемѣ при Дворѣ Герцогскомѣ,

мною овладѣла невыразимая ярость; я увѣренъ, что еслибъ меня не удержали, то я бы закололъ его подлѣ невѣсты. Благодарю Небо, спасшее меня опѣ прѣспупленія. Если же грудная рана Маркиза не смертельна: то *Конрадъ-фонъ-Вангенъ* вспуитѣ въ ваши кровавые слѣды, законно опѣмспитѣ за посрамленіе дочери, или оставитѣ ее сиротою.“

Шумъ въ боковой комнаѣ прервалъ жаркую рѣчь старика. То была дочь его *Іоанна*. Она бросилась опцу на шею; уста не могли выразитѣ чувствъ ея распроганнаго сердца; безмолствуя, она долго покоилась на груди родителю, но вдругъ вырвалась изъ его объятій, и подошла къ *Роткирху*, кошорый съ тихимъ умиленіемъ смолрѣлъ на сію прогашельную каршину. „Великодушный человекъ! сказала она: великодушный Рыцарь! ты безкорыстно вызвался на защиту безпомощной дѣвушки, я не умѣю благодаритѣ тебя, не могу ничѣмъ вознаградитѣ тебя; но при всемъ томъ“ — прибавила она послѣ корошкаго размышленія — „прими сей перстень; чувствительная подруга мнѣ подарила его въ память своей искренней дружбы; прими его, и вмѣстѣ съ нимъ увѣреніе, что ты любимъ. Чего любящее сердце не смѣло сказать тебѣ: въ томъ открылось оно несчастному сердцу своей подруги, и открывая тебѣ сію тайну, я не употребляю во зло ея довѣренности. *Матильда* тебя любитѣ, будь въ томъ увѣренъ!“

Какъ слѣпому, кошорый началъ свое странствованіе среди ночнаго мрака, но внезапно

прозрѣлъ, Природа улыбается въ очаровательной красотѣ своей, какъ и радостному взору *Роткирха*, какъ будто ударомъ волшебнаго жезла, при небесныхъ словахъ *Иоанны*, обновленная жизнь явилась въ лучезарномъ блескѣ. „Возможно ли?“ вскричалъ онъ, и уста его отъ избытка чувствъ не могли вымолвить ни слова. Онъ облобызалъ перспень, надѣлъ его на палець, радовался имъ какъ дитя; передъ нимъ открылась новая жизнь, новая вселенная.— „Вы Царски меня наградили!“ вскричалъ онъ, опомнившись.— „Вы опдали мнѣ. . .“

— То, что у меня судьба похишила — преврала его дѣвица унылымъ голосомъ: — надежда исчезла — мой цвѣтъ поблекъ; въ веснѣ жизни я чувствую, что жаръ моего сердца поухъ; зимняя буря обрываетъ мои листья — пролетѣла моя молодость! Но вамъ, кошорому все, что привязываетъ человека къ міру, является въ новомъ блескѣ, кошораго воспрѣчаетъ надежда объ руку съ любовью: — вамъ говорю великое слово: „будьте вѣрны! вѣрны среди бурь судьбины, хотя бѣ и грозила она вамъ погибелью! хотя бѣ и вамъ надлежало сражаться съ желѣзнымъ, неумолимымъ рокомъ; будьте шверды, будьте вѣрны! Вѣрностию процѣшаетъ любовь, отъ невѣрности она увядаетъ. —

Роткирхъ безмолвно пожалъ ей руку.

— Я понимаю это пожатіе! вскричала она: вѣрность по смерть! Могу ли отъ вашего имени обѣщать это Графинѣ? —

„Можете! вскричалъ *Роткирхъ* съ жаромъ; скажите ей: — безмолвна, скромна любовь моя, но вѣчна!“

Наспала минуша разлуки; *Иоанна* должна была вырваться изъ обвѣщій опца. Вспоминайте обо мнѣ съ любовію! вскричалъ ей въ слѣдъ *Георгъ*.

Начинало смеркаться; *Роткирхъ* сидѣлъ уединенно въ своей комнаѣ, и созидалъ блестящія, воздушныя зѣмки. Вдругъ опворилась дверь, — и вошелъ аспрологъ *Сени*. Рачительно заперевъ за собою дверь, онъ повелъ Пажа къ самому дальнему окну, и шихо шепнулъ ему на ухо: „*Маркизь умеръ!*“ *Роткирхъ* содрогнулся при сей вѣсти. „Вы свободны, но должны еще въ нынѣшнюю же ночь опсюда удалиться.“

— Опсюда? — вскричалъ юноша.

„Точно такъ, мой юный другъ! Сегодня въ полночь приходите ко мнѣ: я сообщу вамъ дальнѣйшія приказанія Герцога, а попомъ скорѣе опсюда; безъ того онъ, прошивъ своего желанія, принужденъ будетъ предать васъ суду.“

— Мнѣ бѣжать, бѣжать опсюда, и сегодня же? — вскричалъ *Роткирхъ* въ опчаяніи.

„Не простившись съ нею, хопите вы сказать,“ прибавилъ *Сени* съ улыбкою: „въ одиннадцатъ часовъ будите въ Рыцарской залѣ.“ Онъ хотѣлъ ийти.

— Господинъ *Сени!* сказалъ онъ уходящему — я далъ честное слово, не уходите изъ подъ ареста! —

„Герцогъ приказалъ вамъ сказать, что въ десять часовъ вы свободны. — Въ полночь увидимся; прощайте!“

Ахъ! для желанія время не имѣешь крыльевъ, оно пащитъ, какъ черепаха; быспропечныя минушы, окриленные часы споящъ неподвижно. И когда они пролешѣли, когда наспаешъ счасптивная минуша; по какъ скоро, какъ невозвращно пролешипъ она.

Наконецъ, ударилъ желанный часъ. Окушанный въ длинную епанчу, съ пощаеннымъ фонаремъ подъ полою, *Роткирхъ* пошелъ по длиннымъ переходамъ къ Рыцарской залѣ, украшенной поршрешами *Валленштейновыхъ* предковъ.

Глухо опщывались шаги его въ высокпхъ переходахъ; казалось, какъ будто все вымерло въ сей опдаленной части замка; не безъ содроганія *Георгъ* опщорилъ высокпя двери залы, и вступилъ въ общество древнихъ *Валленштейновъ*. Онъ вынулъ изъ подъ епанчи пощаенный фонарь, и посвѣщилъ вокругъ себя; — ни одно живое существо не вщрѣчало его; все было пустынно и безмолвно. Только со стѣны залы вперилъ на него очп суровый Рыцарь и, казалось, спрашивалъ: „чего ты здѣсь ищешь, пришлецъ! Ему казалось, будто прародпшельница знаменпшой Герцогской фамилип, махала ему рукою, грозно приказывая удалпться.

Тпхо и благоговѣнно прошелъ онъ скщозъ рядъ благородныхъ предковъ *Валленштейна*, какъ будто боясь потревожпшь покой спхъ храбрыхъ Рыцарей и благородныхъ дамъ; онъ оспа-

новился у боковой двери, и начал вслушиваться . . . но все безмолствовало; часъ привидѣній еще не пробилъ ! Онъ закушался въ епанчу, спалъ у двери, и съ трепетнымъ сердцемъ ожидалъ прихода своей возлюбленной. *Сени* сказалъ ему, что онъ съ нею увидится, слѣдственно, кромѣ ее, никого не могъ онъ ожидать въ эту необыкновенную пору.

На дворцовой башнѣ пробило одиннадцать, и съ послѣднимъ звукомъ колокола послышались паги за противоположною дверью. Она ошворилась, сердце его задремало, и —

При свѣтѣ восковой свѣчи вошелъ въ залу — Герцогъ. Взглянувъ, и увидя предъ собою неподвижную фигуру въ длинномъ плащѣ, *Валленштейнъ*, какъ вкопанный, остановился у двери, устремилъ на *Роткирха* дикій взоръ, — судорожно пропянулъ къ нему правую руку, а лѣвою крѣпко обхватилъ свѣчу. Такъ стоялъ онъ неподвижно, какъ будто въ смертномъ оцѣпенѣніи. Глаза его дико устремлены были на юношу, который, еслибъ послѣдовалъ влеченію сердца, бросился бы къ ногамъ Герцога; но страхъ его удерживалъ.

Валленштейнъ еще разъ посмотрѣлъ на него съ примѣтнымъ удивленіемъ, быспро обернулся, и медленно вышелъ изъ залы, заперъ за собою дверь.

Холодный потъ крупными каплями выступилъ на лицо молодого Пажы. — Слава Богу ! вскричалъ онъ : Герцогъ принялъ меня за привидѣніе. Слава Богу ! — Но что теперь дѣлать ? Въ залѣ ожидать *Матильды*, показалось

ему опаснымъ. Герцогу легко могъ возвратиться въ сопровожденіи служивелей. Онъ поспѣшно вышелъ изъ залы, и началъ ходишь взадъ и впередъ по длинному корридору, и —

Двѣ бѣлыя фигуры мелькнули въ глубинѣ перехода; онъ всматривается; онъ къ нему все ближе и ближе. Наконецъ подошли: — то была *Матильда*, рука въ руку съ *Иоанною*. Онъ бросился къ нимъ на встрѣчу. —

— Войдите сюда, Графиня! сказалъ онъ въ замѣшательствѣ, открывая первую ему попавшуюся дверь, — въ залѣ былъ Герцогъ! —

„Такъ возвратимся, *Иоанна*,“ сказала Графиня въ страхѣ. Но *Георгъ* просилъ шакъ убѣдительно. — Онъ согласился, и вошли въ одинъ изъ парадныхъ покоевъ, находившихся подлѣ залы.

„*Роткирхъ!*“ сказала *Матильда* распроганнымъ голосомъ; между тѣмъ, какъ *Иоанна* подошла къ боковой двери: „*Роткирхъ!* я желала васъ видѣть прежде, нежели насъ оставите. — Безмолвно, въ глубинѣ сердецъ нашихъ шла наша взаимная спрасъ, пусть она и шеперь еще тамъ покоится до счастлившяго времени. Примите этотъ шарфъ, синій съ бѣлымъ и съ золопомъ. Сіи цвѣтныя полосы означающъ вѣрность, непорочность и чистоту души; носите его, — помните меня и прощайте!“ Она пожала ему руку.

— И мнѣ удалисья? вскричалъ *Роткирхъ*: и унести съ собою шолько сіи короткія слова на шакую долгую разлуку? —

„Что дѣлать, милый другъ!—Вы должны!— Все, что вы могли ожидать отъ сей минушы, она вамъ доставила; ваше сердце должно бытъ эшимъ довольно.“—

—Повинуюсь! сказалъ *Роткирхъ*,—прощайте! Вашъ образъ, какъ Геній-хранишель, повсюду будещъ мнѣ сопутствовать. Прощайте.—Онъ съ горячностью прижалъ ея руку къ сердцу, спрастно посмошрѣлъ ей въ глаза, исполненные слезъ,—и *Матильда*, въ забвеніи себя, упала въ объятія молодого Пажа. — Чистѣйшее пламя любви сочешало ихъ уста; союзъ священный, вѣчный запечатлѣнъ первымъ поцѣлуемъ.

„Пресвятая Богородица!“ раздался голосъ. Любовники вскочили. Тусклый свѣтъ представился имъ черезъ открытую дверь. Не думая о собственнй опасности, они оба шуда бросились.

Въ срединѣ комнаты, слабо освѣщенной серебряною лампадою, стоялъ на черномъ кашафалкѣ черный гробъ, — въ гробъ лежалъ Маркизь *дель-Гацсто*, а подлѣ него, безъ чувствъ, лежала *Иоанна*.

„Боже милосердый!“ вскричала *Матильда*: „какое ужасное предвѣстіе намъ въ сей рѣшительный часъ. Не уже ли будущее для насъ разоблачается? нашъ союзъ запечатлѣтся кровью, какъ любовь сей спрадалцы?“—Тутъ медленно приподнялась *Иоанна*, безмолвно посмошрѣла усопшему въ потухшіе глаза, и въ то время когда *Роткирхъ*; блѣдный какъ смерть, схватилъ дрожащую руку *Матильды*,—несчастливая наклонилась къ покойнику, и поцѣ-

ловала его въ холодныя, помершвѣлыя уста.— „Да просшишь тебя Господь, какъ я тебя прощаю, несчастливецъ!“ воскликнула она, и на глазахъ ея навернулись крупныя слезы: — „выдемъ изъ сей обители смерти!“ Она спала между *Роткирхомъ* и *Матильдою*, и схвативъ ихъ за руки, увлекла за собою. Когда пришли они къ мраморной лѣспницѣ, гдѣ любовники должны были разсѣяться, *Иоанна* тихо сказала *Роткирху*: „вѣрность приноситъ жизнь, невѣрность смерть!“

Прижимая къ устамъ свой шарфъ, юноша споялъ какъ вкопанный, и смопрѣлъ неподвижнымъ взоромъ на дверь, за копорою онъ исчезли. Невыразимое блаженство, неописанная горестъ попеременно волновали его сердце. Свиданіе и разлука такъ быспро послѣдовали одна за другою; невѣдомая ему доселѣ новая жизнь, и первой поцѣлуй первой любви смѣшивались съ блѣдными чертами усопшаго, его рукою умерщвеннаго. Все, могущее поразить челоука, взволновашъ его душу, распретвожитъ сердце, слилось въ одно въ эшу важную минушу его жизни. Образы, милые и спрашныя, роились вокругъ него игривою полпою, онъ не зналъ, на копоромъ оспановишься. — Тупъ на башнѣ пробилло двѣнадцашъ часовъ, и онъ—съ драгоцѣннымъ подаркомъ *Матильды* и съ своими чувспвами, гореспными и сладоспными, побрелъ задумчиво въ уединенную обитель аспролога.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

УГЛЕЦКАЯ РОЩА (*).

О прелесшь прохлады,
 Пространство деревьевъ
 Зеленыхъ, высокихъ,
 Тѣнисшая роща!
 Во влагѣ прозрачной
 Спруисшой Сакмары (**)
 Игривой, шумящей,
 Бурливой, кипящей, —
 При солнышкѣ красномъ,
 При мѣсяцѣ блѣдномъ, —
 Ты смогришься шихо!
 Девѣ опраженъе
 Волшебною кисью
 Во влагѣ прозрачной
 Рисуешь каршину, —
 И нѣжную душу
 И спрашное сердце
 Приводишь въ воспорги!
 При шихомъ Зефирѣ —
 Ты шепчешь прелесшно;
 При вѣтрѣ порывномъ —
 Шумишь и шрепещешь:

(*) Такъ называется обширная и прекрасная роща, копорую очень часто посѣщаютъ Оренбургскіе жишели.

(**) Рѣка, впадающая въ Уралъ, вершакъ въ 8-ми ошѣ горада Оренбурга.

При солнечномъ зноѣ —
 Подъ шѣнь свою манишь
 Младаго Поэша
 И нѣжную дѣву,
 Подругъ украшенье,
 Друзей ушѣшенье,
 Людей восхищенье!
 Подъ шѣнью чивою,
 Кудрявая роща!
 Во время полудня
 И въ вечеръ прохладный,
 Я часно бываю;
 Подъ вешлой высокой
 Сижу и мечшаю
 О радосши, счасшьи,
 О времени прошломъ,
 О дняхъ насшоющихъ,
 О будущей жизни.
 Прелесшная дѣва,
 Улада Поэша,
 Мнѣ шепчешъ, краснѣясь:
 „Я пламенно, спрасшно
 Люблю, обожаю
 Тебя, другъ сердечный!“
 И, слушая дѣву,
 Я вмигъ забываю
 Людскіе пороки:
 Коварную злобу,
 Безспыдную глупосшь
 И гордосшь смѣшную! . .

П. Кудряшевъ.

Оренбургъ.

Д О Р О Г А.

По сѣвернымъ горамъ далекимъ
 Дорога грушная въ молчаніи бѣжишь ;
 Вкругъ полно все уныніемъ глубокимъ ,
 Все языкомъ безмолвнымъ говоришь
 Тамъ разбѣжались по горизонту горы ;
 Съ нихъ озерà зеркальныя слились ;
 Березникъ и шальникъ по скашамъ разбрелись
 И зеленью питающъ свѣжей взоры. —
 Какъ грушная улыбка ихъ языкъ ;
 Какъ перевозданная безлюдна ша природа ;
 Мрачна ея пусшынная свобода ;
 Какъ жизнь опшельника шощъ край и пущь и дикъ.
 Тамъ жизни цвѣшь опцвѣшшій уядаешь ;
 Уныль и шихъ ея ошашокъ дней ;
 Лишь изрѣдка ихъ солнце услаждаешь
 Улыбкою ужъ спихнувшихъ лучей.
 И возмушишь шѣхъ дней спокойшвія не смѣюшь
 Тамъ люди ; имъ шамъ шѣсный данъ приюшь ;
 Сельбами сирыми жилища ихъ чернѣюшь ,
 И, какъ въ чужбинѣ, дни въ шиши они ведутъ.
 Когдажъ пущынь жилецъ надъ вольною рѣкою,
 Широко разлишой въ пущынныхъ берегахъ ,
 Зацянешъ пѣсню, чшобъ прогнашь печаль порою
 Звонка она, и грушъ наводишь въ шѣхъ горахъ. —
 И въ думу погружень, по шой дорогѣ пушникъ,
 Какъ въ обласни забывчиваго сна ;
 Не распаешся съ нимъ весь день еъ пуши она,
 И по горамъ одна ему сопущникъ.
 Лишь изрѣдка къ деревнѣ бѣдной онъ

Свернувъ, на часъ какъ будшо пробудилъся —
 Но въ полѣ вновь — и снова, будшо въ сонѣ,
 Въ забвеніе и думы погрузилъся. —
 На часъ, какъ къ берегу, приславъ къ семьѣ людей,
 Онъ позавидуешь ихъ мирному покою,
 И далѣ все, влекомъ судьбой своей,
 Опяшь въ печальный пушь пусшынною спезею,

Проходитъ день, и скучный сумракъ ночи
 Вновь пушника все въ полѣ заснаешъ;
 Темнѣй, шемнѣй его все видяшь очи;
 Но пушь его въ ночи не уснаешъ. —
 Вошь за лѣсомъ, освѣщена луною,
 Тамъ спанція пусшынная споишъ;
 Усыплена глухой порой ночьюю
 Въ ней дружная вашага брашьевъ спишь.
 Въ избѣ своей и новой и широкой
 Тѣ молодцы по лавкамъ полегли,
 И сладость грезъ, и сонъ на нихъ глубокой
 Лучи луны сквозь сшекла пролили;
 И ея шумъ вокругъ вездѣ ушишень;
 Но чу!...сквозь сонъ имъ колокольчикъ слышень...
 Вшорые пѣшухи...ужъ за полночь...знашь, гонъ —
 И молодець удалый всшрепенулъся;
 Вошь шройку дружную пошелъ гошовишь онъ,
 До ушра сонъ его въ ночи не пошянулъся.
 И онъ дугу вешловую берешъ,
 И колокольчикомъ въ избѣ Валдайскимъ звякнулъ;
 Онъ опъ корма коней друзей своихъ ведешъ, —
 И въ ворошахъ запоръ дубовый брякнулъ. —
 Какъ глухо въ полѣ! — лѣсъ густой

Не шевелясь стоишь сребримъ луной;
 Пустынной ночи сна ничшо не прерываешь,
 Лишь въширокъ съ горъ дальнихъ повѣваешь. —
 И онъ, перекрестясь, сядишь въ пушь ночной;
 Лежишь неясный пушь; безмолвно мѣсяцъ свѣшишь;
 „Глуха пора; часы покою сладки эши;
 Какъ бышь; прощай, любезный сонъ шы мой!“ —
 И свиснулъ громко онъ; удамая помчала;
 Верспа, и двѣ — но вошь одолѣваешь сонъ;
 И зашянулъ по ночи громко онъ:
 Ахъ, не одна во полѣ пролежала. . .
 И пѣсня на сердце кручину навела,
 И молодецъ сердечный вспосковался;
 И смолкнулъ онъ. . . Вошь ночь почти прошла;
 Онъ на пролешь ее, и сонъ ужъ миновался. —
 Бѣлѣеть небо, и луна долой пошла;
 Вошь снова онъ, сбодрѣвши, встрепенулся:
 Понесся упреннѣй съ восшока въширокъ,
 И имъ приласканный вдремнулъ къ зарѣ сѣдокъ,
 И съ бѣлымъ днемъ у станціи очнулся. —

Александръ Глѣбовъ.

С М Ъ С Ъ.

Русская пословица: „Рыбакъ рыбака далеко
вѣ плесѣ видитъ.

Разговоръ второй Г. Грегга съ Г. Булгаринъмъ (1).

„Если Г. Булгарину не удастся зашмишь славу
всѣхъ Русскихъ Писателей бывшихъ и суще-
ствующихъ: по виновашъ не Г. Грегъ. По его
мнѣнію, Г. Булгаринъ приносишь честь не
шолько намъ, но могъ бы принести честь
Франціи и Германіи своими липературными
дарованіями. Хоши и почишаю себя хорошимъ
патріотомъ; но въ эшомъ случаѣ желалъ бы
счастія Франціи и Германіи.“

Моск. Телеграфъ 1825, Кн. 22, стр. 178.

Г. Булгаринъ. Вашѣ Опытъ Исторіи Русской
Литературы, почтенный Николай Ивановиць! бла-
гословляется всѣми Славянскими народами и
племенами. „Читателямъ моимъ извѣстно
(было) содержаніе сей книги изъ рецензіи по-
мѣщенной въ книжкѣ седьмой Сѣв. Архива на
1822-й годъ, гдѣ книга сія названа *хорошею и*
полезною — и мы охотно повпоряемъ мнѣніе
Рецензента. При появленіи въ свѣтъ сего со-
чиненія, множество Авторовъ вооружились
прошиву Издашеля онаго, и замешали васъ кри-
пиками, аншикрипиками, вопросами и опвѣ-
щами. Различныя страспи и неодинаковый

(1) Всѣ шѣ мѣспа, кои заключающа между знаками: „
выписаны нами изъ взаимныхъ Журналовъ сихъ Писа-
телей слово въ слово, съ дипломатическою вѣрностью
и точностью.

образъ мыслей произвели разнообразныя сужденія; осприся и шупыя спрѣлы оскорбленнаго самолюбія посыпались со всѣхъ сторонъ на сей первый опытъ, копорый однакожь мужественно выдержалъ жестокія нападенія своихъ противниковъ (2).“—Ваша книга славная, почтеннѣйшій *Николай Ивановичъ* !

Г. Грегъ. Да и ваши *Литературныя листки* не безславны, почтенный *Ѳадей Венедиктовичъ* ! — „Первая книжка ихъ на 1824-й годъ вышла 1-го Января“ — какъ шеперь помню, въ самый новый годъ. — „Въ ней заключающія слѣдующія спашья: 1. *Новый годъ*, разговоръ двухъ пріятелей, о предметахъ извѣстныхъ и обыкновенныхъ, съ умомъ, знаніемъ и замысловапощью (3).“ — — Ваша славная спашья, почтеннѣйшій *Ѳадей Венедиктовичъ* !

Г. Булгаринъ. Опытъ *Исторіи Русской Литературы*, пѣмъ болѣе приносилъ вамъ чести, почтенный *Николай Ивановичъ*, что — „*Женеве* и *Сисмонди* имѣли богатые матеріалы, гошовыя сужденія и разборы въ сочиненіяхъ *Шлегеля*, *Бутервека*, *Эшенбурга* и современныхъ обзорнѣихъ *Словесности*, ежегодно помѣщааемыхъ въ *Иностранныхъ Журналахъ*, чего во все вамъ недоставало (4).“ — „Мы почишаемъ вашу книгу отличнѣмъ произведеніемъ и, не взирая на разные толки, нѣсколько пропущенныхъ именъ, не ослаблѣмъ достоинства оной (5);“ почтеннѣйшій *Николай Ивановичъ* !

(2) Сѣв. Архивъ 1823, Ч. V, стр. 381.

(3) С. О. 1824, Ч. I, стр. 36.

(4) Сѣв. Архивъ 1823, Ч. V, стр. 323. (5) Тамъ же, стр. 384.

Г. Гресь. Описанная вами въ пош же первой книжкѣ *Лит. листковъ* ваша военная жизнь, весьма остроумна, почтенный *Ѳадей Венедиктовичъ*. Она въ видѣ — „Письма ко мнѣ, какъ къ Издашелю С. О., и я охотно признаюсь, что мнѣ рѣдко въ жизни удавалось получать такія прекрасныя, умныя, любопытныя посланія. Вы, Г. Авшоръ! представляете въ ономъ живую, разительную картину военной жизни, которая читателямъ военнымъ напоминаетъ время опасностей, славы и мгновенныхъ удовольствій, а насъ, миролюбивыхъ гражданъ, знакомитъ съ міромъ, совершенно для насъ чуждымъ (6).“ — Ваша славная спашья, почтеннѣйшій *Ѳадей Венедиктовичъ*!

Г. Булгаринъ. А чѣмъ хуже *Исторіи Русской Словесности*, ваша — „Учебная книга Россійской Словесности?“ — почтенный *Николай Ивановичъ*; Вы — „Издашель сей книги; извѣстны Публичкѣ отличныя своимъ вкусомъ и знаніемъ Русскаго языка, а попому, выборъ вашъ и правила Словесности имѣютъ между собою согласіе, поставляющее книгу сію въ число первыхъ въ своемъ родѣ (7).“ —

— „Объ *Исторіи Россійской Словесности* мы сказали уже выше, и еще охотно повтораемъ истину, что цѣлое сочиненіе заслуживаетъ особенное вниманіе всѣхъ любителей Словесности, а особливо опцевъ и наставниковъ (8).“ — Ваши обѣ книги, оба творенія славны, почтеннѣйшій *Николай Ивановичъ*!

(6) С. О. 1824, Ч. I, стр. 36.

(7) Сѣв. Архивъ 1825, Ч. V, стр. 399. (8) Тамъ же стр. 400.

Г. Грегъ. Помѣщенная вами въ пойд же первой книжкѣ *Литературныхъ листковъ* 1824 года, спахья, подѣ названіемѣ *Нравственная Математика*, весьма занимательна, почтенный *Вадей Венедиктовичъ*! Признайшесь, что — „зѣбсь взведено на добрыхъ сосѣдей нашихъ Китайцевѣ такое обыкновеніе, которое изобрѣшено едва ли не въ Европѣ (9). — Хотя главное достоинство сей книжки, какѣ мы уже выше замѣтили, состоитѣ въ томѣ, что она явилась въ свѣтѣ въ самый день новаго года;“ — но не лзя не сознахья, что не худо сѣбѣлаи вы, вписнувѣ въ оную — „Спихотвореніе *Романсъ Медоры*, изѣ *Байрона*, переводѣ *В. Олина*; а ваши разныя извѣстія: вошѣ подлинно волшебный фонарь, изображенный и на оберткѣ сего Журнала: Некрологія, Липература (извѣстія о книгахѣ вышедшихѣ, или еще ожидаемыхѣ), Театрѣ, моды Парижскія и Пешербургскія; новыя увеселенія столицы. Можно смѣло сказахья, что *Л. л.* доставляли своимѣ чисташелямѣ обильную, вкусную и здоровую пищу. Сколько намѣ кажешья, никто изѣ нынѣшнихѣ Писашелей не умѣлѣ пишашья, такѣ удачно въ родѣ *Жуи*, какѣ вы, почтеннѣйшій *Вадей Венедиктовичъ* (10)!“ — —

Г. Буларинъ. Съ какимѣ наслажденіемѣ, съ какимѣ пламеннымѣ воспоргомѣ воспоминаю о прошедшихѣ дняхѣ поржества вашей славы, почтенный *Николай Ивановичъ*!

(8) Сынѣ Ошечештва 1824, Ч. I, стр. 36.

(10) Тамѣ же и ша же сшраница.

Никогда не забуду того праздника вашей славы, когда — „супруга знамениаго Россійскаго Поэта *Державина*, позволила Обществу Любителей Россійской Словесности, имѣшь въ своемъ домѣ публичное чшеніе въ той самой залѣ, гдѣ происходили засѣданія Бесѣды Любителей Россійскаго Слова. Въ 7 часовъ по полудни, Члены Общества и болѣе 400 посѣщителей обоого пола, собрались въ залу. По болѣзни Предсѣдателя Общества вы, *Николай Ивановичъ*, какъ помощникъ его, открыли засѣданіе крашкою рѣчью, въ которой изложили пруды Общества отъ начала онаго. Рѣчь сію заключили вы извѣявленіемъ благодарности Предсѣдателю Общества, уже въ шестой разъ сряду избранному единогласно въ сіе почешное мѣсто. Члены Общества, соболѣзнуя объ опсущствіи почшеннаго своего Предсѣдателя, воспользовались симъ случаемъ, чшобы извѣявиль ему публично свои чувспвованія, и препоручили сію пріяшнюю должность вамъ, почпеннѣйшій *Николай Ивановичъ*: вы оную прекрасно выполнили (11)!“ — —

Г. Греть. Поговоримъ лучше о томъ, что — „*листки*, вами издаваемыя, могутъ по справедливости почешься у насъ въ Россіи лучшимъ Журналомъ въ обласи Словесности. Занимательныя, подлинныя спашьи, остроумныя и основательныя крипики, любопытныя извѣспія о новостяхъ Литературныхъ, о нашихъ

(11) Сѣв. Архивъ 1823, Ч. VI, стр. 373.

нравахъ и обыкновеніяхъ, доставляющъ пріятное разнообразіе сему Журналу, который. Публика читаетъ съ удовольствіемъ и пользою, и всегда ожидаетъ съ нетерпѣніемъ. Должно отдать справедливостъ вамъ, *Г. Буларинъ*: имя ваше займетъ отличное мѣсто въ Исторіи Русской Словесности, какъ имя Литератора образованнаго, просвѣщеннаго, умнаго и съ отличнымъ успѣхомъ владѣющаго Русскимъ языкомъ, на которомъ вы пишете правильно, легко, свободно и пріятно. Пусть сравнятъ статьи о модахъ въ *Лит. листкахъ* и въ *Дамскомъ Журналь*; послѣднія рѣдко читаются подписчиками; первыя находятъ читателей не въ одномъ Женскомъ полѣ, и мужчины съ удовольствіемъ пробѣгаютъ сіи статьи. И въ *Лит. листкахъ* и въ *Отечественныхъ запискахъ* (12) помѣщаются статьи о нравахъ и увеселеніяхъ жителей Пестербурга; но какая разница въ слогѣ, въ выраженіяхъ, въ образѣ изложенія предметовъ. Оспроумный, вы *Г. Буларинъ*! рассказываете намъ о семъ кратко, пріятно и мило. Издатель *Отечественныхъ записокъ* (*П. П. Свининъ*) и его сотрудники, на цѣлыхъ страницахъ упоминаютъ наше вниманіе, описывая пошлѣ же самый предметъ слогомъ неправильнымъ, и начиная свои статьи похвалами *Отечественнымъ*

(12) Изд. *П. П. Свининъ*. А за чѣмъ же, *Ө. В.*, въ No 109-мъ Сѣв. Пчелы 1828 года, обращается къ доброму *Павлу Петрову* и, отъ имени любителей всего отечественнаго, проситъ его описать казенный Чугунный заводъ и увѣряетъ, что составленное имъ *Описание С. Петербурга* нетерпѣливо ожидается въ Русскими и Иностранными?

залискаль. Съ нѣкопорого времени прекрапились въ Литѣ листкахъ основательныя крипическія замѣчанія на *Отечественныя записки*. Публика жалѣетъ о семъ, почтеннѣйшій *Ѳадей Венедиктовъ* (13)!“ — —

Г. Булмаринъ. У меня есть въ запасъ вамъ огромное, поржешественное, похвальное слово, почтенный *Николай Ивановичъ*; но боюсь хвалить. Я уже похвалилъ не въ попадѣ *Мнемозину*; а попомъ вынужденъ былъ признасться, что виноватъ и просить у Публики, чтобы — „она приликала это нелицемѣрному желанію поддерживать новорождающееся дитя (14).“ — Худыя времена, почтеннѣйшій *Николай Ивановичъ*!

Г. Грегъ. Ужь эпопѣ мнѣ *Полевой*! До всего ему дѣло, вездѣ выроешь, допышаешься до грѣховъ нашихъ. Знаете ли, что онъ напечаталъ о взаимныхъ похвалахъ нашихъ, почтенный *Ѳадей Венедиктовъ*! Онъ обращается къ своимъ чинапелямъ и говоритъ имъ: „вы подумаете, что похвалы, печатаемыя въ *Журналъ*, издаваемомъ *Г. Булмаринымъ*, означаются, по крайней мѣрѣ, курсивомъ, какъ вспавки неумѣспныя, какъ пріятельская шупка для смѣха приводимая, или что *Г. Булмаринъ* спавитъ опшоды опъ сихъ ударовъ, кадилъницы неоспорознаго дружества? Нѣтъ, онъ молча соглашается, et comme accoutumé à de pareils présens даже и не морщицца, хопя бы изъ благопристойности. Но за то, какъ убѣдительно на

(13) С. О. 1824, Кн. 58, стр. 210.

(14) М. Т. 1825, No 15.

дѣлѣ доказываетъ онъ, что *Г. Грегъ* худой зна-токъ въ Авторскихъ дарованіяхъ.“ — Вотъ что напечаталъ о васъ и обо мнѣ эшотъ *Г. Полевой* въ М. Т. 1825 года на стр. 178, почтеннѣйшій *Фадей Венедиктовичъ* !

Г. Буларинъ. Худыя времена ! даже у *П. П. Свиньина* опнимаютъ проспоръ. Бывало, онъ выстроитъ залу выше пирамиды Египетской, повѣситъ въ ней люспру, какой видомъ не ви-дано и слухомъ не слыхано — и никому до по-го дѣла нѣтъ, а теперь не позволяють ему и пошѣшиться. Чшо за бѣда, что *П. П. Свиньинъ* пробѣхалъ на пароходѣ впрое больше обыкно-веннаго ? Нѣтъ, пребуютъ, чшобъ онъ бздилъ, какъ люди. Чшо за преступленіе, что сей живо-писецъ-путешественникъ распроспранилъ (15) корабль *Кцльмъ* немножко въ длину, немножко въ вышину и немножко въ ширину ? Еслибъ на-ши велемудрые крипики смопрѣли на побуж-деніе, кошорымъ *П. П. Свиньинъ* руководство-вался; то они увидѣли бы, что въ немъ дѣй-ствовалъ патріотизмъ, спрасъ ко всему отечественному.

Г. Грегъ. Конечно, надобно смопрѣшь на побудительную причину.

Конецъ второму разговорцу.

(15) Сѣв. Пчела 1828, No 104.

~~~~~

ПОПРАВКА.

Въ 45-й книжкѣ *Славянина* стр. 233, вмѣсто: изъ облаковъ. Надлежитъ читать: пріятныхъ сновъ. Стр. 205, вмѣсто: кошорые узнавали — кошорые узнавши и проч.

О Т Д Ъ Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

В О Е Н Н О Е.

Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ, съ 1787 по 1791 годъ.

Кампанія 1787 года.

Занятіе полуострова Крыма, необходимое для спокойствія южныхъ Россійскихъ областей, можно уже было почесть предѣспникомъ близкаго разрыва между Пестербургскимъ и Констанцинопольскимъ Дворами. Нѣкоторыя Державы не могли равнодушно взирать на быстрое усиленіе Государства, еще новаго по образованности, но уже первостепеннаго въ Европѣ, и употребили всѣ средства для вовлеченія его въ войну съ Турціею. — Въ самомъ дѣлѣ, сія послѣдняя не замедлила нарушить спокойствіе, коимъ Россія наслаждалась со времени Кайнарджскаго мира, испоргнушаго побѣдоноснымъ мечемъ *Румянцева*. Осенью 1787, открылись военныя дѣйствія, кои продолжались до 1791 и доставили новые лавры Россійскому оружію. Четырехъ-лѣпняя война сія

обильна многими блистательными побѣдами. Еще и шеперь Русскіе воспоминають съ гордостію о покореніи Очакова и взятіи Измаила; о пораженіи непріятелей за Кубанью, при Фокшанахъ и Рымникѣ; но сколь ни славны сіи подвиги, сколь ни знамениты имена *Потемкина, Суворова, Рѣллина* и другихъ Полководцевъ: долгъ справедливости пребудеть припомнишь, что и флотъ нашъ, въ то же время, съ усѣбхомъ поддерживалъ на Черномъ морѣ честь своего флага. Побѣды Принца *Нассау-Зигена, Ушакова* и *Рибаса*, навсегда оспанушя знаменитыми въ Исторіи Россійскаго флота.

Война началась въ Августѣ 1787 года. Въ семъ мѣсяцѣ Турецкій флотъ, стоявшій при Очаковѣ въ числѣ прѣхъ линейныхъ кораблей, одного фрегата, осьми шебекъ, пятнадцати галеръ и нѣсколькихъ мѣлкихъ судовъ, первый открылъ непріязненные дѣйствія. Россійскій фрегатъ *Скорый*, подѣ начальствомъ Капитанъ *Лейтенанта Обольянинова* и вооруженный бошъ *Бишюгъ* — штурмана *Кузнецова*, уже нѣсколько времени стояли близъ Кинбурнской Косы, ожидая прибытія изъ Херсона, вновь построенныхъ тамъ: корабля и Фрегата. Августа 19-го нѣскольکو Турецкихъ судовъ, опдѣлившись отъ своего флота, перешли на западную сторону Очакова и расположились въ линію противъ Бишюга и Скорого. Суда сіи, предвидя нападеніе, спали на шпрингъ и пригошовились къ оборонѣ. Сей день и слѣдующій за нимъ прошли въ совершенномъ бездѣйствіи,

но 21-го вѣ при часа по полудни, непріятельскія суда опкрыли по Русскимъ жестокою пальбу. Си послѣднія отвѣчали пѣмъ же, и болѣ двухъ часовъ сряду съ обѣихъ сторонѣ продолжался непрерывный огонь. Тогда фрегатъ Скорый, имѣя разбитую форсеньгу и поврежденіе вѣ шакелажѣ, опрубилъ якори и вступилъ подѣ паруса, желая, изѣ пѣснаго пролива между Кинбурнской Косою и Очаковскимъ берегомъ, выдти вѣ Днѣпровскій Лиманъ. Ему послѣдовалъ ботъ Бишюгъ — и оба были преслѣдованы на семъ пути легкими непріятельскими судами. Минуя Очаковъ, они подверглись сильному дѣйствію крѣпостныхъ батарей, но успѣли достигнуть Лимана съ весьма малою пошереею вѣ людяхъ.

Послѣ сего происшествія, не лзя уже было сомнѣваться вѣ непріязненномъ расположеніи Порты. Офіціальное извѣстіе о семъ отъ Князя *Потемкина* пришло вѣ Пешербургъ 30-го Августа, а 9-го слѣдующаго мѣсяца былъ обнародованъ Высочайшій Манифестъ о войнѣ съ Турціею.

Когда извѣстіе о происшествіи при Кинбурнской Косѣ, было получено Княземъ *Потемкинымъ*, то Фельдмаршалъ сей, бывшій вѣ то же время и Главнокомандующимъ Черноморскаго флота, опправилъ изѣ Севастополя вѣ море для крейсертва двѣ эскадры, подѣ начальствомъ Конпръ-Адмирала Графа *Вонновита* и Капитана Бригадирскаго ранга *Ушакова*. Флотъ сей оставилъ Севастополь 31-го Августа и, не встрѣчая непріятели, совершалъ свое

плаваніе благополучно до 8-го Сентября. Сего же числа, крѣпкій вѣтрѣ разсѣялъ оба его ошдѣленія, а 9-го сильный штормѣ, сокрушилѣ на линейномѣ кораблѣ Маріи Магдалинѣ всѣ мачты и бугшпритѣ. Получивѣ-сверхѣ сего множество иныхѣ поврежденій, корабль сей былѣ прибѣшѣ кѣ самому Конспаншинопольскому проливу. Не видя никакого спасенія и опасаясь корабль свой опдѣать во власть непріятелей, Командирѣ онаго Капитанѣ 1-го ранга *Тиздель*, рѣшилѣ попопшть его вмѣстѣ сѣ собоѣ и со всѣмѣ экипажемѣ. Подчиненные ему Офицеры и прочіе Чиновники, узнавѣ на собранномѣ имѣ совѣшѣ о семѣ геройскомѣ намѣреніи, не согласились на оное; команда приспала кѣ сему же мнѣнію и, опважный *Тиздель* покорясь необходимости, принужденѣ былѣ опдѣать Туркамѣ корабль свой, побѣжденный не непріятелемѣ, но бурною стихіею.

Между тѣмѣ, дѣла подѣ Очаковымѣ спановились важнѣе. Сентября 13-го Турки сдѣлали покушеніе на Кинбурнѣ, гдѣ находился знаменитый *Суворовъ* сѣ опрядомѣ, состоявшимѣ изѣ чешырехѣ полковѣ пѣхоты, прехѣ козачьихѣ и пяти эскадроновѣ регулярной конницы. Вѣ семѣ намѣреніи, непріятельскія лодки и бомбардирскія суда, опдѣлясь опѣ своего флота, придвинулись кѣ Кинбурнской Косѣ и опкрыли по оной жестокій огонь, коимѣ повредили нѣкоторыя спроенія и убили нѣсколько человекѣ. Россійскія батареи скоро принудили умолкнушть непріятельскія суда, но 14-го Турки возобновили свои дѣйствія. Они даже по-

кушались сдѣлать высадку у Кинбурга, но были отражены козаками и Генераль - Маіоромъ *Рекомъ*. Во время сихъ происшествій отправлены были къ Кинбурну изъ Севастополя два Россійскіе фрегата и четыре галеры. Изъ сихъ послѣднихъ галера Десна, вооруженная семнадцатью пушками и фалконешами, опередивъ прочія суда, прибыла 15-го Сентября на Очаковскій фарватеръ. Приближаясь къ Кинбурнской Косѣ, командиръ сей галеры, Мичманъ *Ломбаръ* замѣнилъ, что разстояніе на какомъ стрѣлявшія непріятельскія суда находились отъ главныхъ силъ своего флота, дозволяло ему съ успѣхомъ атаковать ихъ; при помощи печенія пустился на нихъ немедленно. Турецкая флотилія замѣтивъ сіе движеніе, спѣшила ретироваться къ главному флоту, а храбрый Мичманъ *Ломбаръ*, преслѣдуя ее болѣе двухъ часовъ своею галерою, пришелъ подъ Кинбурнъ при громкихъ восклицаніяхъ войска, бывшаго свидѣтелемъ сего отважнаго подвига.

Двѣ недѣли послѣ того прошли совершенно спокойно и Русскіе полагали что отраженіе, сдѣланное ими непріятелю, заставитъ его отказаться отъ новаго покушенія на Кинбурнъ; но бездѣйствіе Турокъ было ничто иное, какъ приготовленіе къ новому нападенію. Октября 1-го они повторили оное и, вышедъ на Кинбурнскій берегъ въ числѣ пяти тысячъ человекъ, спали на ономъ твердою ногою. Неустрашимый *Суворовъ* быстро атаковалъ ихъ въ успроенныхъ ими линіяхъ и, не взирая на самое отчаянное ихъ сопротивленіе, одержалъ

блистательную побѣду. Два раза Русскіе превосходными силами были принуждаемы къ отступленію, но въ пррешій, бывъ подкрѣплены резервомъ, выбили непріятели изъ укрѣпленной ихъ позиціи. Большая часть Турокъ легла на мѣстѣ, остальные сброшены въ море, и едва ли 500 человекъ успѣли вплавъ достигнуть своихъ судовъ.

Во время сего кровопролитнаго боя, галера Десна содѣйствововала весьма сильно пораженію непріятели. Завязавъ дѣло съ лѣвымъ крыломъ Турецкаго флота, Мичманъ *Ломбаръ* навлекъ часть онаго на себя и тѣмъ ослабилъ пальбу его по Кинбурну. При семъ случаѣ береговыя Россійскія башарей пустили на дно двѣ непріятельскія канонирскія лодки и шебеку, и одну шебеку взорвали на воздухъ.

Симъ заключающя военныя дѣйствія Россіянъ на Черномъ морѣ въ кампанію 1787 года. Въ слѣдующемъ году, мы увидимъ блистательные подвиги Принца *Нассау - Зигена* и вмѣстѣ новое доказательство той несомнѣнной истинны, что не въ превосходствѣ силъ, но въ искусствѣ, сопряженномъ съ неустранимостью и благоразумнымъ мужествомъ, должно искать пуши къ вѣрнымъ побѣдамъ.

Кампанія 1788 года.

Почти вся первая половина 1788 года проведена въ однихъ пригошовленіяхъ къ военнымъ дѣйствіямъ; наконецъ, оныя открылись въ Юнѣ и начало ихъ было ознаменовано подвигами

Россійскаго флота. Еще въ Маѣ ' сего года, Фельдмаршалъ Князь *Потемкинъ* выступилъ съ Екаперинославскою арміею изъ Ольвiополя для обложенія Очакова, гдѣ тогда находились главныя Турецкія силы. Опасаясь, чпобы крѣпость сія не получила моремъ значительнаго подвоза свѣспныхъ и военныхъ припасовъ, и шѣмъ не затруднилась бы ея осада, сей Полководецъ далъ повелѣніе Черноморскому флоту: подойти къ Очакову и воспрепятствовать непріятелю, если бы онъ покусился привести въ дѣйствіе подобное намѣреніе. Къ несчастію, сильная буря застигла назначенную для сего эскадру. Начальствовавшій Турецкими морскими силами Капипанъ - Паша *Гассанъ*, флотоводецъ опытный, прославившій свое имя рѣдкимъ мужествомъ, оказаннымъ во время Архипелажской кампаніи, особенно въ Чесменскомъ сраженіи, — умѣлъ воспользоваться несчастнымъ обстоятельствомъ, постигшимъ Россійскій флотъ и явился подъ Очаковъ съ пятнадцатью линейными кораблями и фрегатами и множествомъ мѣлкихъ судовъ. Эшотъ случай сильно огорчилъ Князя *Потемкина*: ибо могъ имѣть пагубныя слѣдствія на всю кампанію, но изобрѣтательный умъ Принца *Нассау-Зигена*, не задолго до начала сей войны принянаго въ Россійскую службу съ чиномъ Вице-Адмирала, скоро нашелъ средство пособить сему обстоятельству. Сей человекъ, извѣстный своими приключеніями и дѣятельнымъ участіемъ въ нападеніи на Гибралтаръ, обладалъ въ высочайшемъ степеніи духомъ опваж-

носпи и предприимчивости. Онъ подалъ Князю *Потемкину* совѣтъ: за недостаткомъ большаго флота, исправлявшаго въ Севастополѣ свои поврежденія, употребить находившійся въ Днѣпровскомъ Лиманѣ и Херсонѣ. Надобно знать напередъ, что флотъ сей состоялъ изъ кораблей и судовъ, большею частію, почти негодныхъ, такъ что они едва могли прошивостоять бурной стихіи, не только чтобы участвовать въ сраженіяхъ. Однако же счастливыя послѣдствія оправдали во всей силѣ смѣлую рѣшимость Принца *Нассау-Зигена*.

Юня 6-го флотъ Капитанъ-Паши находился въ Лиманѣ, на пушечный выстрѣлъ отъ Очакова. Желая принудить его къ сраженію, Россійскія эскадры: гребная и парусная подошли къ нему на разстояніе пяти*верствъ, расположась въ линію NO и ZW. Правое ихъ крыло примыкало къ Турецкому берегу. Первою изъ сихъ эскадръ начальствовалъ Принцъ *Нассау-Зигенъ*, а впрочемъ Кондръ - Адмиралъ *Поль-Жонсъ*, Американскій Корсеръ, опличившійся во время войны за независимость нынѣшнихъ Соединенныхъ Американскихъ областей. Передъ началомъ Турецкой кампаніи, онъ былъ рекомендованъ Французскимъ Правительствомъ Императрицѣ *ЕКАТЕРИНѢ II-й*; когда же открылась война, по Князь *Потемкинъ* поручилъ ему начальство надъ небольшою эскадрою. *Жонсъ* былъ одаренъ всѣми качествами хорошаго крейсера, но не предводителя флота, и потому поприце его въ Россійской службѣ было непродолжительно и неблестательно.

Выше было сказано о сближеніи обоихъ флошовъ 6-го Іюня. 7-го подулъ сѣверозапад-ный вѣтеръ и Турецкій флотъ, наполнивъ паруса, пошелъ, какъ казалось, атаковать Россійскія эскадры. Сіе движеніе началось въ четыре часа утра. Не задолго предъ тѣмъ, Русскіе Адмиралы принуждены были сдѣлать перемѣну въ своей позиціи, именно: Принцъ *Нассау-Зигенъ* оставя на правомъ флангѣ два резерва, состоявшіе: одинъ изъ четырехъ дуббель-шлюбокъ, двухъ галеръ и пяти барказовъ, подъ командою Капитана 2-го ранга *Винтера*, а другой изъ четырехъ пловучихъ батарей и двухъ галеръ, подъ начальствомъ Капитанъ-Лейтенанта *Ахматова*, съ остальною частію своей гребной флотиліи расположился въ линію передъ эскадрою Консрѣ-Адмирала *Жонеса*, кошую сосставляли нѣсколько линейныхъ кораблей, фрегатовъ и разной величины двумачшовыя вооруженныя суда.

Едва примѣчено было движеніе Турецкаго флота, какъ на Россійскомъ данъ сигналъ изготавиться къ бою. Открылось однако же, что намѣреніе непріятеля состояло только въ томъ, чтобы придвинуться ближе къ Очакову. Желая отрѣзать флотъ Капитанъ-Паши отъ крѣпости, угрожаемой близкою осадой, Принцъ *Нассау-Зигенъ* и *Жонесъ* опправились на лодкѣ, въ сопровожденіи меньшаго опряда мѣлкихъ гребныхъ судовъ, высмотрѣть положеніе Турецкаго флота. Едва успѣли они подойти къ нему на разстояніе двухъ пущечныхъ выстрѣловъ, какъ *Гассанъ-Паши* опрядилъ про-

пивъ нихъ до придцати разныхъ судовъ. Принцъ *Нассау* не захопѣлъ избѣгать битвы, но какъ силы обѣихъ сторонъ были слишкомъ неравны, то онъ поручилъ Консрѣ-Адмиралу *Жонесу*, отдасть нужныя приказанія парусной эскадрѣ, и прислать къ нему на подкрѣпленіе остальную часть гребной, кромѣ резервоѣ.

Турки повели атаку въ большомъ порядкѣ на правый флангъ Россійской флопили. Принцъ *Нассау-Зигенъ* замѣшивъ сіе, подвинулъ впередъ лѣвый и далъ сигналъ атаковать непріятеля. Излишняя поспѣшность чепырехъ изъ его галеръ, кои не дожидаясь прочихъ судовъ своей эскадры, двинулись впередъ, произвела сначала нѣкопоруую разспройку въ Россійской флопили, и остановила огонь двухъ пловучихъ батарей, дѣйствовавшихъ по приближавшемуся непріятелю. Распоряженія *Нассау - Зигена* скоро привели все въ порядокъ. Вышедшія изъ линіи галеры получили приказаніе обождать прочихъ судовъ. Выстрѣлы съ Россійской эскадры принудили было Турецкія суда уменьшить свой огонь, но прибытіе Капитанъ-Паши съ значительнымъ подкрѣпленіемъ еще болѣе усилило оный. Опважный *Гассанъ* развѣзжалъ на кирлангичѣ, презирая всѣ опасности, и съ примѣрнымъ хладнокровіемъ ободрялъ своихъ подчиненныхъ. Положеніе Принца *Нассау - Зигена* сдѣлалось весьма сомнительнымъ. Къ счастью для него, остальная часть гребной флопили, за копоруо опправился Консрѣ-Адмиралъ *Жонесъ*, успѣла прибыть въ пору и доставила ему возможность дать оппоръ слишкомъ пяти-

десяти непріятельскимъ судамъ. Первымъ распоряженіемъ его, по прибытіи сего подкрѣпленія, было послать для разорванія Турецкой линіи при дуббель-шлюбки, два бомбардирскія судна, одну галеру и пловучую башарею. Въ самое сіе время, прибылъ къ нему Конпрѣ-Адмиралъ *Жонесъ* и оспался при немъ, а надъ правымъ крыломъ принялъ начальство Капитанъ Бригадирскаго ранга *Алексіано*.

Искусное дѣйствіе Россійской артиллеріи скоро рѣшило дѣло. Взорваніе двухъ судовъ и пожаръ, произведенный на прешьемъ въ непріятельскомъ флотѣ, привели его въ такое замѣшательство, что неопытные, усрашенные Турецкіе экипажи, не смотря на угрозы *Тассанъ - Паши*, открывшаго даже огонь по нѣкоторымъ изъ собственныхъ своихъ судовъ, думали только о своемъ спасеніи и искали онаго въ бѣгствѣ. Разстройство, произведенное симъ въ Турецкомъ флотѣ, было совершенное; противный вѣтръ для Россійской эскадры не дозволилъ ей пресѣчь ему опшупленія; но онъ былъ провожаемъ ею почти на выстрѣлъ отъ главныхъ его силъ, стоявшихъ передъ Очаковымъ. Здѣсь бѣгущія суда остановились, а флошиля Принца *Нассау-Зигена* возвращаясь назадъ, заняла прежнее свое положеніе. Жестокое сраженіе сіе продолжалось четыре часа: съ 7-го почти до 11-го. Потеря побѣдителей въ людяхъ была незначительна, по той причинѣ что непріятельскія орудія дѣйствовали съ бѣльшей высоты, нежели Россійскія. Во время дѣла большая часть Русскихъ

судовъ за противнымъ въпромъ, были буксированы лодками Черноморскихъ козаковъ.

Капитанъ-Паша не могъ быть равнодушнъ къ побѣдѣ, одержанной надъ ввѣреннымъ ему флотомъ, и помышлялъ объ опмщеніи. Еще новое рѣшительное сраженіе сдѣлалось необходимо для Русскаго флота. Пребываніе Турецкихъ кораблей предъ Очаковымъ и, слѣдственно, возможность снабжать его гарнизоны сѣвѣсными и военными припасами, могли вредить дальнѣйшимъ дѣйствіямъ сухопутной арміи, готовившейся осаждать сію крѣпость, подъ предводительствомъ самаго Князя *Потемкина*. Около полугода драгоцѣннаго времени прошло безъ всякой важной пользы для Русскихъ; надлежало думать о вознагражденіи сей потери и не медлить. Съ успѣхами флота были сопряжены успѣхи арміи, а слѣдовательно и польза цѣлой кампаніи.

Къ удовольствію Русскихъ, самъ Капитанъ-Паша предупредилъ ихъ желаніе, и доставилъ ихъ флоту новый случай опличиться на столь знакомомъ ему поприщѣ побѣдѣ и чести.

Россійскія эскадры стояли по прежнему въ Днѣпровскомъ Лиманѣ. Нѣсколько дней со стороны Турокъ не было замѣтно никакихъ непріязненныхъ движеній, наконецъ 16-го Іюня *Тассанъ-Паша* рѣшился на новое нападеніе. Сего числа, въ часъ пополудни, корабли и суда его начали сниматься съ якоря и вступать подъ паруса. Это движеніе заставило Русскихъ изготовиться къ бою. Тогда же на корабль *Владимиръ* былъ собранъ совѣтъ изъ флагмановъ

и командующихъ Капитановъ. На совѣтѣ семъ положено было при наспуленіи ночи атаковать непріятеля, чему особенно благопріятствовалъ безпорядокъ, сдѣлавшійся въ Турецкомъ флотѣ отъ того, что корабль Капитанъ-Паши на пути своемъ напкнулъ на мѣль и остановился на оной. Суевѣріе Мусульманъ, принявшихъ сей непріятный случай вѣрнымъ предвѣстникомъ неудачи, способствовало много къ усугубленію въ нихъ того страха, который наводилъ на нихъ Русскій флотъ, и который былъ имъ внушенъ первоначально побѣдами Адмирала *Бридала*, а въ послѣдствіи испребленіемъ ихъ флота при Чесмѣ, завоеваніями въ Архипелагѣ и Морѣ и высадками въ Египетъ и Сирію. Между тѣмъ, вѣтръ и безъ того проливной для Русскаго флота, усилился и поднялъ на воду Капитанъ-Пашинскій корабль. Сей неблагопріятный для насъ случай заставилъ Принца *Нассау-Зигена*, опложивъ нападеніе до удобнѣйшаго времени. Оно представилось, на другой день, 17-го Іюня. Въ ночь на сіе число, вѣтръ совершенно переѣнился и, къ большему счастью для Россійскаго флота, оный былъ усиленъ двадцатью двумя вооруженными канонерскими лодками, прибывшими изъ Кременчуга.

(Продолженіе въ слѣдующей книжѣ).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Пажъ Герцога Фридландскаго.

Историческая повѣсть; соч. *Тромлица*.

(Продолженіе).

Сени встрѣшилъ Пажу въ дверяхъ своей комнаты, и схвативъ его за руку, сказалъ съ улыбкою: опомнишься, другъ мой! сядьше въ эти магическія креслы, сомкните глаза, и насладишься еще разъ сладостными сновидѣніями: когда проснешься, тогда поговоришь съ вами аспрологъ *Сени*.

Роткирхъ сѣлъ и подалъ аспрологу руку.— „Благодарю васъ!“ сказалъ онъ прогательнымъ голосомъ: „благодарю васъ за все добро, мнѣ оказанное.“

— Только не преждевременно, сынъ мой!— опѣвшиспивовалъ спарикъ: покаръ, который я вамъ подносилъ, и изъ коего вы вѣрояшно прихлебывали, содержалъ въ себѣ золотую шинк-

пуру жизни, смѣшанную съ ядомъ. Какъ на-
горный источникъ въ одно и то же время мо-
жетъ подать жаждущему и подкрѣпленіе и
смерть, такъ и любовь есть источникъ слезъ
и радостей. Черпай осторожно и благоразум-
но, и не приглашывай вдругъ того, что раз-
судокъ подастъ тебѣ по каплѣ. Выслушай,
юноша, мое отеческое наставленіе: я спану
говорить тебѣ сперва, какъ другъ, а потомъ,
какъ человекъ, всею сердцемъ приверженный
къ Герцогу.

— Ты любишь племянницу Герцога *Фрид-
ландскаго*, она любитъ тебя взаимно. Въ швоей
Конспеллациі весело улыбається тебѣ Венера,
она, кажется тебѣ доброжелательствуетъ,
и потому я способствовалъ швоей любви,
сколько было въ моихъ силахъ. Одно мое сло-
во Герцогу, и пы погибъ. Но хопя памъ на
небѣ весело и ярко свѣшилъ тебѣ швоя боги-
ня, но здѣсь долу она одѣша густымъ мракомъ.
Грозная Сила споилъ на сшражѣ между по-
бою и племянницею Герцога; бездна, при
каждомъ исполинскомъ шагѣ впередъ сего
опшважнаго смершнаго, болѣе и болѣе предъ
шюбою разверзается. — За его полешомъ пы
не можешь слѣдовать; съ восходомъ его
звѣзды—швоя закашился. Подумай объ этомъ
хорошенько. При такихъ обстоятельсшвахъ
счастіе въ любви тебѣ не можеть улыбаться.“

Роткирхъ съ поникшею головою, задумчиво
внималъ сію ужасную истину.

—Только тогда, продолжалъ *Сени*, и яспре-
бинные глаза его приспально ушавились на

юношу: — когда бы . . . но кто эшаго желать можетъ? . . . Когда бы закапилась звѣзда *Валленштейна*, когда бы онъ, низверженный съ высоты величія, стоялъ къ шебъ ближе, когда не Короли просили бы руки его дочери, не Князья домогались руки его племянницы: полько тогда проспой Силезскій дворянинъ могъ бы придти и смѣло свашаться за Графиню *Герцки*. — —

Онъ умолкъ; *Роткирхъ* вперилъ на него неподвижный взоръ.

Доколъ счастье сопуществуетъ Герцогу *Фридрихскому*, — и да сопуществуетъ оно ему еще долго, — нѣтъ счастья для шебя, бѣдный молодой человекъ! — Ты чудною цѣпью прикованъ къ судьбамъ сего мужа. Любимецъ Герцога и его вѣрнѣйшій служитель я долженъ отказатьсь отъ счастья любви. Моя звѣзда должна померкнущь, какъ скоро звѣзда Герцога взойдетъ и заблещетъ. Эшаго мало: шебъ обречено упасть вмѣстѣ съ нимъ, какъ скоро онъ съ высоты своей обрушится.

„Но къ чему сія таинственныя двусмысленныя слова? Я не разумѣю ихъ скрышнаго смысла? сказалъ *Роткирхъ*: развѣ мнѣ предашьсь опчаянію? Развѣ отказатьсь отъ счастья, мнѣ благопріятствующаго, попомо единственно, что не знаю еще пошй сокровенной спези, по кошорой оно мнѣ доступно. — Нѣтъ, *Сени!* вскричалъ онъ, сердце мое говоритъ мнѣ: для меня сія жизнь безъ нее послыла; для соединенія съ нею, не побоюсь никакой опасности.“

— Великодушный юноша! сказалъ аспрологъ, и схватилъ его за руку: потому-то именно, что я ожидалъ отъ тебя эшаго, что знаю твою отважность, твою вѣрность, я хотѣлъ тебѣ, смѣлый плавашель, показать шѣ скалы, о кои твой челнокъ долженъ разбиться, если ты не будешь искусно имъ править. Прекрасный случай тебѣ представляется, случай, который, какъ цѣлебный елей теперь покажется тебѣ горекъ, за то послѣ будетъ спасителемъ. Слушай, Герцогъ приказалъ вручить тебѣ сіи пятьдесятъ золотыхъ гульденовъ, и велѣтъ ѣхать къ *Арниму*, извѣстному тебѣ по прежнимъ сношеніямъ; онъ приказалъ сказать тебѣ, чтобы ты у него остался, извѣщалъ бы Герцога обо всемъ, что происходитъ въ Саксонской арміи, и возвратился бы къ нему, какъ скоро *Арнимъ* вступитъ въ Прагу. Тогда убійство *дель-Гуаста* будетъ забыто, и все пойдетъ опять на прежній ладъ. —

— „Что же мнѣ дѣлать у Саксонскаго Фельдмаршала?“ Спросилъ изумленный *Роткирхъ*. — Не уже ли быть Герцогскимъ шпиономъ въ неприятельскомъ лагерѣ? —

— Тебѣ не нравится сіе порученіе? спросилъ небрежно *Сени*.

„Нѣтъ!“ сухо отвѣчалъ *Роткирхъ*.

— Я зналъ это напередъ. — Но тебя — не лазушникомъ посылаютъ къ *Арниму*, а для переговоровъ, — попомъ. —

„Что же попомъ?“ вскричалъ пажъ.

— Нашъ повелитель, — да и не мудроно, съ нимъ жестоко поспутили на Сеймъ Регенс-

бургскомъ, — опведя съ паинспвеннымъ видомъ молодаго челоѡвка въ уголъ, шепнулъ ему на ухо *Сени*: — „нашъ Повелитель намбрень опложисья опъ Имперашора, и перейши къ Королю Шведскому. —

„Какъ?“ Вскричалъ *Роткирхъ*.

— Точно пакъ, мой сынъ! подхвапилъ аспрологъ, и продолжалъ шопопомъ: „шочно пакъ! Герцогъ имбепъ великіе замыслы; онъ спремится все выше и выше. Онъ сполько опваженъ, что гоповъ домогапсья шрона, а пошомъ. . . .

„Господинъ аспрологъ!“ сказалъ юноша важнымъ голосомъ: „если вы говорите правду, по я долженъ вамъ сказать опкровенно, что сей оборотъ нашихъ дѡлъ мнѣ не нравится.“ —

— Вамъ? Разумѣпсья — продолжалъ *Сени*: — вы шолько можете потерять при эшомъ дѡлѣ: вы роепсь своей любви могилу и, въ добавокъ, подвергаете опасности и честь и жизнь. Онъ умолкъ.

„Сшранно!“ сказалъ *Роткирхъ*: „очень спранно! вы меня вводите въ лабиринтъ.“ —

— Гдѣ легко могу подашь тебѣ нпшь, посредствомъ коей найдешъ выходъ. — Онъ приспально посмошрѡлъ въ лице пажу, который все еще сидѡлъ въ глубокой думѣ. Оспансья вѡрнымъ швоему Имперашору, увѡдомъ Кардинала Дидрихштейна обо всемъ, что узнаешъ опъ *Арилла*, и *Матильда Терцки* — швоя награда! —

Тутъ *Роткирхъ* поднялъ глаза. „*Матильда Терцки* — моя награда!“ Воскликнулъ онъ съ

жаромъ, и лице его озарилось пламеннымъ воспоргомъ: „*Матильда!* о, господинъ *Сени*, шакой награды не ищущъ низкими пупями! Мнѣ сирощъ, Герцогъ былъ вшорымъ опцемъ; Герцогу я обязанъ моимъ воспитаніемъ, ему я всемъ обязанъ, а неблагодарность, господинъ *Сени*, есть самый гнусный порокъ; слышите ли вы, аспрологъ Герцога!“ вскричалъ онъ громовымъ голосомъ; — „измѣна и неблагодарность черныя, неизгладимыя пятна въ нашей жизни!“ —

— Благородный человекъ! вскричалъ *Сени*, и обнялъ вышедшаго изъ себя Пажа: „благородный юноша! даже въ шу минушу, когда любовь тебѣ даровала и опняла у тебя все, пы всѣ свои блага приносишь ей въ жершву! Приди къ моему сердцу, вѣрный слуга нашего знаменишаго повелителя! никогда не забуду сего разговора; съ эпой минушы положишь на меня совершенно.—

Роткирхъ съ удивленіемъ посмошрѣлъ на аспролога. Сія быстрая переиѣна показалаь ему сомнипельною. Но его искренняя радость, дружескія объятія, родительское благословеніе, увѣщанія, которыя онъ далъ ему на дорогу, пронули юношу. Онъ скоро простилъ аспрологу шо, что онъ хопя на минушу усомнился въ его вѣрности; привязанность его къ старцу не только не поколебалась сею бесѣдою, но еще болѣе усилилась.

— Теперь пора намъ распашья, *Роткирхъ!* сказалъ наконецъ *Сени*: „у ворошъ зѣмка дожидается васъ вашъ служитель съ лошадыми и чемоданомъ; не медлите ни минушы; въ Лейш-

мерицѣ найдете *Арнима*. — Пишите мнѣ отъ времени до времени, и если нужно будетъ кому доставить отъ васъ письмоце, по поручите это мнѣ. —

Онѣ еще разъ его обнялъ. *Роткирхъ* пошелъ, вскочилъ на лошадь, и бросивъ грустный взглядъ на замокъ, поскакалъ по дорогѣ къ *Лейшмерицу*.

— Молодой дуракъ! вскричалъ *Сени*, когда *Роткирхъ* удалился: какъ это плодъ моихъ о тебѣ спараній? — Напрасно выставлялъ я приманку, копорю хотѣлъ тебѣ поймать для насъ, я поймалъ тебя для *Валленштейна*. Ну, по крайней мѣрѣ, рыцарь вѣрности, я отнял у тебя силу намъ вредить! ты уже разъ служилъ моей рукѣ кинжаломъ. *Дель - Гцасто*, сей дерзкій наглецъ, копорый споль часто, споль ядовишо жалилъ меня своимъ язвительнымъ языкомъ, черезъ тебя на всегда онѣмѣлъ. Ты проучилъ гордую, велемудрую *Графиню Терцки*, копорая своимъ соколинымъ взоромъ мечтаетъ проникнуть меня насквозь и разрушить волшебный кругъ, къ копорому приковалъ я страшнаго *Валленштейна*, какъ робѣнка, — шого *Валленштейна*, передъ коимъ *Императоръ* и вся *Германія* препещутъ, и копорого я, какъ зыбкуую шпросъ, колыхаю однимъ моимъ дуновениемъ; — ты похоронилъ въ могилѣ ея гордыя надежды: она видѣла, какъ всѣ ея — на облакахъ взгроможденныя башни — упали на землю, подобно бумажному змѣю въ рукѣ младенца.

Но еще не все докончено! —

Тутъ вошелъ *Готтольдъ Шмалинбахъ*, Камердинеръ Герцога, и прервалъ бесѣду аспролога съ самимъ собою. Онъ позвалъ его къ Герцогу.

Сени заспалъ *Валленштейна* еще одѣтымъ. Онъ стоялъ въ своей комнаѣ, необыкновенно ярко освѣщенной, съ закинутыми на спину руками, задумчиво и дико смотря на пылающій каминъ, такъ что долго не замѣтилъ прихода аспролога. Сей послѣдній кашлянулъ.

„Хорошо, что вы пришли,“ сказалъ Герцогъ, и *Сени* испугался блѣднаго лица и глубоко впадшихъ глазъ *Валленштейна*.

„Со мною случилось нѣчто чрезвычайное.“

— А что такое, Ваша Свѣшлость? спросилъ аспрологъ съ изумленіемъ.

„Нынѣ, въ сей роковой день, въ который лишился я двухъ молодыхъ друзей, я сидѣлъ въ своей комнаѣ, и хотѣлъ въ безмолвномъ уединеніи, еще разъ внимательнѣе осмопрѣшь всѣ спороны моего положенія; но при каждой думѣ, при всякой важной мысли представляется мнѣ *Маркизь дель-Гуасто*, и еще живѣе — *Георгъ Роткирхъ*; я не могу отъ него избавишься, сколько ни стараюсь обратишь свои мысли на политическіе предметы. *Роткирхъ*, какъ будто на яву, безпрестанно стоитъ передо мною и, какая-то незримая, таинственная сила меня къ нему привлекаетъ. Вы знаете, сколько охотно я слѣдую сему внутреннему зову, который рѣдко меня обманывалъ. Мнѣ неприлично возвращать его: ибо никто не долженъ знать, что онъ по моей волѣ уѣхалъ: — и такъ я принужденъ былъ самъ итти къ нему. Я

долго боролся самъ съ собою, но сила непреодолимая влекла меня; я беру свѣчу, иду одинъ по самымъ опдаленнымъ переходамъ замка, и лишь только оживляю дверь рыцарской залы, вижу: у противоположной двери человека, закутаннаго въ плащъ: два глаза молніей сверкають изъ-подъ надвинутой на лице шляпы. Я хочу итти къ нему: но въ это самое мгновение привожу себя на память, что въ одной изъ боковыхъ комнатъ лежипъ цѣло Маркиза. Это вѣрно духъ его грозно мнѣ являлся. Я нѣсколько минулъ еще стоялъ въ дверяхъ; продолжалъ Герцогъ послѣ крапскаго молчанія — и привидѣніе оспавалось, неподвижно на своемъ мѣстѣ. Тогда ужасъ овладѣлъ мною, и я во-рошился.“ —

Сени шопчасъ догадался, кто былъ эшимъ привидѣніемъ; но почелъ нужнымъ, не выводить Герцога изъ заблужденія; ибо пишашъ и усиливашъ предрасудки Герцога, было для него весьма важно; онъ воспользовался симъ случаемъ. Разочшя все, аспрологъ долго безмолвствовалъ и — казался погруженнымъ въ глубокую задумчивость.

Что же, вы объ этомъ думаете, Г. Сени? — спросилъ его Герцогъ настоятельно.

Тотъ, чья тѣнь явля ась вашей Свѣтлости безъ сомнѣнія былъ вашимъ врагомъ, — и, поелику въ такомъ мрачномъ видѣ предсѣвился онъ вамъ въ залѣ вашихъ предковъ: по вѣрно былъ врагомъ вашей Свѣтлѣйшей фамиліи. — Развѣ привидѣніе не подало вамъ никакого знака? —

„Никакого! оно, превышая обыкновенный ростъ человѣческой, стояло передо мною неподвижно.“ Отвѣчалъ Герцогъ.

—Я вопрошу объ этомъ случаѣ звѣзды, Ваша Свѣтлость! Онѣ должны рѣшить, счасіе ли, или бѣдствіе сіе видѣніе вамъ предвѣщаетъ.—

„Сдѣлайте это, Господинъ *Сени!*“ продолжалъ *Валленштейнъ*: „мой внутренній Духъ предвѣщаетъ мнѣ несчасіе; но знаніе его ничтожно противъ того духа, который въ звѣздахъ къ вамъ вѣщаетъ; спросите его.“ —

„*Сени!*“ сказалъ онъ уходящему: — „узнайте также, могу ли я завтра подъ счастливымъ знаменіемъ возвратиться въ Прагу? шутъ нельзя мнѣ оставаться болѣ.“

Аспрологъ ушелъ. Звѣзды позволили оприваться въ Прагу.

Роткирхъ заспалъ въ Лейпмерицѣ Фельд-маршала *Арнима* съ Саксонскою арміею. Будучи извѣстенъ сему военачальнику прежними храбрыми дѣлами, онъ былъ ласково имъ принятъ, хотя и не имѣлъ рекомендабельнаго письма отъ Герцога. Генераль сначала подумалъ, что *Роткирхъ* пріѣхалъ съ изустными порученіями отъ *Валленштейна*; но какъ Пажъ избѣгалъ всего того, что хотя малѣйше могло относиться къ послѣднему свиданію его съ астрологомъ: то *Арнимъ* увѣрился что *Роткирхъ* не посвященъ въ тайные замыслы Герцога.

Истинная причина его удаленія и разсказъ о смертельномъ поединкѣ съ Маркизомъ, дель-

Часто, приче́мъ однако же ни слова не упомянулъ онъ о *Матильдѣ*, показались Фельдмаршалу невѣроятными, и вообще былъ онъ всегда такъ распрое́нъ и нелюдимъ, что всѣ наконецъ почли его за несчастливца, перзаемаго совѣстью.

Такимъ образомъ *Роткирхъ*, вмѣстѣ съ Саксонскою арміею, все ближе и ближе подходилъ къ Прагѣ.

Однажды внезапно прибылъ *Сесина* въ Саксонскій лагерь. *Гсоргъ* видѣлъ, какъ онъ пріѣхалъ; видѣлъ, что онъ тайно былъ введенъ въ шашеръ къ *Арниму*, и по долгомъ съ нимъ совѣщаніи, споль же тайно опшуда выпровожденъ. Тогда онъ понялъ, что *Сени* справедливо описывалъ ему отношеніе Герцога къ Императору, что онъ только испыывалъ его, можетъ ли Герцогъ совершенно положиться на его вѣрность. Онъ побрелъ въ гостинницу, явился къ *Сесинѣ*, и попросилъ его, доставить письмо астрологу *Сени*. *Сесина* обѣщалъ. На другой день, гонецъ привезъ ему желанный отвѣтъ, и тогда ничто не могло долбе удержать *Роткирха* въ войскѣ *Арнима*. Одинъ, безъ служителей, уѣхалъ онъ въ сумерки изъ его лагеря.

На дворахъ Герцогскаго замка въ Прагѣ была необыкновенная превога. До ста запряженныхъ каретъ и повозокъ стояли со всѣмъ уложенными, и ожидали знака, чтобы пустишься въ дорогу. Слуги бѣгали взадъ и впередъ, приносили и укладывали вещи; и даже служительницы Герцогини суешились около пышной, зо-

лошомъ залишой кареты своей повелительницы. Тутъ между лошадьми, кучерами и служителями прокрадывался въ плащъ закушанный человекъ, о которомъ въ суепахъ никто не заботился. Вошедъ въ калипку восточной башни, онъ знакомою дорожкой взобрался на высокую крупую лѣспницу, и прижды посупчался въ дверь аспролога *Сени*. Она отворилась; вышелъ аспрологъ. — „А! какъ вы почтены, любезный другъ!“ сказалъ онъ входящему. — Ровно въ одиннадцать часовъ вы хотѣли быть, пришли еще нѣсколько минутъ ранѣе.

„Поперпишите немножко, *Роткирхъ*, я|сей часъ подамъ условленный знакъ, и посмотрю, будетъ ли отвѣтъ. Садитесь; вотъ вино и хлѣбъ, подкрѣпите себя! „*Роткирхъ* сѣлъ; но кровь его была слишкомъ взволнована, сердце его билось слишкомъ сильно, онъ не могъ ни ѣсть, ни пить; онъ обнялъ *Сени*, искренно поблагодарилъ его за готовность быть ему полезнымъ и, до крайности упомленный, бросился въ креслы. Между тѣмъ аспрологъ пошелъ въ переднюю, и поставивъ маленькую лампу на окно, возвратился въ комнату.

Сени сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ объ *Арнимѣ* и порученіяхъ *Сесины*; Пажъ не могъ отвѣчать удовлетворительно; оспанавливая всѣ свои мысли на одномъ предметѣ, онъ былъ такъ разсѣянъ и встревоженъ, что наконецъ аспрологъ самъ вспомнилъ, что пора посмотреть, не видно ли отвѣтнаго условленного знака.

И прошивъ башни горѣла лампа. *Роткирхъ*, помимый сирахомъ и любовію, съ спѣсненнымъ сердцемъ пошелъ по знакомымъ переходамъ къ шому флигелю, въ которомъ жила Графиня. — Тихо отворилась дверь библіотеки, шихо схватила его нѣжная ручка и повлекли за собою.

„Куда вы меня ведете?“ спросилъ Пажъ.

— На вспрѣчу вашему счастью, шепнулъ ему женскій голосъ, въ которомъ *Роткиръ* пошчасъ узналъ голосъ *Іоанны*. Отворился маленькій кабинетъ — *Матильда* упала въ его объятія. —

Іоанна хопѣла удалишься. — „Останься,“ сказала *Матильда*: „нашъ разговоръ не долженъ бышь для тебя шайною.“

„Надѣ нами, милый мой, власшвуетъ грозная судьба!“ сказала Графиня: „каждая минута свиданія ешь и минуша разлуки. Печаль всегда крадется слѣдомъ за радостью, копорая мелькнетъ и исчезнетъ. Поспѣшимъ же, милый *Роткирхъ*, воспользоваться для будущаго симъ минушнымъ свиданіемъ. Знай, что доколѣ мой дядя сіяетъ въ блескѣ багряницы, онѣ никогда не согласится увѣнчать любовь нашу. И шакѣ, шибѣ не надобно себя обманывать. Бездна зіяетъ между нами. Намъ должно ожидать Посла небеснаго, копорый перенесѣ бы насѣ на крылахѣ своихѣ, или низвергнушь ся въ пропасть и погибнушь!“ шакѣ говорила она, и лице ея пылало яркимъ румянцемъ. „Я любила васѣ съ самаго младенчества, и всегда была увѣрена въ вашей взаимной ко мнѣ

привязанности. Въ груди своей я должна была скрывать свою любовь: она была безнадежна.

„Но я не могла вѣчно скрывать ее. Женщина слабо обороняется сражаясь съ бурнымъ сердцемъ, съ всеильною Судьбою.

„Подъ пепломъ и шихо горѣлъ во мнѣ сей пламень, пеперь пылаетъ онъ ярко и неугасимо. Я швоя, мой *Георгъ!*“ вскричала она: „швоя на вѣки! Ни время, ни пространство не могутъ разлучить насъ. Твоя жизнь — моя жизнь; швоя смерть — моя смерть!“

Она упала на грудь его.

„*Матильда!*“ вскричалъ юноша: я не переживу, я не вынесу этого блаженства! —

„Будь швердъ, милый другъ!“ сказала она съ жаромъ: „перенеси горестъ разлуки, какъ перенесъ ты радость свиданія — шо и другое шеперь нужно. — Мы ѣдемъ завтра въ Моравію, опшуда въ Вѣну. Мнѣ, какъ будто чудится, что карета, кошорая везетъ меня опсюда, мчися со мною въ опверзшую могилу, что сегодня мы видѣлись въ послѣдній разъ!“

— Я должна вамъ напомишь, сказала *Іоанна* любовникамъ, копорые крѣпко обнялись; что скоро вамъ должно расшаться. —

„Знаю!“ возразила *Матильда*, и подошла къ *Роткирху*; „знаю, что должно расшаться. Еще одна просьба, любезный *Георгъ*, дай мнѣ руку!“ Онъ ее подалъ. — „Какъ ни будетъ поступать мой дядя съ шобою и со мною, во всякомъ положеніи его славной жизни, въ счастья и несчастья, останяся ему вѣренъ.“ —

— Вѣренъ, какъ любви моей! вскричалъ юноша.

— Я достигъ моего единственнаго желанія, *Матильда!* Я знаю, что ты любишь меня, я видѣлъ тебя еще разъ, прижалъ къ моему сердцу, и не имѣю права роптать на судьбу за то, что удѣлила мнѣ столь кратковременное блаженство. Я буду доволенъ моимъ счастьемъ, еслибъ мнѣ и сказали, что сегодня я наслаждался имъ въ послѣдній разъ. Прощай! воскликнулъ онъ, и напечатлѣлъ послѣдній поцѣлуй на ея дрожащихъ устахъ, вырвался изъ объятий возлюбленной, и бросился къ двери.

„Куда?“ встрѣтилъ его громовый голосъ... передъ нимъ стоялъ — Герцогъ. „*Роткирхъ!*“ вскричалъ онъ въ ярости: „такъ-то плашишь ты мнѣ за то, что я любилъ тебя, какъ роднаго сына? Эта твоя благодарность?“ — Герцогъ, увлеченный чувствомъ сныда бросился Герцогу въ ноги; *Матильда* спокойно смотрѣла въ глаза разгнѣванному дядѣ.

„Презрѣнный безумецъ!“ взревѣлъ *Валленштейнъ*, еще болѣе раздраженный унижительнымъ положеніемъ Пажа: „ты лежишь какъ рабъ у ногъ моихъ, а держашь высоко протягивать дерзкую свою руку!“ —

Роткирхъ вспалъ. — „Вонъ!“ крикнулъ Герцогъ, и грозно опозвадось въ высокихъ стѣнахъ залы: „вонъ съ глазъ моихъ, дерзкій глупецъ, вонъ, пока еще я обуздываю гнѣвъ свой.“

Роткирхъ стоялъ неподвижно, мужественно ожидая своей участи.

— Поди отсюда, мой милый! сказала *Матильда* нѣжнымъ, умоляющимъ голосомъ: — поди и сдержи свою кляпву! —

„Я выду когда вы, Графиня, приказываете! отвѣчалъ *Георгъ* поклоняся — и гордо прошелъ мимо Герцога. Сей послѣдній хопѣлъ ужь обнажишь шпагу, но *Матильда* удержала его руку.

— „Безумная!“ — вскричалъ Герцогъ — „ты отваживаешься?“ —

— Кто всего лишился, пошѣ на все рѣшается! — возразила *Матильда*, и выпустила руку Герцога: Ваша Свѣплость! Дѣлайте со мною, что хопите. Моя участь рѣшена съ той минушы, какъ онѣ отсюда вышелъ. Я гошова выслушашъ свой смерпный приговоръ! —

„Такъ вопѣ тебѣ брачный вѣнецъ; вѣ монастырь!“ — вскричалъ Герцогъ задыхаясь отъ гнѣва, сорвалъ съ дрожащей *Юанны* покрывало, и бросивъ его *Матильдѣ* вѣ лице, послѣшно вышелъ.

— Доколѣ онѣ живѣ, дополѣ полько ты будешъ украшашъ меня,“ вскричала она: съ его смерпю, ты послѣдуешь за мною вѣ могилу! —

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

КОНРАДЪ ВАЛЕНРОДЪ.

Вступленіе

(Сог. Мицкевича, пер. съ Польскаго.)

Уже сто лѣшъ почши союзъ крешовый
 Въ крови спраны язычной ушопаль;
 Уже Прусакъ склонилъ главу въ оковы,
 Иль, бросивъ домъ, полей родныхъ бѣжалъ;
 Но Нѣмецъ вслѣдъ за ищущимъ спасенья,
 И до Липвы просперъ грабежъ, гоненья.

Лишь Нѣменемъ Липовцы ошъ враговъ
 Ошдѣлены; на шомъ изъ береговъ
 Блеспяшъ верьхи ихъ капищъ позлащенны,
 И лѣсъ шумишъ, жилище ихъ Боговъ;
 А на другомъ, на холмѣ водруженный,
 Нѣмецкій креспъ вознесъ чело свое,
 Къ Липвѣ проспря обширныя рамена,
 Какъ-бы хошѣлъ, всю землю Палемона
 Съ горы обнявъ, къ себѣ привлечь ее.

Съ шой шпороны, шолпы Липовцевъ смѣлыхъ,
 Покрышыя одеждою медвѣдя,
 Враговъ блюдушъ, ихъ взорами слѣдя,
 Лукъ на плечахъ, въ рукахъ калены спрѣлы;
 Съ другой — ихъ врагъ, въ шеломѣ и бронѣ,
 Вперивъ въ нихъ взоръ, недвижимъ на конѣ,
 Окопы ихъ безмолвно наблюдаешъ,
 И чепки, — зарядивъ ружье, — перебираешъ.

На стражѣ блишельной они у брода.
 Такъ Нѣмень шопшъ, кошорый прошекалъ,
 Поя съ радушіемъ два брашскіе народа,
 Теперь для нихъ порогомъ въ вѣчнось спаль.
 Не переплышь его завѣсны воды,
 Не пошерявъ ни жизни, ни свободы! —
 Лишь, Прусской ясени красой влекомъ,
 Какъ прежде, смѣлою Лишовскій хмѣль дугою,
 По ивамъ, осокѣ пробравшись надъ рѣкою,
 Вкругъ милой обвился на берегу чужомъ.
 Лишь Ковенской дубравы соловьи
 Горы Запущенской съ родными соловьями
 Бесѣды прежнія ведутъ свои;
 А иногда, вспорхнувъ свободными крылами,
 На общихъ оспровахъ слешающел они.

А люди? — Ахъ! вражда ихъ раздѣляешъ;
 Забыша прежняя пріязнь и дружба ихъ.
 Но иногда и шѣхъ соединяешъ.
 Любовь: я зналъ любовниковъ двойхъ.
 О Нѣмень! близкокъ часъ, когда къ швоимъ водамъ
 Низринушся огонь и мечъ несущихъ
 Толпы враговъ, и по швоимъ брегамъ
 Пойдешъ шопоръ, въ глуши дубравъ цвѣшущихъ;
 Орудій громъ разгонишь изъ садовъ
 Испуганныхъ гостей ихъ соловьевъ:
 Все, что связала цѣпь природы золошая,
 Все разорвешъ вражда народовъ злая;
 Два сердца лишь, въ преданьи прошлыхъ дней,
 Пѣснь Вайделоша вновь соединишь шѣснѣй.

Александръ Глѣбовъ.

Е Е У Ж Ъ Н Ъ Т Ъ.

Ее ужъ нѣшь! нѣшь Юліи со мною! —
 Порочный свѣшь покинула она;
 И всё взяла небесное съ собою. . . .
 И мнѣ въ удѣль осшалась скорбь одна.
 Ее ужъ нѣшь! (bis)

Ее ужъ нѣшь! прекраснѣй юной розы,
 Подобно ей она лишь мигъ цвѣла;
 Спрадай, душа! шекише вѣчно, слезы!
 Здѣсь Ангела могила приняла;
 Ее ужъ нѣшь! (bis)

Ее ужъ нѣшь! и . . . чуждѣ желаній!
 Въ кругу друзей безмолвенъ я и сиръ;
 Ужь прошекли часы очарованій
 Я сердцемъ мершвъ; мнѣ громомъ цѣлый міръ.
 Ее ужъ нѣшь! (bis)

Ее ужъ нѣшь! пускай гремяшь перуны?
 Пущь лавры реушь Безспрашныя земли!
 Къ чему мнѣ жизнь? къ чему дары форшунны?
 Всесильный Богъ! одну мнѣ смершь пошли!
 Ее ужъ нѣшь! (bis)

А. Креницынъ.

1825 г. Богуславль.

КЪ ПОРТРЕТУ А. А. ПИСАРЕВА, Г. ПОПЕЧИТЕЛЯ
МОСКОВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Хвѣла тебѣ Поэшь, Герой!
Ты шесшвуешь спезей прямой,
Спезей и чеспи и добра,
Во славу Россовъ и Царя! —

Ил — ь Ва — ь.

21 Юля 1827.
Горки.

Географическія, Историческія и Тактическія свѣдѣнія, которыя блеснулъ П. П. Свиньинъ въ Октябрьской книжкѣ Отет. Записокъ.

Октябрьскую книжку сего 1828 года, или No 103-й *Отетественныхъ Записокъ*, Издашель сего Журнала, какъ кажешся, предопредѣлилъ на то, чшобы сославишь *букетъ* изъ разнородныхъ погрѣшностей. Ему посчасливилось!

1) На стр. 23-й извѣспныя рыбныя ловли близъ Аспрахани, наименованныя *Эмбенскими* по рѣкѣ *Эмбѣ* — *Павель Петровиъ* называешъ *Ембекскими*. *Штирїя* на его языкѣ (стр. 96-я) значишь: *Иширїя*. — Это по часпи *Географической*.

2) На стр. 160-й, описывая *Браиловскій шпурмѣ*, *Павель Петровиъ* заславилъ храбраго и распорядительнаго *Генералъ-Маїора Полешку*, бригаднаго начальника 19-й пѣхопной дивизїи, командовать *Козацкииъ полкомъ* и отражашъ съ нимъ шесть разъ вылазку *Турецкой пѣхопы* изъ крѣпости.

3) На стр. 162, сказавъ о приступѣ къ крѣпости *Браилову*, который предпринималъ въ 1770 году *Генералъ Глѣбовъ*, ни слова не упомянулъ о шпурмованїи оной въ послѣднюю войну при *Императорѣ АЛЕКСАНДРѢ I-мъ*, *Генералъ-Фельдмаршаломъ Княземъ А. А. Прозоровскииъ*. Это по *Военно-Исторической и Тактической* часпи.

4) На стр. 177-й, *Павель Петрович* влагаєтѣ въ уста Генералѣ-Маіору Р. . . . . у, слѣдующую рѣчь, будпо бы громко имѣ сказанную Французскому солдапу, который въ него прицѣбливался. „*Quelle imprudence ! tu pourras manquer, et ta perte est décidée; approches plutôt de moi et tu ne repentiras pas.*“ Эшо по часши глубокаго знанія во *Французскомъ языкѣ*.

5) На стр. 4-й и 5-й, *Павель Петрович* написалъ: „*Скоро пробѣжали и Таможню съ кучею кораблей.*“ Хопѣлось бы намѣ знать, какѣ огромно зданіе Аспраханской Таможни, когда въ немѣ вмѣщается *куча кораблей*. Оно должно бытъ, по крайней мѣрѣ, величиною съ залу Главнаго Шпаба, имѣющую, по измѣренію *Г. Свиньина*, 100 аршинѣ вышины, или съ лежанку, на которой оспановился галіонѣ и которую любопытные могушѣ видѣти въ Кирочной улицѣ. — „*Скоро закрылись и зубчатая стѣны Аспраханскаго Кремля.*“ Въ окрестностяхѣ Аспрахани нѣшѣ ни одного холма, ни одной высопы, которая бы могла закрыть высокій Кремль и высокую колокольню великолѣпнаго Собора. Чѣмѣ же онѣ закрылись? Ужь не банею ли, которую принесла вода и поспавила на крыльцѣ низменнаго домика въ пой же Кирочной улицѣ? — „*Зеленая стѣны камыша, наклоняясь дуновениемѣ южнаго вѣтра въ нашу спорону, казались спройными рядами живыхъ существъ, ласково насѣ привѣспивовавшихъ.*“ Какѣ и не привѣспивовашѣ! Въ косной лодкѣ *пробѣжать Таможню!* можетѣ полько *Г. Свиньинѣ*. Какѣ и не привѣспивовашѣ, особливо, слыша *лѣсни его*

гребцовъ (спр. б), „удобляющіяся гармонією
 „своею вою голодныхъ волковъ.“ Такая музыка
 достойна того, чшобы Г. Булгаринъ написалъ
 о ней спашейку для Свѣ. Пчелы! — — „Дикіе
 „клики рыбаковъ способствовали къ совершенію сего,
 „впрочемъ единообразнаго, путешествія, пріят-
 „нымъ для меня образомъ.“ Какимъ же обра-
 зомъ? Клики рыбаковъ не весла, не парусы, не
 колеса парохода! — Это по часпи Россійской
 Грамматики, Риторики и Лоики!

Въ заключеніе, порадуемся шому, что Г.
 Издапель *Отестественныхъ Залисокъ* началъ ошящ
 пріобрѣшашь любопышныя спашьи ошъ Б. М.
 Ѳедорова съ замѣчаніяи сего ученаго и красно-
 рѣчиваго писателя. Желашельно, чшобы Г. Сви-
 нинъ почаше съ нимъ совѣшвался: онъ мо-
 жепъ переняшъ у Г. Ѳедорова много хорошаго.
 Напр: Г. Ѳедоровъ не допусшилъ бы его напи-
 сашь: *велръ, встревоженный изъ логовища, бореніе*
рыбаковъ съ морскими животными.

Въ Но 81-мъ С. П. Бургскихъ Вѣдомостей
 нынѣшняго года, напечатано, чшю у книгопро-
 давца *Ивана Замкина* въ книжныхъ лавкахъ его
 вступила въ продажу слѣдующая карша, на сихъ
 дняхъ вышедшая.

Физическое изображеніе земнаго шара, по
 проэкціи *Меркатора*, съ полишическою, коммер-
 ческою и сравнишельною таблицею главнѣй-
 шихъ Государствъ. Издалъ *И. Эйнерлингъ*. СПб.

оной и иллюминировка соизвѣшпсвуютъ достоинству сей карты или таблицы. Цѣна полагається здѣсь въ С. П. Бургѣ 5 руб., а съ пересылкою во всѣ города 6 рублей.“ — —

Вмѣстѣ съ Г. Издашелемъ повторю и я, что при одномъ воззрѣніи на сію Географическую карту, можно удосповѣришься, что Г. Издашель не чинаетъ новыхъ путешествій: потому что послѣ двукрапнаго путешествія *Парри*, онъ дозволилъ себѣ соединить проливомъ Атлантическій Океанъ съ Великобританіею, и послѣ путешествія *Биси*, предполагаетъ, что сѣверо-западный берегъ Америки соединенъ съ восточнымъ берегомъ Гренландіи.

Отвѣтъ на письмо Г. Елагина, спрашивающаго: въ Молдавіи или Валахіи находится Турецкая крѣпость Ибраилъ, о которой упоминается въ Но 145 Сѣв. Пчелы 1825 года.

Въ письмѣ своемъ опъ 1-го Октября изъ Пензы, Г. Елагинъ убѣдительно просилъ Издашеля Славянина разрѣшить его недоумѣніе и уведомить его: въ Молдавіи или Валахіи находится Турецкая крѣпость Ибраилъ, о которой Г. Грегъ упомянулъ въ Но 145 мѣ Сѣв: Пчелы 1825 года? Ему также весьма хочется знать: на правомъ или на лѣвомъ берегу сполитъ сія крѣпость и была ли когда либо взята Россійскими войсками? Г. Елагинъ весьма основательно

предполагаетъ, что она должна находишься въ недалекомъ разстояніи отъ славной въ нашихъ военныхъ лѣтописяхъ крѣпости Браилова. Мы согласны въ этомъ съ почтеннымъ нашимъ корреспондентомъ и основываемъ свои догадки на томъ, что въ послѣднюю войну съ Турками, бывшую въ Царствованіе блаженныя памяти Императора АЛЕКСАНДРА I-го, Браиловъ сдался Россіянамъ 3-го Декабря 1809 года, а по удословренію Г. Грегга и крѣпость Ибраилъ взята того же числа и года. Слѣдственно: обѣ крѣпости должны быть въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ.

Да ужь не Браиловъ ли Г. Греггъ наименовалъ именемъ Ибраила? Подобныя шпунки нерѣдко у нихъ случаются; на примѣръ:

I. Въ Ошечесшвенныхъ воспоминаніяхъ Сѣв. Пчелы 1828 года сказано, — „что сраженіе Россіянъ съ Турками при Фокшанахъ произошло 1770 года Января 3-го.“

*

II. Въ Ошечесшвенныхъ воспоминаніяхъ Сѣв. Пчелы 1826 года, поставлено, что — „одержана надъ Французами кровопролитная и знаменитая побѣда при Прейсшъ-Эйлау 1807 года Января 26-го числа (1).“

*

I. А въ Ошечесшвенныхъ воспоминаніяхъ той же Сѣв. Пчелы 1827 года, напечатано, что — „сраженіе съ Турками при Фокшанахъ произошло 1770 года Января 4-го дня.“

*

II. А въ Ошечесшвенныхъ воспоминаніяхъ Сѣв. же Пчелы 1827 года изображено, что — „происходила кровопролитная битва съ Французами при Прейсшъ-Эйлау 1807 года Января 27-го числа.“

*

(1) Въ No 135-мъ Сѣв. Пчелы Г. Греггъ оправдываетъ эту нелѣпость тѣмъ, будто бы сраженіе подъ Прейсшъ-Эйлау продолжалось два дня: 26-е и 27-е Января. Согласимся на часъ съ Г. Греггомъ. Но все таки „крово-

III. Въ Ошечеспвенныхъ
вспоминаніяхъ Сѣв. Пчелы
1825 года, *Г. Грегъ* увѣряешъ,
что — „происходило побѣдо-
носное сраженіе Россійскихъ
„войскъ (подъ командою Ге-
„нерала *Чернышева*) съ Фран-
„цузами при Циркѣ 1813 го-
„да Января 31-го дня.“

III. А въ Ошечеспвенныхъ
вспоминаніяхъ Сѣв. Пчелы
1826 года *Г. Грегъ* удосто-
вѣряешъ, что — „одержана
„побѣда надъ Французами
„при Циркѣ 1813 года Ян-
„варя 30-го дня.“

*

*

Просимъ *Г. Елаина* впередъ, для разрѣше-
нія сего рода вопросовъ и недоумѣній, обра-
щаться прямо къ *Гг. Грегъ* и *Булларинъ*. Они
найдутъ средство выпутаться съ честью изъ
запретительнаго своего положенія.

пролишная бишва долженшвовала происходишь — 26-го
числа; а знаменишая побѣда одержана бышь — 27-го.“
А у нихъ выходишь на выворотъ: въ первый день одер-
жана побѣда — и побѣда знаменишая; а на другой
день происходила сшибка!!?... Оправданіе хуже са-
мой вины!!!

ПО ПРАВКѢ.

Въ 41-й книжкѣ *Славянина*, во второмъ куплешѣ
прешій стихъ надобно чипашъ:

И, ликомъ плѣнительныхъ Музь окруженный,

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ, съ 1787 по 1791 годѣ.

(Продолженіе.)

Въ 4 часа утра данъ былъ сигналъ и Россійскій флотъ снявшись съ якоря, пошелъ атаковать непріятельскій. Принцъ *Нассау - Зигенъ* повелъ въ дѣло лѣвый флангъ, противъ котораго находились главныя силы Турокъ, а правый поручилъ Консрѣ - Адмиралу *Алексіано*. Атака сія была произведена съ невѣроятною быспрошою и мужествомъ. При первомъ огнѣ съ мѣлкихъ Россійскихъ судовъ, флотъ Капитанъ-Паши началъ поднимать паруса для опущенія, и въ сіе время одинъ изъ его кораблей о 64-хъ пушкахъ спалъ на мѣль. Тогда Принцъ *Нассау - Зигенъ* выдвинулъ впередъ двѣ галеры, двѣ дуббель - шлюбки, одну пловучую башарею и двѣнадцать канонирскихъ лодокъ. По произведеніи сего маневра огонь съ обѣихъ сторонъ усилился. Турки съ примѣрною не-

успрашимостію болѣе часа выдерживали губительное дѣйствіе Россійской артиллеріи; невозможность пройти парусной эскадрѣ за мѣлководіемъ впередъ, поддерживала ихъ упорство, но когда вмѣсто ея прибыли нѣсколько гребныхъ судовъ изъ резерва и подкрѣпили передовую линію, тогда сраженіе приняло рѣшительный оборотъ. Бывъ атакована новыми силами, часпъ Турецкаго флота не могла продолжать сопротивленія и оставя на мѣли корабль свой, обратилась въ бѣгство. Нѣсколько мѣлкихъ судовъ кинулись ихъ преслѣдовать, но непріятель успѣлъ скоро укрыться подъ стѣнами Очакова. — Въ это же время Русскіе абординвали сѣвшій на мѣль линейный корабль и, взявъ его послѣ жестокаго сопротивленія, предали въ жертву пламени, за неимѣніемъ средствъ пошущить онаго. Подобная участь постигла и 64-хъ пуш. корабль Капитанъ-Паши, который также сѣвъ на мѣль во время своего опступленія, продолжалъ еще долго защищаться, бывъ поддерживаемъ огнемъ съ линіи судовъ, споявшихъ подъ Очаковымъ. Принцъ *Нассау-Зигенъ* скоро принудилъ ихъ опступить далѣе подъ стѣны крѣпости и тогда корабль спустилъ флагъ; но какъ не было возможности пошущить произведенный на ономъ пожаръ, то онъ и взлетѣлъ на воздухъ со всѣмъ экипажемъ. *Гассанъ* же Паша еще временно перебѣжалъ на другое судно. — Между тѣмъ, какъ всѣ сіи дѣйствія происходили въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ Россійскаго флота, правое его крыло было атаковано превосход-

нымъ числомъ малыхъ судовъ. Контрб-Адмиралъ *Алексіано*, замѣшивъ что Турки намѣревались зайти ему во флангъ, выдвинулъ впередъ одну пловучую башарею, и получивъ въ то же время подкрѣпленіе отъ *Нассау-Зигена*, опразилъ непріятели послѣ самаго упорнаго боя. Къ вечеру, пораженіе Турецкаго флота было совершенно и оный бѣжалъ въ величайшемъ безпорядкѣ.

Принцъ *Нассау-Зигенъ* опасаясь чтобы опчаяніе не побудило Капипанъ-Пашу,—кошорый по повелѣнію Порты долженъ былъ непременно испребишь Россійскій флотъ въ Лиманъ, на какое либо покушеніе, выстроилъ свои корабли и суда въ линію на пушечный выстрѣлъ отъ Турецкой эскадры.

За часъ до полуночи на Россійской флотилии услышали сильную канонаду. Это было дѣйствіе башареи, поставленной на Кинбурнской Косѣ Генераломъ *Суворовымъ* противъ бѣгущаго непріятельскаго флота, изъ коего нѣсколько кораблей и судовъ, отъ замѣшательства сѣли на мѣль. — Узнавъ о семъ, Принцъ *Нассау-Зигенъ* устремился за нимъ въ погоню. Флотилія его, дошедъ до непріятельскихъ кораблей и судовъ, сидѣвшихъ на мѣли, раздѣлилась на двѣ колонны и, образовавъ линію въ видѣ полумѣсяца, такимъ образомъ охватила оныя. Но сего еще не было достапочно. Надлежало выдержать дѣйствіе огня съ стѣнъ Очакова и мѣлкихъ судовъ, подъ нимъ споявшихъ, чтобы приблизиться къ кораблямъ, кои будучи споль сильно поддерживаемы, за-

щищались съ величайшимъ упорствомъ. Около пяти часовъ продолжалась сія новая битва, гдѣ обѣ стороны истощили всѣ усилія своего мужества; наконецъ, побѣда увѣнчала Россійское оружіе. Экипажи кораблей и судовъ, впашихъ во власъ Русскихъ, желая избѣгнуть плѣна и пламени произведеннаго brandсуглями, кидались въ воду и всѣ погибали, ибо слишкомъ быстрое печеніе не дозволяло спасать ихъ. По официальнымъ извѣстіямъ того времени, потеря Турокъ въ оба сіи сраженія плѣнными и убитыми, погибшими въ водѣ и пламени простиралась до 6.000 человекъ; девять кораблей и фрегатовъ взлетѣли на воздухъ, нѣсколько мѣлкихъ судовъ попоплены или взорваны и одинъ 50-ти пуш. корабль въ хорошемъ состояніи, взятъ въ плѣнъ. Кромѣ сего, башаря, устроенная на Кинбурнской Косѣ и содѣйствовавшая ей гребныя суда попопили: два фрегата, одинъ бомбардирскій корабль, двѣ шебеки, галеру и одинъ транспортъ. — Что касается до урона Русскихъ: то онъ не былъ значительнъ, ибо неисправность Турецкой артиллеріи была причиною, что ихъ орудія дѣйствовали съ весьма малымъ успѣхомъ. Потеря побѣдителей, по донесенію *Князя Потемкина*, состояла только въ двухъ Офицерахъ и десяти рядовыхъ убитыми; ранено 11 Офицеровъ и 57 рядовыхъ. Къ общему сожалѣнію, въ одной изъ сихъ битвъ погибъ храбрый Капитанъ-Лейтенантъ *Сакенъ*. Неустрашимый Офицеръ сей командовалъ вооруженнымъ бошомъ и былъ окруженъ несравненно

превосходными силами. Видя неизбежность плѣна или гибели, онѣ приказалѣ командѣ своей искать спасенія вплавь, а самѣ съ зажженнымъ фителемъ спустился въ Крюйтѣ-камеру. Турки абординвали бортѣ и во множествѣ взошли на него, какѣ черезѣ нѣсколько минутѣ, вмѣстѣ съ нимѣ взлетѣли на воздухѣ. *Сакемъ* зажегѣ порохѣ и, сохранивѣ честь Русскаго флага, умерѣ геройскою смертію (*).

По разбитіи Турецкаго флота, всѣ корабли и суда его, избѣгнувшіе плѣна или испребленія, ушли въ море; но черезѣ день, именно 20-го Іюня, *Гассанъ - Паша* снова явился передѣ Очаковымѣ. 22-го онѣ покушался было спастъ на Очаковскомѣ фарватерѣ ниже Кинбурна, желая спасти свои суда, запершыя въ Лиманѣ, но былѣ отбитѣ выстрѣлами съ береговыхѣ башарей.

Между тѣмѣ, какѣ сіе происходило подѣ Очаковымѣ, корабельный Россійскій флотѣ, подѣ начальствомѣ Консрѣ - Адмирала *Графа Воиновича*, состоявшій изѣ двухѣ кораблей, десяти фрегатовѣ и двадцати чепырехѣ малыхѣ военныхѣ судовѣ, вышелѣ изѣ Севастополя. Узнавѣ о семѣ обстоятельствѣ, Капшанѣ - Паша вступилѣ 28-го Іюня подѣ паруса и оставя Очаковѣ, ушелѣ въ море на встрѣчу *Графу Воиновичу*.

(*) Императрица Екатерина II-я въ награду сего подвига, повелѣла сеспрямѣ *Сакема*, производить каждой по шри тысячи рублей въ годѣ пожизненнаго пенсіона.

Опсуцствіе *Гассань - Паши* было ознаменовано новою побѣдою надъ опдѣленіемъ его флота, остававшимся при Очаковѣ. Фельдмаршалъ *Князь Потемкинъ* прибывъ подъ сію крѣпость, замѣшилъ, что оставленныя при ней Турецкія суда, огнемъ своимъ могли препятствовать ходу осадныхъ работъ. Въ слѣдствіе сего приказалъ онъ Принцу *Нассау* испребитъ ихъ. Повелѣніе сіе было исполнено съ совершеннымъ успѣхомъ. 1-го Іюля, непріятель былъ атакованъ и послѣ осьми-часоваго дѣла, производившагося подъ крѣпостными выстрѣлами, разбитъ совершенно. Двѣ 24-хъ пуш. корветы, одна бригантина, бомбардирскій корабль, кирлангичъ и чепыре галеры были или разрушены или сожжены, а одна галера взята въ плѣнъ. Сверхъ сего на канунъ вышеописаннаго пораженія, Русскія суда, овладѣли двумя канонерскими и двумя транспортными лодками. Такимъ образомъ Турки потеряли всѣ безъ исключенія суда свои, бывшія при Очаковѣ — Принцъ *Нассау* не удовольствовался симъ новымъ поражениемъ непріятельскаго флота; совершивъ оное, обратилъ онъ огонь свой на приморскую часть города, подбилъ нѣсколько крѣпостныхъ пушекъ и во многихъ мѣстахъ выжегъ городское строеніе. Во время всѣхъ вышеозначенныхъ сраженій въ Лиманѣ, особенно отличился Полковникъ Французской службы Графъ *Дамась*, находившійся волонтеромъ при арміи *Потемкина* и въ послѣдствіи бывший Главнокомандующимъ Неаполишанскихъ войскъ при Королѣ *Фердинандѣ IV*. — Іюля 3-го про-

изошло сраженіе близь острова Феодоннесіи между флотомъ Капитанъ - Паши и эскадрою Графа *Воиновича*. — Турецкій Адмиралъ пылая мщеніемъ за поразеніе свое въ Лиманъ, апаковалъ *Воиновича* съ неимовѣрною жестокостію. Не взирая на превосходство непріятельскихъ силъ, кои состояли изъ 15-ти линейныхъ кораблей, 8-ми фрегатовъ и 20-ти малыхъ судовъ, и были на вѣтрѣ, Россійскій флотъ неуспрашимо выдержалъ нападеніе. Исправное дѣйствіе его артиллеріи скоро рѣшило сраженіе. Черезъ три четверти часа, корабль Капитанъ-Паши получилъ споль сильныя поврежденія, что долженъ былъ выдти изъ линіи. Совершая маневръ сей, онъ покусился было отрѣзашь два передовые фрегата: 50-ти пуш. Бериславъ подъ командою Капитана 2-го ранга *Саблина* и 40 пуш. Спрѣлу—Капитанъ-Лейтенанта *Нелединскаго*, но былъ отъ сего удержанъ 74-хъ пуш. кораблемъ св. Павломъ, находившемся въ авангардѣ. Командиръ сего корабля Капитанъ Бригадирскаго ранга *Ушаковъ* (*), примѣтивъ намѣреніе Капитанъ - Паши, прибавилъ парусовъ и послѣ непродолжительнаго, но жаркаго боя, принудилъ его поворотить оверштагъ. — При семъ и оба вышеозначенные фрегаты пустили въ репирующійся корабль сей, весь свой лагъ съ такою силою, что разбили корму его.

Въ непріятельскомъ флотѣ, кромѣ корабля Капитанъ-Паши, одинъ находился подъ Вице -

---

(*) *Федоръ Федоровичъ*, бывшій въ послѣдствіи Адмираломъ и скончавшійся 1817 г.

Адмиральскимъ и одинъ подъ Консрѣ-Адмиральскимъ флагами. Оба они сражались съ Флагманскимъ кораблемъ Преображеніе Господне, коимъ командовалъ Капитанъ 2-го ранга *Селиваневъ* и загорались два раза. — Турки во время сраженія дѣйствовали съ великимъ ожесточеніемъ, но не могли пропировоспоять искусству и храбрости Россійскихъ мореходцевъ. Послѣ пѣти-часоваго боя, флотъ ихъ принужденъ былъ уступить побѣду и оставить мѣсто сраженія, пошрявъ одну шебеку, пущенную на дно кораблемъ св. Павломъ. Въ семъ дѣлѣ отличился славный нашъ Адмиралъ *Д. Н. Сенявинъ*, бывший тогда Капитанъ - Лейтенантомъ. Офицеръ сей, по свидѣтельству Графа *Винновита*, былъ употребленъ имъ за Флагъ-Капитана, при ошмѣнной храбрости и неустрашимости, съ распоропностію обозрѣвалъ движенія и дѣлалъ приказываемые ему сигналы.

Сраженіе сіе, равно какъ и Лиманскія должны были убѣдить Турокъ, что ни опчаянная, можно сказать, геройская ихъ храбрость, ни превосходство ихъ силъ, не могли воспоржеспировать надъ мужествомъ воиновъ, кои во всѣхъ обстоятельстввахъ умѣли съ честью и славою поддерживать достоинство Русскаго флага, и что вода есть такая спихія, на которой искусство рѣшаетъ участь сраженій.

Частыя сіи пораженія Опшоманскаго флота сильно поколебали надежду Дивана, который предписалъ Капитанъ-Пашѣ, по испребленіи Россійскаго флота въ Лиманъ, овладѣть Кин-

бурномъ и Херсономъ, и попомъ отплышь къ полу-острову Крыму.

По окончаніи сраженія при Феодониси, Турецкій флотъ оставался еще нѣсколько часовъ въ виду Россійской эскадры; на другой же день, 4-го Іюля опошелъ нѣсколько къ сѣверу. Графъ *Воиновичъ* опасаясь, чшобы онъ не покусился на Россійскіе берега, держался къ ОЗО. На разсвѣтѣ 5-го числа, флотъ Капитанъ-Паши не былъ въ виду, но за часъ до полуночи показался снова и имѣлъ курсъ къ Симферополю. Графъ *Воиновичъ* поспѣшилъ пересѣчь ему путь и принудилъ поворотишь къ югу. Послѣ сего Россійская эскадра держалась подъ малыми парусами въ параллель непріятельскому флоту, но оный продолжалъ свой курсъ въ море и взявъ направление къ Варнѣ, скрылся изъ виду. Тогда Конпръ - Адмиралъ *Воиновичъ* для наблюденія за нимъ, опрядилъ нѣсколько крейсерскихъ судовъ, а самъ для исправленія своихъ поврежденій, отплылъ къ Херсонисскому мысу.

Разбитіе Турецкаго флота и удаленіе его были важною диверсією для войскъ, облежавшихъ Очаковъ. Но 29-го Іюля онъ появился снова въ виду сей крѣпости и оспановился на якорѣ въ 40 верстахъ отъ берега. Слѣдующіе три дня, не былъ онъ совершенно видѣнъ, но 3-го Августа показался опять въ числѣ 15 кораблей, 10 фрегатовъ и множества разныхъ военныхъ судовъ. *Гассанъ-Паша* съ кораблями и фрегатами сего флота расположился въ 20-ти верстахъ отъ Очаковскаго берега; четыре шебеки и сполько же бомбардирскихъ

кораблей заняли мѣсто между главнымъ флотомъ и островомъ Березанью, а у сего послѣдняго помѣстились мѣлкія суда, какъ-то: кирлангичи и канонерскія лодки.

Такое грозное положеніе Турецкаго флота много затрудняло осаду Очакова, а пошому надлежало развлечь его силы и вниманіе. Упопребивъ для сего большую эскадру, значило подвергать ее напрасному поврежденію, а полуостровъ Крымъ опасности отъ непріятельскихъ покушеній. Въ слѣдствіе сего, *Князь Потемкинъ* назначилъ экспедицію изъ пяти крейсерскихъ судовъ къ берегамъ Анаполи. Предпріятіе сіе, гдѣ столь малочисленный отрядъ могъ сдѣлаться жертвою сильнаго флота, предводимаго *Гассанъ-Пашею*, пребовало искуснаго, храбраго и распоропнаго морскаго начальника. Выборъ Главнокомандующаго палъ на Генеральсѣ-Адъютанта его Шпаба, Капитанѣ-Лейтенанта *Сенявина* (нынѣ Адмирала), копорый съ вышеозначенными пятью судами и вышелъ изъ Севастополя 16-го Сентября. Направя курсъ свой къ югу, *Сенявинъ* прибылъ 19-го того же мѣсяца на видѣ Синопа. Здѣсь отрядомъ его было взято одно судно, нагруженное разными припасами, а другое, послѣ упорнаго сопротивленія, сокрушилось о подводный камень и все на немъ бывшее погибло, кромѣ двухъ раненыхъ Турокъ. На другой день Капитанѣ-Лейтенантъ *Сенявинъ* продолжалъ плаваніе свое вдоль Анатольскаго берега къ городу Воннѣ, главному предмету его экспедиціи. На семь пуши вспрѣшилъ онъ при Ту-

реція купеческія судна, изъ коихъ одно сжегъ, а два взялъ вѣ плѣнѣ. На разсвѣтѣ 22-го, опрѣдъ Капитанъ-Лейтенантъ *Сенявина*, при мало-вѣпріи, приближался къ Воннѣ и, сбивъ одну пушку, открывшую съ мыса огонь, сжегъ судно съ пенькою и лѣсомъ. Вечеромъ сожженъ былъ на берѣгу магазинъ. Осправленные для сего вооруженные барказы прикрывалъ самъ Капитанъ-Лейтенантъ *Сенявинъ*, своимъ судномъ и положилъ на мѣстѣ множество Турокъ, защищавшихъ вышеозначенное спроеіе. Не нашедъ у *Вонны*, какъ предполагалось, судовъ приготовленныхъ для перевоза войскъ, опрѣдъ опправился вѣ дальнѣйшіе поиски.

24-го Предъ полуночью проходя мимо Керасунды (*), Капитанъ - Лейтенантъ *Сенявинъ* остановился противъ сего города, гдѣ подъ берегомъ находились четыре непріятельскія судна. На другой день они были атакованы. Русскія суда, лежа на шпрингѣ дѣйствовали споль удачно, что вѣ короткое время прогнали непріятели, съ береговыхъ батарей и съ вышеозначенныхъ четырехъ судовъ. На одномъ изъ сихъ послѣднихъ, взятомъ вѣ плѣнѣ и послѣ сожженномъ, было найдено значительное количество сѣвспныхъ и военныхъ припасовъ, а остальные при были разбишы и попоплены. Послѣ сего дѣла, 26-го Сентября, Капитанъ - Лейтенантъ *Сенявинъ* опплылъ назадъ вѣ Севастополь. На семъ обратномъ пуши, взялъ онъ

(*) На большей части Географическихъ картъ называемаго неправильно Гересиндою или Гересиндомъ.

еще одно Турецкое судно, но какъ 3-го Октября сдѣлалась весьма сильная буря и повредила на ономъ весь шакелажъ, що и должно было попопизъ его.

Октября 6-го Капитанъ-Лейтенантъ *Сенявинъ* прибылъ благополучно въ Севастополь, „исполнивъ, — по донесенію *Князя Потемкина*, — съ успѣхомъ, возложенное на него дѣло; разнесши страхъ по берегамъ *Анатольскимъ*, сдѣлавъ довольныя пораженія непріятелю, истребивъ многія суда его, положивъ ему прелону въ перевозѣ войскъ и возвратясь съ плѣнными и знатною добычею.“ Орденъ св. *Георгія* 4-го класса былъ Капитанъ-Лейтенанту *Сенявину* наградою за сію экспедицію. — *Князь Потемкинъ* во время его описушствія, сожалѣлъ неоднократно, что пославъ его съ столь ничтожными силами, можешь быть обречь на гибель; но искусное соображеніе, рѣшимость и хладнокровіе въ опасностяхъ, сохранили сего Офицера для славы Россійскаго флага.

Между тѣмъ, Капитанъ-Паша, оставаясь съ флотомъ своимъ при *Березани*, занимался высадкою войскъ на сей оспровъ и укрѣпленіемъ онаго. Наконецъ 4-го *Ноября*, онъ снялся съ якоря и опплылъ къ *Конспаншинополю*. По его удаленіи, *Князь Потемкинъ* далъ приказаніе овладѣть *Березанскими* укрѣпленіями и возложилъ сіе дѣло на *Войсковаго Судью Черноморскихъ козаковъ*, *Подполковника Головатаго*. Предпріятіе сіе совершено козаками частію на лодкахъ, частію по поясъ въ водѣ, при чемъ они были подкрѣплены канонерскими лодками, состоявшими подъ начальствомъ *Бригадира*

Рибаса (въ послѣдствіи Адмирала). Дѣло сіе принадлежитъ къ числу самыхъ отважнѣйшихъ, но какъ оное входитъ болѣе въ составъ военныхъ дѣйствій сухопутныхъ войскъ подъ Очаковымъ, то подробностей его и должно искасть въ описаніи осады сей важной крѣпости.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРИИ ВОЙНЫ СЪ ГОРЦАМИ И ПЕРСИАНАМИ.

Тринадцатое лисьмо Генерала отъ Инфантеріи Князя Циціанова къ Генералу В., отъ 2-го Сентября 1804 года, при блокадѣ крѣпости Эривани.

Сараповскаго Мушкетерскаго полка Маіоръ *Ходжаевъ* донесъ мнѣ, что подъ укрѣпленіе *Караклисъ*, содержимое имъ съ 400 чел. гарнизона подходилъ Царевичъ *Александръ* съ 6 п. войскомъ и спрѣлялъ изъ фалконетовъ и ружей, но безъ всякаго вреда и по двухъ выспрѣлахъ сдѣланныхъ изъ пушки въ его полпу, отступилъ. На другой день по полученіи сего извѣстія, узнавъ отъ бѣжавшаго изъ непріятельскаго войска Армянина, что изъ Тифлиса въ Бомбакъ идетъ назначенный сюда провіантскій транспортъ, командировалъ я для встрѣчи онаго Тифлійскаго Мушкетерскаго полка Маіора *Монтрезора*, по извѣстности ему Бомбакъ

ской провинціи, гдѣ онъ съ баталіономъ своимъ находился до войны болѣе года и удерживалъ волненіе шамошнихъ Татаръ. Въ прикрытіе ему даны были изъ полковъ: Кавказскаго Гренадерскаго Прапорщикъ *Верещанинъ*, унтеръ-офицеровъ 2, барабанщикъ 1 и рядовыхъ 36; Тифлійскаго Мушкетерскаго — Поручикъ *Ладыкинъ*, унтеръ-офицеръ 1 и рядовыхъ 15; Саратовскаго Мушкетерскаго — Прапорщикъ *Чиреза* 2-й, унтеръ-офицеровъ 2, барабанщикъ 1 и рядовыхъ 30; 9-го Егерскаго и Нарвскаго Драгунскаго по одному унтеръ-офицеру и 10 рядовыхъ; всего же Оберъ-Офицеровъ 3, унтеръ-офицеровъ 7, барабанщиковъ 2, рядовыхъ 101 и одинъ прехъ-фунтовый единорогъ. При семъ, Маіору *Монтрезору* приказано было опасныя мѣста проходить ночью: ибо всѣ окрестности окружающыя непріятельскія конныя партіи. Но 30-го Августа полученъ мною отъ *Ходжаева* рапортъ, что 22-го числа, пришелъ къ нему раненый Армянинъ и увѣдомилъ, что посланная отсюда команда съ пушкою съ Маіоромъ, неизвѣстно ему какимъ, по выходѣ своемъ изъ Эривани, преслѣдована была Персіанами въ числѣ 600 чел. Маіоръ сей дѣлалъ противъ нихъ отпоръ до мѣста Сарала, что въ 10 верстахъ отъ Караклиса, но здѣсь 21-го: встрѣтилъ его Царевичъ *Александръ* съ своимъ войскомъ, разбилъ отрядъ, взялъ пушку и убилъ нѣсколькихъ солдатъ и самаго Маіора. Несчастіе сіе подтверждено выѣжавшимъ сегодня изъ *Бабаханова* лагеря Армяниномъ, — который также подвѣшеписаннымъ прикрытіемъ возвращался

въ Бомбаки и былъ полоненъ. По показаніямъ его, 15 чел. солдатъ, кои были переранены, взяты въ плѣнъ, а всѣ прочіе пали на мѣстѣ битвы.

Донося съ стѣсненнымъ сердцемъ о семъ несчастномъ происшествіи *Государю Императору*, я пославилъ долгомъ присоединить, что храбрый и, по многимъ моимъ порученіямъ, оказавшій себя доспойнѣйшимъ Офицеромъ, Маіоръ *Монтрезоръ*, пренебрегши непріязнелемъ, проходилъ оное дефиле днемъ и при атакѣ его споль превосходною силою, до 6 н. проспиравшеюся, въ началѣ сраженія, былъ онъ (по показанію помянушаго плѣнника) тяжело раненъ, и за пѣмъ вскорѣ убитъ, предпочтя лучше положить себя и команду, нежели опадать пушку.

Имѣю честь бысть, и проч.

~~~~~

Четырнадцатое письмо Генерала отъ Инфатеріи Князя Циціанова, къ Генералу В., отъ 14-го Сентября 1804 года изъ деревни Караклисъ, Болбакской провинціи.

Имѣю честь представить В. В. Пр. дневную записку о происшествіяхъ въ моемъ опрядѣ, случившихся со дня отступленія войскъ отъ Эриванской крѣпости до прибытія въ Караклисъ, ш. е. съ 4-го по 15-е Сенсября.

Дневная записка.

Съ 3-го на 4-е Сенсября, по пробитіи вечерней зори, начались приуготовленія къ оста-

вленію Эриванскаго форшпапа , что и исполнено на разсвѣтѣ. Къ вечеру опрядѣ прибылъ къ деревнѣ Кавагири , бывѣ на семѣ пути , — 8 верстѣ , — превожимѣ непріятельскими паршіями. Тамѣ заспали мы уже егерей, шедшихъ по правому берегу Занги. Ночью непріятель занявѣ высоты, производилѣ по лагерю пальбу изѣ фалконетовѣ, но безвредную.

5-го. Опрядѣ имѣлѣ маршѣ до Эчміадзина, — 12 верстѣ. — На маршѣ семѣ превожимы были непріятельскими паршіями и набѣдниками, при чемѣ ранены: Козачій Офицерѣ и рядовой.

6-е число Сентября употреблено на довольствіе войскѣ провіансомѣ, найденнымѣ вѣ Эчміадзинскомѣ монастырѣ и на приуготовленіе монастырскаго причета къ выходу при опрядѣ сѣ оспальнымѣ церковнымѣ богашествомѣ, дабы оно не впало вѣ руки Персіанѣ. Вѣ сей день оспавшіе ошѣ опряда, назначеннаго для прикрышія фуражировавшихѣ, и апакованнаго непріятелемѣ : одинѣ егерѣ и козакѣ были убиты, при казенные деньщика и егерѣ ранены и одинѣ барабанщикѣ захваченѣ вѣ плѣнѣ. Такое несчастіе, постигшее 9-й егерскій полкѣ, случилось вѣ ономѣ, во всю нынѣшнюю кампанію вѣ первый разѣ; при покойномѣ же Шефѣ Полковникѣ Цеханскомѣ, не токмо подобнаго не произошло, но и лошади ни одной не было ошогнано.

7-го числа, маршѣ до рѣки Корни , — 10 верстѣ. — Здѣсь, равно какѣ и на походѣ, непріятель продолжалѣ насѣ беспокоить.

8-го числа, при выспуплениі опряда изъ лагеря и на маршѣ до другаго при шой же рѣчкѣ, — 9 верстѣ, — Персіяне очень сильно насѣ безпокоили. При опраженіи ихъ съ каменистыхъ бугровъ, у насѣ были ранены: одинъ Оберъ-Офицеръ и 10 рядовыхъ.

9-го. Маршѣ до рѣчки Корниже, противъ горы Чибинлу, — 13 верстѣ. — Непрiатель преслѣдовалъ насѣ, шакже и зажигалъ степь, что однако же не причинило вреда опряду, и шолько одинъ солдатъ Тифлійскаго полка, ошдѣлившійся опѣ опряда, убитъ.

10-го. Маршѣ до рѣчки Чибинлу — 10 верстѣ. — Преслѣдовавшій насѣ непрiатель нападалъ сильнѣе, бывъ подкрѣпленъ *Пиръ-Кули-Ханомъ*, который возвращаясь съ 4-мя ш. человекъ изъ Бомбака. Узнавъ о моемъ приближеніи, онъ засѣлъ было на одной горѣ, но наши фланкеры, мною опряженные, скоро его опшуда сбили. Послѣ сего онъ показывалъ видѣ, что намѣренъ встрѣпшитъ насѣ въ узкой дефилѣ, мимо батарей коей намѣ лежала дорога, но проспоявъ въ сей позиціи не болѣе получаса, пошянулъ назадъ къ Эривани, и въ продолженіе ночи рѣшировался съ шакою поспѣшностію, что на другой день и не показывался.

11-го. Маршѣ до раззоренной деревни Абарани, — 12 верстѣ.

12-го. Маршѣ 13 верстѣ въ Бомбакскую границу, не доходя до деревни Оршнай.

13-го. Маршѣ до рѣчки Бомбаки, — 15 верстѣ, — между деревнями Гамамла и Сарала. Сюда высланъ былъ изъ Караклиса для опряда провіантъ.

14-го Сентября, опрядь прибыль къ Караклису, перешедь 12 верстѣ.

Имѣю честь бысть, и проч.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

ПАЖЬ ГЕРЦОГА ФРИДЛАНДСКАГО.

Историческая повѣсть; соч. *Тролица.*

(*О к о н т а н ѣ в .*)

На другое утро Герцогиня отправилась изъ Праги въ Вѣну; вслѣдъ за нею Графиня *Терцки* съ дочерью, которая принуждена была разстаться съ своею несчастною подругою, *Иоанною*. Онѣ уже послѣ никогда не видались. Расперзанное сердце *Матильды* желало въ святыхъ стѣнахъ монастыря обрѣсти безмятежное убѣжище. Первая и единственная любовь ея преждевременно привела ея на край могилы. По утру въ день отбѣзда, Герцогъ долго говорилъ съ Графинею, увѣдомилъ ее обо всемъ, что произошло на канунѣ, и сообщилъ ей свою волю касательно *Матильды*. Графиня не безъ внутренней досады внимала словамъ своего зятя; ибо удаленіе дочери въ монастырь совсѣмъ не согласовалось съ ея горделивыми планами.

Матильда терпѣливо ожидала своей участи, и смиренно перенесла материнскій гнѣвъ. Она ни мало не заботилась о блестящихъ видахъ

своей честолобивой матери, и съ безмолвною покорностию выслушивала угрозы свѣплѣйшаго дяди. Она понимала, что бездна, опдѣляющая ее отъ возлюбленнаго, непереходима, и пошому монастырская келья была ей вѣ тысячу крашѣ милѣе, нежели бракъ съ постылымъ.

Роткирхъ, убитый горестию, отправился вѣ Силезію къ своей матери. Онъ удостоверился, что *Сени* измѣнилъ ему, что сей коварный Италіянецъ погубилъ его и *Матильдино* счастье. Но пока по возлюбленной не давала ему покоя на родинѣ; просьбы печальной матери не могли удержашъ его: онъ побѣхалъ вѣ Вѣну, куда незадолго прибыли Герцогиня и Графиня *Терцки*. Всѣ его спаранія увидѣшься съ *Матильдою* были щещсны. Однажды только посчастливилось ему увидѣшь ее вѣ церкви, подлѣ ея матери. Блѣдно было лице ея; поблекли розы молодоспи. Она узнала его, когда онъ, закушанный вѣ плащѣ, припаился противъ нее за колонною. Одинъ только разъ глаза ея встрѣпились съ его глазами, и опустѣлое сердце его снова озарилось лучемъ счастья. Сей взглядъ былъ единственнымъ подаркомъ судьбы. И старая Графиня *Терцки* его замѣпила. Она немедленно съ *Матильдою* вышла изъ церкви, и вѣ пошѣ же самый вечеръ письменно его извѣспила, что если онъ пошѣ же часъ не оставишѣ Вѣны и осмѣлится искашъ случая видѣшь ея дочь; то *Матильда* будетъ немедленно заперша вѣ монастырь, отъ его наглыхъ поисковъ.

Въ пошѣ же день *Георгъ* уѣхалъ изъ Вѣны, и отказался отъ всѣхъ надеждъ.

Вскорѣ опять загремѣла военная труба въ Императорскихъ областяхъ. Высоко развѣвались *Валленштейновы* знамена въ Инаимѣ. Еще разъ явился Герцогъ *Фридрихъ* Генералиссимусомъ арміи, имѣ самимъ созданной, и спарые воины со всѣхъ сторонъ спекались къ знаменамъ того вождя, коему до сихъ поръ повсюду сопутствовала побѣда. И *Роткирхъ*, покинувъ родину, отправился въ Инаимѣ. Онъ письменно просилъ у Герцога позволенія пролить за него свою кровь, и если онъ не достоинъ сопровождать высокую особу его: то, по крайней мѣрѣ, будетъ служить въ рядахъ его арміи. *Валленштейнъ* въ обидныхъ выраженіяхъ отказалъ ему въ сей просьбѣ. Сени опасался пылкаго характера юноши, и потому употреблялъ всѣ средства изгнать его изъ сердца *Валленштейна*.

Но ни холодный отказъ Герцога, ни спрожайшее его повелѣніе, никогда ему не показались на глаза, не удержали *Роткирха*, слѣдовавъ переодѣвшись за арміею. Уже Герцогъ въ шуму военныхъ дѣйствій позабылъ своего Пажу, полагая, что онъ находится отъ него далеко, какъ вдругъ отъ разныхъ военачальниковъ получилъ донесеніе, что *Роткирхъ* показывается во многихъ мѣстахъ и почти при каждомъ сраженіи, особенно же часто при *Исолинн* и его *Кроакахъ*. Герцогъ молчалъ, и, казалось, не обратилъ на это вниманія. Однажды же, когда Пажъ, въ жаркомъ дѣлѣ въ верхнемъ

Пфальцѣ очень близко проскакалъ мимо Герцога, и кто-то обратилъ вниманіе его на *Роткирху*; онѣ, казалось, не хотѣлъ его замѣшить, и вся армія наконецъ подумала, что *Роткирхъ* исполняетъ какія нибудь шайныя порученія Герцога. Но молчаніе его имѣло совсѣмъ иную причину. Онѣ зналъ испытанную вѣрность Пажа, его сыновнюю, безпредѣльную къ нему преданность, копорая походила почти на обожаніе; часто, когда онѣ припоминалъ себѣ, что все его пресупленіе есть безумная спрасъ, то прежнее къ нему благоволеніе вѣ немѣ пробуждалось, и сердце его готово было простишь пресупокъ молодоспи. Но коварное наушничество аспролога и извѣстія, что *Матильда* все еще съ непоколебимою вѣрностію привязана къ Пажу, скоро опять перемѣняли его благорасположеніе; но онѣ терпѣлъ его около себя, и не препяшпивовалъ ему бросаться вѣ опасности. Однажды, когда Герцогѣ завернулъ за уголъ лѣва, и *Роткирхъ* нечаянно съ нимѣ встрѣтился: то онѣ едва преодолѣлъ желаніе подозвать его къ себѣ, и съ тѣхъ порѣ, казалось, съ удовольствіемѣ слышалъ, что Пажѣ находишся вѣ близи его.

Валленштейнъ выступилъ подѣ Нюрнбергѣ, на встрѣчу Королю *Густаву-Адольфу*. Долго стояли обѣ арміи одна противѣ другой вѣ наблюдательной позиціи. — Наконецъ, Король атаковалъ укрѣпленный лагерь *Валленштейна* вѣ Альтенбергѣ; черезъ засѣки повелъ онѣ полки свои къ непріятельскимѣ окопамѣ. Среди огня и пушечнаго дыма Герцогѣ споялъ непоколебимо

съ своимъ войскомъ, и пристра орудій изрыгали на Шведовъ смерть и гибель. Сей день долженъ былъ увѣнчашь рѣшительною побѣдою одного изъ сихъ славныхъ военачальниковъ.

На колокольнѣ сельской церкви, въ споронѣ опѣ поля битвы, стоялъ *Сени*, и въ подзорную трубу смотрѣлъ на сраженіе. Конница, которая поспроилась передъ деревнею, служила ему защипою опѣ всякой опасности. Съ безпокойствомъ замѣчалъ онъ ходъ дѣла. Онъ зналъ всю важность сего рѣшительнаго дня. Храбрые Шведы неуспрашимо пробивались сквозь лѣса и засѣки, но щещно приступали къ окопамъ, обороняемымъ огненными жерлами. Шестъ разъ они кидались на приступъ, и шестъ разъ были опражаемы. Только въ одномъ мѣспѣ, прошивъ древняго замка, гдѣ начальствовалъ мужественный *Бернгардъ Веймарскій*, колебалась побѣда. Онъ овладѣлъ высокою. Но въ этотъ день счастье не благоприятствовало Шведамъ. И сію позицію, потоками крови купленную, *Бернгардъ Веймарскій* принужденъ былъ оставить. Король *Густавъ-Адольфъ*, впервые остановленный на своей побѣдоносной дорогѣ, напрасно пролилъ въ этой битвѣ кровь своихъ храбрыхъ воиновъ.

Астрологу пріятно было смотрѣть издали на храбрые подвиги, движеніе и сшибку сражающихся армій. Изрѣдка только пушечные выстрѣлы провожали опраженныхъ Шведовъ, которые, опступая въ грозномъ порядкѣ, расположились лагеремъ при *Фюрштѣ*. Имперская ар-

мія оспалась вѣ своей позиціи: раненыхъ отвезли съ поля сраженія, убитыхъ схорожили, но вѣ лагерѣ гробовое безмолвіе не скоро смѣнилось радостными кликами бранной жизни.

„Спранно!“ — сказалъ самъ себѣ *Сени*: „спранно! что Я, споль ничпожная пылінка, вѣ семѣ ужасномѣ кровопролитіи многихъ пысячь что, можешь бышь, Я одинѣ причиною, что обѣ сія арміи сражались съ такимѣ ожеспоченіемѣ. Если бѣ я не покоришь высокомѣрнаго *Валленштейна* мнимому могущеспву звѣздѣ, если бѣ не употребилъ всѣхъ средспвъ, чтобы оковашь крылья его предпріимчиваго духа суевѣріемѣ и предразсудками: то можешь бышь, обѣ арміи спояли бы шеперь вѣ дружескомѣ согласіи предѣ врапами Вѣны. Трепешала бы шеперь древняя сполица Императоровѣ, поколебалась бы наша древняя вѣра. —

„Мое дѣло сей кровавый день! Мое дѣло!“ воскликнулъ онѣ вѣ гордомѣ упоеніи восторга.

— Твое дѣло! Конечно швое, Сапана! — услышалъ онѣ за собою. Сильный ударѣ по плечу пробудилъ его изъ гордыхъ думѣ; вѣ испугѣ онѣ оглянулся и увидѣлъ передѣ собою *Георга Роткирха*, вѣ плащѣ простаго рейшара. — Твое дѣло, великій власпишель звѣздѣ! Слушай! воскликнулъ онѣ, и глаза его молніей сверкали на дрожащаго старца: пы часшо спомпрѣлъ на звѣзды и по шеченію ихѣ предспказывалъ дуракамѣ будущее; шеперь. . . Онѣ схватилъ аспролога за грудь, и высоко поднялъ его на воздухѣ: „шеперь посмотри вѣ глубину, поищи шамѣ земныхъ почекѣ, и сос-

павъ себѣ свой гороскопѣ. Испугался? кайся, бездѣльникѣ.“

Сени молчалъ.

— Говори! повторилъ раздраженный *Роткирхъ*, пошряхивая спарика могучею рукою: — предсказывай свою участь! Спарецъ висѣлъ между небомъ и землею.

„Мой часъ еще не ударилъ, я не умру опѣ швоей руки!“ вскричалъ, не смотря на опасность, *Сени* съ бодрымъ духомъ: „швоя юность увянешъ скорѣе, нежели моя спарость. Выпусти же меня! Ты зашѣялъ пустое! если рука швоя и сброситъ меня съ колокольни: я оспанусь невредимъ; но тебя я вижу шамъ внизу изувѣченнаго.“

— Фарисей! вскричалъ *Георгъ*, и полкнулъ аспролога къ стѣнѣ: „что я тебѣ сдѣлалъ, что сдѣлала тебѣ *Матильда*? За что ты погубилъ насъ? —

„*Георгъ Роткирхъ!*“ сказалъ аспрологъ, поднимая свою упавшую подзорную трубу и заботливо ее разсмапривая: „слѣпо мчишься ты туда, куда влекушъ себя швои спраспи. Я слѣдую пущемъ, который звѣзды мнѣ указывающъ. Онѣ велѣли мнѣ разорвать вашу любовь. Я слѣпо выполнилъ повелѣнное Небомъ.“

— Еслибъ и я слѣпо повиновался влеченію страсти, возразилъ *Роткирхъ*: шо ты лежалъ бы шеперь, разбишый, на каменномъ помостѣ Церкви! —

„Эшаго не могло быть!“ опвѣшпвовалъ аспрологъ съ удивительнымъ спокойствіемъ: написаннаго въ книгѣ судебъ, не можешъ пере-

мѣнишь свое безумное бѣшенство. Ты упадешь на помостъ сего храма и будешь изувѣченъ, а не я. И такъ, любезный *Роткирхъ*,^с сказалъ онъ съ прищворною искренностію: умоляю тебя, оставь сіе мѣсто. Я жду Герцога, онъ скоро сюда будетъ. Ты знаешь его вспыльчивость. — Это будетъ для тебя неприятная встрѣча. Если я тебя огорчилъ, то повѣрь мнѣ: высшія Силы мнѣ это повелѣли, а не мое сердце! Не медли, мой сынъ!^с

Роткирхъ окутался въ плащъ, и сказалъ рѣшиительно: я намѣренъ ожидать здѣсь Герцога и своей участи! Онъ сѣлъ подлѣ астролога на камень, и задумчиво играя золотою бахрамою военной перевязи, подаренной ему *Матильдою*, онъ непримѣтно до того погрузился въ сладостныя грезы минувшаго, что помные глаза его, наконецъ, весело взглянули на небо, какъ будто благодаря его за неожиданное счастье.

Сени разсматривалъ его приспально. Еще не совсѣмъ закоренѣло въ злобѣ его коварное сердце, и небесный взоръ и ясная улыбка непорочнаго юноши его пронули, проникли до глубины души. Онъ безмолствовалъ, и не хотѣлъ вывести его изъ приятныхъ мечтаній; онъ въ сію минушу сострадалъ о добромъ молодомъ человѣкѣ, который, спѣсивъ все свое земное блаженство въ обольстительный образъ фантазіи, вскорѣ долженъ былъ пробудиться для новой горести, для новыхъ перзаний.

„*Сени!*“^с сказалъ наконецъ *Роткирхъ*, и весело взглянулъ на старца: „Герцогъ не ѣдетъ,

и едва ли сегодня прїбдетъ; холодно, и вѣтеръ рѣзкій свищетъ въ щели вѣтхой церкви; пойдете съ Богомъ, — вы можете здѣсь простудиться.“

Сени вспалъ, посмотрѣлъ съ умиленіемъ въ благородное, болѣзненное, но вмѣстѣ и радостное лицо юноши. Онъ пославилъ опять на полъ кружку съ виномъ, подошелъ къ *Роткирху*, и пропянувъ къ нему руку, сказалъ: мы разсѣаемся друзьями, *Роткирхъ*?

„Нѣтъ, Господинъ Сени,“ отвѣчалъ *Георгъ* съ гордостью: „врагами! Никогда мы не можемъ быть друзьями. — Но я прощаю вамъ все зло, которое вы мнѣ сдѣлали.—Желаю вамъ покойной ночи!“

Аспрологъ ушелъ. *Роткирхъ* закушался въ плащѣ, сомкнулъ глаза, и воображеніе сплело ему прелестный вѣнокъ воспоминанія изъ бѣдныхъ цвѣтшавъ его жизни.

Такъ заспало его слѣдующее утро. Еще стоялъ онъ на колокольнѣ, обозрѣвая и лагерь Герцога *Фриландскаго* и позицію Шведовъ при *Фюртѣ*. Онъ восхищался карпиною восходящаго солнца, посмотрѣлъ внизъ съ высокой колокольни, и вздрогнулъ, вспомнивъ слова аспролога, который предсказалъ ему, что онъ, разбитый, будетъ лежать на каменномъ помостѣ.

„Нѣтъ!“ вскричалъ онъ, и лицо его озарилось веселою улыбкою:—„здѣсь не заспигнешъ меня Ангелъ смерти, и не свергнешъ меня внизъ. Если скоро умру, какъ это я самъ пред-

чувствую: по умру, исполняя послѣднюю просьбу *Матильды*.“

Тутъ увидѣлъ онъ кружку съ виномъ, оставленную для него аспрологомъ. Природа вспулилась за права свои; жажда его помила, онъ налилъ вина въ оловянный покаль, поднесъ его къ ушамъ, но вдругъ задумался. „Не уже ли мстительный Ишаліянецъ подсластилъ мнѣ вино?“ сказалъ онъ самъ себѣ: „не уже ли оно оправлено, и сія колокольня будетъ мнѣ могилою? О чемъ же думать? Тогда все кончилось!“ сказалъ онъ съ веселымъ спокойствіемъ, выпилъ покаль, и посмотрѣлъ на прекрасный міръ вокругъ себя. На глазахъ его невольно навернулись слезы — грустно показалось ему разлучиться съ юною, едва расцвѣтшею жизнію. „Разспаваться тяжело!“ воскликнулъ онъ, — „тяжело разспаваться съ любовью и жизнію!“ — Тутъ упренній въперокъ дохнулъ на него холодомъ, онъ вздохнулъ, дрожь пробѣжала льдомъ по всему тѣлу. „Не уже ли это оцѣпенѣніе смерти?“ подумалъ онъ самъ въ себѣ: „не уже ли я дѣйствительно оправилъ себя виномъ аспролога?“

Въ сію минушу слышался ему шумъ внизу, подлѣ самой церкви; — онъ посмотрѣлъ оспорожно съ колокольни. Это былъ отрядъ Веймарскихъ всадниковъ, которые примчались изъ-за деревни.

„Взойдемъ на колокольню! сказалъ одинъ изъ нихъ, — „ошкуда можно обозрѣвать всѣ окрестности.“ *Роткирхъ* вспомнилъ слова *Сени*, и выхватилъ пистолетъ изъ за пояса. Но

командиръ запрешилъ всходитьъ. „Эпо насъ слиш-комъ долго оспановилъ,“ сказалъ онъ: „по-бдемъ въ лѣсу.“ Опрядъ изъ спа всадниковъ пошянулъ вдоль горы по пропинкѣ къ небольшо-шему кустарнику, кошорый въ долину примы-калъ къ лѣсу.

Сии непріяшельскія движенія заспавили *Роткирха* все забыть. Онъ хотѣлъ уже сойти къ своему вѣрному Венгерскому коню, оспа-вленному имъ въ ближайшей хижинѣ; дабы из-вѣспилъ своихъ пріяшелей Кроаповъ, засѣ-вшихъ въ ближайшемъ кустарникѣ, обѣ угро-жающей имъ опасности, — какъ вдругъ замѣ-пилъ, что небольшое число всадниковъ, выѣз-жая изъ лѣса со стороны Императорскаго ла-геря, беретъ направленіе къ засадѣ Шведовъ. Онъ началъ внимашельно всмапривашься и узналъ, что эпо былъ Герцога съ небольшою свипшою.

Опромешью бросилъ онъ съ лѣспницы ко-локольни, прямо къ своему вѣрному коню; быстро осѣдлаъ его, но еще быспрѣе пом-чался съ горы въ равнину. Герцога и свипа его уже окружены были Веймарскими всадниками. Выспрѣливъ изъ обѣихъ пистолетовъ въ пылу непріяшеля, завопилъ онъ громкимъ голосомъ, какъ будто нѣсколько сотъ человекъ приска-кало на помощь Цесарцамъ—и съ мечемъ въ ру-кѣ бросилъ въ средину изумленныхъ непрія-шелей. Они не устояли прошивъ бѣшенаго его напора, и онъ пробился до самого Герцога. Онъ махалъ саблюю во всѣ стороны; и съ неиспо-вымъ опчаяніемъ оборонялъ своего повелише-

ля, который воспользовавшись симъ случаемъ, освободился опъ окружавшихъ его враговъ и поскакалъ въ деревню.

Кроапы прилепѣли къ нему на помощь; Веймарская конница обратилась въ бѣгство, и раненый Венгерскій конь понесъ своего всадника по дорогѣ въ деревню. У самой церкви сей вѣрный поварищъ молодого Героя, грянувшись мерпвый на земь. *Роткирхъ*, покрытый ранами, лежалъ подлѣ него.

Пришедъ въ себя, *Георгъ* увидѣлъ себя въ великолѣпномъ шатрѣ. Хирургъ, который, казалось, сидѣлъ подлѣ него, въ сію минушу удался. Слабо билось сердце молодого Героя, голова его была перевязана, многія раны на изрубленномъ лицѣ причиняли ему жестокую боль; онъ, какъ будто проснувшись опъ тяжкаго сна, опомнился и озирался кругомъ неподвижнымъ, тусклымъ взоромъ.

Тутъ вмѣстѣ съ Хирургомъ вошелъ въ палашку Герцога *Фридрихъ*. „Онъ живъ! сказалъ онъ: это мнѣ пріятно. — Спросите о его имени!“ Онъ подошелъ къ одру раненаго.

Послѣдняя искра жизни вспыхнула въ *Роткирхѣ* при видѣ своего повелителя. Онъ хотѣлъ прощянуть къ нему руку, но она была ранена и крѣпко подвязана.

— Кто вы, молодой человекъ, спросилъ Хирургъ, — споль великодушно принесшій себя въ жертву Его Свѣтлости? Говорите, кто вы? —

Очень было прискорбно *Роткирху*, что Герцогъ не узнаешъ его. Онъ молчалъ. —

„Говорите!“ сказалъ Герцогъ съ благоволеніемъ: „славныя раны шакъ обезобразили ваше лице, что никшо васъ не узнаешъ.“

— *Георгъ Роткирхъ!* сказалъ юноша слабымъ голосомъ.

„Ты *Георгъ Роткирхъ*, мой вѣрный Пажъ, кошораго я въ гнѣвѣ своемъ оскорбилъ споль жестоко?“ воскликнулъ Герцогъ: „шы за меня умираешъ?“

— Я исполнилъ повелѣніе *Матильды Терцки* и желаніе моего сердца! — Какая нестерпимая боль! вскричалъ онъ — и съ симъ словомъ грудь его поднялась; перевязка развязалась, кровь полилась ручьями. — Возвращите ей шарфъ, сказалъ онъ тихо Герцогу, который наклонился къ умирающему: скажите ей, что онъ за васъ обогрѣнъ моею кровію. — Погребите меня въ Гичинѣ, и берегитесь коварнаго.... Послѣднее слово его замерло въ глубокомъ вздохѣ — онъ преставился.

Тогда слезы, можешъ бышь, первыя слезы навернулись на глазахъ *Валленштейна*. — „Онъ былъ достоинъ моей пріязни, достоинъ умереть въ моихъ объятіяхъ!“ сказалъ онъ расшроганнымъ голосомъ: „немногіе согласяшя умереть за меня шакою геройскою смерпію.“

Въ силу его послѣдняго желанія, *Роткирхъ* погребенъ въ монастырѣ близъ Гичина. Вскорѣ, и на шо же кладбище, переселилась *Матильда Терцки*. „Его жизнь была моею жизнью, его смерть — моя смерть!“ были послѣднія слова

умирающей спрадалицы, копорая, будучи вѣрна
своей кляшвѣ, послѣдовала за нимъ вѣ могилу.

Съ Нѣм. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧУВСТВА ПРЕДЪ ГРОВОМЪ
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ.

Въ ночь наканунѣ погребенія шѣла Ея Величества.

И шакъ Твой гробъ съ мольбой объемлю!
И шакъ покинула Ты землю,
Небесно - чѣсная душа!
Какъ Божій Ангель соверша
Межъ нами пушь благошворящій,
Какъ день, безъ облакъ заходящій,
Ты удалилася ошь насъ!...
Неизъяснимый смершный часъ!
Еще досель не посшигаемъ,
Чшо на землѣ Тебя ужъ нѣшь!
Товой былъ шакъ украшенъ свѣшь!
Еще шакъ шѣсно мы сливаемъ
Тебя со всѣмъ, чшо въ мѣрѣ ешь
Намъ драгоцѣннаго, свяшаго,
Еще привычкою обрѣшь;
Все мнимъ Тебя среди земнаго...

А Ты?... О, каждому изъ насъ
 Часъ жизни умерла съ Твоею!
 Съ Твоей ошпедшею душою
 Какой-то милый свѣшъ угасъ,
 Кошорымъ сердце ободрилось,
 Въ кошоромъ шаинство являлось
 Свяшаго Промысла ему!
 Твоею радуясь безопасно,
 Мы жизнь Твою счищали вѣчной...
 И вдругъ ко гробу Твоему
 Идемъ на вѣчную разлуку!
 Твою ль цѣлуемъ мы въ слезахъ
 Досель подашельницу благъ,
 Теперь безчувшвенную руку?
 Ты ль въ багрянницѣ, подѣ вѣнцомъ
 Съ симъ безошвѣшшвеннымъ лицомъ
 На гласъ любви, на гласъ печали?
 Такою ль мы Тебя видали?...
 Сей погребальный оиміамъ;
 Сей образъ, видящійся шамъ;
 Сія возвышенная рака,
 Среди шаинспвеннаго мрака
 Намъ предсшоящая въ лучахъ,
 Блишанье гробоваго Трона;
 Главы лишенная Корона,
 Порфира, падшая на прахъ...
 Невыразимое видѣнье!
 Трепещешъ здѣсь воображенье
 Предъ зрѣлищемъ небышя!
 Но... здѣсь въ молчаньи ночи, я
 Сходящій Ангеломъ на землю
 Ушвѣнный, сладкій голосъ внемлю:

Не возмущайтесь душой!

О эшо Ты! сей голосъ Твой!...

Заушра пышнось сей гробницы,

Сей прахъ разрушенной Царицы,

Землѣ на вѣки опдадушъ!

Но чшо же, чшо въ ней погребушь!

Лишь гробъ, лишь скрышое во гробъ,

Лишь смерши безъимянный знакъ!...

Въ земной шаиншвенной ушробъ

Опъ глазъ сокроешь вѣчный мракъ,

Одинъ лишь видъ уничшоженя!

Одинъ символъ небышя!,..

Но жизнь прекрасная Твоя

Символъ прекрасный Провидѣнья....

Межь нами будешъ, какъ была,

Она жива, чиста, свѣшла,

Вспоминьемъ благодашна,

И сердцу вѣчно безушрашна! —

Въ рѣшишельный прощанья часть

Съ невыразимымъ умиленьемъ,

Съ любовію, съ богошвореньемъ

Я падаю въ послѣдній разъ

Передъ гробницею Твоею!

О! я дерзаю передъ нею

За всю опчизну говоришь,

И въ голосъ мой соединишь

Всѣ голоса, въ сіе мгновенье,

Въ одно сліянные моленье!

Благодаримъ! благодаримъ

Тебя за жизнь Твою межъ нами!

За Тронъ Твой, Царскими дѣлами

И сердцемъ благосшнымъ Твоимъ

Украшенный, превознесенный!
 За образецъ, Твоей явленный,
 Божественныя чистоты!
 За прелесть крошкой прототы
 Среди блистанья Царской славы!
 За младость дѣвъ, за жизнь дѣшей,
 За чистыя, душой Твоей,
 Полѣтка сохранены нравы,
 За благодать, съ какою Ты
 Спѣшила въ душный мракъ больницы,
 Въ пріющъ спрдающей вдовицы
 И къ колыбели сироты!...
 Съ Твоей часъ жизни погребая,
 И Матерь милую свою
 Въ Тебѣ могилѣ уснулая,
 Въ минушу скорбную сію,
 Въ единый плачь слясь сердцами,
 Всѣ предъ Твоею говоримъ:
Благодаримъ! благодаримъ!
 И внуки повшоряшъ за нами
 И съ ними свѣшъ: *благодаримъ:*

Жуковский.

Письмо къ Графу Д. И. Хвостову, изъ Архангельска, отъ 10-го Октября.

Извините, просите меня, что я такъ долго не писалъ къ В. С. и не благодарилъ васъ за весьма пріятный для меня даръ: ваши Лирическія пворенія. Я читаю ихъ теперъ вмѣстѣ съ Одами *Ломоносова*, Оды по двѣ въ день, *Ломоносова* по утру, ваши ввечеру. Читаю большею частію вслухъ. Покойникъ *Ганинъ* увѣрялъ меня, что онъ единственно для моціона писалъ Драмы; а я для моціона декламирую, вспомнивъ, что это средшво, именно для моціона же, предлагаетъ нашей брашья ученый Докшоръ *Витъ* во всѣхъ изданіяхъ Тракшапа своего о Геморофъ. Ваши Лирическія Спихопворенія напечатаны прекрасно; въ изданіи же сочиненій *Ломоносова* (in 8°, 1803) хошя лишеры *Шноровскія* и очень хороши; но коррекшоръ видно былъ невѣжда, не ставилъ въ иныхъ мѣстахъ со всѣмъ знаковъ препинанія и не означилъ подробно въ оглавленіи Одъ поржешшвенныхъ, а надписи на разные случаи списаны шупъ съ величайшею почностію. Пора бы сдѣлать хорошее издание пвореній *Ломоносова*; неполное, но избранное и съ комменпаріями. Да надъ эшимъ надобно посидѣть, а комменпаріями немногіе любяшъ и могушъ у насъ занимашся.

Присланныя, при послѣдней запискѣ В. С., печатныя ваши Стихотворенія роздалъ я всѣ безъ остатка здѣшнимъ любителямъ Поэзіи, въ помѣ числѣ нѣсколькимъ семинаристамъ и кантонистамъ, копорыхъ благодарности изъяснишь не въ силахъ. Сдѣлайте, добрый Графъ, доброе дѣло, подарите для здѣшнихъ учебныхъ заведеній нѣсколько экземпляровъ хоть прежнихъ изданій, и пришлите сюда съ окказією въ мое распоряженіе. Архангельская Гимназія имѣетъ довольно хорошую библіотеку, Семинаріи еще не знаю, а Военно-сиротское отдѣленіе, котораго Командиромъ сдѣланъ недавно прѣбывавшій сюда давнишній мой пріятель, человекъ испинно благонамѣренный и любящій просвѣщеніе, приметъ съ благодарностію хопя и старыя, но полезныя книжки, въ копорыхъ крайне нуждается. Жаль, что моя библіотека въ Петербургѣ.

Написалъ я вскорѣ послѣ моего прѣзда сюда въ Альбомъ *Г-жѣ Лазаревой* на ея опѣвѣздѣ:

Счастливаго пуши!

Дай Богъ доѣхашъ вамъ шуда благополучно.

А намъ (*) безъ васъ, какъ будешъ скучно!

Нѣштъ, дамы намъ шакой, какъ вы, здѣсь не найши,

Наказываешъ Богъ насъ видно за грѣхи!

Кому прикажешъ чашашъ (**) шеперь сшихи?

Любительницѣ лишерашуры

(*) Мнѣ и Губернатору *Изм.*

(**) *И. Я. Бухаринъ* очень хорошо чашашъ сшихи, особенно писанныя просшымъ и среднимъ слогомъ: *Изм.*

Россійской здѣсь изъ Нѣмокъ нѣшъ ;

Изъ Русскихъ шакже нѣшу.

При шомъ же по секрету

Скажу я вамъ :

Здѣсь много женщинъ, мало дамъ.

„Ошибишься дѣло человѣческое, а не признавашься въ грѣхѣ дѣло дьявольское;“ сказалъ ПЕТРЪ Великій. Согрѣшилъ и я по невѣденію, аки человѣкъ ; но не хочу бытъ упоренъ, подобно дѣволу. Довольно здѣсь и дамъ, да какія миленькія, умненькія ! Многія изъ нихъ спрашно любяшъ Русскую Словесность и очень начипаны. Здѣсь не спыдяшя ѣздишь на вечерокъ въ гости съ рабошою. Дамы и дѣвицы усядущя около сполика въ кружокъ ; одна вяжетъ филе, другая кошелекъ, прешья вышиваешъ по канвѣ, и ш. д. Кпо нибудь чипаешъ, а онѣ слушающъ. И я имѣлъ честь чипашъ прелестнымъ Басни *И. А. Крылова* и *Идилліи В. И. Панаева*. Вы знаете, Графъ, чпо я не играю въ каршы : единшвенная игра моя въ вопросы и опвѣшы. Случалось нѣсколько разъ мнѣ, играшъ здѣсь въ эту игру съ дамами и дѣвицами, и хопя я почши всегда писалъ опвѣшы свои стихами (мы вѣдь Поэпы съ вами) ; но спыдно сказать, а грѣхѣ ушайшъ — скажу, такъ и бытъ : стихи мои часпо, очень часпо уступали въ оспрошѣ и замысловапости дамской прозѣ.

12. Пятница.

Вчера давали у насъ въ Благородномъ Собраніи балъ. Вотъ уже это прешій балъ при мнѣ,

а я не былъ еще ни на одномъ. Въ почтовые дни не до баловъ. И что мнѣ шамъ дѣлать? Въ карты я не играю, а панцовашъ и съ молду не панцовалъ.

Съ 4-го нынѣшняго мѣсяца стала у насъ зима, а со вчерашняго дня поползла. Вотъ какъ непостоянна погода и на сѣверѣ. Давно ли мелькали по улицамъ сани? Опять появились дрожки. Почернѣли дороги, почернѣли, покраснѣли опять на домахъ крыши, почашаця влагу, однако не смольную—шьлько и слышишь капъ, капъ, да карканье воронъ.

Съ какимъ неперпвнѣемъ ожидаемъ мы всякой разъ Петербургской почты, особенно съ пѣхъ поръ, какъ началась побѣдоносная война съ Басурманами. Жаль, что нельзя поговорить теперь о военныхъ дѣйствіяхъ съ Княземъ С. А. Хилковымъ и незабвеннымъ Преосвященнымъ Тверскимъ Амвросіемъ. Испорію войны 1812 года знаешъ онъ шакъ, какъ бы писалъ ее. Примѣрный Архіерей (*)!

(*) Рѣчь, произнесенная Преосвященнымъ Архіепискомъ Амвросіемъ въ Казанскомъ Комитетѣ Библейскаго Общества 12-го Марша 1823, въ кошорой превосходнымъ образомъ доказана польза, опъ Христіанской Религии происшедшая, расхвалена въ *Revue Encyclopédique* и оплично приняша въ Парижѣ. Бывшіе въ шо время шамъ наши Галломаны спрашивали съ изумленіемъ другъ друга: *Mais, qui est ce père Ambroise, qu'on loue tant?* А у насъ и не знаюшь эшой рѣчи, не знаюшь многихъ превосходныхъ его поученій, пошому что они, или не напечатаны, или напечатаны, но въ маломъ числѣ экземпляровъ. *Изм.*

Онъ испинный поборникъ вѣры;
 Но не ханжа и не сердишь,
 Какъ Фарисей-лицемѣры.
 О всемъ умно какъ говоришь,
 О всемъ какъ здраво разсуждаешь,
 И не педаншь, хошь много знаешь.

Съ опличнымъ почитаніемъ и душевною
 преданностію имѣю честь быть всегда,

В. С.

покорнѣйшимъ слугою

А. Измайловъ.

Молодецкіе промахи Издателя Московскаго Телеграфа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

„На вшорой страницѣ прибавленія къ М. Т. напечатано, будшо бы въ Дамскомъ Журналѣ естъ какія-шо чувшвишельныя спашьи о брашьяхъ *Леманыхъ*: чувшвишельное неуваженіе къ испинвѣ! въ Д. Ж. никогда ничего не было о брашьяхъ *Леманыхъ*! Вошь какъ вѣрны депеши *Московскаго Телеграфа*.
Князь Шаликовъ.

Подобно какъ въ водѣ и деревья и дома кажутся намъ опрокинутыми, а люди къ верху ногами: такъ въ М. Т. всѣ сужденія объ Авпорахъ и книгахъ являющся на выворотѣ. Въ 15-й книжкѣ, окончивъ разборъ Англійскихъ новыхъ книгъ, кошорый, по какой-шо недовѣдомой причинѣ, шаинспвенной симпатіи, или по со-

чувствію, весьма похожъ на разборы, помѣщаемые въ *Révue Encyclopédique* и *Révue Britannique*, и нещадно разбраня Испанскій переводъ *Виргиліевыхъ Георгикъ*, вдругъ (стр. 420) бросился на Русскую Липерашуру и прямо на Лирическія Спихопворенія Графа *Хвостова*. Мы не намѣрены здѣсь ни всшупаться за сего Писателя, ни выславлять его красотъ: о вкусахъ спорить не лзя! Мы хопимъ только уличить *Г. Полевова* въ неосновательности, съ копорю прочитываешь онъ книги, имъ крипикуемыя.

1-е. Онъ увѣряетъ, что Спихопворенія Графа *Хвостова* напечатаны въ типографіи Академіи Наукъ, между шѣмъ, какъ на заглавномъ листѣ крупными, чешкими буквами выславлено: печатано въ типографіи ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи.

2-е. Онъ упомянулъ только, что сей Поэтъ современникъ *Державинцу*. Нѣшъ, онъ шакже современникъ *И. И. Дмитріевцу*, *Калнистцу*, *Княжнину*, *Князю И. М. Долгоруковцу* и многимъ другимъ славнымъ спихопворцамъ.

3-е. Онъ называетъ Князя *Шаликова—Петромъ Ивановителемъ*, а черезъ спрокъ *Петромъ Алексѣевителемъ*.

4-е. Онъ замѣнилъ, по своему произволу, стихъ Князя *Шаликова* стихомъ собственной фабрики.

5-е. Онъ позволяетъ себѣ шуточки, копоря не у мѣспа въ рецензіи на книгу, сочиненную человекомъ почтеннымъ по своимъ лѣтамъ, чину и заслугамъ Опечеству. Весьма желателью, чтобы *Г. Полевой* объяснилъ,

въ какомъ смыслѣ, — послѣ сдѣланнаго имъ вопроса : „что сказать о самыхъ сочиненіяхъ Графа *Д. И. Хвостова*?“ — онъ привелъ слѣдующіе два стиха :

Все пошъ же онъ; все пошъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.

Г. Полевой, записавшись въ литераторы, вступилъ въ такой кругъ, въ которомъ надобно ему познакомиться съ вѣжливостью, прислушиваться къ хорошему пону и поучиться наблюдать приличіе не только въ разговорѣ, но и на письмѣ.

W.

Москва.

Отвѣтъ Г. Полковнику Бурцову на статью, помѣщенную или въ № 16-мъ Тифлисскихъ Вѣдомостей.

Въ № 16 Тифлисскихъ Вѣдомостей, *Г. Полковникъ Бурцовъ* изъясняетъ свое неудовольствіе Редактору *Русскаго Инвалида* и Издашелямъ *Сѣв. Псалы*.

Первый (п. е. Редакторъ *Р. И.*) опсылаетъ обратно въ Тифлисъ къ *Г. Полковнику Бурцову* его неудовольствіе : ибо по справкѣ оказалось, что въ официальномъ Извѣстіи, которое прислано было въ Редакцію для напечатанія въ Военныхъ Вѣдомостяхъ, ясно написано : 1.000 сажень, а не 400 сажень, какъ того требуетъ *Г. Бурцовъ*.

Предоставляемъ самимъ Гг. Издашелямъ Сѣв. Пчелы просить извиненія, или оправдывашься.

Отолѣ, то штурмъ Ахалциха произведенъ 15-го Августа, въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы, а въ Сѣв. Пчелѣ — сіе кровопролитное дѣло происходило 16-го числа.

Въ № XVI-мъ Тифлисскихъ Вѣдомостей Г. Полковникъ Бурцовъ поправляетъ ошибку, замѣченную имъ въ Сѣв. Пчелѣ, въ копорой напечатано, будто бы штурмъ Ахалциха происходилъ 16-е Августа, меж ду тѣмъ, какъ онъ дѣйствительно произведенъ 15-го числа, въ праздникъ Успенія пресвятыя Богородицы.

Весьма благодарны Г. Б. за сію поправку. Если бѣ военные люди чаще дѣлали такіа замѣчанія: то заставили бы Гг. Издашелей сей газетны бытъ осомпришельнѣе. А по Г. Грегъ печатаешъ ошибочно годы, мѣсяцы и числа, въ копорыа дано какое нибудь сраженіе, взятъ городѣ, или одержана побѣда надъ непріяшелями Россіи. Эпаго мало! Онъ искажаешъ названія самыхъ знаменитыхъ битвъ. Напр. Г. Грегъ — Брѣеннскую побѣду называешъ побѣдою при Ларотьерѣ (1); увѣряешъ, что дѣло лодѣ Брѣенною (2)

(1) Сѣв. Пчела 1825 г.

(2) Тамъ же. Въ Русскомъ Инвалидѣ напечатано, что сіе сраженіе дано 14-го Января; но съ перваго взгляда видно, что эшо эпка описка: ибо эшо единственный промахъ въ дневникѣ Ошечешвенныхъ воспоминашій.

происходило 17-е Января 1813 года, тогда какъ всякому извѣстно, что сіе славное сраженіе, въ которомъ разбины Французы, бывшіе подъ предводительствомъ самаго *Наполеона*, дано 20-е Января и называется *побѣдою при Бриеннѣ*. Такъ наименовалъ его Императоръ *АЛЕКСАНДРЪ I-й* въ письмѣ къ Августѣйшей Своей Родительницѣ (3).

Если вѣришь *Г. Грегю*: то весь рядъ Отечественныхъ воспоминаній, печатаемыхъ въ Р. И. состоишь изъ описокъ, опечатокъ, погрѣшностей, ошибокъ, недосмотровъ, промаховъ, нецѣлостей; но все онѣ существующи въ одномъ его воображеніи. Вся бѣда состоишь въ томъ, что — „хотя образованные люди сами могутъ видѣть: кто правъ и кто виноватъ въ литературныхъ спорахъ; но не все образованные чинатели возмутъ на себя „трудъ сличать спашьи, разсѣянные по Журналамъ (4).“

(3) См. Сѣв. Почту 1813 года, № 12.

(4) См. Анши-Телеграфъ, изд. *А. И. Писаревымъ* стр. 5.

О Т Д Ъ Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

В О Е Н Н О Е.

*Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на
Черномъ морѣ и Дунаѣ, съ 1787 по 1791 годъ.*

(Продолженіе).

Кампанія 1789 года.

Экспедицію Капитанъ Лейтенантъ *Сенявина* на Анапольскіе берега и нѣсколькими частными дѣйствіями гребныхъ судовъ подъ *Очаковымъ*, заключающія подвиги Россійскаго флота въ кампанію 1788 года. Въ слѣдующемъ году, они не представляють ничего блистательнаго, и ни чье имя не гремѣло въ продолженіе онаго на водахъ, прославленныхъ побѣдами Принца *Нассау-Зигена*. Всѣ дѣйствія Черноморскаго флота ограничивающія крейсерованіемъ нѣсколькихъ Россійскихъ судовъ, посланныхъ Конпрѣ-Адмираломъ *Графомъ Воиновителемъ*. Суда сіи, числомъ осмнадцать, состояли подъ начальствомъ Лейтенантовъ: *Бардаки* и *Глззи* и вышли изъ Севастополя 18-го Апрѣля. Въ продолженіе своего плаванія около Румелій-

скихъ береговъ и устья Дуная, успѣли они взять и испребишь нѣсколько Турецкихъ купеческихъ судовъ; но главнымъ подвигомъ сей экспедиціи было дѣло при мысѣ Каракерманѣ, 21-го Апрѣля. Здѣсь вышеозначенные крейсера успѣли, подъ жесточайшимъ огнемъ непріятеля, высадишь на берегъ десантъ, подъ начальствомъ Маіора Чалони. Храбрый сей Офицеръ, съ порядкомъ изъ 600 сухопутныхъ солдатъ и мапросовъ, опрокинувъ многочисленныя толпы Турецкой пѣхоты и конницы, равно какъ и сильное подкрѣпленіе, посланное къ нимъ на помощь, предалъ огню нѣсколько мечетей и много жество домовъ, испребилъ пятадцать мѣльницъ и пять магазиновъ съ сѣбѣспинными припасами. Сверхъ сего, онъ овладѣлъ двумя пушками и взялъ значительную добычу. —

Бездѣйствіе Россійскаго Черноморскаго флота въ 1789-мъ году, было вознаграждено въ слѣдующую кампанію. 1790 годъ, когда Графъ *Вонновскій* былъ уже смѣненъ Конпрѣ-Адмираломъ *Ушаковымъ*; принадлежитъ къ числу блистательнѣйшихъ эпохъ въ Исторіи нашихъ морскихъ походовъ. Хотя въ продолженіе сего времени, какъ и во всю вѣ пору, такъ называемую *Потемкинскую* войну (*), по имени Главнокомандовавшаго Россійскими арміями и Черноморскимъ флотомъ, не происходило на водахъ Чернаго моря сраженій споль рѣшительныхъ, какъ *Чесменское*; но они показали Туркамъ прево-

(*) Первая Турецкая война извѣстна подъ именемъ *Русско-турецкой*.

сходство надѣ ними нашего оружія и поддержали потѣ перевѣсѣ, копорый Россійскіе флоты приобрѣли надѣ Општоманскимѣ, со времени славныхъ побѣдѣ, одержанныхъ Графомѣ Орловымѣ въ Архипелагѣ. Кѣ сему же 1790 году принадлежатѣ первыя, блистательныя дѣйствія Россійской гребной флотилии на Дунаѣ, подѣ предводительствомѣ искуснаго Генерала *Рибаса*.

Кампанія 1790-го.

Смерть Султана *Абдуль-Гамида*, возведшая на Престолѣ Општоманской Имперіи *Селима III*, не привела кѣ концу войны, продолжавшейся уже слишкомѣ два года. Напрошивѣ, она возгорѣлась сѣ новою силою и сѣ новымѣ ожесточеніемѣ со стороны Турокѣ. Сему способствовали особенно спаранія нѣкоторыхъ Европейскихъ Дворовѣ, взиравшихъ сѣ зависію на быстрое возвышеніе Россіи и на новые успѣхи ея оружія. —

Сѣ весною 1790 года открылись дѣйствія Черноморскаго флота и начались при Анапольскихъ берегахъ, куда Князь *Потемкинъ* отрядилѣ эскадру, подѣ начальствомѣ Констрѣ-Адмирала *Ушакова*, для поисковѣ надѣ непріятелемѣ. —

Ушаковъ оставилѣ Севастополь 16-го Маія, и вышелѣ въ море сѣ тремя линейными кораблями, четырьмя фрегатами, однимѣ репешичнымѣ и одиннадцатью крейсерскими судами. При семѣ, не излишнимѣ будетѣ замѣпить; что корабли и суда наши, составявшіе въ шо вре-

мя Черноморскій флотъ, еще не обшивались мѣдью, а посему подводная ихъ часпъ много перпѣла опъ водяныхъ червей и ракушекъ, что самое, покрывая ихъ корою, дѣлало тяжелыми на ходу. Турецкій же флотъ бралъ надъ нимъ преимущество по своей легкости и вообще состоялъ изъ кораблей новыхъ, спроектированныхъ искусными Французскими мастерами, коихъ Порпа вызвала къ себѣ послѣ несчастнаго для нея Чесменскаго боя, показавшаго на опытѣ невыгоду прежняго способа, употреблявшагося при построении ея кораблей.

Консръ-Адмиралъ *Ушаковъ*, держа въ плаваніи своемъ курсъ къ Югу, прибылъ 21 Маія на видѣ береговъ Анаполи. Вечеромъ того же числа, опрядилъ онъ впередъ нѣсколько крейсеровскихъ судовъ, кои приближаясь къ Синапу, овладѣли стоявшимъ у восточнаго берега сего города двумя транспортами. Дѣйствіе сіе обратило на нихъ огонь непріятельскихъ укрѣпленій. Консръ-Адмиралъ *Ушаковъ* замѣшивъ сіе, сдѣлалъ сигналъ наполнивъ паруса и иди на Синапскій рейдъ. Пришедъ на оный, уже ночью, эскадра увидѣла подъ крѣпостью два фрегата, и заперла ихъ, расположась въ самомъ устьѣ залива, а на разсвѣтѣ вошла въ средину онаго. Здѣсь замѣшилъ Адмиралъ, что въ гавани, кромѣ вышеозначенныхъ двухъ фрегатовъ, находились еще девять разныхъ судовъ на якорѣ и одинъ вновь спроектированный линейный корабль. Эскадра рѣшилась было атаковать ихъ, но маловѣпріе, бывшее опъ О, воспрепятствовало

вало привести сіе въ исполненіе. Однако же, не взирая на сіе непріянное обстоятельство, Консръ-Адмиралъ *Ушаковъ* удачнымъ огнемъ и различными движеніями своего флота, привелъ непріятельскія суда въ сильное замѣшательство. Оно было еще болѣе увеличено пальбою съ корабля Св. Георгія, который отважно пройдя далѣе въ бухту, открылъ по Турецкимъ судамъ и береговымъ укрѣпленіямъ жестокою канонаду.

Въ продолженіе сего времени, крейсерскія суда, подъ прикрытіемъ двухъ фрегатовъ и рѣпечичнаго судна, разсыпавшись по близлежащимъ берегамъ, захватили въ плѣнъ восемь, и пустили на дно четыре непріятельскія судна. При семъ случаѣ, множество Турокъ, кинувшихся для своего спасенія на барказы, были убиты или попоплены. Сто изъ нихъ, обою пола, и болѣе пятидесяти Грековъ, захвачены въ плѣнъ. Сверхъ сего, крейсера нашли на взятыхъ ими судахъ нѣсколько Черкешенокъ и Черкесовъ, коихъ везли для продажи въ Константинополь, и двѣнадцать военнопленныхъ Русскихъ солдатъ. Самыя же суда сіи были нагружены пшеницею, и какъ обстоятельства не позволяли взять ихъ съ собою, то Адмиралъ, приказавъ сгрузить запасъ сей на свою эскадру, велѣлъ сжечь ихъ въ виду Синапа. 24 флотъ снялся съ якоря и отплылъ держась подлѣ береговъ къ Самсуну. На пути семъ онъ встрѣтилъ два Турецкія судна и зашилъ ихъ. 25-го крейсера получили приказаніе вступить въ Самсунскую бухту. За ними послѣдовала

шуда и вся эскадра, но какъ въ семъ мѣстѣ не нашлось ни одного военного судна, то *Ушаковъ*, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, поплылъ къ Анапѣ, на видѣ коей и прибылъ вечеромъ 29-го. Замѣшивъ, что подъ сею крѣпостію находился одинъ линейный корабль и семь разныхъ военныхъ судовъ, командующій эскадрою пошелъ атаковать ихъ. Однако, наступившій вскорѣ шпиль, принудилъ его оплосить сіе намѣреніе и спастись на якорь. — На другой день утромъ, по прочисткѣ густаго тумана, одинъ непріятельскій кирлангичъ отдѣлился отъ прочихъ судовъ, для обозрѣнія Россійскаго флота, и вскорѣ опять возвратился подъ крѣпость. За два часа до полудня подулъ шихій NNO вѣтръ и оставилъ Турецкія суда на вѣтрѣ. Эскадра Констръ-Адмирала *Ушакова* снялась съ якорей и старалась, лавируя, подойти къ нимъ; но прошивное печеніе принудило ее снова спастись въ прежнее положеніе. — Въ слѣдующій день *Ушаковъ* повторилъ свое покушеніе. Проходя мимо Анапскаго мыса, онъ былъ встрѣченъ съ него пушечною пальбою; но по дальности разстоянія, выстрѣлы сіи его не достигали. Между шѣмъ Турецкія суда, обороняясь шпрингами къ приближающейся эскадрѣ, открыли по ней огонь изъ пушекъ, однако и здѣсь ядра ихъ далеко не долетали до цѣли. Вечеру посланы были съ флота для промѣра глубины шлюбки. Турецкій кирлангичъ, отдѣляясь впередъ, возпрепятствовалъ было имъ своимъ огнемъ, но выстрѣлы съ Флагманскаго корабля Россійской эскадры скоро принудили

его удалишься.—На разсвѣтѣ, Турецкій линейный корабль и одинъ фрегатъ, на канунъ довольно сгруженные, стояли подлѣ берега, подъ защитою вновь устроенныхъ башарей. Какъ по сдѣланному шлюбками промѣру, фарвашеръ Анапской бухты оказался мѣлкимъ на значительномъ пространствѣ, по Консрѣ-Адмиралъ *Ушаковъ* опдалъ приказъ тянуться въ нее завозами и спараться жечь Турецкія суда бранскугелями. Въ полночь вся Россійская эскадра придвинулась къ непріятельской и открыла по ней канонаду. Турки отшѣчали съ живосіію, но безъ вреда и только съ однихъ береговыхъ башарей. Огонь сей продолжался всю ночь, а предъ разсвѣтомъ Адмиралъ далъ эскадрѣ приказаніе општянуться. При наступленіи дня, Турки съ башарей своихъ, съ корабля и со всѣхъ судовъ открыли пальбу по Россійскому флоту, но выстрѣлы ихъ уже до него не достигали. Не видя возможности причинить непріятельской эскадрѣ подъ Анапою большаго вреда, и припомъ, имѣя надобность поспѣшашъ на соединеніе съ остальною, главною частію флота, уже стоявшаго въ готовности при Севастополѣ, Россійскій Адмиралъ поспѣшилъ къ сему порту, и прибылъ туда 5 Іюня.

Болѣе года времени, проведеннаго въ бездѣйствіи Россійскимъ и Општоманскимъ флотами, дали первому изъ нихъ возможность исправиться и усиливаться. Правительство Турецкое, рѣшась дѣйствовать всѣми силами, снарядило многочисленный флотъ, и опправило его для завоеванія Крымскаго полуострова

Въ исходѣ Іюня, флотъ сей показался въ виду Россійскихъ береговъ, и *Князь Потемкинъ* далъ *Ушакову* повелѣніе выдти ему на встрѣчу. Адмиралъ сей оставилъ Севастопольскій рейдъ 2-го Іюля, съ девятыю линейными кораблями, шестью фрегатами, однимъ репепичнымъ и десятию крейсерскими судами и двумя брандерами. Іюля 8-го между симъ флотомъ и Турецкимъ произошло сраженіе противъ Еникольскаго мыса и устья Кубани. Непрiятель имѣлъ осмнадцать кораблей, тридцать шесть фрегатъ, бомбардирскихъ кораблей, шебекъ, бригантинъ, кирлангичей, и еще нѣсколько малыхъ судовъ, и не взирая на сіе превосходство, потерпѣлъ сильное пораженіе. Вотъ обстоятельство сего дѣла. Россійскій флотъ споялъ на якорѣ у Таманскаго полуострова. Въ десятомъ часу утра показался Турецкій и шелъ прямо на него опъ НО, подъ всѣми парусами. Консрѣ-Адмиралъ *Ушаковъ* сдѣлалъ сигналъ сниматься съ якорей и поспроиться въ линію бапаліи лѣваго галса. Непрiятель находился на вѣтрѣ и спускаясь, велъ атаку свою на авангардъ, коимъ начальствовалъ Капитанъ Бригадирскаго ранга *Голенкинъ*. Въ полдень флоты сблизились; первый выстрѣлъ былъ произведенъ Турками и послужилъ сигналомъ къ общему сраженію. Авангардъ Консрѣ-Адмирала *Ушакова* выдержалъ сильный огонь непрiятеля, и скоро показалъ ему превосходство Русской Арсиллеріи. Капитанъ-Паша между тѣмъ непрерывно усиливалъ свою атаку, подкрѣпляя ее новыми

кораблями и шѣми изъ прочихъ судовъ, кои имѣли большія орудія. —

Чтобы прекратитъ дальнѣйшее дѣйствіе сей атаки, *Ушаковъ* сдѣлалъ сигналъ: фрегатамъ своимъ выдти изъ линіи для составленія резерва, а линейнымъ кораблямъ сомкнувъ дистанціи и, по исполненіи сего, поспѣшилъ съ кордебаталією приблизиться къ непріятелю. Перебѣнвившійся въ сіе время на четыре румба вѣспрѣ, способствовалъ Россійскому Адмиралу подойти къ Турецкому флоту на такое разстояніе, что онъ могъ бить его картечными выспрѣлами малыхъ пушекъ. — Передовые непріятельскіе корабли, приведенные въ замѣшательство симъ маневромъ, начали поворачивать овершпагъ, а бывшіе за ними надвѣшпенные, находясь въ дыму, не скоро замѣтили разбитіе первой своей линіи, и попому во флотъ ихъ произошелъ большой безпорядокъ.

Флагманскій корабль Рождество Христово и корабль Преображеніе Господне, передъ которыми непріятель поворачивалъ овершпагъ, наносили ему величайшій вредъ жестокимъ и непрерывнымъ своимъ огнемъ. Болѣе прочихъ потерпѣли отъ него три корабля, изъ коихъ одинъ былъ Вице-Адмиральскій. На семъ послѣднемъ былъ сбитъ флагъ, и посланною для поднятія его шлюбкою доставленъ къ Командующему Россійскою эскадрою. Корабль Турецкаго Консрѣ-Адмирала загорался два раза отъ дѣйствія Русской Артиллеріи, но оба сіи раза успѣвали тушить пламя. — Капитанъ-Паша, за-

щищая разбиные свои корабли, съ остальною частію флота спустился подъ вѣтръ, и проходя Конпръ-галсомъ вдоль Россійской линіи, подверженъ былъ непрерывному и сильному дѣйствию ея огня. При семъ случаѣ, одинъ изъ Турецкихъ кораблей упалъ за оную. Корабль Георгій покушался было къ нему приблизиться, но большая часть Турецкаго флотъ начала спускаться къ нему на помощь.

Жестокое и непрерывное сіе сраженіе продолжалось до 5-ти часовъ вечера. Въ сіе время Конпръ-Адмиралъ *Ушаковъ*, будучи уже на вѣтръ, сдѣлалъ сигналъ всему авангарду поворотиши оверштагъ, кораблю своему бысть передовымъ, а всѣмъ прочимъ, не наблюдая своихъ мѣстъ, съ возможною поспѣшностію войши въ его кильваперъ. Какъ отъ маневра сего устроилась весьма скоро линія на правый галсъ, на вѣтръ у непріятели, то онъ, бывъ приведенъ симъ еще въ большее замѣшательство, принужденъ былъ спроити свою линію подъ вѣтромъ и, прибавляя парусовъ, растягивать ее прошивъ Россійской, закрывая при томъ поврежденные свои корабли. — *Ушаковъ* старался, подавшись впередъ, ударити на непріятельскую линію всѣми силами; но легкость хода Турецкихъ кораблей, послужила имъ отъ сего спасеніемъ. Капипанъ-Паша нѣсколько разъ старался выигрывать вѣтръ, но всегда безуспѣшно, и наконецъ обратился въ совершенное бѣгство. Командовавшій Россійскимъ флотомъ преслѣдовалъ бѣгущихъ на всѣхъ парусахъ и спускался на нихъ сколько возможно ближе, но за совер-

шенною темною и за неизвѣстностію курса, взяшаго непріятелемъ, не могъ достигнуть ни одного изъ его кораблей.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРИИ ВОЙНЫ СЪ ГОРЦАМИ И ПЕРСИАНАМИ.

Пятнадцатое лисьмо Генерала отъ Инфантеріи Князя Циціанова къ Генералу В., отъ 15-го Сентября 1804-го года, изъ деревни Караклисъ, Бомбакской провинціи.

Прибывъ къ Караклису вчерашній день съ большими затрудненіями, по великому числу больныхъ и по изнуренію лошадей, я нашель, что въ одинъ день со мною пришедшій сюда провіантской транспортъ, присланный Генералъ-Лейтенантомъ *Княземъ Волконскимъ*, можетъ спать едва на полмѣсяца. Хотя и хотѣлъ бы я поспѣшить для утишенія бунтовъ, возникшихъ въ Грузіи и для преслѣдованія *Александра Царевита*, собиравшаго Ташаръ въ Самхетіи, но долженъ остановиться для перепеченія провіанта. Послѣ завтра, по затруднительной и гористой дорогѣ, пойду къ Тифлису, оставляя для обороны здѣшней пограничной провинціи весь Саратовскій мушкетерскій полкъ; подъ прикрытіемъ коего, учреждаю здѣсь временный лазаретъ, ошобравъ отъ всѣхъ

полковъ больныхъ, дабы они дорогою не были приведены въ худшее состояніе. По сязкой болѣзни Маіора *Ульрихина* прикомандировалъ я къ временному командованію симъ полкомъ, до прибытія Шефа Тифлискаго мушкетерскаго полка, Маіора *Рсбиндера*, ввѣривъ ему какъ оборону границы, такъ и временный лазаретъ, оставя потребную сумму денегъ на содержаніе онаго.

Донеся о семъ В. В. Превосходительству, имѣю честь бысть, и проч.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

*Размышленія при гробѣ Блаженной памяти
Государыни Императрицы МАРИИ
ѲЕОДОРОВНЫ, во время отпѣванія тѣла
ЕЯ въ Петропавловскомъ Соборѣ, 13-го
Ноября 1828-го года.*

Желанная! Тебя ли зримъ во гробѣ? Тебя ли, въ скорби безпредѣльной, сопровождаемъ во страну вѣчности? Тебѣ ли воскуряющся еиміамы сердець въ плачевныхъ пѣсняхъ погребенія? Твой ли эшо одрѣ покоя, на немъ же опочи, и восходь его багрянъ, на коемъ повергающся предъ Тобою чада Твоя, упоенная слезами въ сышость? Твой ли эшо Ангело-подобный ликъ, сіявшій нѣкогда крошкимъ величіемъ, и едва сохраняющій шеперь нѣкошорое только выраженіе свое, и слабый признакъ? Твои ль эшо машернія длани, всегда проспершыя къ сиру и убогу, нынѣ неподвижно лежація при хладныхъ персяхъ Твоихъ? Твои ль эшо успа, запечатанныя вѣчнымъ безгласіемъ, но нѣкогда дышавшія неподражаемою привѣпливостію,

радушiемъ, благоспiю? Твои ль эпо попухшиє
взоры, въ коихъ всегда опражался лучъ мило-
сердiя небеснаго, сiи благiе взоры, копорые и
во дни преспарбнiя Твоего не преспавали еще
горбшь огнемъ вдохновенiя, подобно сiяющему
весеннему упру? Твоя ль эпо улыбка, умершая
на успахъ, но нбкогда нбжная, веселившая и
старцевъ и младыхъ, и спрадальца подъ бре-
менемъ нещаспiй, и пресыпившагося во бла-
гихъ мiра сего? Твое ль заснуло здбсь сердце,
всегда живое въ вбрб къ Богу, и полное любви
къ ближнему? Желанная! Тебя ли зримъ во гро-
бб? Тебб ль поемъ исходное?

Кб нещаспiю, эпо не сонъ, эпо не при-
зракъ, коимъ бы можно было обманывать
скорбь нашу копя на нбкоторое время. Неиспо-
вбдимыя опредбленiя судебъ свершились; часъ
грозный и роковой насталь, и Вбнценосная
Матерь наша, преклонивъ Царственную выю
Свою подъ ударъ смерти, подобно класу зрб-
лому, преклоняющему главу свою подъ серпъ
жашеля, *снишла во гробъ, яко лишница созрблая,
и во время ложатая.* Не стало МАРИИ: и по что?—
Не постави, о Боже, во грбхъ избытка сердца,
въ скорби бесбдующаго, ниже причти глаголы
сiи къ глаголамъ хулы и невбрiя!—По что духъ
ушбшишель, духъ спасающiй не спбшитъ про-
лишь елея оправднаго на раны глубокиа? По что
не речешъ къ намъ: *не члре МАРИА, но слить?*—
Не стало Избранной въ тысящахъ: и кто замб-
нитъ намъ великую и невозвратную потерю
нашу, заключившую въ гробб семъ блаженспво
тысящей и шемъ? — Не стало Великой въ же-

нахъ: и сколь пшажко измѣнили намъ собспвенныя надежды наши? — Ибо давно ли Жена благословенная, Жена святая блиспала, подобно божеству, въ Діадимъ своей посреди ликующихъ, преданныхъ, Ей Россовъ? Давно ли была предметомъ обожанія нашего и любви, обратившихся теперь въ предметъ общаго сѣшования и плача? Давно ли, вмѣстѣ сѣ нами, радостно внимала кликамъ побѣдъ, сопровождаемымъ звуками прубъ и кимваловъ? Давно ли сіе Величество земное въ смиренномъ благоговѣніи преклонялось предъ величествомъ небеснымъ, *сътворшимъ ны любѣдители*, умоляя благость Его, да паче и паче благословишь, и озаришь любезное Опечество наше новыми блиспашельными лучами могущества и славы? О! незабвенны будущъ для насъ минушы щемныхъ, колѣннопреклонныхъ моленій сихъ! — Давно ли радость побѣдную, сѣ шумомъ пронесенную по спогнамъ и распушіямъ града ПЕТРОВА, живо чувствовала Она, и еще живѣе раздѣляла оную сѣ добрымъ Русскимъ народомъ? — Ахъ! и мы препещемъ при мысли сей, можешь бышь, прешупной предъ Богомъ; не сія ли шо радость содѣлалась и причиною шоликихъ слезъ и печали! — Давно ли обрадованная, щаспливая Машерь имѣла сладостное, и уже послѣднее въ жизни сей ушѣшеніе—прижашь къ біющемуся сердцу Своему Вѣнценоскаго Сына, Опца Опечества нашего, возвратившагося опъ славы побѣдъ, почти прямо—къ шоржеству смерпи, споль мало ожидаанной, и споль много у насъ похипившей?— Давно ли

тысячи голосовъ и сердецъ, еще колебавшихся между сомнѣніемъ и надеждою, о выздоровленіи *Государыни*, пламенно умоляли Владыку живоша и смерши, да, не въ конецъ промѣвается на ны, воздвигнешь отъ ложа озлобленія, и возвратишь намъ Августѣйшую Матерь? — Давно ли бысть сіе во отцю нашею? и — увы! Во слѣдъ за побѣдными восклицаніями, надлежало раздашья повсюду гимнамъ надробнымъ! мгновенно умолкли гласы празднующихъ; зачихли пимпаны радованія: лишь цѣвница плачевная попрысала душею и сердцемъ. Все пришло въ необыкновенное движеніе, все смушилось и содрогнулось при вѣспи сей громовой: „МАРІЯ скончалась! Мать-благодѣтельница наша преjde ко опцемъ своимъ!“ Вездѣ вопль и споны, повсюду скорбь и опчаяніе: изъ всѣхъ очей лились слезы непришворныя. Все облеклось въ одежду печали, и самое безмолвіе, погруженныхъ на сей разъ въ думу мрачную, ни сколько не успупало рыданіямъ осиротѣвшихъ. Тщешны были и мольбы наши ко Всевышнему; все кадило наше предъ Нимъ. Тщешны были желанія многихъ, да соблюдетъ драгоцѣнная жизнь *Государыни* съ ущербомъ собспвенныхъ дней ихъ. Господь не благоволилъ услышать насъ въ день скорби нашея, но посла на землю Ангела Своего, и — се! какъ бы въ изобличеніе плѣна и суепы мірской, Родная наша возлегла на одрѣ смершномъ!

Какое прогашельное и поучительное зрѣлище! Какой великій урокъ Царямъ и Царспвамъ! — Приди смершный, кпо бы ты ни

былъ, приди, и присѣдя въ молчаніи гробу, се-
му, познай свое ничтожество, и оплачь меч-
ты жизни сей со всѣми обаятельными ея пре-
лестями. Познай, что *всѣхъ людей земля и ле-
лель*, и что, какъ носящіе багряницу, и едва
прикровенные вращеніемъ убогимъ, какъ потъ,
чья пища состоитъ изъ куска хлѣба, слезами
размоченнаго, такъ и потъ, кто изъ чаши
блаженства земнаго *лль веселіе, яко боду*, —
равно снидуть во гробъ, и смѣшаются въ од-
ной могилѣ. Познай, что по мѣрѣ того, какъ
мы человекѣ наимѣнѣ думаемъ о смерти; за-
предѣльная гостья сія, не спрашивая ни о ча-
сѣ, ни о времени, внезапно является къ намъ
яко ташь въ нощи, и поражаетъ насъ яко мол-
нія. — Сиди у сей дски гробовой, и мысли, что
скорѣе можно замѣшишь слѣды орла, паряща-
го въ небесахъ, нежели измѣришь печеніе жиз-
ни человекской, съ удивительною быспроюю
увлекаемой въ бездну вѣчности. Сиди и раз-
мышляй: Вотъ наша жизнь! *Мнѣ вчерась; днесъ
тебѣ*. Сиди и вопрошай себя самага: что зна-
читъ теперь сія ушварь Царская, украшающая
Останки брениа? — Что Діадима на главѣ вѣн-
чанной, но покоренной въ *лльнъ смерти*? — Увы!
Это украшенія лѣпотныя, непринадлежація
болѣ Царицѣ бездыханной! И совлеченное одѣ-
яніе плоти *Ея* не надолго займетъ взоры на-
ши: еще нѣсколько минушь — и земля сок-
роетъ землю.

Такъ! обожаемая *Государыня* наша сверши-
ла земное прехожденіе Свое. Спени и рыдай
Россія; но слезы наши не оживяшь уже сѣме-

Отрывокъ, который заключаетъ вступительное тненіе о сущности, предѣлахъ и пользѣ Статистики.

При имени любви къ Отечеству, да цвѣтущѣ сила и крѣпость въ душахъ вашихъ, юные сыны Опечесхва! — Сѣ благоговѣйнымъ восхищеніемъ увидите вы Государство (*), сотворенное умомъ божественнымъ Великаго ПЕТРА, распространенное и украшенное безсмертною ЕКАТЕРИНОЮ, возвеличенное и прославленное утѣхою чловѣчества — Благословеннымъ АЛЕКСАНДРОМЪ, — Государство, находящееся въ блаженнѣйшемъ сосояніи *цслѣвающихся обществъ*, Государство, въ которомъ солнце никогда не закатывается, котораго предѣлы сѣ полуночи и востока ограждены обширными Океанами, сѣ полудня неизмѣримою цѣпью горъ, сшепми и морями, гдѣ Араратъ — свидѣтель спасенія рода чловѣческаго, и гдѣ проспешая за Дунай, шрепешущая Имперія Опшомановъ ожидаетъ жребія своего опѣ манія десницы *мудраго* НИКОЛАЯ; на западѣ — Авспріецъ, Прусакъ и Шведъ — союзники, друзья и кровные! — Вамъ предспавишся земля, проспранствомъ въ двѣ крашы слишкомъ бѣлая цѣлой Европы, содержащая въ себѣ всѣ климаты, всѣ произведенія оныхъ, множество судоходныхъ рѣкъ;

(*) Сочинишелю назначено преподавашъ Спашиспику и Исторію Государства Россійскаго. Самое чшеніе было обращено къ Сшуденшамъ Московскаго Универсшеса.

рыбныхъ и соляныхъ озеръ, гдѣ горы открываютъ сокровища камней и металловъ, земля, копорой одна претъ неудобна для населенія, но которая въ соспоянїи питаетъ до 600 мил. жителей. Вы узнаете народъ, могущественнѣйшій въ мїрѣ, до 58 милліоновъ простирающійся и ежегодно возрастающій въ числѣ своемъ, составленный изъ разныхъ племенъ разныхъ вѣръ и языковъ, но среди которыхъ 48 милліоновъ совокуплены единствомъ вѣры, законовъ, языка, нравовъ и учреждений, — народъ, огражденный правами и преимуществами сословій, — народъ великодушный, сострадательный, дружественный, опмѣнно услужливый и вѣжливый, признательный, гостепріимный, трудолюбивый, удивительно переимчивый, добрый и любезный, народъ чудный, котораго непоколебимая твердость въ вѣрѣ прощевъ, непредѣльная преданность къ законнымъ Государямъ, неизбъяснимая любовь къ странѣ опечеспенной — сильнѣе и ужаснѣе побѣдоноснаго оружія его, прошекшаго отъ края Океана Воспочнаго до предѣловъ Западнаго, отъ льдистыхъ равнинъ Сѣвера до знойныхъ степей Юга, — страшнѣе флотовъ его, гремѣвшихъ на моряхъ Балтійскомъ, Черномъ, и Средиземномъ — и безопасно, подъ щитомъ высокой науки, плававшихъ вокругъ цѣлаго свѣта. Вы узнаете народъ, долго неизвѣспный Европѣ, пребывавшій грубымъ, болѣе Азіятскимъ, нежели Европейскимъ, но копорый менѣе, нежели въ печеніе полупора столбнїя, шагнулъ на спепень гражданскаго образованія и просвѣщенія, во мно-

гихъ отношеніяхъ равную, а въ нѣкоторыхъ и высшую образованнѣйшихъ Государствъ нашей часпи свѣта, немалыми вѣками достигавшихъ сей степени. Вы будете предъ Верховною Властію Самодержавною, сообразною и самой природѣ и свойству Имперіи, Главою законовъ, поспавляющею благо подданныхъ единственнѣмъ и важнѣйшимъ своимъ благомъ; всегда желающею лучше проситьдесять преступныхъ, нежели наказатъ одного невиннаго. Предъ вами будупъ открыты всѣ вѣпви Государственнаго управленія, дѣйствующаго по единой и непремѣнной волѣ закона, не дерзающаго измѣнить и единой черты онаго — закона кроткаго и человеколюбиваго, ограждающаго неприкосновенность лицъ и собственности. Ни грозный и мучительный видъ тайныхъ и явныхъ испязаній, ни окровавленная сѣкира палача не поразятъ ужасомъ юныхъ сердець вашихъ!... Такова Россія, дражайшее Отечество наше! — Какое обширнѣйшее поприще для служенія ему открыто истиннымъ сынамъ Отечества! какіе важнѣйшіе подвиги призываютъ ихъ къ благопворнымъ дѣйствіямъ! — Долго, долго — многія сполѣтія наше Отечество можетъ еще источать и млеко и медъ, подобно странѣ Обѣшванной! Мы желали бы ему жизни вѣчной и благоденственной, еспли бы во вселенной могло бытъ что-либо вѣчнымъ кромѣ, Бога и души человеческой.

Здѣсь предѣль нашихъ размышленій: остановимся, любезные слушатели — и, подобно внимательному, нехладнокровному путешесп-

веннику, бросимъ послѣдній взглядъ на мѣста, близкія сердцу. Сущность, свойство и польза Спашисники рѣшишельно убѣждающѣ насѣ въ важности изученія науки; сіе изученіе спановишя болѣе важнѣйшимъ, когда оно ошносимся къ познанію силъ шого Государства, кошораго мы члены, коему обязаны и бышіемъ своимъ и благосостояніемъ, кошораго благосостоянію должны мы содѣйствовать по конецѣ дней своихъ, опѣ кошораго ожидаемъ всего къ познанію Опечества, коего и дымъ, по выраженію пѣснопѣвца, сладостенъ и пріятенъ для насѣ. Теперь помыслише сами, сколь многозначипеленъ и вмѣстѣ радостенъ трудъ вашъ! Какая завидная участь, достойная человека - Гражданина, быть полезнымъ опечеству! Теперь размыслише, съ какими священными чувствованіями должны вы вступашъ въ сей храмъ наукъ, малое опечество ваше, подѣ сѣнь кошораго привела собспвенная ваша любовь къ наукамъ! — Съ пламенникомъ оной любви, украшенные сокровищами различныхъ знаній, драгоценнѣйшими сребра и злата, достойно начнете вы поприще опечественнаго служенія. Не рѣдко, во время земнаго странствованія, не рѣдко будете обращашъ признапельные и умилишельные взоры свои къ мирной обители просвѣщенія, а особливо, когда прелести міра спанутѣ искушашъ ваше мужество. Бодрствуйте: вы находите въ чистилищѣ добродѣтели! Оживляйте въ глубинѣ сердецъ вашихъ истину всѣхъ вѣковъ, истину самой природы; *Vires unitae agunt* —

Соединенныя силы дѣйствуютъ! — Не лѣзя работаша двумъ господинамъ: и добродѣтели и спрасямъ, и благу общему и корысти собственной. Не первыя ли превосходнѣе вторыхъ, какъ цѣль, какъ честь, какъ слава наша! Да сохранишъ васъ Духъ истины всегда на пути непорочности и правды!

Щедритскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Ясный мѣсяць
 Не свѣши,
 Не гляди
 Въ мой печальный шеремъ

* * *

Свѣшлый мѣсяць
 Удались,
 Укашись
 За лѣса и горы.

*

Я наплачусь
 И въ ноци,
 Сидючи
 Въ шеремѣ высокомъ.

* *

Вспомяну ль я
 При поскѣ,
 О дружкѣ!
 И въ слезахъ я молею:

* * *

„Ты въ чужой, другъ,
 „Споронѣ,
 „Обо мнѣ
 „Вспомни хоть разочикъ.

* * *

„Безъ себя нѣшь
 „Ясныхъ дней!
 „Поскорѣй
 „Прилеши, голубчикъ!

* * *

Ясный мѣсяць
 Не свѣши,
 Не гляди
 Въ мой печальный перемъ.

* * *

Я наплачусь
 И въ ночи,
 Сидючи
 Въ шеремѣ высокомъ.

Н. Бушмакинъ.

Х А М Е Л Е О Н И С Т И К А .

*Три, противорѣчація одно другому, мнѣнія
Издателей Сѣверной Пчелы о Словарѣ И. И.
Татищева.*

(Продолженіе сетырнадцатое.)

„Я долженъ много исписатьъ бумаги, если взду-
маю пересчитать всѣ ваши странныя проши-
ворѣчія.

Прибавленіе къ М. Т. 1825, стр. 39.

I.

*Похвала Французско - Россійскому Словарию, изда-
нному Г. Глазцовымъ. Сѣв. Пчела. 1825, No. III.*

„Первое изданіе сего Словаря напечатано
въ 1786 году, стараніемъ покойнаго книгопро-
давца и шипографщика *И. И. Вейтбрехта*, удо-
стоившагося получить вспомошествованіе отъ
щедротъ **ЕКАТЕРИНЫ** Великой. Сіе изданіе
состояло изъ двухъ частей въ 4-ю долю ли-
ста, и вскорѣ было раскуплено. Второе изда-
ніе исправлено и дополнено было *И. И. Тати-
щевымъ*, и напечатано въ Типографіи *Вейтбрехта*
же въ 1798 году. Наконецъ и сіе изданіе разо-
шлось. Одинъ изъ старшихъ Россійскихъ кни-
гопродавцевъ, *Иванъ Петровичъ Глазцовъ*, пред-
принялъ новое изданіе Словаря *И. И. Татищева*,
и желая споспѣшествовать по возможности
общей пользѣ, пригласилъ многихъ Филологовъ,
содѣйствовать ему своими трудами и совѣ-
щами. Множество новыхъ словъ прибавлено;

нѣкоторыя Французскія слова и цѣлыя рѣченія переведены вновь; пехническія выраженія, заимствованныя изъ послѣдняго изданія Словаря Французской Академіи и Словаря *Бюстова*, примѣнены къ Русскимъ: словомъ, одни прибавленія пропиту прежняго изданія занимають болѣе 800 страницъ мѣлкой печати. *Г. Глазунъ* не жалѣлъ никакихъ издержекъ на усовершенствованіе сей полезной и даже необходимой книги, не только при воспитаніи юношества, но и для каждаго, занимающагося Французскою Словесностію. Нынѣшнее изданіе Словаря *Татищева* не только есть *первое въ своемъ родѣ твореніе*, но можно сказать *единственное. Весьма цѣбренная цѣна* (40 рублей за чепыре тома), и *удобность полчить оный во всѣхъ концахъ Имперіи* (за пересылку ничего не прилагается), безъ сомнѣнія вскорѣ введутъ сей Словарь въ общее употребленіе. Мы желаемъ сего отъ всего сердца, ибо каждое полезное предпріятіе достойно вознагражденія со стороны Публики, и книгопродавецъ, употребляющій свой капиталъ на изданіе полезныхъ учебныхъ книгъ, заслуживаетъ благодарность своихъ соотечественниковъ. Полагая первымъ и ненарушимымъ правиломъ, быти безпристрастнымъ въ сужденіяхъ нашихъ о вновь выходящихъ книгахъ, мы съ удовольствіемъ пользуемся симъ случаемъ, чтобы рекомендовать нашимъ читателямъ сей Словарь, и увѣрены, что симъ окажемъ услугу всѣмъ, нуждающимся въ сочиненіяхъ сего рода. *Ф. Б.*

Издатели Сѣв. Ители въ N. 137, 1827 года сей газеты возвеличиваютъ Московское изданіе сего Словаря И. И. Татищева; налегатанное книгопродавцами Селивановскимъ и Ширяевымъ.

„Чищатели журналовъ, говорящъ Г. Грегъ и Булгаринъ, безъ сомнѣнія помнятъ споръ между Г. Глазунowymi и Московскимъ Телеграфомъ, по случаю изданія сего Лексикона здѣсь въ С. Петербургѣ, въ М. Т. оспоривали Г. Глазуну праву изданія и оуждали оное. Не касаясь перваго предмета, и вѣря предисловію Г. Глазуновыхъ, гдѣ сказано, что они купили право на изданіе у Г. Вейтбрехта, мы не согласны были съ М. Т. на щепъ достоинства изданія Г. Глазуновыхъ. Въ М. Т. при оужденіи Словаря Татищева, изданнаго Г. Глазунowymi, въ то же время похваляли сей самый Словарь, который намъ бревались печатать Г. Ширяевъ и Селивановскій. Придерживаясь пословицы: не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки, мы замѣтили, что нельзя хвалить книги, особенно Словаря, предъ напечатаніемъ: ибо такая похвала можетъ показаться пристрастною. Наконецъ, появился Словарь Татищева, изданный Г. Селивановскимъ и Ширяевымъ. Въ М. Т. похвалили оный, и мы, руководствуясь всегда истиною, не только не намъ брены спорить; но съ радостью пользуемся случаемъ согласишься въ мнѣніи съ М. Т. — Изданіе богатое и чрезвычайно красивое: буквы прекрасныя, печать чешская, расположеніе словъ въ при столбца весь

ма удобное для прискиванія; кромѣ того, прошиву перваго изданія прибавлено до 7,000 словъ. Однимъ словомъ: *никого не остается желать отъ сего изданія*. Спранно только, что Пейнербургское изданіе Словаря *Татищева Г. Глазцовыхъ* — названо *третьимъ*, а выходящее, теперь въ Москвѣ — называется *вторымъ* изданіемъ. Для Господъ строгихъ Библиографовъ это головоломная загадка, а для наблюдателя нравовъ поучительное замѣчаніе. Опытъ этаго совмѣстничества однакожъ Публика ничего не потеряла; напрошивъ того, выиграла новое и прекрасное изданіе полезной книги. Дай Богъ, чтобъ такимъ образомъ кончились всѣ совмѣстничества, п. е. общею пользою. Мы весьма сожалѣемъ, что не знаемъ цѣны Словаря, изданнаго *Г. Селивановскимъ и Ширяевымъ*; говорятъ, что онъ будетъ продаваться весьма и весьма дешево. За это, другое спасибо *Г. Издателямъ*! — Мы предсказываемъ самый блестящій успѣхъ изданію *Г. Селивановскаго и Ширяева*: его раскупятъ, какъ конфекты; да и какъ не купить того, что полезно, хорошо и дешево.“ — *Θ. Б.*

Казалось, что уже все сказано — и печатать новаго о сихъ двухъ книгахъ нечего! *Θ. В.* руководствуясь всегда истиною, сперва съ удовольствіемъ рекомендовалъ своимъ чипашелямъ *Словарь Г. Глазцова*, какъ пвореніе, не только въ своемъ родѣ *первое*, но и *единственное*. Онъ долго не соглашался съ *Издателямъ М. Т.*,

который еще прежде, чѣмъ Словарь Г. Селивановскаго и Ширяева былъ оппечатанъ, безъ памяти его расхваливалъ и опзывался весьма худо о Словарѣ Г. Глазцова. Наконецъ, явился столь долго ожидаемый Словарь Г. Ширяева! Ф. В. руководствуясь истиною, нашелъ: 1) что сіе изданіе богато и чрезвычайно красиво; 2) что буквы прекрасныя; 3) что печать чепкая; 4) что расположеніе словъ въ при столбца весьма удобно для приискиванія; 5) что прибавка 7,000 новыхъ словъ даетъ рѣшительное превосходство сему Словарию предъ Словаремъ Глазцова; 6) и что, однимъ словомъ: *ничего не остается желать отъ сего изданія.*

Публика, которая долго недоумѣвала, долго не знала, кому вѣрить: Издателю ли М. Т., который превозносилъ Словарь Ширяева, или Издателямъ Сѣв. Пчелы, которые изъ всѣхъ силъ расхваливали Словарь Глазцова, очень обрадовалась, что, наконецъ — обѣ стороны единогласно и порожественно опдали преимуществу Московскому изданію передъ Пешербургскимъ.

Что могъ бы опгадать, чѣмъ кончилась шревога?

Вдругъ, совсѣмъ неожиданно въ No. 120 Сѣв. Пчелы, явилось новое, совершенно прошиворѣчащее вышеписанному, мнѣніе о сихъ Словаряхъ. Признаюсь, что я самъ, какъ ни привыкъ видѣшь *хамелеонистику* въ сужденіяхъ о книгахъ Г. Грегга и Булгарина, я самъ былъ пораженъ симъ новымъ опзывомъ о Словарѣ Ширяева и о Словарѣ Глазцова, опзывомъ, при которомъ Издатели Сѣв. Пчелы, безъ сомнѣнія,

руководствовались одною истиною: ибо они поставили себѣ правиломъ: быть безпристрастными въ сужденіяхъ о вновь выходящихъ книгахъ. Выписываемъ его подлинникомъ.

3.

Издатели Сѣв. Пчелы, взвѣсивъ достоинства обѣихъ изданій Словаря, составленнаго И. И. татищевымъ, объявили (1), что они во всемъ равны.

„Споръ между Г. Глазцовымъ (съ одной стороны) и Г. Селивановскимъ и Ширяевымъ (съ другой) коснулся и Литературнаго достоинства двухъ Лексиконовъ: многіе Крипики (2) спарались доказать, что изданный Г. Глазцовымъ, никуда не годится. Теперь, получивъ оспальной томъ изданія Г. Селивановскаго и Ширяева, скажемъ, что сіи два Лексикона могутъ споясть почти на равной степени: только изданіе послѣдняго красивѣе и исправнѣе (3). Въ нынѣшнемъ, найдемъ по крайней мѣрѣ, сполькоже не исправностей, сколько и въ прежнемъ.

„Мы замѣтили сіи ошибки, говорятъ въ заключеніи Г. Грегъ и Буларинъ, бросившіяся намъ въ глаза при первомъ на Лексиконъ взглядѣ (4) не для того, чпобъ унизить прудъ почтеннаго Издашеля, а сполько, чпобъ показать,

(1) Сѣв. Пчела 1828 года, No. 120.

(2) Въ томъ числѣ мы видѣли выше и Г. Греса и Буларина.

(3) Исправнѣе, какъ будшо эшо бездѣлица! А куда же дѣвались 7,000 новыхъ словъ Словаря Ширяева, дешевизна удобность приискванія, теткая печать, красивыя буквы? Видно, чшо Словарь единственный одержаль побѣду надъ Словаремъ, послѣ кошораго намъ нисего желать не оставалось.

какъ тяжело въ подобномъ дѣлѣ избѣжашь: промаховъ, и какъ несправѣдливо поступали шѣ, копорые, по такимъ же ошибкамъ, унижали Лексиконъ, изданный Г. Глазцовымъ.,

Да вы первые унижали его, а возвышали изданный Г. Ширяевымъ; не уже ли вы забыли то, что вы сказали о послѣднемъ въ Но. 137, 1827 года ващей газетш? Издашель Славянина давно уже замѣшилъ, что у васъ слаба память, и для напоминовенія, какъ вамъ, такъ и почтенной Отечественной Публикѣ, онъ придумалъ новую обличительную статью, подъ названіемъ: *Хамелеонистка*. Очень вѣрю, что она не сладка для Г. Грета и Булгарина; какое лѣкарство сладко? Ешть на эшотъ случай Русская Пословица: *клинь клиномъ выбиваютъ*.

Въ пословицахъ народа—умъ живешъ!

Пенза.

Елагинъ.

(4) Чшобы ошыскашь по одному ошибочно преложенному слову съ разныхъ буквъ начинающемуся, необходимо надлежало внимашельно перечипашь весь Словарь, даже бросашься съ конца книги на другой, и взадъ и впередъ. Вошъ сии слова: *Vinade, Sinnis, Napoléon-d'or, Maitrise, Marin, Romantique, préface*.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

В О Е Н Н О Е.

Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ, съ 1787 по 1791 годъ.

(Продолженіе).

Погоня за Турецкимъ флотомъ продолжалась всю ночь, Капитанъ-Паша далъ строгое повелѣніе не поднимать фонарей, и на разсвѣтъ Россійская эскадра уже не видала непріятеля.

Турки потерпѣли много въ сраженіи 8-го Іюля. Кромѣ поврежденій въ такелажѣ и въ корпусахъ, корабли ихъ потерпѣли значительныя потери въ людяхъ: ибо имѣли на себѣ великое множество десантнаго войска, между которыми губительный огонь Россійской артиллеріи произвелъ ужасное опустошеніе. Доказательствомъ, съ какимъ отчаяніемъ дрались Турецкіе экипажи можешь служить слѣдующій примѣръ. Подлѣ Капитанъ-Пашинскаго корабля одинъ карлангичъ былъ такъ сильно избишь, что началъ ийти на дно. Для спасенія его команды Ушаковъ велѣлъ отправить къ

нему нѣсколько шлюбокъ, но едва онѣ подошли на близкое разстояніе, къ погибавшему судну, какъ были встрѣчены съ непріятельскихъ кораблей каршечнымъ огнемъ и, такимъ образомъ принуждены возвратиться назадъ, а кирлангичъ пошонулъ со всѣмъ экипажемъ. —

Во время бѣгства Капитанъ-Паши, наиболѣе поврежденные его корабли, не имѣвъ возможности держаться съ флотомъ, спустились къ Синапу. Нѣсколько мѣлкихъ судовъ попонули, оспальныя же направили курсъ къ Румелійскому берегу и исправлялись починкою при устьяхъ Дуная. — Флотъ *Ушакова* возвратился въ Севастополь. Побѣда сія, одержанная столь немногочисленнымъ нашимъ флотомъ, надъ несравненно превосходными Турецкими морскими силами, была первою важною побѣдою Россіянъ на Черномъ морѣ. Кромѣ того, что положила начало славы *Ушакова*, какъ искуснаго и неустрашимаго флотоводителя, она показала, что могутъ сдѣлать люди, предводимые искуснымъ Адмираломъ и, что всего важнѣе, защитивъ Тавриду отъ покушеній непріятеля, уничтожила дерзкую надежду Опшоманской Порты. —

Конецъ слѣдующаго мѣсяца былъ ознаменованъ новымъ поражениемъ Турецкаго флота, въ открытомъ морѣ, въ 40 верстахъ отъ берега. — Консръ-Адмиралъ *Ушаковъ*, исправивъ въ Севастополь поврежденія своего флота, крейсеровалъ съ нимъ между полуостровомъ Крымомъ и Восточнымъ берегомъ Бессарабіи. По утру 28 Августа, онъ находился между

острова Тендры и Гаджибей (нынѣшней Одессы) и примѣтилъ непріятельскій флотъ, состоявшій изъ сорока осми вымпеловъ. Въ семъ числѣ было 15 линейныхъ кораблей и почти сполько же фрегатовъ. На сей разъ, Россійскій Адмиралъ рѣшилъ не выжидать нападенія непріятельскаго, но предварить оное. Флотъ его находился на вѣспрѣ и, спустясь къ Турецкому на малый пушечный выспрѣлъ, атаковалъ его всею своею линією. Турки выдержали атаку съ рѣдкою храбростію и сраженіе загорѣлось во всей силѣ. Флотъ *Ушакова*, по сигналамъ съ Флагманскаго корабля Рождества Христова, спускаясь безпрестанно къ непріятельскому, поражалъ его жестокимъ огнемъ. Болѣе всѣхъ наносилъ Туркамъ вреда самъ Контръ - Адмиралъ *Ушаковъ*. Корабль его, превосходившій всѣ прочіе и постройкою и дѣйствіемъ артиллеріи и легкостію хода, весьма сильно повредилъ и выбилъ изъ линіи, опчаянно ему сопротивлявшіеся при корабля, изъ коихъ одинъ былъ подъ флагомъ Реалъ - Бей (Контръ - Адмиралъ). Сей успѣхъ принудилъ Россійскіе корабли нѣсколько согнуть свою линію, угломъ къ непріятелю. Корабль Рождество Христова, составившій оконечность онаго, вѣззался почти въ средину Турецкаго флота и угрожалъ опдѣлить отъ него корабль Капитанъ-Паши и еще другой — подъ ординарнымъ вымпеломъ. Опасаясь бытъ совершенно опрѣзаннымъ, Турецкій Адмиралъ оставилъ немедленно свое мѣсто и, при семъ опспуленіи,

увлекъ за собою всю оспальную часть своего флота.

При уклоненіи подъ вѣтръ Капитанъ-Паши, *Ушаковъ* поспѣшилъ подойти подъ его корму и, стрѣляя залпами вдоль всего корабль, произвелъ на немъ сильныя поврежденія. Въ слѣдъ за симъ, по сигналу командовавшаго Россійскою эскадрою, всѣ корабли и суда ея, оборотаясь по вѣтру, усстремились на непріяеля, предавашагося совершенному бѣгству. Турки неупомимо опстрѣливались и огонь, съ обѣихъ сторонъ, продолжался до самой темной ночи. Тогда для предостереженія своихъ передовыхъ кораблей и мѣлкихъ судовъ, Контръ-Адмиралъ *Ушаковъ* сдѣлалъ имъ сигналъ поднять фонари, а самъ остановился на якорѣ, въ ожиданіи разсвѣта. Сему послѣдовала и присоединившаяся къ нему, оспальная часть его флота.

На разсвѣтѣ 29-го, Турецкій флотъ былъ усмотрѣнъ въ разбѣяніи бѣгущимъ на вѣтръ подъ всѣми парусами. Едва на Россійской эскадрѣ замѣтили сей безпорядокъ, какъ *Ушаковъ* сдѣлалъ сигналъ погони. При совершеніи оной, Турки потеряли два корабля и три малыя судна, кои всѣ находились подъ вѣтромъ и понесли значительныя поврежденія. Одинъ изъ сихъ кораблей имѣлъ 70 пушекъ и 600 чел. экипажа, и бывъ въ скоромъ времени исправленъ, въ слѣдующемъ году подъ названіемъ *Іоанна Предтечи* уже участвовалъ въ пораженіи Турецкаго флота. Другой о 80 пушкахъ былъ лучшій изъ всѣхъ кораблей Капитанъ-Паши. Пльнъ его былъ неизбѣженъ, но какъ онъ нахо-

дился отъ нашего флота впереди, на вѣпрѣ и во время своего бѣгства ожидалъ себѣ помощи, по сѣ проходившими его подъ вѣпромъ Россійскими кораблями, дрался отчаянно. Команда его тогда только спустила флагъ, когда Адмиралъ *Ушаковъ*, слѣдовавшій за передовыми кораблями своей эскадры, обратилъ весь свой лагъ прошивъ его носа. Къ сему времени сдѣлался крѣпкій вѣпрѣ. Отъ сильныхъ шкваловъ вышеозначенный корабль поперялъ фокъ- и гротъ-мачту; корпусъ его, совершенно разсрѣблянный, началъ заливатьсѣ водою, а отъ брандскугеля, упавшаго подъ вадеръ линією между обшивными досками, показалось пламя. Для прекращенія пожара и желая спасти экипажъ, *Ушаковъ* послалъ отъ себя шлюбки; но быстрое распространеніе огня, дозволило имъ сvezти сѣ корабля только флагъ, Чиновниковъ и казну Капипанъ-Паши. Корабль сгорѣлъ въ виду всего Турецкаго флота.

При возвращеніи шлюбокъ, посланныхъ на помощь къ погибавшему кораблю, вѣпрѣ усилился до такой степени, что шквалами его, онѣ едва не были опрокинуты и сѣ великимъ трудомъ доспигли до своего флота. Буря сія, разсѣявъ малыя суда Россійской эскадры, была причиною, что она не могла продолжать своего преслѣдованія. Къ тому же оба флота имѣли столь значительныя поврежденіе въ мачтахъ и парусахъ, что и нашему было бы опасно держатъ далѣе въ море.

По упишеніи шпорма, Консрѣ - Адмиралѣ *Ушаковѣ* собравѣ разныя отдѣленія своей эскадры и взяпые вѣ плѣнѣ корабль и суда, пошелѣ кѣ Гаджибею, а флотѣ Капишанѣ-Паши, пользуясь попушнымѣ ему вѣспромѣ, взялѣ курсѣ кѣ своему берегу. Вѣ семѣ обрапномѣ плаваніи, нѣсколько Турецкихѣ судовѣ, сильно поврежденныхѣ, пошли на дно и вѣ томѣ числѣ 74 пушечный корабль Арнаушѣ-Асанѣ-Капишана.

Сими двумя пораженіями морскихѣ силѣ Опшоманской Порпы, не оканчиваюпся подвиги Россійскаго флота вѣ кампанію 1790 года. Дѣйствія гребной флотиліи Генерала *Рибаса* на Дунаѣ, принесли сполько чести нашему флагу и сполько способствовали успѣхамѣ сухопупной арміи, что не упомянушь о нихѣ, значило бы умолчать обѣ одной изѣ славныхѣ эпохѣ, вѣ исторіи нашего Черноморскаго флота.

Вѣ то время, какѣ Консрѣ-Адмиралѣ *Ушаковѣ* своими побѣдами поддерживалѣ честь Русскаго флага, армія Князя *Потемкина* спояла праздно между Днѣспромѣ и Дунаемѣ. Болѣ половины 1790-го проведено ею еѣ совершенномѣ бездѣйствіи, и первое извѣстіе сѣ театра войны пришло вѣ Петербургѣ сполько 30 Іюля. Но и сія реляція содержала вѣ себѣ описание экспедиціи *Ушакова* кѣ берегамѣ Анаполіи. Послѣдовавшія за нею: 30 того же мѣсяца и 21 Сенпября, содержали извѣстія обѣ однихѣ морскихѣ побѣдахѣ: именно обѣ одержанныхѣ надѣ Турецкимѣ флотомѣ при Еникольскомѣ проливѣ и вѣ 40 верстахѣ отѣ Гаджибея и острова Тендры. Наконецѣ, Декабрь возвѣспилѣ жи-

шелямъ Сѣверной столицы Россіи объ успѣхахъ сухопущнаго войска. Но и здѣсь главное участіе въ оныхъ имѣлъ гребной Черноморскій флотъ, состоявшій подъ начальствомъ Генераль-Маіора *Рибаса*, копорый принялъ оное по желанію Князя *Петелкина*, послѣ взятія штурмомъ Гаджибейскаго замка, совершеннаго имъ 14 Сентября 1789 года въ виду, и даже подъ огнемъ многочисленнаго Турецкаго флота.

За неимѣніемъ иныхъ источниковъ къ описанію всѣхъ достопамятныхъ дѣйствій гребной флотиліи Генерала *Рибаса*, мы принуждены ограничиться выпискою изъ донесеній о семъ Князя *Петелкина*.

„Для облегченія дѣйствій сухопущныхъ войскъ у Дуная, Генераль-Фельдмаршалъ приказалъ гребной флотиліи Черноморской, подъ командою Генераль-Маіора *Рибаса*, присовокупя лодки вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ войши въ Дунай. Противные вѣтры удержали флотилію въ проливѣ Очаковскомъ до 13 Октябрия, а въ сей день при способномъ вѣтрѣ она выступила въ назначенный путь, и 18-го числа при устьяхъ Днѣпровскихъ соединилась съ лодками козачьими Черноморскими. Тупъ командующій флотиліею Генераль-Маіоръ *Рибасъ*, отрядя всѣ свои лодки и двѣнадцать лансоновъ изъ флотиліи въ Килійскій проливъ, приказалъ имъ поспѣвать къ Килии, а самъ съ флотиліею направилъ путь держася къ морю.

„По достиженіи урочища Кишлау, Флотилія ошановилась на якорѣ въ семи верскахъ отъ Суннинскаго пролива. На разсвѣтѣ 20-го

числа, Генераль-Маіоръ *Рибасъ* усмотрѣлъ въ Сунинскомъ проливѣ за башареями двадцать три судна непріятельскія. Чтобы овладѣть башареями, при усѣбъ сего пролива споявшимися, онъ послалъ на берегъ высадку изъ тысячи гренадеръ Днѣпровскаго приморскаго гренадерскаго полка. При сближеніи судовъ къ берегу, вѣспрѣ весьма усилился, но рвеніе войскъ нашихъ было столь пламенно, что они, пренебрегая жизнью, бросались въ воду и сохраняя одно оружіе, вплавъ доспигали берега. Въ семъ случаѣ невозможно было высадить болѣе 600 человекъ.

„Командующій высадкою Подполковникъ *Рибасъ*, (*) видя, что непріятель началъ уже его опкрывать и что флотилія, по прошивности вѣспра, не могла служить ему пособіемъ, пошелъ атаковать башареи. Въ продолженіе сего похода непріятель, скрываясь въ камышахъ, производилъ ружейную пальбу, на копорую *Рибасъ* не отвѣчалъ, стараясь опкрыть его, прогнать и, вмѣстѣ съ нимъ, взойши на башарею; но въ сіе время двадцать два непріятельскіе лансона у берега споявшіе, производили жестокою по немъ канонаду.— Подполковникъ *Рибасъ* подошедъ ближе, увидѣлъ себя подъ шремья перекрестными выспрѣлами: съ лансоновъ и съ двухъ башарей на обоихъ берегахъ Дуная пославленныхъ. Онъ остановился въ закрытомъ мѣстѣ и ожидалъ ночи, а въ двенадцать часовъ пошелъ впередъ. Турки едва его примѣ-

(*) Родной братель Генераль-Маіора *Рибаса*.

шили, какъ давъ одинъ залпъ картечью, бросились на лодки, бывшія у нихъ уже въ готовности и поплыли къ лансонамъ. — Подполковникъ *Рибасъ*, по занятіи башареи, приказалъ оборонить орудія и палилъ по удаляющимся лансонамъ. Во время сей перестрѣлки самое большое Турецкое судно было взорвано на воздухъ.

„Между тѣмъ, непріятельская на западномъ берегу башарея производила на насъ непрерывный огонь, и какъ было примѣчено, что взятая нами не могла прошивъ нее дѣйствовать: то, при всей живости непріятельскаго огня, пушки нашей башареи были поворочены и открыли по немъ столь сильную пальбу, что онъ вскорѣ умолкъ совершенно. На разсвѣтѣ Подполковникъ *Рибасъ* отправилъ отрядъ на оставшихся Турецкихъ лодкахъ для занятія западной башареи. Сіе исполнено было весьма скоро и удобно: ибо непріятель, безъ дальняго сопротивленія, оставилъ башарею и побѣжалъ въ камыши. Здѣсь взято у него семь транспортныхъ судовъ, на башаряхъ принадлежатъ пушекъ, и на одномъ суднѣ шесть; также нѣсколько снарядовъ и сѣвспныхъ припасовъ. Съ непріятельской стороны уронъ неизвѣстенъ, а найдено убитыхъ и пощоновшихъ до пятидесяти тѣлъ. У насъ убито шесть, ранено девять гренадеръ. Между тѣмъ, вѣсперъ спалъ ослабѣвать и флотилія около вечера вошла въ Дунай благополучно:

„Лодки Черноморскихъ козаковъ, подъ командою Войсковаго Судьи Полковника *Голо-*

ловатаго, съ присоединенными къ нимъ двенадцатью лансонами 19 Октября, войдя въ Килійское устье, благополучно прибыли 23 числа къ Килии, и при сей крѣпости расположились.

„По вступленіи въ Дунай Суннинскимъ устьемъ и проливами Килійскими обѣихъ частей флотиліи Черноморской, Генераль-Фельдмаршалъ приказалъ соединить оныя Генераль-Маіору *Рибасу*, отъ копорого и поручено флота Капитану 1-го ранга *Ахматову* съ опрядомъ судовъ очистишь ходъ мимо Тулчи. Сей Офицеръ, приближась 6-го Ноября на видъ сего города, встрѣченъ былъ семнадцатью непріятельскими судами, копорыя произвели на его передовыя, весьма жестокій огонь. Не взирая на сіе, опрядъ нашъ подвигался впередъ, опшѣшствуя споль удачно, что вскорѣ два непріятельскія судна были взворваны, а прочія обращены назадъ и принуждены шянушья вверхъ подлѣ острова бичевою. Флотилія преслѣдовала непріятелиа, производя по немъ спрѣльбу съ передовыхъ судовъ; и тогдаже посланы для абордированія его шесть вооруженныхъ шлюбокъ и двѣ канонерскія лодки, подъ командою Капитана *Родена* и Гвардіи Прапорщика *Терскаго*, а для очищенія по берегу пуши нашимъ бечевникамъ, высажены пшдесять гренадеръ. Неприсятелиа, увидя сію пѣхоту, пошчасъ поворошилъ суда свои къ машерому берегу; но при семъ проходѣ подвергъ себя всей жестокости нашего огня. Тушь опшиба у него канонерская лодка, съ копорой Турки успѣли уйши въ камыши.

„Между шѣмъ, суда наши гнавшіяся за непріяшельскими, взяли изъ нихъ еще три. Наспупившая ночь закрыла прочія; однакоже шемноша ея не возпрепятствовала флота Капитану *Ахматову* отправишь въ слѣдъ за бѣгущимъ непріяшелемъ два отряда судовъ. Турки, въ страхъ и отчаяніи, начали подрывать собственныя свои суда, причемъ много самихъ ихъ погибло. Вышедшіе же на берегъ зажгли селеніе, около Тулчи бывшее, и удалились въ степь, такъ какъ и конница Турецкая и Татарская, копорая съ своимъ Ханомъ близъ Тулчи находилась. На развѣстѣ 7 Ноября флотилія подошла къ Тулчѣ. Замокъ занятъ гренадерами, подъ командою Подполковника *Рибаса*. Здѣсь въ добычу досталось, сверхъ отбитыхъ на канунѣ: одно военное судно и транспортныхъ и прочихъ малыхъ прицать восемь; въ замкѣ найдено: пушекъ десять, пороху двѣсти сорокъ бочекъ, и немалое количество разныхъ военныхъ снарядовъ. Весь берегъ подъ Тулчею покрытъ былъ членами разорванныхъ непріяшельскихъ судовъ. — Турокъ убито болѣе ста, съ нашей же стороны не пошеряно ни одного чловѣка.

По занятіи Тулчи, отправлена по берегу партія подъ прикрытіемъ прехъ лансоновъ. Она прошла по Дунаю болѣе сорока верстъ; непріяшель вездѣ бѣжалъ, и только въ одномъ мѣстѣ имѣлъ небольшую схватку, гдѣ убито у него десять чловѣкъ. Посланная партія возвратилась благополучно. Генералъ-Маіоръ *Рибасъ* тотчасъ отправилъ отрядъ судовъ въ

мысу Чашалъ, для пресѣченія сообщенія между Исакчи и Измаила. Сей опрядъ перехватилъ на пуши своемъ при небольшія Турецкія судна, въ Измаилъ шедшія, на коихъ взяпо въ плѣнъ одинадцать человекъ.

„По разбитіи и испребленіи непріятельскихъ судовъ у Тулчи, и по овладѣніи симъ городомъ, флопилия Черноморская, поднявшись къ мысу Чашалу, взяла шамъ свою позицію, копорою и пресѣчено все сообщеніе Измаилу съ правымъ Дунайскимъ берегомъ. Опшуда Генералъ, Маіоръ *Рибасъ* опрядилъ двѣ дивизіи къ Исакчѣ, подъ командою флота Капитанъ-Лейпенанша *Литке* и Подполковника *Рибаса*. Слѣдую съ великимъ трудомъ вверхъ по рѣкѣ прошивъ сильнаго спремленія, прибыли они наконецъ къ Исакчѣ 13 Ноября. Непріятель встрѣшилъ ихъ сильною канонадою, какъ съ сухаго пуши, такъ и съ флопилии, состоявшей изъ одной шаипші, одного кирлангича и придцати лансоновъ. Но когда опрядъ нашъ, приближась на половину пушечнаго выстрѣла, открылъ жестокій и непрерывной огонь свой и зажегъ непріятельскую флопилию, нѣкопороыя же суда наши обошедъ пропивулежащій Исакчѣ островъ, зашли ей въ тылъ; по непріятель, приведенный симъ въ большое замѣшательство, искалъ спасенія въ бѣгствѣ, броса суда, прибрежныя башареи и обширный замокъ, копорый и занялъ топчасъ высаженными на берегъ войсками. Двадцать два лансона созжены, прочія же всѣ суда достались намъ въ руки. Въ замкѣ найдено множестве всякаго рода ка-

наповѣ, полопенѣ, якорей и значное количество пороха. Сверхѣ артиллеріи на завоеванных судахѣ, взято еще на берегу мѣдных пушекѣ придцашъ при и вѣ томѣ числѣ восемь на весьма хорошихѣ полевыхѣ лафетахѣ и одна двенадцати - пудовая мортира, множество чугунныхѣ орудій, провіантскіе магазины и лавки съ сѣбѣспными всякаго рода припасами и овощами. Взято также семь флаговѣ ординарныхѣ и одинѣ Сераскирской.

„Количество снарядовѣ и припасовѣ всякаго рода какѣ сухопутныхѣ, такѣ и флотскихѣ, пріобрѣтенныхѣ при Исакчѣ, превосходитѣ вѣроятность. Сіе мѣсто наполнено магазинами, изѣ которыхѣ всегда арміи Турецкія, Измаилѣ и прочія крѣпости имѣли свое снабженіе.

„Когда флотиліи повелѣно было опѣ Генералѣ-Фельдмаршала войти вѣ Дунай, вѣ самое поже время предписано и флоту Севастопольскому, для обезпеченія сего предпріятія, слѣдовать кѣ Дунайскимѣ устьямѣ и предѣ оными расположиться. Консрѣ-Адмиралѣ Ушаковѣ сіе исполнилѣ, показавшись съ флотомѣ предѣ устьями Дуная, вѣ то время какѣ Генералѣ-Маіорѣ Рибасѣ атаковалѣ бапарей, входѣ вѣ сію рѣку оборонявшія. Флотѣ, оставаясь вѣ семѣ положеніи, отправлялѣ для обозрѣнія и поисковѣ кѣ непріятельскимѣ берегамѣ легкія свои суда. Два изѣ нихѣ: Климентѣ Папа Римскій и Фениксѣ, усмотря плывущій близѣ Варны думбасѣ, погнались за онымѣ и, при сдѣланномѣ опѣ него сопротивленіи, ушопили.

Спасены съ онаго принадлецать Турокъ, въ помъ числѣ Комендантѣ Сунинскаго укрѣпленія съ его сыномъ, бѣжавшіе при взятіи башарей Сунинскихъ.

Вскорѣ послѣ того взято еще помянутыми Крейсерами другѣе судно Соколова, идущее изъ Константинополя къ Дунаю съ разными овощьми.

Оба Крейсера съ сею добычею благополучно прибыли въ гавань Севастопольскую, а какъ поздность времени не позволяла болѣе флоту держаться въ морѣ: то Контрѣ-Адмиралъ *Ушаковъ*, въ слѣдствіе даннаго ему отъ Главнокомандующаго повелѣнія, для нанесенія вящаго непріятелю страха, прошедъ на видъ Румельскихъ береговъ, 15 Ноября возвратился въ Севастополь.“

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

О необходимости изученія Законовъ Оте- ственныхъ ().*

Если важно, драгоценно пріобрѣтеніе познаній въ законахъ знашійшихъ чуждыхъ народовъ; то сколько полезно, даже необходимо знаніе законовъ Отечественныхъ, подъ благошворною сѣнію которыхъ мы родимся, живемъ, дѣйствуемъ, получаемъ награды и опличія, достигаемъ возможнаго счастья, словомъ—наслаждаемся всѣми плодами гражданственности! Сіи по законы должны бытъ неизгладимо напечатлѣны въ умахъ и памяти всѣхъ гражданъ. И что можетъ бытъ драгоценнѣе пѣхъ знаній, которыхъ научающъ насъ ограждаетъ свою

(*) Ошрывокъ изъ вступительной Лекціи: *о суцности и пользѣ законовъ вообще, и о необходимости изученія законовъ Отечественныхъ*, читанной въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Иларіономъ Васильевымъ, Адъюнктъ - Профессоромъ Россійскаго Законовѣдѣнія, Синдикомъ Правленія Университета, Секретаремъ училищнаго Комитета и Дѣйствительнымъ Членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

честь, доброе имя—личность, съ кою соединено полипическое бытіе наше? Чшо полезнѣ пѣхъ правилъ, копорыя даюшъ намъ способы къ защищенію правъ своихъ собспвенныхъ и правъ ближняго?— Оградить опѣ припѣсненій слабаго, оправдать невиннаго — есть поржештво души благородной, возвышенной! А умѣть охранять законнымъ образомъ имущество, собспвенность: развѣ не есть черта, достойная соревнованія? — „Приобрѣсть имѣніе можетъ всякой, упопрѣбя къ тому множештвомъ средствъ; сказалъ знаменищый нашъ Правовѣдецъ; а удержавъ и оберегавъ оное опѣ обидѣ и завладѣній, можемъ посредствомъ только знанія правъ своихъ собспвенныхъ и правъ другаго (1).“ И такъ, да приобрѣщается слава знаніемъ защищать дѣло и рѣшать споры: чшо можетъ быть славнѣе и достойнѣе мудраго, какъ уничтожишь правильно шяжбу и оградить прешполъ правосудія великими добродѣтелями (2)!

Раскройте, Любезные Слушатели! лѣтписи всѣхъ вѣковъ и народовъ, увидите, чшо Цари-Законодатели, поржештвенно объявляли въ своихъ постановленіяхъ, чшобъ граждане спарались знать законы, копорые защищаютъ ихъ личность, охраняюшъ собспвенность, даюшъ права и опличія и щедро вознаграждаютъ за подвиги блишпательные. Полипическое

(1) Проф. Н. Н. Сандуновъ въ рѣчи: о способѣ учить и учиться Россійскому Законовѣдѣнію.

(2) Смощ. *Конфуція*, Та-Гію. Кн. I, стр. 12.— Зороаспръ, *Конфуцій и Магомедъ*, соч. *Пасторета*, ч. II, стр. 217.

знаніе правленія, гражданское любомудріе, право общественное, всеобщее и частное законоискусство, словомъ—подъ какимъ бы именемъ не означали мы науку, наставляющую людей вести себя благоразумно въ обществѣ, въ отношеніи гражданъ управляющихъ или подвластныхъ, владычествующихъ или повинующихся: сія наука—есть главная, наиважнѣйшая (3). „Первѣйшее ученіе, копорымъ Правительство должно просвѣтити народъ“ сказалъ *Бентамъ* — „есть знаніе законовъ (4).“ Воспитаніе юношей, говоритъ Великій *Монтескье*, должно быть основано на законахъ: они приуговоряютъ истинныхъ гражданъ (5). Такъ у древнихъ Персовъ, законовѣдніе составляло главный предметъ воспитанія; такъ у Римлянъ, сихъ грозныхъ обладателей полусвѣта, коихъ законы, озаривъ политическимъ свѣтомъ Европейскія Державы, спяжали славу безсмертную, у Римлянъ — обязанъ былъ каждый юноша знать наизустъ законы XII таблицъ. Въ дражайшемъ отечествѣ нашемъ, въ Россіи, которая споль же славна побѣдами, какъ и законами, которая смѣло можетъ гордиться превосходствомъ своихъ узаконеній, Августѣйшіе Законодатели ея, всегда убѣждали вѣрноподданныхъ въ необходимости изученія законовъ отечественныхъ. Разсмотримъ дре-

(3) *Бертрандъ*, основ. всеобщ. нрав. или гражд. долж. чело-
 лов.; М. 1796, кн. III, гл. I, стр. 220 и 221.

(4) *Бентамъ*, о Гражданскомъ и Уголовномъ Законопол.
 Т. III, Ч. IV, гл. 19.

(5) *Esprit des Lois*, Т. I, liv. IV, ch. I.

нѣйшіе кодексы наши — Уложение *Іоанна III*, Судебникъ *Іоанна Грознаго*, Уложение Царя *Алексѣя*, — и познаете волю Моѣарховѣ. Мудрый преобразовашель Россіи, Великій ПЕТРЪ порожественно обѣявилъ: „пренебреженіе указовѣ
„опаснѣ всякой измѣны, и ведешъ все къ об-
„щему разспройству и гибели (6).“ И пошому, державною рукою начерпалъ: *дабы никто невѣдѣніемъ законовѣ не отоваривался* (7).

Исполнительница благихъ его намѣреній и исполинскихъ предпріяшій, ЕКАТЕРИНА Премудрая подтвердила: „что всѣ узаконенія и
„установленія каждому гражданину, живущему
„сѣ прочими вѣ обществѣ, какъ вѣ разсужде-
„ніи его самаго, пакъ вѣ разсужденіи его имѣ-
„нія и обязашельсшвѣ — приносяшѣ пользу и
„безопасность (8).“ Она же постановила, что никто не будешъ опредѣленъ къ Гражданской должности безъ юридическихъ познаній. И пошому, молодые дворяне должны научашься знанію законовѣ своей земли и образа судолпроизводства; ибо таковымъ преимущество всегда отдастѣся при выборѣ и олредѣленіи вѣ почетнѣйшія мѣста гражданскихъ должностей (9). Сія Великая Государыня, желая образовашъ вѣ законахъ опечешвенныхъ и средній классѣ народа, повелѣла купцамъ и мѣщанамъ опдавашъ дѣшей своихъ вѣ сей знаменитый храмъ просвѣщенія (10),

(6) Указ. Февраля 1718 года.

(7) Указ. 24 Января 1722.

(8) Начерш. Прозк. нов. Улож. 8 Апрѣл. 1768, ч. II.

(9) Высоч. Конф. Шшаш. С. П. Б. губерніи 1780 Янв. I

(10) Вѣ Имперашорскій Москов. Университешъ.

въ коемъ и тогда уже введена была наука о законахъ Государства Россійскаго (11); и сверхъ того предназначила, чшобы при Московскомъ Университетѣ, С. Петербургской Академіи Наукъ и при Казанской Гимназіи, находясь на казенномъ содержаніи сто восемьдесятъ юношей, дѣши Канцелярскихъ служителей, купцовъ и мѣщанъ, обучались, кромѣ разныхъ наукъ, преимущественно законамъ отечественнымъ (12). Наконецъ *ЕКАТЕРИНА II*, стараясь усстроитъ внутреннее Государственное управление и поставитъ въ судилищахъ истинныхъ хранителей законовъ и блюстителей правды, повелѣла: „всѣ судебныя мѣста наполнишь достойными въ знаніи и честными людьми (13).“ Сдѣлайте, вѣщаетъ Великая Законодательница, чшобъ люди боялись законовъ, и никого бы кромѣ ихъ не боялися (14). Ибо страхъ законовъ — спасителенъ (15)! — Такъ премудрая *ЕКАТЕРИНА* высоко цѣнила науку Россійскаго Законовѣдѣнія!

Благословенный Императоръ *АЛЕКСАНДРЪ*, желая болѣе даровать способовъ къ приобрѣтенію знаній въ правахъ отечественныхъ, образовалъ въ С. Петербургѣ Высшее Училище Правовѣдѣнія (16), и учрежденіями о народномъ

(11) См. лѣтописецъ Царствован. *ЕКАТЕРИНЫ II*, С. П. Б. 1801, Ч. I, стр. 64.

(12) Ibid. стр. 64.

(13) Ibid.

(14) Наказ. Ком. о соч. Прозк. нов. Улож. 1767, Іюля 30, пун. 58 и 244.

(15) *Беккарий* — о пресупл. и наказ.

(16) Оно учреждено Императоромъ *Павломъ I*-мъ, подъ именемъ *Юнкерской школы*, 1-го Января 1797 года,

просвѣщеніи, возбуждалъ вѣрноподданныхъ къ спяжанію свѣдѣній въ законахъ, безъ копіе-рыхъ и самымъ даже Гражданскимъ Чиновникамъ преграждено достиженіе высшихъ чиновъ (17). И кто изъ Россіянь, любезные слушатели! не помнитъ изрѣченной Августѣйшимъ *АЛЕКСАНДРОМЪ* истины, что въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства (18)!

Не по ли вѣщаетъ намъ и Августѣйшій Братъ Его, Императоръ *НИКОЛАЙ!* — „Правый „судъ, воинскія силы, разныя часпи внутрен-„няго управленія, — все пребуешъ, все зави-„ситъ отъ ревностныхъ и знающихъ испол-„нителей (19):“ вотъ гласъ Монарха. Всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, достигая къ престолу путемъ законнымъ, для всѣхъ отпер-стымъ, приемиется Самодержавною властію съ благоволеніемъ (20). Его благодатному царствованію, громкими побѣдами и мудрыми законами означенному, свыше предоставлено довершить благое желаніе *ПЕТРА, ЕКАТЕРИНЫ, АЛЕКСАНДРА* — и пятидесяти осми милліонамъ гражданъ, могущему скипетру Его подвластныхъ — даровать общее *Уложеніе*. Гдѣ не видимъ опеческой заботливости досто-

которая въ 1805 году преобразована въ Училищъ Правовѣдѣнія. — *Сос.*

(17) Высоч. Указ. 6-го Августа 1809 года.

(18) Высоч. Рескр. 2-го Іюня 1801 года.

(19) Маниф. 13-го Іюля 1826.

(20) *Ibid.*

славно царствующаго надъ нами Монарха? Что прежде совершалось вѣками, то нынѣ шворится вѣ немногіе годы. Вѣ прехъ-лѣтнее Царствованіе Мудраго *НИКОЛАЯ* усмаприваемъ исполинскіе успѣхи во всѣхъ частяхъ Государственнаго управленія. Исчислять ли всѣ уставы, законы и учрежденія, ко благу Россіянъ, вѣ Его правленіе обнародованные? Упомянуть ли о томъ, что историческая часть законовъ опечесственныхъ, часть обширная, многотрудная — уже совсѣмъ окончена (21); что сводъ дѣйствующихъ законовъ быстро доспигаешъ своей цѣли? Говоришь ли о томъ, что вѣ разныхъ городахъ Имперіи, для дѣшей канцелярскихъ служителей, открыты училища, вѣ коихъ введено преподаваніе Россійскаго Законовѣдѣнія (22)? Но предметы сіи столь важны и благодѣтельны, столь близки къ сердцу каждаго Русскаго, что вѣрояпно они всегда живо представляются предъ умственными очами вашими, любезные Слушатели, и никогда не испрелятся изъ памяти вашей. И кто изъ Россіянъ съ чувствомъ вѣрноподданческаго благоговѣнія не усмаприваетъ желанія Государя правосуднаго, распространить способы къ изученію законовъ опечесственныхъ, обогатить судилища истинно-полезными Членами и, наконецъ, видѣть опечесство наше на самой высшей степени счастья и славы (23)!

(21) См. Высоч. Поспановлен. и Рескриптъ, о заняшіяхъ 2-го Опдѣлен. Государ. Канцел.

(22) Устав. 1828 года Февраля 16-го.

(23) Маниф. 13-го Іюля 1826 года.

Вотъ благодѣшельныя мѣры, пріемлемыя Августѣйшими Монархами, для доставленія вѣрноподданымъ способа, къ изученію законовъ; мѣры — копорыя ясно и сильно говорятъ въ пользу науки Россійскаго Законовѣдѣнія! — И такъ, опъ васъ, юные сыны Отечества! сердце Царево ожидаетъ просвѣщенныхъ, дѣяшельныхъ и достойныхъ Правителей по всѣмъ опраслямъ Государственнаго служенія. Въ васъ Отечество надѣется имѣть благонамѣренныхъ, ревностныхъ исполнителей законовъ. И сей древнѣйшій разсадникъ высшаго просвѣщенія, обогащающій Отечество доблеспными сынами, принялъ васъ подъ благошворный кровъ свой, указуя и открывая всѣ способы къ истинному образованію Вашему. И не уже ли вы измѣните ожиданіямъ Государя и Отечества! Не уже ли кто изъ васъ омрачитъ честь и славу сего знаменишаго храма наукъ? Нѣтъ! любезные Слушатели, ваше вниманіе, ваши взоры краснорѣчиво говорятъ, что въ васъ не погаснетъ потъ священный огня любви къ законамъ, копорый всегда пылалъ въ сердцахъ достойныхъ питомцевъ сего Университета; что вы, пользу и важность изученія законовъ отечественныхъ, докажете еще болѣе—своими подвигами и заслугами, достойными славы имени Русскаго.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

РЫЦАРЬ РОГДАЙ.

- „Твои неушомимы ноги,
 Конь добрый, вороной!
 Уже вблизи конецъ дороги:
 Несись, несись спрѣлой!
 *
 „Людмила, дѣва молодая,
 Теперь глядишь въ окно,
 Любовью пламенной сгарая,
 Рогдая ждешь давно.
 *
 „Любовью пламенной счастливымъ,
 Людмилу я люблю,
 И сердца пылкіе порывы
 Я съ нею ушолю!
 *
 „Несись! вблизи конецъ дороги —
 Опреди луны!
 Несись, несись, конь быспроногій,
 Въ лѣсную глубину!“ —
 *
 При лунномъ свѣтѣ, средь дубровы,
 Несешься конь спрѣлой,
 Сверкающъ искрами подковы
 И пыль вспаешь горой!
 *

На рыцарѣ шоломъ блискаешь ;
 Броня огнемъ горюшь ;
 Палашъ о шпоры ударяешь —
 Гремюшь спаль и звучюшь !

*

Лице пылаешь подъ забраломъ,
 И сердце подъ броней
 Любовнымъ обнялося жаромъ....
 Несешся вороной !

*

Луна плывешь, луна сияешь....
 Вошь замокъ вѣковой
 На каменной скалѣ сверкаешь....
 Несешся конь спрѣлой !

*

Вошь дѣва — прелеснь молодая
 Стоишь, ждешь подъ окномъ —
 И сердце замерло Рогдая,
 И взоръ блеснулъ огнемъ !

П. Кудряшевъ.

Оренбургъ.

2.

А Л Ъ С А Н Д Ъ.

Альсандъ безвременно узналъ
 Невѣрность милыхъ наслажденій,
 Обманъ прелесныхъ упоеній
 И болѣ ихъ — онъ не искалъ !
 На зовъ любви, чесшей и счастья,
 На зовъ волшебный сладоспрасхья

Не опкликалось сердце въ немъ, —
 Оно, забытое лучемъ,
 Давно померкшихъ упованій —
 Тоскливо билось въ груди,
 И сквозь шуманъ былыхъ спраданій,
 Не зрѣло счастья впереди.
 Альсанда свѣшлыя мечшанья,
 Подъ ѣдкимъ холодомъ годовъ:
 Какъ смѣхъ — подъ шпжесшью оковъ,
 Какъ гроба вѣчное молчанье
 Въ груди оспыли молодой! —
 Тянулись дни его поскливо...
 И время съ грусшю нѣмой
 Передвигало ихъ лѣнливо.
 Такъ бѣгъ спремисельный ручья,
 Порывный вѣспрь оспановляешь,
 И ошблескъ свѣшлаго въ немъ дня
 Буграми влаги пошѣмняешь.

Напрасно кругъ младыхъ друзей
 Манилъ Альсанда въ пиръ радушный, —
 Къ судьбѣ и къ людямъ равнодушный,
 Въ шолпѣ смѣющихся гостей,
 Онъ шолько горько улыбался
 На шумъ обманчивыхъ спрасшей,
 И — съ сердцемъ грусшнымъ, удалялся.
 Не могъ Альсанда обманушь
 Невѣрный голосъ наслажденья,
 Ни ранъ сердечныхъ зашпянушь,
 Ни расшревожишь усыпленья.
 И долго, одинокій, жиль,
 Спрашася вновь судьбъ ошравы...

Разъ онъ задумчиво бродилъ
 По влажной зелени дубравы;
 Еще погда края небесъ
 Не ошлапилися зарею,
 Дремалъ покойно черный лѣсъ,
 И легкіе пары спруею
 Вкругъ корней сплалися древесъ.
 Межъ соплешенными кущами
 Заливъ озерный — чужь сверкаль;
 А на пригоркѣ, надъ водами
 Лѣниво лисья ошряхаль, —
 (Какъ двѣ сонная кудрями),
 Дубравы царь, вѣшвисный клень...
 Альсандъ идешъ. — Чшо жъ видишь онъ?
 Близъ клена Муза молада,
 Рукой склонясь на мшисный пень,
 Въ шуманѣ вся . . . всирѣчаешъ день. . .
 Фіалку въ локонъ заплешая.
 Видна въ ея движеньяхъ лѣнь
 И на челѣ слѣдъ думъ высокихъ —
 Она поешъ — и пѣсня ша —
 Какъ жаръ любви, иль какъ мечша
 Врачуешъ недугъ ранъ глубокихъ
 Въ груди Альсанда, — ранъ жестшохихъ! —
 У ногъ прекрасной, средь цѣшшовъ
 Онъ зришь свирѣль въ росѣ сверкаешъ,
 Она съ дыханьемъ вѣшперковъ,
 Волшебнымъ говоромъ играешъ! —
 Альсандъ заслушался — забылъ
 Печаль души, и грусь, и муки;
 И съ каждымъ ушромъ — приходилъ
 Вниматель лѣнишельные звуки,

Свирѣль онъ вымолилъ попомъ
У дѣвы доброй и прекрасной.
И часпо послѣ, за холмомъ
Незримый ею, голосъ спрашпной
Сливалъ съ ея напѣвомъ онъ.
Ихъ пѣснь надъ озеромъ звучала,
И Бога водъ недолгій сонъ
Еще надолго услаждала.
Въ заливѣ дымномъ рыбаки,
Видали часпо ихъ надъ брегомъ —
И, упоенные напѣвомъ,
Бросали мрежи, челноки.

М. Глинка.

Пріятная новость объ Издателѣ Моск. Телеграфа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

C'est du nord aujourd'hui que nous vient la lumière.
Voltaire.

Издашель М. Т. написалъ или перевелъ (*) жизнь Нѣмецкаго Писателя Жанъ-Поля-Рихтера и напечаталъ въ No XIV-мѣ Телеграфа. Въмѣ, какъ описанъ имѣ характеръ и слогъ сего Германца. „Жанъ-Поль-Фантазень, блестящъ и многообразенъ. Слогъ его споль необыкновененъ, оригиналенъ, облеченъ въ формы шакія спранныя, чшо переводишь сочиненія Ж. П. невозможно ни на какой языкъ: въ самой Германіи изданъ особенный словарь для чипающихъ Ж. Поля. — Жанъ-Поль, сперва почитаемый за сумасшедшаго, былъ признанъ геніальнымъ писателемъ, въ кошоромъ соединяются почти не-

(*) Мы увѣрены, чшо эшо собшвенное швореніе Н. А. Полеваго, кошорое онъ изъ скромности называешь переводомъ. „Слогъ ешь человекъ“ сказалъ Бюффонъ. А въ эшой сшашъ слогъ обличаешь Авшора: всѣ характеристическія чершы его: шемноша выражений, запушанность, кудро-слово-извишія, поверхностныя знанія, преувеличеніе, шонъ самонадѣянности, доводы, кои никуда не доводяшь. Чѣмъ больше объ эшомъ разсуждаю, шѣмъ больше удословѣрюсь, чшо Г. Полевой поклепалъ сею пьесою Деринга и чшо эшо издѣлье собшвенной-его мануфактуры.

сообразныя крайности : оригинальность, часто доходящая до странности, глубокость мыслей и удивительная народность. — Жанъ - Поль былъ роспа високаго; но наружность его представляла собою что-то споль же безлорядное, какъ и чумъ его. Огненный, пылкій, даже буйный; онъ былъ приномъ кротокъ, челоуколюбивъ и протосердеченъ. — Всю жизнь, при всей швердоспи и опредѣленности харакпера, онъ сохранилъ кротость и шерибливость свою. Трудно было найши челоука съ такою силою воли и шакою умбренностию, пылкостию и кротостию. — Мы могли бы многое сказаць о его книгѣ *Введснїе въ Эстетику*, если бы намъ позволяли предѣлы журнальной спашьи; чпенїе сей книги; вброяшно, изумило-бы многихъ почтенныхъ критиковъ нашихъ, и перевернуло всѣ ихъ идеи, если только они были-бы въ силахъ лонять, что гитають. — Судимый по Уложенью обыкновенной крипики, Жанъ - Поль всего скорбе можетъ бышь осужденъ какъ миспикъ, какъ мечшашель, какъ дерзкій нововводшель. Съ перваго взгляда онъ представляется необыкновеннымъ явленїемъ : видше челоука, у кошораго, отлитїе отъ другихъ соспавляетъ ремесло, и самый слоуъ Жанъ-Поля для критики, особливо грамматитеской, настоящїй оселокъ, изоощряющїй шупое оружіе. Не то, что-бы Ж. П. не зналъ грамматитики, не по, чтобы онъ презиралъ ее, но онъ раздешаетъ предѣлы языка далѣе всѣхъ границъ. Безъ всякой разбортивности громоздитъ онъ вводныя предложенїя, междомешїя, подставотныя фразы, выдумываетъ сотни новыхъ словъ, измѣняетъ старыя, спавишъ,

связываетъ, соединяетъ такимъ образомъ, что образуются періоды *самые неправильные и фразы странныя, разнородныя, безконечныя*. Все это *переллестно* съ фигурами, мешафорами, *намеками*, взятыми со всѣхъ концовъ вселенной, *перемѣшано* съ эпиграммами, ироническими восклицаніями, каламбурами — и даже бранью: это *безконечный хаосъ*, гдѣ все темно, разнообразно, *смѣшано*. Всѣ творенія Жанъ - Поля, важныя и забавныя, кажется, *перемѣтаты* въ какой-то *формѣ чурдливости*. Ни одинъ рассказъ не обойдется безъ множества *безконечныхъ оговорокъ*, безъ скачковъ быспрыхъ и неожиданныхъ, отъ чего Авторъ *идетъ вавилонами*, опличными отъ всего, что вы знаете. Среди спранныхостей, среди шумнаго смяпенія въ его твореніяхъ всегда тишина. — И послѣ всѣхъ сихъ прошиворбчій, несообразностей, сбивчивостей, послѣ опредѣленій, копорыя ясны, какъ дважды два — пять, какъ круглый треугольникъ, какъ пудъ мѣрою въ аршинъ, Н. А. Полевой называетъ хвалимага имъ Писателя — *геніяльнымъ, колосомъ чмственнаго міра*, копорый живетъ въ гуморизмѣ, какъ въ своей родной стихіи, и низпроверяетъ цѣлый міръ, какъ будто коробочку съ конфекшами, у копораго — *мѣсяць*, непослушный спутникъ земли, бунтуетъ и *бомбардируетъ землю*, Марсъ *гитаетъ проловѣдь планетамъ!!!* — Скажише по совѣспи, Милостивые Государи, не *Шехеразадины* ли это Арабскія сказки, не продолженіе ли Алкорана? Что же касается до языка, на какомъ вся эта *дисъ* писана — вы оспаетесь въ недоумѣніи: я васъ извѣ

него выведу. Это ученый Арабскій языкъ, смѣшанный съ разговорными нарѣчіями—*Еменскимъ*, *Неджедицкимъ*, *Геджацкимъ* и *Гадрамантисескимъ* и съ небольшою приправою нарѣчій, коими говорятъ племена: *Гудеаль*, *Фараси*, *Темилиты*, *Тайиты*, *Аседыты* и *Набатей*, жипели каменистой, пушынной и счастливой Аравіи.

Нѣшь ничего невозможнаго для смершныхъ!

сказалъ Горацій — и послѣ того, какъ *Г. Полевой* сдѣлался Издашелемъ Энциклопедическаго Журнала, изыскашелемъ отечественныхъ древностей, испорикомъ, романистомъ, стихопворцемъ, кришикомъ, всемірнымъ археологомъ, нумизмапомъ, государственно - полишическимъ хозяиномъ, грозоею географовъ, исправшелемъ ландкаршъ, чершежей, эшамповъ, рисунковъ, судьею шеапральныхъ представлений и драмашическихъ пьесъ, не мудрено, что онъ прославшся, какъ сказочникъ—въ Меккѣ, и какъ поэтъ — въ Мединѣ. Онъ самъ геніальный писашель!

W.

Москва.

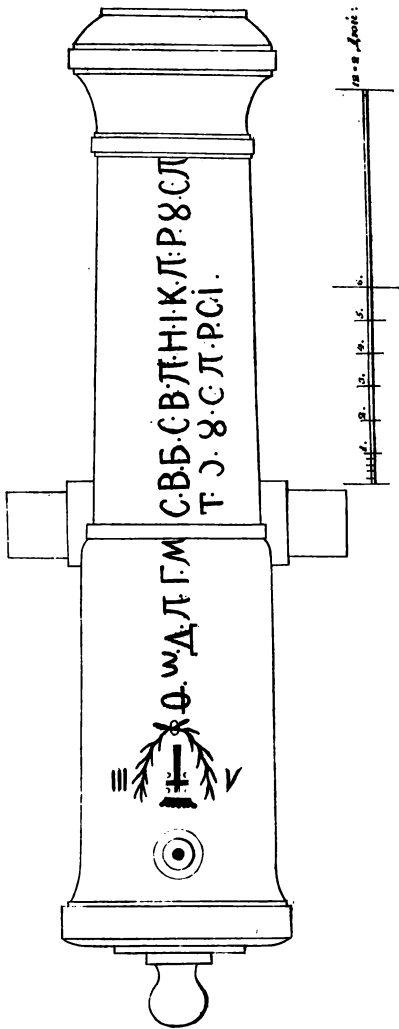

*Письмо къ Издателю Славянина изъ Одессы
отъ 30 Октября 1828 года.*

М. Г.! Препровождаю къ вамъ для помѣщенія въ *Славянинъ* рисунокъ, снятый со всевозможною почностію съ орудія, завоеваннаго Русскими войсками въ Варнѣ.

Пушка сія изъ чугуна, и отъ древности совершенно позеленѣла. Калиберъ имѣетъ 2 дюйма и 3 линіи Англійской мѣры. На сей пушкѣ изображенъ крестъ въ лаврахъ и буквы Славянскія. Все сіе вылипо вмѣстѣ съ орудіемъ. Имѣю честь бысть, и пр.

Примѣчаніе Издателя. Выгравированный съ присланнаго чертежъ у сего прилагается.

О Т Д Ъ Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

В О Е Н Н О Е.

Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на Чернолѣ морѣ и Дунаѣ, съ 1787 по 1791 годѣ.

(Продолженіе).

„По взятіи Исакчи, Генералъ-Фельдмаршалъ предписалъ Генералъ - Маіору *Рибасу*, не теряя времени, занявъ оспровѣ между Тулчи и Измаила находящійся, построить шамѣ башарей и соединя обѣ части гребнаго флота, испребитъ непріательскую флопилю подѣ Измаиломѣ. Въ слѣдствіе сего, помянутый Генералъ - Маіорѣ, поставя на оспровѣ въ нужнѣйшихѣ пунктахѣ посты изѣ конницы и пѣхоты вѣрныхѣ Черноморскихѣ козаковѣ, 18 Ноября предписалъ Генералъ - Маіору *Арсеньеву* переправиться шуда съ регулярнымѣ войскомѣ, а флопили вѣрныхѣ козаковѣ подвинушья и спашъ на лѣвомѣ флангѣ крѣпости, на пушечный опѣ нея выстрѣлъ. Самѣ же Генералъ - Маіорѣ *Рибасъ* со всѣмѣ гребнымѣ флотомѣ 17-го снялся съ якоря и 18 остановился прошивѣ Измаила. —

„На лѣвомѣ оспровѣ, идущемѣ опѣ рѣчки Репиди показалось нѣсколько непріательской

конницы, для чего опряжены были двѣсти гребнерѣ и приспа Черноморцевѣ съ двумя пушками, которые прогнавъ непріятеля, заняли посты по помянутой рѣчкѣ, начиная отъ устья ея до Лимана озера Кучурлуя.“

„Между тѣмъ непріятель, усмотря приближеніе гребнаго флота, подвинулъ большую часть своихъ лансоновъ къ каменному бастиону, коего пушки анфилировали рукавъ рѣки, гдѣ суда наши должны были спускаться къ крѣпости. Турки, желая заманить суда наши сюда, отдѣлили пять лансоновъ, которые пошли впередъ по правой сторонѣ рѣчки Репиди, производя на насъ огонь. Генераль-Маіоръ *Рибасъ*, видя ихъ умыслъ и не желая вступить прежде, времени въ дѣло, выдерживалъ непріятельскій огонь чешыре часа сряду, но усмотря, что Турки, ободренные его молчаніемъ, стали подходить ближе, приказалъ отряду Подполковника *Рибаса* идти и прогнать ихъ, что въ тошъ же мигъ и исполнено. Непріятель потерялъ тушъ одинъ лансонъ, который пошолъ со всѣмъ экипажемъ: прочіе же были преслѣдованы подъ самыя каршечи бастиона. Генераль-Маіоръ *Рибасъ* воспользовался симъ, временемъ для назначенія башарей на лѣвой сторонѣ нашего острова. — Остатокъ дня прошелъ спокойно. Ночью выгружены пушки и снаряды, нужные для башарей и спряшаны въ камышъ.“

„19-го дано войскамъ отдохновеніе и съ обѣихъ сторонъ было покойно. Къ ночи въ семь часовъ вечера открыта съ нашихъ судовъ на

городъ канонада, и потчасъ начаша работа прехъ бапарей на оспровѣ, подѣ начальствомъ Генераль - Маіора *Арсеньева*, Гвардіи Секундъ Маіора *Маркова* и Подполковника *Рибаса*, съ величайшею поспѣшностію; оныя 20 около пятого часа по полуночи со всѣмъ окончаны. — Между шѣмъ, гребной флотъ съ обѣихъ фланговъ подвинулся къ городу на половину пушечнаго выстрѣла. На разсвѣтѣ пущены къ непріятельскимъ судамъ шесть брандеровъ, подѣ прикрытіемъ шести вооруженныхъ барказовъ и лодокъ, но сильное печеніе воспрепятствовало дѣйствію оныхъ. При всѣмъ томъ непріятель сполько былъ симъ успрашенъ, что потчасъ бросилъ свои суда, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Въ половинѣ седьмого часа, по данному отъ командующаго сигналу, открылась какъ съ новопостроенныхъ бапарей, такъ и съ флошилн обоихъ фланговъ жестокая канонада. Флота Капишанъ 1-го ранга *Ахматовъ* приблизился съ опрядомъ своимъ на сорокъ сажень отъ крѣпостнаго бастіона, одѣтаго камнемъ и успановленнаго пушками въ три яруса, подлѣ котораго стояла прехмачшовая шайтія обѣ осмнадцати 36-ши и 48 фуншовыхъ пушкахъ. Тамъ, подкрѣпленный оильными карпечными выстрѣлами бапарей Гвардіи Секундъ - Маіора *Маркова*, вскорѣ принудилъ онъ своимъ огнемъ непріятели оспавить бастіонъ и шайтію, а Капишанъ-Лейтенаншы *Поскотинъ* и *Кузнецовъ* съ опрядами малыхъ барказовъ и судовъ, прошедъ по правую сторону опряда Капишанъ 1-го ранга *Ахматова*, и выдержавъ весь огонь шай-

пії, приближились на споль близкое разстояніе, чю карпечными и ружейными выспрѣлами своими согнали непріятеля съ судовъ, попопили семь лансоновъ, а прочіе принудили замолчашь. Опѣ брошеннаго, находящимся на флошилиі Волонтеромъ Принцемъ *де-Личемъ*, брандскугеля шайшія загорѣлась и поднялась на воздухъ.“

„Въ сіе время показалаь подѣ парусами колонна судовъ, состоявшая изъ двѣнадцати лансоновъ и всей флошилиі Черноморскихъ козаковъ, подѣ командою Полковника *Головатого*. Колонна сія, прошедѣ мимо города подѣ безчисленными карпечными и ружейными выспрѣлами, поворопила къ судамъ, споявшимъ пропивѣ города и спавѣ на шпрингѣ, открыла по городу жестокую пальбу изъ пушекъ и морпирѣ. — Неприсяель два раза покушался заняпѣ опяпѣ свой каменный бастионѣ, но оба раза былѣ отбитѣ и поперялѣ множество людей. Полковникѣ *Головатый* попопилѣ и сжегѣ чешыре лансона и семнадцать транспортныхъ судовъ, и предприсялѣ пушѣ свой опяпѣ къ лѣвому флангу, гдѣ козаки бросившись на неприсяельской берегѣ, произвели между Турками великое кровопролипіе и успремились уже къ батареямъ, но показавшіяся со всѣхъ споронѣ толпы неприсяелей, принудили ихъ возвратипись на суда.“

„Около перваго часа по полудни, командующій флошомъ, видя умаленіе неприсяельскаго огня, далѣ чешыремъ дуббель-шлюбкамъ сигналѣ придвинуться ближе къ городу, а оспальному

флошу опходить подъ прикрышіемъ бапарей, что въ точности и исполнено. Въ сіе время лансонъ подъ No. 1, претерпѣвъ отъ непріятельскихъ ядеръ множество пробоинъ, началъ наполняться водою, а потерявъ якорный канатъ, быспрымъ печеніемъ былъ унесенъ къ непріятельскому берегу. Бывшій на немъ Капитанъ - Лейтенантъ со всѣми людьми, съ флагомъ и сигналами бросился на шлюбку и спасся, оставя шамъ только двухъ гренадеръ и двухъ мапросовъ, копорые за ранами не могли выдти на оную. — Канонада съ бапарей и судовъ нашихъ продолжалась до прехъ часовъ по полудни. Городъ во многихъ мѣстахъ былъ объятъ пламенемъ.“

„Около чешвертаго часа непріятель опважился было предпринять на островъ высадку войскъ, но увидя сильный опрядъ, идущій ему на встрѣчу, бросился на суда и удалился отъ берега съ немалымъ урономъ.“

„Непріятельская потеря въ сей день въ людяхъ была весьма велика. — Судовъ у нихъ сожжено и попоплено, сверхъ большой прехмачповой шаипи: девятнадцать лансоновъ, придцать два транспорпныя судна и болѣ сорока паромовъ, а остальныя приведены въ несостояніе вредить намъ.“

„Нашъ уронъ въ сей день состоялъ въ прехъ лансонахъ; изъ копорыхъ одинъ снесенъ къ непріятельскому берегу, гдѣ и попонулъ; другой — взорвало отъ непріятельской бомбы; а претій, будучи разспрѣленъ пошелъ на дно, но люди съ него спасены. Убиты, съ погибшими на взор-

ванномъ лансонѣ: морскихъ баталіоновъ Подпоручикъ *Юрій Станбцловъ*, Прапорщики: *Афанасій Раковись*, *Афанасій Зоринъ*, *Филилъ Лоури*, *Иванъ Триневъ* и Волоншеръ *Илія Бардаки*; нижнихъ чиновъ разнаго званія 31. Ранено: Оберъ-Офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 231.“

„Для вящшаго упѣсненія непріятели, работы на островѣ были продолжаемы непрерывно съ 20 по 26 Ноября и ежедневно производилась канонада, коей дѣйствиємъ истреблены всѣ почти безъ извѣстія суда, подѣ стѣнами Измаила споявшія и причинено въ городѣ величайшее опустошеніе.“

Неизлишнимъ будетъ помѣспить здѣсь вѣдомость судамъ, орудіямъ, снарядамъ и проч. взятымъ и приобрѣщеннымъ гребнымъ Черноморскимъ флотомъ, со времени его прибытія къ Дунайскимъ устьямъ, или съ 12 Октября по 27 Ноября 1790 г.

	Взято.	Истреблено и пощоплено.
Транспортныхъ судовъ	23	78.
Лансоновъ	8	80.
Канонерскихъ лодокъ	4	—
Трехъ-мачтовыхъ шайпій	1	1.
Бомбардирское судно	—	1.
Кирлангичь	1	—
Паромовъ	—	40.
Запорожскихъ лодокъ	—	10.
Разныхъ мѣлкихъ гребныхъ судовъ и лодокъ	40	—

И всего 77 210.

	Взято.	Истреблено и пополено
Мортирѣ мѣдныхъ !	16	—
— — чугунныхъ	1	—
Пушекъ мѣдныхъ	64	—
— — чугунныхъ	33	340.
<hr/>		
И всего	124	340.
Бомбъ		1,623.
Ядеръ чугунныхъ		22,500.
— — каменныхъ		100.
Книпелей и карпечь		1,240.
Ручныхъ гранатъ		10,000.
Ружейныхъ пуль		20,000.
Свинцу (пудовъ)		4,000.
Пороху (бочекъ)		580.
Ружей		12.
Ракетъ		1,000.

Сверхъ сего взято, значительное количество корабельныхъ, артиллерійскихъ, строительныхъ и свѣспныхъ припасовъ.

Пребываніе гребной флотилии *Рибаса* предъ Измаиломъ, послѣ вышеописанныхъ происшествій, до 10 Декабря не было ознаменовано ничѣмъ примѣчательнымъ. Сего же числа предшествовавшего штурму, во время жестокой перестрѣлки съ крѣпостію, одна неприятельская бомба упала въ крѣпостную камеру бриганшины Констаншинъ и взорвала ее на воздухъ. При семъ несчастномъ случаѣ погибло три Офицера (*) и шестьдесятъ человекъ нижнихъ

(*) Капишанъ-Лейшенаншы: *Нелидовъ* и *Скоробогатовъ* и Коншапель *Богдановъ*.

чиновъ. Вообще день сей стоилъ гребному флоту значительнаго числа ранеными, именно 230 человекъ, между коими было шесть Офицеровъ (*).

Взятіе Измаила было трудною, но необходимою мѣрою для нанесенія Турецкому оружію рѣшительнаго удара. Еще съ самаго Кучукъ-Кайнарджскаго мира, Порта прилагала всѣ старанія для приведенія сей важной крѣпости въ сильное оборонительное положеніе. Къ исходу 1790 года, она сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ Турецкой арміи, составившейся изъ Турецкихъ гарнизоновъ разныхъ покоренныхъ крѣпостей. Число ея простиралось до 42 т. человекъ.

Съ одной стороны, взятіе Измаила приступомъ казалось дѣломъ едвали возможнымъ: ибо Русскіе были гораздо малочисленнѣе гарнизона, но съ другой позднее время года заставляло поспушить рѣшительно. Правда, что покореніе сей крѣпости было много облегчено успѣхами гребнаго флота, кошорый пресѣкъ ей сообщеніе съ правымъ берегомъ Дуная и истребилъ почти всѣ непріятельскія суда, при ней бывшія, но тѣмъ не менѣе исполненіе шакаго предпріятія, каковымъ былъ штурмъ Измаила, требовало начальника не только опытнаго, но вмѣстѣ и шакаго, кошорый бы умѣлъ двигать сердцами своихъ подчиненныхъ. Таковымъ былъ

(*) Изъ нихъ умеръ въ скоромъ времени, оплотившійся въ продолженіе сей кампаніи Капишанъ-Лейшенантъ Литке.

Суворовъ, и Князь *Потемкинъ* выбралъ его для сего предпріяшя.

Суворовъ прибылъ подъ крѣпость 2 Декабря, и былъ встрѣченъ всѣми облежавшими ее войсками, съ неизъяснимымъ воспоргомъ. Сдѣлавъ распоряженіе къ штурму, онъ назначилъ его 11 Декабря на разсвѣтѣ и совершилъ съ полнымъ успѣхомъ. Знаменитое сіе дѣло приобрѣло отважному *Рибасу* и его флотиліи новую славу.

Выше уже было сказано, что день, предшествовавшій Измаильскому приступу, проведенъ былъ гребнымъ флотомъ въ переспрѣлкѣ съ крѣпостью. Каноида сія началась въ 6 часовъ съ восхожденіемъ солнца и замолкла только за полчаса до штурма. — Еще 9-го на флотъ сей были посажены для десанша одиннадцать башалионовъ регулярной пѣхоты и Черноморскіе козаки. Войска сіи были раздѣлены на три колонны: и должны были идти на приступъ съ набережной стороны. Первою изъ нихъ начальствовалъ Генералъ-Маіоръ *Арсеньевъ*, впрочемъ — Бригадиръ *Челси*, прешью — Секундъ-Маіоръ *Марковъ*, а надъ всѣми прешью — Генералъ *Рибасъ*.

Всѣ подробности Измаильскаго штурма не входящъ въ наше описаніе. Оно содержишь въ себѣ одно только краткое извѣстіе объ участи, какое имѣла въ семъ достопамятномъ дѣлѣ флотилія *Рибаса*. —

Общая атака началась въ три часа по полудни съ 10-го на 11-е Декабря. Шестъ колоннъ, назначенныя на приступъ съ сухаго пущи, двинулись, и въ то же время съ гребнаго флота

началась высадка. Турки опкрыли жесточайшей огонь, но не могли остановить десанта, который, с примѣрною храбростію вышелъ на берегъ, и поддержалъ атаку поведенную сѣ сухаго пуши. Послѣ самаго упорнаго, самаго кровопролитнаго боя, стоившаго жизни 30 п. чел. гарнизона, Русскіе овладѣли крѣпостію, но внутри города сраженіе еще не прекратилось. Еще нѣсколько тысячъ ожесточенныхъ непріятелей защищались въ домахъ и мечетяхъ. Въ одной изъ послѣднихъ засѣли болѣе тысячи Турокъ и, рѣшась умереть сѣ оружіемъ, грозили новымъ, хопя бесполезнымъ кровопролитіемъ. *Рибасъ*, узнавъ о семъ сѣ геройскою твердостію является передъ мечетью и хладнокровно велитъ Туркамъ положить оружіе. Эта рѣшимость убѣдила ихъ сдаться, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла и симъ положенъ былъ конецъ бѣгствъ. Болѣе сорока непріятельскихъ судовъ впади во власть флошиліи.—Князь *Потемкинъ* въ донесеніи своемъ къ Императрицѣ *ЕКАТЕРИНѢ*, въ слѣдующихъ словахъ опнесся о *Рибасѣ*: „Онъ первый нанесъ съ судовъ и острова непріятелю ударъ, и во время приступа, командуя тремя колоннами десанта, присутствовалъ вездѣ, гдѣ болѣе надобность требовала; ободрялъ мужествомъ своимъ подчиненныхъ, овладѣлъ набережными батареями, взялъ великое число въ плѣнъ и представилъ, отнятыя у непріятеля сто тридцать знаменъ.“

Дѣйствіемъ подъ *Измаиломъ* оканчивающія подвиги гребнаго Черноморскаго флота въ кампанію 1790 года. Въ слѣдующемъ году, какъ увидимъ, флошилія Генерала *Рибаса* не имѣла

уже случая бысть сполько же дѣяшельною, или лучшія ея дѣянія не могли бысть споль же громки, какъ подѣ Тулчею, Исакчей и Измаиломъ, но она не переспавала и здѣсь бысть грозною для непріяшелей Русскаго оружія.

Кампанія 1791.

Военныя дѣйствія 1791 года не были продолжительны: ибо благодѣшельный миръ скоро прекратилъ ихъ; но, не взирая на сіе, они были ознаменованы рѣшительными ударами, нанесенными Поршѣ.

Кампанія началась переправою нашихъ войскъ за Дунай, подѣ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Князя *Голицына*. Гребному флоту было поручено привести въ исполненіе сію переправу.

Марша 24, вышеозначенныя войска были посажены на осмнадцать Лансоновъ, двѣнадцать транспоршныхъ и двадцать перевозныхъ судовъ. Сею флотилію начальствовалъ Капитанъ 1 ранга *Лавровъ*. На ней находился и самъ *Рибасъ*. Другая же, подѣ командою Капитана 2 ранга *Поскотина*, была отправлена симъ Генераломъ къ устью Серета и получила назначеніе перевозить непріяшеля осажденнаго въ Браиловъ. По явленіе его у сей крѣпости дало возможность Полковнику *Рибасу* овладѣть, безъ кровопролитія, укрѣпленіями острова Канцефана. Сіе происходило 29 Марша, аз о ч. Офицеръ сей съ Днѣпровскимъ гренадерскимъ полкомъ переправился на островъ, лежащій между Кан-

цефаномъ и Браиловымъ. На немъ находилась сильное укрѣпленіе, защищаемое двадцатью пушками, двумя тысячами Турокъ и опрядомъ мѣлкихъ судовъ. Сіи послѣднія открыли было огонь по приближившейся нашей гребной флотилію, но исправнымъ ея дѣйствіемъ скоро принуждены были умолкнуть. Послѣ сего Турки повторили пальбу съ башарей, устроенной ими на берегу близъ Браилова, но и здѣсь были сбиты выстрѣлами съ гребнаго флота.

Занятіе вышеозначеннаго укрѣпленія было необходимо, и поному, Генераль-Лейтенантъ Князь *Голицынъ*, опрядилъ въ тотъ же день для подкрѣпленія Полковника *Рибаса*, Бригадира *Лециано* съ однимъ пѣхотнымъ и двумя козачьими полками. Вечеромъ прибылъ къ Канцефану отрядъ флота Капишана Лаврова, и расположился такимъ образомъ, что въ одно и то же время, одна часть его могла дѣйствовать по укрѣпленію, а другая по Браилову и судамъ, стоявшимъ подъ стѣнами сей послѣдней крѣпости. На другой день (31 Марта) по утру, укрѣпленіе взято было штурмомъ войсками, подъ начальствомъ бригадира *Лециано* и Полковника *Рибаса*. По совершеніи сего дѣла, отбитыя пушки были обращены на Браиловъ и, при содѣйствіи гребнаго флота, попили четыре бомбардирскія судна, восемь канонерскихъ лодокъ и еще нѣсколько мѣлкихъ судовъ.

Дѣятельность Генерала *Рибаса* много способствовала побѣдѣ, одержанной надъ Турками при Мачинѣ, Генераломъ Княземъ *Релнинымъ*,

и положившей конецъ военнымъ дѣйствіемъ на сухомъ пуши.

Въ половинѣ Іюня получено было извѣстіе, что непріятель примѣтно усиливался въ Мачинѣ и Браиловѣ и, что подъ сей послѣдній прибыло до пятидесяти вооруженныхъ судовъ. Желая нанести Туркамъ рѣшительный ударъ, Князь *Релнинъ* положилъ переправить свои войска черезъ Дунай и атаковать непріятели; сначала въ Мачинѣ, а за тѣмъ въ Браиловѣ. Генералу *Рибасу* было поручено заготовленіе перевозныхъ судовъ. Переправа войскъ началась 22 Іюня и продолжалась во весь слѣдующій день, но по причинѣ весьма усилившагося вѣтра, не могла на столь широкой и быстрой рѣкѣ, какова Дунай, совершаться съ желанною скоростію. Это заставило неушомимаго *Рибаса* прибѣгнуть къ иному средству. Изъ взятыхъ у Турокъ паромовъ и судовъ и изъ нашихъ армейскихъ паншоновъ, онъ устроилъ мостъ и 25-го войска начали переправляться по оному.

27-го Іюня гребная флотилія придвинулась къ Браилову, и расположились опѣнего нѣсколько далѣе пушечнаго выстрѣла. Кромѣ переправы войскъ 23 и 24, она не имѣла ни какого участія въ дѣлѣ, и пошому *Рибасъ*, не желая оспаваться празднымъ, принялъ начальство надъ опрядомъ кавалеріи и нѣсколько разъ водилъ ее въ дѣло.

Пораженіе непріятели при Мачинѣ было столь рѣшительно, что убѣдило Турокъ вступить въ переговоры о мирѣ, коего preliminary спашьи и были подписаны 31-го

Іюля. Съ ними прекрапились дальнѣйшія дѣйствія какъ сухопутной арміи, такъ и гребной флотиліи, но корабельному флоту по незвѣстности о сихъ произшествіяхъ, удалось новою побѣдою усугубить ужасъ Дивана.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

КОЛМАРЪ и ОРЛА.

Поэма.

(изъ Лорда Байрона).

Какъ вашей юности минувшей дни намъ милы!
И шарцу дряхлому, въ дверяхъ его могилы,
Оспрада сладкая о нихъ воспоминашь.
Онъ любишь, окрылясь веселою мечшою,
Съ закаша своего къ зарѣ перелешашъ,
И часто, взявъ копье дрожащею рукою,
Со вздохомъ говоришь: „ажъ, и сія рука,
Теперь ослабшая, была сильна, крѣпка,
Въ глазахъ родилеля не шакъ копьемъ врацала,
И въ сѣчѣ боевой усшалосши не знала.“

Уже героевъ нѣшь! но арфа ихъ дѣла
Спрунами звучными вѣкамъ передала,
И слава ихъ именъ не умолкаешъ въ мірѣ.
На крыльяхъ вѣтренныхъ ихъ духъ паришь въ эфирѣ.
При спонущей грозѣ, при гулахъ громовыхъ,
Въ чершogaхъ облачныхъ о подвигахъ своихъ
Они внимающъ пѣснь весельемъ упоенны.
Межь ними былъ Колмаръ, воишель дерзновенный,

Здѣсь хладный прахъ его подѣ сѣрымъ камнемъ скрытъ,
 Но вишазь, бурями крылашыми носимый,
 Въ шуманахъ голубыхъ по воздуху парить.

Въ Морвенѣ свѣшъ узрѣлъ Колмаръ неуспрашимый,
 Онъ вѣкъ Фингаловымъ перуномъ грознымъ былъ;
 Слѣды кровавые въ поляхъ за нимъ лежали,
 Сыны Локлинскіе руки его дрожали
 И съ поля рашнова клонились передъ нимъ:
 Но кропосшь мирная лилась изъ ясныхъ взоровъ,
 И свѣшлорусые по раменамъ власы
 Блиспали какъ лучи полночныхъ метеоровъ;
 Но сердца юноши не шрогали красы;
 Оно молодой любви не ощущая жара,
 Пишало дружбу лишь спрягавшую Колмара
 Съ могущимъ Орлою, кошораго рука
 Просшерла по землѣ не одного врага.
 Одна ихъ обоихъ пещера укрывала
 И сѣча грозная друзей не разлучала,
 Ихъ мечъ сквозь раши пушь для друга пробивалъ.
 Ихъ щизъ ошъ мешкихъ шрѣлъ грудь друга заспѣвлялъ.

Сваранъ покинулъ край холоднаго Локлина
 И синеею волной приносисъ къ брегамъ.
 Ошъ сильныхъ рукъ его падушъ сыны Эрина.
 Морвенскій грозный Царъ воззвалъ къ своимъ бойцамъ.
 И море шумное взбурилось ихъ ладьями,
 Знамена развились надъ злачными холмами:
 Текушь засшупники къ Эриновымъ сынамъ!

Уже нѣмая ночь смѣнила день багряный,
 И задымилися росисшые шуманы,

Съдое облако, какъ дымъ, заволокло
 Серебренной луны блестящее чело.
 Покровы мрачные два войска одѣвають,
 И дубы запылавъ, долину освѣщаютъ.
 Уже покоишь сонъ Сварановыхъ бойцевъ,
 Ужь зряшь они въ мечсахъ кровавое сраженье,
 И грозно копьями колебля въ сновидѣннѣ,
 Разяшь разсѣянныхъ Фингаловыхъ сыновъ.
 Но бодрствують еще Морвена ополченья:
 Ихъ безопасности безспрашный Орла щипъ,
 Убийственная спаль въ рукѣ его блестящъ,
 И съ нимъ молодой Колмаръ не знаешь разлученья.
 Фингалъ спѣшишь воззвашъ къ вождямъ своимъ дружинъ:
 На звучный зовъ его герои пришекають
 И славнаго царя безмолвно окружають.
 Почтенное чело сіяло ошъ сѣдинъ;
 Но бодросшь юности въ груди его пылала
 И шаросшь крѣпкихъ силъ царя не истощала.
 „Морвенскіе сыны! онъ просшираешъ гласъ:
 На грознаго врага веду заушра васъ
 Но гдѣ могучій вождь, гдѣ щипъ сыновъ Эрина?
 Чершого Турскіе вмѣщаютъ Кушуллина,
 Еще не вѣдаешъ о близкой бишвѣ онъ.
 И кшо изъ васъ дерзнешъ, ошвагой воспаленъ,
 Пройши сквозъ шанъ сыновъ враждебнаго Локлина
 И вѣсшью брани духъ вождя возвеселишь?
 Средь вражескихъ мечей опасный пушь лежишь;
 Но здѣсь вокругъ меня безспрашная дружина:
 Кшо жъ, кшо пойдешъ воззвашъ къ оружью Кушуллина?
 Перуны бранные! Кшо примешъ вызовъ мой?“

—Мнѣ честь принадлежишь! воскликнулъ Орла сильной:
 Завиденъ, признаюсь, мнѣ храбрыхъ сонъ могильной;

Къ шому жь опаснoshi не вижу я большой :
 Уже смыкаешъ сонъ глаза сыновъ Локлина,
 И я иду воззвашъ къ оружью Кушуллина.
 Кошь нынѣ часть меня поспигнешъ роковой,
 Пущешъ грянешъ надо мной пѣснь Бардовъ гробовая,
 И шамъ, гдѣ кашишся серебряный Любаръ,
 Могила надо мной воздвигнешся нѣмая. —
 „Одинъ ли шы падешь?“ вскричалъ молодой Колмаръ,
 „Иль съ другомъ хочешъ вождь Ойшонскій разлучишся?
 Сильна моя рука и гибельна врагу :
 Уже ль бездѣйшвеннымъ оспашься я могу,
 Когда безцѣнный другъ въ опаснoshi спремшся ?
 Нѣшь, Орла! вмѣстѣ мы, безпрепешной ногой,
 Взбирались на скалы за легкою козой
 И вмѣстѣ пили мы изъ пиршешвенной чаши :
 Да будущъ общими опаснoshi днешъ наши.
 Пещеру мшисшую дѣлили мы съ шобой,
 Раздѣлимъ же шеперь и смершную обшпель,
 Кошорая насъ ждешъ на крупизнѣ бреговъ,
 Омышыхъ пѣною Любаровыхъ валовъ.“

— Колмаръ! ошвѣшешвуешъ Ойшонскій предводшпель
 Тебѣ ли подвергашъ себя мечамъ враговъ ?
 Пущешъ я одинъ паду! мой доблесшный родшпель
 Въ чершogaхъ облачныхъ уже давно живешъ ;
 Онъ возгордишся мной, онъ шчасшiemъ почшешъ,
 Когда, весь кровшо Локлинскою покршшый,
 Предшпану сѣдинѣ героя сановшшой.
 Но Мора добрая въ Морвенѣ сына ждешъ
 И пиръ къ желанному пришешшвию гошовшшь
 Она склоняешъ слухъ и каждый шорохъ ловшшь.
 Слѣдя младую ланъ, ловець ли пробѣжишъ

И пронушый имъ куспъ лиспами зашумишь :
 Колмаровъ ей возвратъ мечпа изображаетъ.
 Ахъ, не допустимъ же, да Мора повпоряешь :
 Калмаръ мой пораженъ Локлинскимъ копіемъ;
 Онъ умеръ съ Орлоу, съ симъ пасмурнымъ вождемъ,
 По мрачному челу кошораго лишь знали !
 Или желаетъ шы, чшобъ гореспи слеза
 Зашмила Морины лазурные глаза,
 Чшобы уша ее всечасно Орлу кляли,
 И гибели швоей виною называли ?
 Живи, живи, мой другъ, и камень гробовой
 Обросшій сѣрымъ мхомъ, воздвигли надо мной.
 Живи и смершь моя шобою опомсшился,
 Да съ гласами пѣцоеъ и швой соединишься,
 И гробовая пѣснь въ Колмаровыхъ усахъ
 Восхишишь Орлинъ слухъ, и будешь веселишься
 Ей внемля, шѣнь моя на мрачныхъ облакахъ. —

„Нѣшь, Орла! опвѣчалъ сынъ Моры свѣшловласый :
 Могу ли друга я погибель воспѣвашъ,
 И доблещъ, слезъ моихъ причину прославляшь ?
 Нѣшь, сердца моего печальны были бъ гласы :
 Способна ль скорбь души согласный звукъ издашь ?
 О другъ ! душа моя, съ швоею неразлучно
 Внимашъ изъ ушпъ пѣвцовъ гимнь славы будешь звучной,
 И въ облакѣ одномъ съ швоею обидашъ.“

И оба сонмъ вождей Морвенскихъ покидающъ,
 И бысшрый ходъ свой въ спанъ Локлинскій направляющъ,
 Ужъ дубы обгорѣвъ, чувъ брежжущъ по полямъ,
 Полночная звѣзда являешъ пушь друзьямъ.
 Могучій Царь Сваранъ на холмѣ возлегаетъ,

И, беспорядочно разсѣяны кругомъ,
 Его вошли почіюшь крѣпкимъ сномъ;
 Булашный грозный мечъ близъ cadaго сверкаешъ
 И швердые щипы возглавемъ слушаешъ имъ.
 Сіянiе огней по малу исчезаешъ
 И вьешся сѣрый лишъ надъ головнями дымъ.
 Молчаніе гробовъ равнину облегаешъ,
 Лишь шихій вѣшерокъ порою пролешишь...
 И пробужденный имъ кустарникъ зашумишь.
 Безмолвно войны идушь сквозъ спанъ Локлина;
 Опасной свершена дороги половина;
 Вдругъ Орлинымъ очамъ являешся Машонъ,
 Просшершый на щипъ и погруженный въ сонъ.
 Незапной яросшью геройскій взоръ пылаешъ;
 Онъ грозною рукой подъемлешъ копіе,
 И рѣчь къ нему Колмаръ прекрасный просшираешъ:
 Почшо являешъ гнѣвъ, мой другъ, чело швое?
 Не время медлишь намъ: здѣсь вражки ополченья.
 Но время наносишь ударъ правдивый мщенья!
 Ойшонскій грозный вождь неистово гласишь
 И очи грозныя сверкаюшь, пламенѣя.
 Машонъ Локлинскій спишь; шы зришь копье злодѣя!
 Родишельская кровь еще на немъ кипишь
 И къ мщенію зовешъ! Такъ, мщенье совершился
 И скоро кровію Машона обагрился
 И Орлино копье... Но спяцаго ль разишь?
 Нѣшь, гибельный ударъ онъ долженъ ощушишь,
 Кошорымъ жизнь его на вѣки прекрашился
 Онъ долженъ знашь шого, чья мшяцающая рука
 Его родишелю на жершву закалаешъ.
 Не жаждешъ чешъ моя дней соннаго врага.
 Возспанъ, Машонъ! возспанъ! Конналовъ сынъ взываешъ;

Возспань и вспупимъ въ бой! игновенно сладкій сонъ
 Ошъ вѣждей грознаго Машона ошлешаешъ;
 Но не одинъ съ земли воспрянулъ въ спанѣ онъ:
 Гласъ Орлинъ и другихъ Локлинцовъ поражаетъ.
 Бѣги, Колмаръ, бѣги! Конналовъ сынъ вѣщаешъ.
 Машонъ падешъ моею рукою пораженъ,
 И вспрѣчу смершь мою веселыми очами.
 Но мы окружены Локлинскими сынами;
 Бѣги доколь еще одѣвъ сіи мѣспа,
 Благопріяшшвуешъ ночная шемноша.

И Орла грозный мечъ возносишь надъ Машономъ,
 И сокрушаешся шеломъ его со звономъ;
 И падаешъ изъ рукъ лишенныхъ силы щипъ;
 Багровою рѣкой изъ раны кровь кипишь,
 И очи навсегда Локлинскій вождь смыкаетъ
 Спрумонъ зришь смершь его и яросшью пылаешъ.
 Онъ повергаешся на Орлу; но падешъ
 Пронзенный копіемъ, направленнымъ Колмаромъ —
 И близъ Машона вздохъ послѣдній издаешъ.
 Кшо видѣлъ Океанъ, когда во гнѣвѣ яромъ
 Кипишь онъ впереди двухъ быспрыхъ кораблей?
 Такъ усшремляюшся Локлинцы на друзей;
 Но корабли напоръ пучины ошражаюшъ,
 И влагу горькую надменно разсѣкаюшъ,
 И рѣюшъ посреди бѣлѣющихъ валовъ.
 Такъ храбрые друзья среди шолпы враговъ,
 Кровавой спалию дорогу пробиваюшъ.
 Уже оружья громъ разишь Фингаловъ слухъ:
 Онъ грянулъ по щипу шяжелому, и вдругъ
 Предъ нимъ его сыны могучіе предсшали,
 И войны его мечами зашвучали.

Ужь сердце Ринино ошь радости дрожишь;
 И спрашнымъ Оссіянь оружіемъ покрывъ;
 Тяжелое копые Оскаръ въ рукѣ вращаешь,
 И знамя съ вѣтрами Фингалово играешь.
 Смершь рыщешь по полямъ кровавымъ съ шоржесшвомъ...
 Побѣда рашниковъ Фингаловыхъ вѣнчаешь.

Уже воспочный край за холмами пылаешь,
 Но упрое ясное пурпуровымъ лучемъ
 Ни одного врага живымъ не освѣщаешь:
 Тѣлами блѣдными почившихъ смершнымъ сномъ
 Равнина усплана, и шихо вѣя съ моря,
 Прохладный вѣшерокъ играешь въ ихъ кудряхъ,
 И снаи коршуновъ, о спрашной пищѣ споря,
 Кружашся съ криками печальными въ поляхъ.

Кшо юный воинъ сей? На груди обогреной,
 Какъ золошо спраны сіяя чужеземной,
 Колеблюшся его блестящіе власы,
 И друга съ черными переплелись кудрями;
 И смершной блѣдношью покрывши ихъ красы;
 И шоки крови ихъ, багрянными спруями
 Спремясь изъ ранъ, въ одинъ сливаюшся ручей.
 Кшо войны сіи? Ахъ, вы, примѣръ друзей,
 Вы, коихъ громкая ввѣкъ слава не зашмишся.
 Во взглядахъ Орлиныхъ еще свирѣпосшь зришся:
 Его ужь нѣшъ: но зоръ еще блесшишь грозой:
 Рука его сплелась съ Колмаровой рукой.
 Но грудь Колмарову дыханье воздымаешь:
 Возшань, молодой герой! Морвенскій царь вѣщаешь:
 Могу и долженъ я героя исцѣлишь.
 Возшань! Еще Колмаръ съ друзьями будешь пишь

Изъ чаши пиршесства и легкими спопами
Гоняшься по скаламъ за дикими козами.

„Не будешь! Моринъ сынъ ошвѣтшвуешь ему:
Ужь чаши пиршесства не передамъ я Орлѣ,
И съ вѣрнымъ Орлою не буду я на ловлѣ.
Пріяшно ль безъ него чшо сердцу моему?
Другъ милый! нѣшь себя! свирѣцъ шы былъ душою,
Но упра для меня пріяшною росою
Казалась нѣжная любовь ея. Другимъ
Душа швоя была перуномъ громовымъ;
Но мнѣ она была, какъ опраженный въ морѣ,
Сребристый свѣшь луны. Вручише мечъ мой Морѣ:
Да вѣчно на спѣнѣ въ дому моемъ висишь,
И памяшь воина пошомшву сохранишь;
Кровь вражья лезвіе спальное обагрила:
Но друга онъ не спасъ. Пусшь Орлина могила
И мой сокроешь прахъ, и наши имена
Пусшь вмѣстѣ вѣщая пѣвцовъ гласишь спруна...“

Два друга преданы землѣ близъ волнъ Любара;
И камни сѣрые, на берегу крушомъ
Вознесши дерзкій верьхъ, обросшій влажнымъ мхомъ,
Являюшь пушнику гробъ Орлы и Колмара...

Сваранъ погибъ. Фингалъ вѣрятся волнамъ;
И вѣшры бѣлыя вѣшрила надуваюшь;
И мчашся корабли къ Морвенскимъ берегамъ;
И Барды пѣснь хвалы героямъ воспѣваюшь:

Кшо сей на мрачныхъ облакахъ
Призракъ шоржесшвенно парящій?

Чей въ рдяныхъ молніи огняхъ,
 Блеснишь въ часъ бури ликъ грозящій
 Чей голосъ слышенъ намъ въ громахъ?
 То Орла, вождь Ойшонскій грозный;
 Не зналъ онъ равнаго въ бояхъ.

И буди славенъ въ вѣки поздны!
 О вишязь, миръ душѣ швоей!
 И шы сынъ Моры свѣшлоокой!
 Молвою доблесни своей
 Прорѣжешь мракъ времянь глубокой.
 Ты вѣженъ сердцемъ былъ Колмаръ;
 Но спрашенъ дерзкимъ силой дани;
 Твой мечъ, какъ молніи ударъ,
 Разиль враговъ на полѣ брани.
 Но нынѣ онъ въ дому швоемъ
 Бездѣйшвенъ на спѣнѣ хранишся,
 И ржа кровавая садишся
 На лезвеѣ его спальномъ.
 И воиновъ Локливскихъ шѣни
 Шенашъ слешающся предъ нимъ,
 Кошорый пагубенъ былъ имъ
 Въ часы убійшвенныхъ сраженій
 Внуши, о вишязь, пѣснь хвалы:
 Сыны Морвена воспѣвающъ
 Тебя, и древнія скалы
 Твоею славой оглашающъ,
 Раскинь блестящія власы,
 Какъ радугу, въ поляхъ лазури,
 И улыбайся намъ въ часы
 Свирѣпо-воющія бури.

Съ Англ. Загорскій.

ВОСПОМИНАНІЕ НА РАЗВАЛИНАХЪ ЗАМКА.

Долину сумракъ осѣняешь,
 Не шепчешь лисъ въ глуши лѣсной,
 Земля спокойствіе вкушаешь.
 По временамъ лишь жукъ ночной
 Жужжишь надъ башней разрушенной;
 Спада лѣниво съ паспвъ идушь,
 И поселянинъ ушомленной
 Сдѣшишь въ родимой свой пріюшь.

* * *

Здѣсь на скалахъ, гдѣ все снѣдая
 Духъ разрушенія живешь,
 Гдѣ древность грозно возсѣдая
 Невольной ужасъ въ душу льешь —
 Я вопрошаю вѣкъ далекой:
 Чшо древле рядъ сей камней былъ?...
 То замокъ на горѣ высокой,
 Въ кошоромъ родъ героевъ жилъ!

* * *

Угасли племена могучихъ!...
 И самый ихъ надгробный знакъ
 Полусокрышь въ пескахъ зыбучихъ!
 Но многихъ безпріюшный прахъ,
 Лишивъ и шишины могильной,
 Дыханье бури разнесло!...
 Надъ храбростью героевъ дивной
 Забвенья облако взошло.

Такъ слава жизни померкаешъ,
 Такъ ложенъ блескъ ея лучей!
 Чшо сердцу льшило — все вспрѣчаешъ
 Ночь вѣчную въ пошокѣ дней:
 Мешалъ рѣзцомъ одушевленный,
 Краса лавроваго вѣнца,
 Надгробной урны блескъ надменный
 И пѣснь высокая пѣвца.

* * *

Все гаснешъ быспро, чшо желаньемъ,
 Воспоргомъ душу пламенишь, —
 Какъ солнца краснаго сянѣе,
 Кошорое гроза зашмишь!
 Предъ вечеромъ чшо блещешъ ясно,
 Того не заспаешъ разсвѣшъ.
 Любви и дружбы невозвращно
 Мгновенный исчезаешъ слѣдъ.

* * *

Любовь! къ пущынямъ прилегаешъ
 Поросшій розами пшвой доль.
 Внезапно буря низвергаешъ
 Эфирный дружештва прешоль.
 Чешъ, сила, власъ и слава щещны:
 Героя съ гордою главой
 И взоръ на посохъ пошупленный
 Гробъ одѣваешъ равной мглой.

Съ Нѣмец. Н. Заборовскій.

ВЕСНА ЖИЗНИ.

(Ю. П. Б — вой).

Весна лишь на годъ улешаешь,
 Но шакже ль нашихъ дней весна? —
 Разъ улешѣвъ, не прилешаешь,
 Не возвращаешься она.

* * *

Счаспливецъ, кшо подъ небомъ яснымъ
 Цѣлшы весны сей въ жизни рвешъ,
 Днямъ наслажденья въ дань прекраснымъ,
 Безъ слезъ, безъ скорби, безъ забошь;

* * *

Кшо юности невинной сладось
 Безъ всякой горечи вкусилъ,
 Чьихъ игръ, чью лѣшь безпечныхъ радось
 Враждебный рокъ не возмушил! —

* * *

Безъ сожалѣнья оспавляемъ
 Мы невозвратно юный Май;
 Въ Іюнь мы съ гордосьью вспушаемъ
 И мнимъ: земной предъ нами рай.

* * *

Но скоро, въ жизни ужъ не новы,
 Успавъ опъ зноя, буръ и грозъ,
 Заплакашь иногда гошovy
 По миломъ мѣсяцъ мы розъ.

Александръ Глѣбовъ.

Іюня 1828.

Русская пословица: *Поспѣшишь, да людей насмѣшишь.*

Лишь правда хороша — одна она мила!

Сѣв. Пчела 1826, No 23-й.

Спраніе о скоромъ доставленіи своимъ читателямъ новостей весьма похвально въ Издашелъ Газеты; но скоростъ ничего не значить, если не сопровождается досповѣрностію. Чшо въ скорой спрѣльбѣ солдата безъ мешкости? Захочетъ ли кто имѣть проворнаго писца, который на всякой спрочкѣ ошибается? Кому нуженъ поваръ, который за вкусъ не берется, а поспѣшно спрянаетъ? Не осуждая, но напротивъ, отдавая честь неусыпности, съ какою *Сѣверная Пчела* сообщаетъ Публикѣ свѣжія извѣстія, внушрєннія и заграничныя, не можемъ не пожелать Издашелямъ сей газеты болъшей разборчивости и основательности.

Конечно, трудно и часто даже почти невозможно удостовѣриться въ справедливости событій, о коихъ извѣстія получаюся изда-леча. Но о томъ, что дѣлается въ Петербургѣ и вокругъ насъ, легко можно навестъ справку.

Разительный примѣръ такой опромешчивости нашли мы въ No 140-мъ Сѣверной Пчелы нынѣшняго года. Издатели оной, исчисляя отличнѣйшихъ Профессоровъ и Ученыхъ, образовавшихся въ С. Петербургскомъ Педагогиче-

скомъ Инспишуптѣ, включили въ число ихъ знаменишаго своими учеными прудами Профессора *Дмитрія Ивановича Соколова*, Инспектора классовъ въ Горномъ Кадетскомъ корпусѣ; но онъ воспитывался въ семъ же корпусѣ и совсѣмъ не обучался въ Педагогическомъ Инспишуптѣ. Напротивъ того, они пропустили *Валерьяна Эмельяновича Клокова*, ученаго Секретаря при Г. Министрѣ Финансовъ, старшаго Чиновника во II-мъ Отдѣленіи собственной *Его Императорскаго Величества* Канцеляріи, Начальника Отдѣленія въ Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ, человека достойнѣйшаго, дѣлающаго честь мѣсту своего образованія.

Редакторъ Р. И. (газеты *ежедневной*) думаетъ, что онъ не опспалъ бы опъ Господѣ Издашелей *Сѣв. Пчелы* въ сообщеніи любопытныхъ новостей своимъ читателямъ; но онъ слишкомъ робокъ и слишкомъ дорожитъ добрымъ о себѣ мнѣніемъ своихъ соотечественниковъ, а потому, часто боится предлагать имъ въспи сомнительныя.

Вопъ случай, который докажетъ истину выше имъ сказаннаго: Въ Ноябрь 1826-го, присланъ былъ къ нему для напечатанія въ Р. И., слѣдующій анекдотъ: „Князь *Александръ Васильевичъ* (Суворовъ) прохаживался однажды съ Императрицею *ЕКАТЕРИНОЮ Великою* по Царскосельской колонадѣ. Она изволила разговаривать съ нимъ о великихъ дѣлахъ. — „Здѣсь бесѣдую я иногда безмолвно съ изваянными сими лицами ихъ!“ — сказала Она — и потомъ сѣла опдыхать. *Суворовъ* по подбѣжитъ

къ спашуѣ, по опскачипѣ, по предѣ изображеніемъ Русскаго (?) кланялся въ поясѣ. *Государыня*, подозвавѣ къ себѣ *Графа Безбородка*, шепнула ему что-шо. Топѣ подошелѣ къ *Суворову*, и между прочими разговорами спросилѣ, какѣ ему нравится колонада. Онѣ отвѣчалѣ: „Я въ Опечествѣ своемѣ ишу земляковѣ. Правда, въ нашемѣ климатѣ лавры скоро опцвѣшаютѣ. Морозѣ ихѣ врагѣ.“ — Пошомѣ повернулѣ *Безбородка* сѣ больными его ногами къ шой споронѣ, гдѣ воздвигнушы памяшники *Румянцову* и *Орлову*, и вскрикнулѣ: „Смоприше, смоприше шуда. Кагулѣ и Чесма! Ура!“ — Еще нѣсколько минушѣ *Государыня* поговоря сѣ *Безбородкомѣ*, благоволила подойши къ нему и начашѣ сей разговорѣ: „Не долго будемѣ мы наслаждашѣся споль прелестною погодою. Жестокѣ, признаюшѣ, климатѣ нашѣ. Опѣ него нѣшѣ пощады и лаврамѣ; но для нихѣ есть у меня парникѣ, (указавѣ на свою грудь). Будьте увѣрены, Графѣ, что я не похожу на шѣхѣ людей, которые, выписнувѣ изѣ лимона сокѣ, бросаюшѣ корку.“ — Чрезѣ нѣсколько дней, украсилѣ колонаду бюстѣ *Суворова*. — —

Редакторѣ Р. И. былѣ увѣренѣ въ несправедливости сего разсказа. 1-е. Извѣстно, что *Киберонова* колонада ошталась неприкосновенною въ томѣ самомѣ видѣ, въ какомѣ находилась при *ЕКАТЕРИНѣ II-й*; — 2-е. Редакторѣ Р. И. пять годовѣ сряду проводилѣ лѣшо въ Царскомѣ Селѣ и имѣлѣ досугѣ, не шолько вышвердить наизустѣ имена всѣхѣ великихѣ мужей, коихѣ бронзовыя спашуи спояшѣ на

Царскосельской колонадѣ, — но и записать ихъ для себя; онѣ, какъ очевидецъ, можетъ свидѣтельствовать, что между ними нѣтъ — *Суворова*. Записки его подтвердили ему по же; 3-е. Не полагаясь, однакоже, ни на память свою, ни на памятную тетрадку, онѣ отнесся къ Г. Совѣснику Царскосельскаго Дворцоваго Правленія, Полковнику *Графу А. А. Толстому*, прося его навесить справку въ Архивѣ и въ Описи вещей: не было ли когда нибудь бюста Героя *Рымникскаго* на колонадѣ? — Въ отвѣтѣ получено, что никогда онаго не было и ни по старымъ, ни по новымъ Описямъ не оказалось. Въ этомъ удосповѣрилъ его также и племянникъ *Графа Суворова* Сенаторъ *Графъ Д. И. Хвостовъ*.

Тогда Редакторъ Р. И., посоветовавшись съ своимъ военнымъ Цензоромъ, рѣшилъ не печатать сего анекдота въ *Русскомъ Инвалидѣ*, а отослалъ его, вмѣстѣ съ другими такого же резбора, къ Издашелямъ *Сѣв. Пчелы*, которые черезъ нѣсколько дней, именно Ноября 3-го дня 1826 года, во Вторникъ — писнули сей, искусно выдуманный и привлекательно написанный, анекдотъ въ своей газетѣ.

Но ни въ одномъ отдѣленіи *Сѣв. Пчелы* не найдется сколько описокъ, опечатокъ, погрѣшностей, ошибокъ, недосмотровъ, промаховъ, нелѣпостей, какъ въ *Отечественныхъ воспоминаніяхъ*. Примѣры всего лучше объяснятъ это:

1-е. Въ *Отечественныхъ воспоминаніяхъ* 1827 года напечатано, что первая Русскія войска

появились передъ Берлиномъ Февраля 5-го 1713 года!!!

2-е. Въ *Отгествен. воспоминанїяхъ* 1825, подъ 10-мъ числомъ Февраля написано: 1050 года скончалась Великая Княгиня *Ингерда* (во св. крещеніи: *Ирина*), супруга Великаго Князя *Ярослава Владиміровича*, урожденная Княжна Шведская. “ Въ самомъ же дѣлѣ, сія Вел. Княгиня во св. крещеніи наречена была *Анною*.

3-е. Въ *Отгествен. воспоминанїяхъ* 1825, изображено, что — „Первые козаки явились близъ Берлина 14-го Февраля 1814 года (!!!).“

4-е. Въ *Отгествен. воспоминанїяхъ* 1828, помѣщено, что — „въ 1806, 21-е Февраля Боккоди-Капаро заняты Россійскими войсками и Черноморцами (!!!).“

5-е. Въ *Отгествен. воспоминанїяхъ* 1828 года начершано, что — „28-е Февраля 1740 года Императрица *Елисавета Петровна* отправилась въ Москву на коронацію (!!!).“

И вся эша пушаница включена въ тѣсныя рамы одного Февраля мѣсяца.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на Чернолѣ морѣ и Дунаѣ, съ 1787 по 1791 годѣ.

(О к о н т а н і е .)

Война со Швеціею была причиною, что Императрица *ЕКАТЕРИНА II* не могла отправить въ Средиземное море эскадру, для сего уже назначенную подъ Начальствомъ Адмирала *Грейга*. Обстоятельство сіе было весьма благоприятно для Порты, ибо доставило ей возможность сосредоточить на Черномъ морѣ всѣ свои морскія силы. Не довольствуясь однимъ собственнымъ флотомъ, Турецкое Правительство вызвало въ Константинополь корабли подвластныхъ ему Варварійскихъ владѣній и, весною 1791 года, прошли чрезъ Дарданеллы эскадры: Алжирская, Тунисская и Триполійская.

Князь *Потемкинъ*, узнавъ о соединеніи и выходѣ въ Черное море споль грознаго неприятельскаго флота, предписалъ Контръ-Адмиралу *Ушакову* выдти ему на встрѣчу и дать рѣшительное сраженіе.— Въ слѣдствіе сего повелѣ-

нія *Ушаковъ* оставилъ Севастополь 29 Іюля и взялъ курсъ къ Варнѣ. Флотъ его состоялъ изъ шестнадцати линейныхъ и двухъ бомбардирскихъ кораблей, двухъ фрегатовъ, одного брандера и осмнадцати разной величины судовъ. Авангардомъ командовалъ Капитанъ Генералъ-Маіорскаго ранга *Голеникинъ*, а арріергардомъ — Бригадирскаго ранга — *Пустошкинъ*.

По утру 31-го Іюля непріятельскій флотъ былъ усмотрѣнъ стоявшимъ на якорѣ близъ Варны, у мыса Кара-бурну. Тогда былъ праздникъ Байрама и почти всѣ Турецкіе машросы, безопасно веселились на берегу. Внезапное появленіе Русскаго флота произвело неописанное смятеніе въ непріятельскомъ. Видя опасность столь близкою, Капитанъ-Паша спѣшилъ расположить разсѣянные корабли и суда свои въ линію, но Консрѣ-Адмиралъ *Ушаковъ*, находившійся на вѣсрѣ, умѣлъ воспользоваться распройствомъ Турецкаго флота. Давъ сигналъ прибавить парусовъ, онъ прошелъ подлѣ самаго берега, подъ выстрѣлами его батарей, опрѣзалъ опъ него непріятельскіе корабли и спѣшилъ атаковать ихъ. —

Капитанъ-Паша имѣлъ у себя осмнадцать кораблей, семнадцать фрегатовъ и великое множество разныхъ вооруженныхъ судовъ. Десять изъ нихъ были Флагманскіе. Не успѣвъ собрать съ берега всѣхъ машросовъ своего флота, онъ приведенъ былъ быспрымъ маневромъ Россійскаго Адмирала еще въ бѣльшее замѣшательство. Чувствуя превосходство надъ вѣпреннаго положенія Русскаго флота, Капитанъ-

Паша велѣлъ своему опрубить якори и вспушить подѣ паруса. При семѣ случаѣ безпорядокѣ былѣ такѣ великѣ, что многіе Турецкіе корабли и суда, спѣша исполнить сигналѣ своего предводителя, ударились между собою.

Еще выше было сказано, что часть Опшоманскаго флота составляли соединенныя Варварійскія эскадры. Ими начальствовалъ опважный Алжирскій мореходецѣ *Сендъ-Али*. Приближеніе Россійскаго флота возбудило въ немѣ опчаянное мужество и онѣ, рѣшась биться до послѣдней крайности, изѣ опасенія, чтобы команда его не спустила флага, велѣлъ приближить оный гвоздями къ форсенгѣ.

Между тѣмѣ, какѣ непріятельскій флотѣ опспушалъ, Консрѣ-Адмиралѣ *Ушаковѣ* спускался на него въ ордерѣ марша трехѣ колоннѣ. Нѣкоторыя изѣ кораблей Капитанѣ-Паши, были успроены въ линію праваго галса, но *Сендъ-Али* съ Алжирскою эскадрою опдѣлился впередѣ и обративѣ за собою большую половину опсальнаго флота, началѣ успроивать линію на лѣвый галсѣ. Примѣру сему послѣдовалъ и самѣ Капитанѣ - Паша. — Въ сіе время *Ушаковѣ* сдѣлалъ сигналѣ съ возможною скоростію спроить линію бапаліи, параллельно непріятельскому флоту и спускался на оный. Въпрѣ былѣ опѣ NNO.

Сендъ-Али съ двумя кораблями своей эскадры и съ нѣсколькими Турецкими фрегатами, будучи самѣ передовымѣ, спѣшилъ опдѣлиться для выигранія въпра. Консрѣ - Адмиралѣ *Ушаковѣ* рѣшился уничтожить сіе намѣреніе.

Воспользовавшись легкостію хода своего корабля—Рождество Христово, — онъ оставилъ за собою всѣ оспальные корабли своего флота, повторилъ имъ вышеприведенный сигналъ, а самъ пошелъ прямо на *Сендъ-Али*.

Приближась къ кораблю Алжирскаго Адмирала, на разстояніе полукабельшова, обошелъ онъ его съ носу и атаковалъ. — Къ сему времени Флотъ нашъ успѣлъ построиться въ линію, спуститься на непріяеля и завязать съ нимъ жаркое дѣло.

Сраженіе сіе началось въ пятомъ и, продолжаясь до девятаго часа вечера, кончилось совершеннымъ поражениемъ Турецкаго флота. Прежде всѣхъ былъ разбитъ атакованный самимъ *Ушаковымъ*, корабль *Сендъ-Али*, который безъ форштенги, безъ грошъ-марсея, съ разсѣянными парусами и съ большими поврежденіями въ корпусѣ, упалъ подъ вѣтръ и старался уйти за передовую линію, въ средину стоявшихъ за нею фрегатовъ и прочихъ судовъ. Но корабль Рождество Христово, подойдя къ нему подъ корму, продольными залпами принуждалъ его къ сдачѣ. Къ спасенію его поспѣшилъ Алжирскій корабль подъ Вице-Адмиральскимъ флагомъ и, зайдя впередъ, началъ стрѣлять по кораблю Консрѣ-Адмирала *Ушакова* изъ кормовыхъ своихъ пушекъ. Дѣйствіе сіе было подкрѣплено еще двумя Фрегатами, легшими прямо прошивъ борща корабля Рождество Христово и еще однимъ кораблемъ, который спускаясь подъ вѣтръ, оп-

крылъ огонь изъ за кормы разбитаго корабля *Сидъ-Али*.

Корабль командовавшаго Россійскимъ флотомъ, искуснымъ дѣйствіемъ своей артиллеріи, скоро повредилъ атакующіе его корабли и фрегаты, и принудилъ укрываться за линію. Опшсупленіе ихъ открыло снова Алжирскаго Адмирала всей жестокости огня Россійскихъ кораблей: Рождества Христова и слѣдовавшихъ за нимъ: Александра, Іоанна Предтечи и Θεодора Спрапилапа. Дѣйствіе ихъ, принудивъ *Сидъ-Али* къ совершенному бѣгству, привело въ разстройство весь непріятельскій флотъ и рѣшило сраженіе къ славі Русскаго флага.

Контръ - Адмиралъ *Ушаковъ*, спустясь на бѣгущаго непріятели, подошелъ подъ самую корму его и, поражая жесточайшимъ огнемъ, старался отрѣзать разбитые корабли.

Къ ночи вѣтръ началъ стихать, а скоро и совершенно заштилѣлъ. *Ушаковъ* все еще продолжалъ преслѣдовать Турецкій флотъ, и уже надѣялся взять нѣсколько его кораблей, какъ наставшій тихій вѣтръ отъ стороны непріятели, густой дымъ и ночная темнота послужили имъ спасеніемъ.

Россійскій флотъ тотчасъ привелъ въ бейдевиндъ, стараясь выдти на вѣтръ, чтобы вторично произвести нападеніе. Въ полночь онъ поворотилъ на другой галсъ и шелъ прямо къ сторонѣ непріятели, но на разсвѣтъ его уже не было видно. При продолженіи же погони, усмотрѣны были съ салинга къ спо-

ронѣ Константинополя подѣ въспромѣ, только верхи парусовѣ на горизонтѣ.

Ушаковъ, прибавляя сколько возможно парусовѣ, спарался нагнать непріятеля, но сѣверный вѣтрѣ, безпрестанно усиливавшійся и произведшій великое волненіе, принудилѣ его оставить погоню. Кѣ этому побуждаемѣ онѣ еще былѣ значительными поврежденіями своихѣ кораблей, и пошому, оставивъ на якорѣ около мыса Эмине-бурну, занялся починкою.

Между тѣмѣ состояніе Оптоманскаго флота было весьма бѣдственнае. Большая часть его кораблей и судовѣ были принуждены для своего спасенія, зайти кѣ Анапольскимѣ и Румелійскимѣ берегамѣ, а нѣсколько судовѣ, отѣ подводныхѣ пробоинѣ пошли на дно.— Алжирская эскадра первая вспушила вѣ Константинопольскій проливѣ. При входѣ вѣ оный ночью, Адмиральскій ея корабль, имѣвшій болѣе 400 чел. убитыми и ранеными, началѣ понушь и принужденѣ былѣ пушечными выстрѣлами требовать помощи. Выстрѣлы сіи пробудили Султана и встревожили всю столицу. Видѣ разбитыхѣ кораблей и страхѣ о приближеніи Россійскаго флота, сильно подѣисповали на умы Членовѣ Дивана и оный немедленно предписалѣ Верховному Визирю, бывшему при Мачинѣ, поспѣшить заключеніемѣ мира. Прелиминарныя спашьи онаго уже были подписаны 31 Іюля, вѣ самый день побѣды надѣ непріятельскимѣ флотомѣ близъ Варны.

Такимѣ образомѣ Черноморскому Флоту было предоспавлено, нанести Поршѣ послѣд-

ній ударъ, во вѣпорую Турецкую войну при Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ II.

Между пѣмъ, какъ флотъ *Ушакова* исправлялся починками у мыса Эминѣ-бурну, нѣсколко судовъ его были опряжены для крейсераства, въ море. Суда сіи испребили при Бургасѣ, Фаросѣ и Сезоболѣ пранспорты, плившіе съ провіаншомъ для непріятельской арміи и еще значительное число разныхъ мѣлкихъ судовъ. — Къ 4-му Августа всѣ поврежденія флота были исправлены и *Ушаковъ* узнавъ, что подъ Варною находится флопиля, готовился идиши туда съ флотомъ, чтобъ испребивъ Турецкія суда, плышь къ сторонѣ Константинополя для продолженія своихъ поисковъ. — Повелѣніе отъ Князя *Потемкина*: прекрашитъ всѣ военныя дѣйствія, принудило Контръ-Адмирала *Ушакова*, оставитъ безъ исполненія оба предпріятія, въ самое то время, когда побѣдоносный его флотъ уже вспунилъ подъ паруса и спустился къ Варнѣ. —

Симъ окончились подвиги нашего Черноморскаго флота въ войнѣ съ 1787 по 1791 годъ. Они были первыми блистательными дѣлами Россіянъ на водахъ Чернаго моря и положили первое начало той славы, какую побѣдоносный нашъ флагъ приобрѣлъ въ послѣдствіи и еще недавно въ глазахъ самаго Государя, Высокимъ Своимъ ободреніемъ давшаго новую силу и новую жизнь Русскому флоту.

П р и м ѣ т а н і я .

Къ стр. 292. Полагаю не излишнимъ помѣс-
пить здѣсь слѣдующія подробности о бѣд-
ствіи корабля Маріи Магдалины, описанныя са-
мымъ Командиромъ онаго, Капитаномъ 1-го
ранга *Тизделемъ*.

„Августа 31-го вышли мы въ Черное море для
исканія непріятельскаго Флота. Сентября 8 весь
нашъ флотъ опъ крѣпкаго вѣтра раздѣлился по
разнымъ мѣстамъ, а 9-го сдѣлался преужасный
штормъ, коимъ изломало на ввѣренномъ мнѣ
кораблѣ вдругъ всѣ при мачты и бугшпритѣ;
пакже шлюбку и барказъ разбило на части; и
изъ бортовъ оба якоря сорвались; румпель пе-
реломило и во время набѣганія шкваловъ раз-
ломало корму и руль. Течь умножилась до 10
фушовъ и, хотя корабль былъ облегченъ выбро-
шеніемъ двадцати пяти пушекъ, однакоже кач-
ка столь была сильна, что палубы съ одной и
другой стороны опъ бортовъ находились въ
разстояніи опъ $2\frac{1}{2}$ и до 3 дюймовъ; многія бал-
ки разломались и изъ нихъ двѣ юпныя упали
на шканцы. Нѣсколько найшововъ положены
были съ борта на бортъ для укрѣпленія кора-
бля, и вся бывшая на немъ команда находилась
въ страшномъ положеніи.

„Между прочимъ поставили другой рум-
пель и начали для спасенія жизни держаться
нѣсколько по вѣтру и волненію. Штормъ про-
должался и мы едва могли опливать воду изъ
корабля. Команда моя имѣла 159 челоуѣкъ ме-
нѣе положеннаго комплекта и при чепверти

ея были изъ рекрупъ, взятыхъ вѣ помѣ же году на службу. Опѣ сего самаго мы были не вѣ состоянїи управиться съ кораблемъ, который по великому шпорму и печенїю дрейфовало къ берегу Констаншинопольскаго пролива.

„Не видя ни какой надежды къ спасенїю, я желалъ вѣ самой гибели принести честь Опе-честву и рѣшилъя попопичъ корабль со всею командою. На сей предметъ собралъ я 13-го Сентября Гг. Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, уншеръ - офицеровъ и нижнихъ служителей и спрашивалъ у нихъ мнѣнїя. Они объявили единогласно, что согласяпся лучше опдаться живыми вѣ плѣнъ, нежели допустить меня до исполненїя моего намѣренїя.

„Сего же числа вѣ 8 часовъ упра прибило насъ къ Констаншинопольскому проливу. — Тогда, видя что погода не уменьшается и; имѣя 11 фушовъ воды вѣ инпрюмъ, при совершенной невозможности получить съ какой-либо стороны помощь, принуждены мы были опдаться вѣ плѣнъ.

Примѣт. Корабль Марїя Магдалина былъ построенъ вѣ Херсонѣ и спущенъ на воду вѣ Юнѣ 1783 г. — Капитанъ *Тиздаль* всступилъ вѣ нашу службу изъ Англїйской Лейтенантомъ вѣ 1771 году и умеръ вѣ началѣ Царствованїя, *Императора АЛЕКСАНДРА*, вѣ чинѣ Капитана же 1 ранга. Сынъ его служилъ Лейтенантомъ вѣ нашемъ флотѣ. —

Къ стран. 295. Біографїя Принца *Нассау-Зигена* принадлежитъ къ числу самыхъ романическихъ. Онъ происходилъ изъ владѣтельнаго дома *Зи-*

женовъ и родился въ 1745 г. Получивъ опказъ въ правахъ своихъ на родительское наслѣдство, Принцъ *Нассау-Зигенъ* нашелся въ необходимости собственными заслугами проложити себѣ путь къ славѣ. Движимый симъ чувствомъ, онъ вступилъ на пятнадцатомъ году отъ рожденія (въ 1756) волонтеромъ во Французскую службу. Получивъ въ оной чинъ Драгунскаго Капитана, молодой Принцъ избралъ себѣ новое поприще и участвовалъ въ плаваніи *Бугенвилля* вокругъ земнаго шара съ 1766 по 1769 г. Въ семъ путешествіи, онъ успѣлъ привлечь къ себѣ сердце владѣтельница оспрова Опагипи; опшуда опправился въ Африканскія степи и выдержалъ бой съ пигромъ, коего кожу сохранилъ у себя памятникомъ столь неравнаго и дерзкаго поединка. Наскучивъ сею спранныческою жизнію, онъ снова возвратился во Францію и вступилъ шамъ въ пѣхотную службу съ чиномъ Полковника. Въ 1779 году онъ предпринималъ нападеніе на оспровъ Герзей, но безъ успѣха. — Загорѣвшаяся вскорѣ за пѣмъ война между Испанією и Англією, вовлекла его въ новыя опасныя приключенія. Въ это время всеобщее вниманіе было устремлено на осаду Гебралшара. Принцъ *Нассау* командовалъ при семъ случаѣ пловучими бапареями и оказалъ чудеса храбрости, но и здѣсь, какъ при Герзей, всѣ покушенія его прошивъ крѣпости были неудачны. Не взирая на сіе, Испанское Правительство не оставило безъ награды услугъ его и Король *Карль III* далъ ему дипломъ на чинъ Генералъ-Маіора.“ —

Бездѣйствіе не могло согласоваться съ духомъ Принца *Нассау-Зигена* и онъ неперпѣливо ожидалъ новыхъ приключеній. Случай къ сему предспавился весьма скоро. Предвидя близкій разрывъ между Россією и Турцією, онъ явился къ двору *ЕКАТЕРИНЫ II* и сопутствовалъ Ей въ пушешествіи по Новоросійскому краю. Открылась война; Принцъ *Нассау-Зигенъ* вспунилъ въ Русскую службу Вице-Адмираломъ, и имя его загремѣло на водахъ Чернаго моря. За кампанію сію онъ получилъ орденъ Св. Георгія 2 класса. — Медленность, съ какою производилась осада Очакова, поссорила его съ Княземъ *Потемкинымъ*. На представленіе его: сдѣлашь проломъ въ сей крѣпости, Фельдмаршалъ спросилъ: „а сколько брешей сдѣлали вы въ Гибралтарѣ?“ Принцъ оскорбился и уѣхалъ изъ арміи въ Пестербургъ. Война съ Швецією доспавила ему новый случай опличаться, но симъ блескомъ окончились воинскіе его подвиги. Послѣ блистательной кампаніи 1789 г., гдѣ онъ командовалъ гребнымъ флотомъ, слѣдующій годъ былъ для него ознаменованъ важною неудачею. Въ сраженіи у Выборга Принцъ *Нассау* выигралъ было уже вѣрную побѣду, но имѣвъ неосторожность, или справедливѣе сказать, неблагоразуміе съ своими галерами пущишься въ преслѣдованіе Шведскаго корабельнаго флота, онъ поперпѣлъ совершенное пораженіе. Несчастное сіе происшествіе сильно его огорчило и, какъ говорятъ, даже разстроило умъ его. Не взирая на то, *ЕКАТЕРИНА II*, спусходя къ прежнимъ заслугамъ Принца *Нассау*, не лишила его своего бла-

говоленія и даже произвела его въ Адмиралы; но ни что не могло убѣдильно его оспашься въ Россіи. По самой наспоятельной просьбѣ онъ былъ уволенъ: сначала въ безсрочный оппускъ, а послѣ, въ 1792 г. и во все отъ службы, съ шѣмъ однакоже, что при первомъ своемъ желаніи, могъ снова вступить въ оную.

Оставивъ Россію, Принцъ *Нассау-Зигенъ* долго странствовалъ по разнымъ Государствамъ Европы, какъ-то: Польшѣ, Германіи и Голландіи, а по заключеніи Амьенскаго мира поселился въ Парижѣ. Тамъ жилъ онъ какъ частный человекъ, сохраняя званіе Россійскаго Адмирала и умеръ въ неизвѣстности.

Въ сочиненіяхъ Принца *де-Линя* находится нѣсколько любопытныхъ извѣстій и анекдотовъ о Принцѣ *Нассау-Зигенѣ*. Сей остроумный вельможа называлъ его вмѣсто *Nassau-Ziegen Nassau-Zieger* и въ слѣдующемъ, опривкѣ передалъ нѣкоторыя черты характера сего необыкновеннаго человека.

„Въ чемъ состоитъ волшебство Принца *Нассау-Зигена*? Въ шпагѣ его и въ волшебномъ прутьѣ; въ собственномъ примѣрѣ и искусствѣ, и потомъ опять въ шпагѣ, служащей ему истолкователемъ: ибо онъ употребляетъ ее на означеніе крапчайшей линіи, когда дѣло идетъ объ атакѣ. Взоры, иногда равно страшные какъ для друзей, такъ и для враговъ, довершающъ извѣстное. Маневры его заключающъ въ одномъ взглядѣ; дарованія—въ опытности, приобрѣтенной имъ природною пронцаельностью; знанія—въ крапкихъ и ясныхъ приказахъ, оп-

даваемыхъ имъ въ день сраженія, весьма удобныхъ для передачи и исполненія, достоинство— въ опредѣленности мыслей; изворопливость— въ характерѣ, живо изображенномъ на лицѣ его; а успѣхи — въ непримѣрной бодрости, какъ духа такъ и плѣа.“

Къ спран. 286. Консрѣ-Адмиралъ *Жонесъ* (Jones) вступилъ въ нашу службу 1783, а оставилъ оную 1790 г.

Къ спран. 379. 1789 годъ былъ два раза ознаменованъ неудачными дѣйствіями Россійскаго оружія подъ Анапою. Еще въ исходѣ Марта крѣпость сія была безъ успѣха атакована съ сухаго пупи Генераломъ *Бибиковымъ*. Тѣсныя предѣлы и самая цѣль, составленнаго мною описанія, не дозволяютъ мнѣ входить въ подробности сего щещнаго предпріяшя. Довольно сказать, что въ семъ случаѣ Россіяне не имѣли недоспапка въ мужествѣ, и что полько неблагопріяшное время года съ сильными дождями и разливами горныхъ потоковъ, было причиною ихъ опшшупленія. Къ сему должно еще присовокупить недоспапокъ свѣспныхъ припасовъ, какъ кажешся, непріяшый заблаговременно въ уваженіе. Но вскорѣ, обѣ сіи неудачи были вознаграждены блистательнымъ образомъ. Въ 1791 году командовавшій нашими войсками на Кавказѣ, Генералъ И. В. *Гудовицъ* взялъ Анапу послѣ кровопролитнаго шшурма. — Побѣдоносному оружію нынѣ Царствующаго Императора было предоспавлено вшорично загладить неудачи *Ушакова* и *Бибикова*. Адмиралы наши: *Грейъ* и *Князь Меншиковъ* приобрѣли себѣ неопѣемле-

мое право на славу искусныхъ военачальниковъ покореніемъ сей важной крѣпости Россійской Державѣ. Доспойно замѣчанія, что при семъ послѣднемъ случаѣ, флагъ Начальника Морскаго Шпаба Е. И. В. развился въ первый разъ со времени своего учрежденія, и въ первый сей разъ послужилъ уже знаменемъ побѣды. — Это уже шрепіе покореніе Анапы. Во второй разъ она была взята въ 1807 г. Конпрѣ-Адмираломъ *Пустошкинымъ*; но тогда гарнизонъ ея бѣжалъ въ окресныя горы при одномъ приближеніи нашей эскадры.

Къ стран. 375. Къ сожалѣнію моему, я не имѣлъ еще времени и случая собрать матеріалы для составленія хотя крапкой біографіи Адмирала *Осипа Михайловича Рибаса*. Сколько мнѣ извѣстно, онъ происходилъ отъ Испанской фамиліи и родился въ Неаполипанскомъ Королевствѣ. Судьба опредѣлила однако же, чтобъ имя сего человѣка, одареннаго необыкновенными способностями, гремяло не въ благословенныхъ странахъ Италіи, но подъ холоднымъ небомъ нашего сѣвера. *Рибасъ* переселился въ Россію и, по приѣздѣ въ Пешербургъ, обратился на себя вниманіе знаменишаго вельможи того времени *И. И. Бецкаго*, который сначала помѣстилъ его Гувернеромъ въ Сухопутный (что нынѣ первый Кадетскій) корпусъ, а въ послѣдствіи выдалъ за него свою дочь. Это родство открыло *Рибасу* дорогу къ опличіямъ. Онъ успѣлъ снискавъ благосклонность Князя *Потемкина* и бывъ употребленъ симъ Фельдмаршаломъ во вторую Турецкую войну при *ЕКАТЕРИНѢ II*,

умѣлъ, какъ мы видѣли, оправдать съ честію сей выборъ. Въ награду за свои подвиги онъ получилъ орденъ Св. Георгія 2-го класса. По окончаніи войны, *Рибасъ* былъ произведенъ въ Вице-Адмиралы и подъ его надзоромъ совершалось постройка Одессы. Въ 1797-мъ году онъ получилъ повелѣніе присутствовать въ Адмиралтействъ-Коллегіи; въ Генварѣ слѣдующаго — назначенъ Генералъ-Кригсъ-Коммиссаромъ; въ Маѣ 1799 произведенъ въ Адмиралы; послѣ того управлялъ лѣснымъ Департаментомъ; въ Маршѣ 1800 отспавленъ отъ службы, а въ Октябрѣ того же года снова принявъ въ оную. Въспѣ съ симъ поручены ему были: возобновленіе Кронштапскихъ укрѣпленій и, за отсутствіемъ флота — самая оборона Кронштапа. Онъ скончался въ 1802 году.

Къ спран. 374. *Ф. Ф. Ушаковъ*, принадлежалъ къ числу славнѣйшихъ и искуснѣйшихъ Адмираловъ нашего флота. Если онъ не былъ человекомъ свѣтскимъ, пріятнымъ въ обществѣ, то въ замѣнъ за сіе обладалъ всѣми качествами хорошаго флотоводителя. Онъ первый, а можетъ быть и послѣдній, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ соединенные флоты Россійскій и Турецкій, дѣйствовавшіе на Средиземномъ морѣ противъ Французовъ, съ 1798 по 1800 годъ. Страшный для Турокъ своими побѣдами на Черномъ морѣ, онъ не менѣе былъ для нихъ грозою и во время вышеозначеннаго союза. Буйныя Валлонджіи, или мапрсы Опшоманскаго флота, не знавшіе покорности къ волѣ своего начальства, опасались подвергнуться

его гнѣву. *Паша - Ушакъ*, пакѣ называли они *Ушакова*, былѣ для нихъ спрашнѣ ихъ собспвенныхъ Адмираловѣ.

Ушаковъ былѣ одинѣ изѣ пѣхѣ необыкновенныхъ людей, коихѣ геній былѣ угаданѣ, счастливымѣ вѣ выборѣ Княземѣ *Потемкинѣмѣ*. *Императрица ЕКАТЕРИНА* щедрою рукою наградила его за кампаніи 1788, 90 и 91 годовѣ. Кромѣ чина Консрѣ - Адмирала, онѣ получилѣ ордена: Св. Владиміра 2-й степени, Св. Георгія 2-го класса и Св. Александра Невскаго и двѣсти душѣ сѣ землю вѣ Тамбовской губерніи. Онѣ оспавилѣ службу вѣ 1807, а умерѣ вѣ 1817 году.

Кѣ спран. 447. Вѣ дополненіе кѣ вышеприведенному описанію разбитія Турецкаго флота близѣ Варны, 31-го Іюля 1791 г., почишаю за нужное приложитѣ здѣсь нижеслѣдующую выписку изѣ донесенія Адмирала *Ушакова Императору ПАВЛУ I*, отѣ 15 Апрѣля 1798 года.

„Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести: не повелѣно ли будетѣ, вѣ разсужденіи сильной, большой и тяжелой артиллеріи, на приуготовляющіеся корабли и фрегаты, на непредвидимый случай, если бы пришлось дѣйствовать прошивѣ непріятеля, умножитѣ команды достачочнымѣ количесвомѣ нижнихѣ служилей. Особенно солдатской команды, по мнѣнію моему, на таковой случай понадобится весьма превосходное число. Оное пѣмѣ болѣе пошребно, что во время прошедшей войны сдѣлано мною на сіе основательныя замѣчанія. Непрительскій флотѣ, не почишая себя способнымѣ

устоять противъ нашей артиллеріи, намѣревался и уже совершенно расположенъ былъ дѣйствовать абордажами, отборныхъ своихъ большихъ кораблей. Для сего и приуготовлена была передовая его эскадра, снабженная въ превосходномъ количествѣ людей, Алжирцами и Тунисцами. Такое дѣйствіе и намѣреніе ихъ, при первомъ случаѣ, предупредилъ я маневрами и, находясь подъ вѣтромъ, уклонился отъ сраженія. Послѣ же, когда я воспользовался переменною вѣтра, Турки опдѣлились отъ нашихъ береговъ къ Варнѣ, гдѣ чрезъ малое время нашедъ ихъ, я атаковалъ, будучи уже на вѣтрѣ, и тѣмъ уничтожилъ ихъ намѣреніе. Но тогда флотъ мнѣ ввѣренный, людьми комплексованъ былъ весьма въ достаточномъ числѣ и солдаты были на немъ Севастопольскаго пѣхотнаго полка отборные, оплично - практикованные и во все время прошедшей войны, служившіе на флотѣ. По сему я и надѣялся, что если бы и абордажи случились (хотя бы то и на фрегаты), дѣйствіе ими произвель вѣрное.“

Къ стран. 470. *Павель Васильевичъ Пустошкинъ* родился въ 1749 году и, дослужась въ 1799 до Вице - Адмиральскаго чина, оставилъ въ 1807 службу. Нынѣ онъ живетъ въ городѣ Лубнахъ (Полтавской губерніи) и преклонные дни свои посвящаетъ благотворенію.—За сраженіе 31-го Іюля 1791 года, *ЕКАТЕРИНА II*-я пожаловала ему орденъ св. Георгія 3-го класса. Подробное извѣстіе о службѣ сего почтеннаго Адмирала, равно какъ и біографію покойнаго *Ушакова*, я надѣюсь выдать въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ

описаіемъ Россійско-Турецкой кампаніи 1798, 1799 и 1800 годовъ.

Къ стран. 471. *Сендъ-Али*, былъ родомъ Алжирецъ. Предавшись съ самыхъ юныхъ лѣтъ морскому набздничеству, онъ сдѣлался опличнымъ мореходцемъ. Слава о его подвигахъ на Средиземномъ морѣ достигла до самаго Константинополя и Правительство Турецкое, для вѣрнѣйшаго успѣха дѣйствій своего флота противъ Россійскаго, вызвало его въ 1791 году для вспомошествованія Капипанъ-Пашѣ. *Сендъ Али* обладалъ въ высокой степени духомъ предприимчивости и личной храбрости. Во время прорыва Англійскаго флота въ 1807 году чрезъ Дарданеллы, онъ покушался было съ слабѣйшими силами атаковать сей послѣдній. Съ великимъ прудомъ, могли его удержать отъ столь дерзкаго предпріянія. Въ семъ же году онъ начальствовалъ надъ флотомъ, дѣйствовавшимъ противъ эскадры Вице-Адмирала *Сенявина* и потерпѣлъ пораженія при устьѣ Дарданеллъ и при Аѳонской горѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Скажи, о *Пушкинъ* молодой!
Скажи, Музь баловень любимой,
Въ какой схранѣ непоспужимой
Нашель шы хипрою рукой
Огонь Поэзіи свяшой?

Ошколъ онъ? Съ высошь ли неба,
Изь безднъ ли мрачнаго Эреба?
Ошвѣщшувуй, новый Промееей!
Ты шакже ль былъ пишомцемъ Феба
Въ дни мирной младосши своей?
Его ль шы молишься кумиру,
Иль вѣкій богъ, безвѣщный миру,
Каменъ избранной швоей
Даль очарованную лиру?

О! кѣмъ ни внушены шебѣ
Восшорги шайныхъ вдохновеній;
Твой гордый и свободный Геній,
Не покоряясь и судьбѣ —
Пушь вольный проложилъ себѣ. . .

*

Кавказа средь вершинъ надменныхъ,
 Въ поляхъ Тавриды, орошенныхъ
 Салгира звучною волной,
 Средь Ханскихъ спѣвъ опустошенныхъ
 И на берегахъ Невы родной —
 Вездѣ ты зришь миръ прекрасный,
 Плънишельный, разнообразный,
 Куда всѣхъ манишь за собой
 Звяцаньемъ арфы сладкогласной!

И кто съ Черкешенкой швоей
 Не раздѣлялъ любви спраданья?
 Кого не шрогали шенанья
 Несчастной дѣвы въ цвѣтѣ дней
 Добычи гибельныхъ зыбей?

Кто съ восхищеньемъ, Бардъ нашъ милый!
 Предъ дивной прелесшью Людмилы
 Главы покорной не склонялъ?
 Кто думой скорбной и унылой
 Порой въ мечтахъ не посѣщаль
 Маріи пышную свѣшлицу,
 Ея невинности шемницу —
 Или слезой не орошаль
 Княжны пусшынную гробницу? ...

Такъ! власшь плѣняшь сердца людей
 Въ шебѣ есть Музы даръ безцѣнный!
 Когда же, свѣше вдохновенный,
 Поешь ты звучно вмѣстѣ съ ней;
 Тогда родной шпраны швоей,

Лѣшъ прошлыхъ славные Поэшы
 (Огнемъ давнишнимъ вновь согрѣшы)
 Лешашъ, покинувъ наконецъ
 Справу Элизія и Лешы,
 Тебѣ внимашъ, младый пѣвецъ!
 И, надъ челомъ обвороженнымъ
 Вишая сонмомъ восхищеннымъ,
 Лавровый для себя вѣнецъ,
 Плешушъ съ воспоргомъ неизмѣннымъ!

Чшо жъ можешъ мой неспройный гласъ?
 Безвѣсненъ я шебѣ и міру...
 Но шы мою возвысилъ лиру,
 Въ сей вдохновенно-сладкій часъ —
 И пѣснь просная излилась!

Борздна.

2.

КЪ КНЯЗЮ М — ВУ.

(По слугаю полутенной имъ раны).

Попомокъ славнаго, безъ спрахъ и съ умомъ
 Въ присущствіи Царей, за письменнымъ споломъ,
 На спрашномъ приступѣ, въ пожарѣ боевомъ,
 Все одинаковый: *вездѣ безъ укоризны!*
 Ты раненъ шяжело, какъ говоришъ молва;
 Но лучшее въ шебѣ (для славы, для ошчизны),
 Сохранено: — Твоя *рука и голова!*

Ө. Глинка.

*Перчатка и сапогъ.**(Отрывокъ изъ Вальтера Скотта).*

„Ты ошибаешься, любезный сынъ мой,“ сказалъ перчаточникъ *Самсонъ* — слѣсарю *Генриху*: отецъ коего былъ сапожникъ: „ошибаешься попому, что перчаточное ремесло гораздо превосходнѣе уже пѣмъ, что прудится для рукъ; а сапожное только для ногъ.“

—Члены сіи равно необходимы человѣку; — возразилъ *Генрихъ*.

„Можетъ быть, любезный сынъ мой,“ отвѣчалъ *Самсонъ*; „но члены сіи не равно уважительны; разсмотри самъ: мы употребляемъ руки знакомъ искренняго дружества; ноги же не пользуются симъ преимуществомъ.“

„Храбрые дерутся держа въ рукахъ мечи, а прусы убѣгая, пользуются быспрошою ногъ. Перчатка всегда гораздо въ возвышеннѣйшемъ положеніи сапога, коимъ мнутъ глину и топчутъ грязь.“

„Съ начальниками здороваются рукою; а ногою толкаютъ собаку или презираемаго чловека.“

Перчатка, взопкнутая на верхнюю оконечность пики, служитъ въ цѣломъ свѣтлѣ знакомъ добраго намѣренія. Перчатка, брошенная на полъ, служила древнимъ Рыцарямъ вмѣсто вызова на поединокъ. — Но я не знаю чему служитъ знакомъ старый башмакъ? Иныя

женщины кидаютъ, правда, башмакъ въ спину
опѣвжающимъ пріятелямъ своимъ, желая
имъ счастья; но я сему не вѣрю,

Переводъ съ Англійскаго.

**Объявленіе о новомъ Журналѣ, подъ заглавіемъ:
Шарлатанъ, или одинъ за двадцатерыхъ.**

Я нижеподписавшійся, предпринимаю съ 1-го Января наступающаго 1829 года издавать Энциклопедическій, всеобъемлющій Журналъ, подъ заглавіемъ: *Шарлатанъ или Одинъ за двадцатерыхъ.*

Въ составъ моего Журнала войдутъ только тѣ науки, копорымъ я не учился и тѣ знанія, копорыхъ не имѣю; а именно:

1-е. Догматическое, нравственнее, обличительное, проповѣдное, историческое и созерцательное Богословіе; 2-е. Россійскіе законы и исторія оныхъ; 3-е. Право естественное, политическое, гражданское и уголовное; 4-е. Политическая экономія; 5-е. Зоогнозія; 6-е. Зоологія; 7-е. Ботаника; 8-е. Минералогія; 9-е. Всеобщая, опытная и аналитическая химія; 10-е. Физика; 11-е. Технологія; 12-е. Механика; 13-е. Сельское хозяйство; 14-е. Аналитическая Геометрія; 15-е. Сферическая тригонометрія; 16-е. Астрономія; 17-е. Теорія военнаго искусства; 18-е. Теорія военной Науки; 19-е. Фортификація; 20-е. Инженерство; 21-е. Мореходство; 22-е. Архитектура; 23-е. Иску-

спво ваянія; 24-е. Искусство живописи; 25-е. Теорія Музыки и генераль-басъ; 26-е. Риторика; 27-е. Пѣшика; 28-е. Философія; 29-е. Хирургія; 30-е. Физиологія; 31-е. Судебная Медицина; 32-е. Фармакологія; 33-е. Ветеринарія; 34-е. Пашалогія; 35-е. Терапія и безчисленныя другія.

II-е. Разборы книгъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ и ремеслъ на всѣхъ языкахъ, начиная отъ того, которымъ разговаривалъ нашъ прадедушка *Адамъ* съ нашею прабабкою *Евою*, до Санскрипскаго, который есть ни что иное, какъ первобытный Славянскій, или нынѣшній Россійскій языкъ.

III-е. Новая спашья, которую назову: *лестрота*. Это не разнообразіе, не смѣсь, не занимательность. Въ ней будутъ помѣщаться *наѣлки, краткія выписки, dodatki*, о куспарныхъ и москопильныхъ поварахъ, о гуляньяхъ подъ Новинскимъ и о засѣданіяхъ Англійскаго Парламента; о сказкѣ Бова Королевичъ и объ Археологіи; о лубочныхъ шеатрахъ и о трагедіяхъ *Озерова*, о женскихъ черевичкахъ и о дифференціальныхъ исчисленіяхъ, о Спрасбургскихъ пирогахъ и о подводныхъ корабляхъ, объ обезьянахъ и о Невшонѣ, о *леизанскихъ* шляпкахъ и о путешествіяхъ къ сѣверному полюсу, о сполярныхъ издѣльяхъ и о спроеніи міровъ.

IV-е. Издашеть *Шарлатана*, рѣшась издавашь Журналь въ родъ Французскаго *Bulletin Universel des Sciences et de l'Industrie*, обязывается совмѣстить въ себѣ одномъ познанія, какъ Главнаго Издашеля *Бюллетеня Г. Барона Ферюсака*, такъ и всѣхъ вмѣстѣ писателей,

участвующихъ въ ономъ по разнымъ отдѣленіямъ; ш. е. господъ: Дюро де ла-Маль, Клапрота, Жомара, Шамполіона старшаго и младшаго, Ейріеса, Абея - Ремюза, Валкенайера, Лапи, Шшурцгейма, Дюпы, Бори де Сенъ-Венсана, Ампера, Дюпеня, Франкера, Машъо, Барбье-де-Бокажа, Паризо, Лакруа, Жофруа-Сеншъ-Илера, Кювье, Дарсе, Тенара, Френеля, Кокебера-де-Монбре, Пуансо, Дюмерсиля, Мажанди, Флурана, Шапшала, Ласепеда, Вилльморена и всѣхъ будущихъ и могущихъ бытъ.

Онъ берется сочинять Историческіе отрывки не хуже *Карамзина* Воспоминаній на пуши въ Троицкій монастырь, или о мясепжахъ въ царствованіе Царя *Алексѣя Михайловича*, повѣсти не хуже *Жуковского* Марьиной роци, *Бестужева* Гуго фонъ Брахшъ, *Булгарина* Эстерки и паденія Вендена, и сверхъ того общаешъ угощашъ своихъ чашателей подогрѣтыми спашейками изъ *Шлецера* и *Стрובה*, выдавая ихъ за собсвенныя свои произведенія.

Слогъ его, въ чемъ онъ увѣренъ, какъ въ помъ, что $2 \times 2 = 4$, сладокъ и легокъ, какъ слогъ *Батюшкова*, благороденъ и правиленъ, какъ слогъ *Михаила Никитита Мұравьева*, силенъ и пылокъ, какъ слогъ *Жуковского*; самъ онъ богатъ мыслями, оспрыми шупками, игривыми и замысловатыми выраженіями, какъ *Князь Вяземскій*.

Каждую недѣлю будешъ выходить по двѣ книжки, а всего: 104 Но въ годъ, съ планами, черпешами, почерками великихъ мужей, женъ, дѣвицъ и опроковъ, съ карпинками новѣйшихъ

Парижскихъ и Лондонскихъ модъ , съ изображеніями шульевъ, креселъ, дивановъ, скамей, скамеекъ, скамеечекъ.

Издашеть обѣщаетъ опаздываешь выдачею книжекъ своего Изданія такъ, чшобы къ концу года осталось за нимъ въ недоимкѣ, по крайней мѣрѣ книжекъ десяшь , а если увидишь, что подписчики не спрого съ него взыскивають: по и больше. Онъ имѣеть къ этому и склонность, и природное дарованіе.

Цѣна самая умѣренная: здѣсь въ С. Петербургѣ 120 рублей, съ доставленіемъ въ дома и съ пересылкою въ другіе города 130 рублей Государшвенными ассигнаціями. За полгода 75 руб., съ пересылкою 80 рублей.

Издашеть, *Пройдоха Вырускинъ*. Неслужащій дворянинъ, homme de Lettres.

Жишельсшво имѣю въ Лоскушномъ ряду у шорговки Лохмошьевой, подъ No 279-мъ.

Виноватъ — и признаюся!

Издашеть *Славянина* , не находя никакого оправданія въ нелѣпой ошибкѣ, замѣченной Издашелями *Сѣв. Пчелы* въ 47-й книжкѣ его журнала на стр. 326-й, прибѣгаетъ къ великодушію почтенныхъ своихъ чипашелей.

Онъ просишь приняшь въ уваженіе то, что не онъ одинъ дѣлаеть промахи и что самъ *Ваадей Венедиктовичъ* , не смотря на увѣреніе

Г. Грега, который сказалъ (1): „Ловкаго моего поварища прудно поймашь,“ не разъ бывалъ пойманъ и извинялся передъ Публикою.

Когда Телеграфъ уличилъ его въ одной погрѣшности; по Ѳ. В. шакъ извинялся въ Прибавленіи къ С. О., стран. 64: „Поддѣли меня Българина Гг. Рецензенты: моя описка произвела олегатку, копорой я доселѣ не замѣшилъ. Виновашъ и въ опискѣ и въ олегаткѣ.“

И я, покорнѣйше прося у моихъ чипашелей прощенія, усердно повшоряю слова Г. Българина: „Поддѣли меня Воейкова Гг. Издатели Сѣверной Пчелы: моя описка произвела олегатку, копорой я доселѣ не замѣшилъ. Виновашъ и въ опискѣ и въ олегаткѣ.“

Когда Телеграфъ въ другой разъ изловилъ Ѳадея Венедиктовита: по Г. Българинъ сказалъ (2): „Мы виновашы только въ нѣкоторыхъ олегаткахъ. Корректоръ нашъ человекъ прилѣжный и знающій; но не успѣваетъ за листами.“

И я, опъ всей души повшоряю слова Г. Българина: „Мы виновашы только въ нѣкоторыхъ олегаткахъ. Корректоръ нашъ человекъ прилѣжный и знающій; но не успѣваетъ за листами.“

Осмѣливаюсь надѣяться, что почтенная Опечешвенная Публика будетъ споль же снисходительна къ Издашелю Славянина, какъ къ Издашелямъ Сѣв. Пчелы.

(1) С. О. 1825 года, No 11-й.

(2) Сѣверный Архивъ 1825, Ч. IV, стр. 573.

Правда другу и врагу.

On entre en guerre en entrant dans le monde.
Voltaire.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ мы съ удовольствіемъ читали *Московскій Вѣстникъ*, находя въ немъ и стихотворенія *Пушкина*, и хорошій выборъ спашей, и слогъ чистый, и оцѣнку книгъ неподкупную, основательную, показывающую въ *Издашелѣ* знаніе Русскаго языка, ученость, вкусъ и, что всего дороже, а попому и всего рѣже, благородный характеръ, чуждый духа паршій, нахальства, самохвальства, самонадбѣянности.

Мы съ уваженіемъ видѣли въ *Г. Погодинѣ* человѣка прямого, копорый въ своихъ кришикахъ не искалъ блистать остроуміемъ *Крылова*, не приводилъ къ шапи и не къ шапи колкіе стихи сего баснописца-саширика и не посыпалъ чужою солью припорныхъ спашеекъ своего спряпанья; человѣка, копорый съ негодованіемъ отвергалъ два низкія правила *Жофрца* и *Лабомеля*: 1. *Personne n'a de l'esprit hors nous et nos amis*; 2. *Apportez — moi deux lignes du plus honnête homme et j'y découvrirai de quoi le faire pendre* (1) и высказала смѣло горькія истины *Гг. Издашелямъ Сѣв. Пчель* и *Моск. Телеграфа*.

(1) См. *L'Avocat, de Picard*. Эши происки, эшо коварство въ ходу между Французскими Журналистами, также какъ грубая, непристойная брань между Германскими. Къ Русскимъ писателямъ, благодаря Бога, сихъ двухъ пословиць примѣнишь не лзя.

Но, чтобы отдать полную справедливость Г. Погдину, надобно прибавить, что онъ, исчисляя недоспашки другихъ периодическихъ изданій, указывалъ своимъ читателямъ не одну изнанку; но и лицевую ихъ сторону. Жаль, что онъ, разобравъ только *Съв. Печлу* и *Телеграфъ*, не пошелъ далѣе; ему оставалось богатое поле для жатвы: *Вѣстникъ Европы*, *Сынъ Отечества*, *Сѣверный Архивъ*, *Указатель Открытій по Физикѣ и Химіи*, *Отечественныя Записки*, *Дамскій Журналъ*, *Атеней*, *Русскій Инвалидъ* и *Славянинъ*. Также календарики: *Сѣверные цвѣты*, *Памятникъ Отечественныхъ Музъ*, *Невскій Альманахъ* и прочіе, и прочіе. Можно бы также, и давно пора, написать дѣльный, ученый разборъ Журналу Мануфактуръ и внутренней торговли, Горному, Военному, Военно-Медицинскому Журналамъ, дѣлающимъ честь шѣмъ мѣстамъ, отъ коихъ они издаются и приносящимъ обширную пользу Государству.

Одинъ Французскій писатель, приступая къ изданію журнала, просилъ совѣта у *Волтера*. Онъ отвѣчалъ ему: „Хотя свѣтъ наводненъ липературными журналами, но потъ, копорый вы издавать намѣреваетесь, можетъ итти съ большимъ успѣхомъ. Вы спрашиваете у меня: какъ поступать, чтобы вашъ журналъ былъ читаемъ современниками и дошелъ до потомства? Дамъ вамъ отвѣтъ въ двухъ словахъ: *будьте безлристрастны*. Вы имѣете вкусъ и познанія, если къ этому вы покажете себя *справедливымъ*: то я предсказываю вамъ прочный успѣхъ. Наша нація любитъ всѣ роды

литературы, отъ математики до эпиграммы.“
 (L'ouvrage périodique, auquel vous avez dessein de travailler, Monsieur, peut très-bien réussir, quoiqu'il y en ait déjà trop de cette espèce. Vous me demandez comment il faut s'y prendre pour qu'un tel journal plaise à notre siècle et à la posterité. Je vous répondrai en deux mots: *Soyez impartial.* Vous avez la science et le goût; si avec cela vous êtes *juste*, je vous prédis un succès durable. Notre nation aime tous les genres de littérature, depuis les mathématiques jusqu'à l'épigramme.)

Можно подумашь, чпо Г. Погодинъ подслушалъ спарика Вольтера. Онъ взялъ себѣ дивизомъ: *благонамѣренность и безлристрастіе.*

Порицая многое въ Сбв. Пчелѣ, издаваемой Г. Булгаринымъ (вмѣстѣ съ Г. Грегемъ и со-спрудникомъ Г. Сомовымъ), Издашель М. В. хвалишъ паланшъ перваго изъ сихъ писателей вездѣ, гдѣ онъ шого достоинъ; напр. говоря обѣ Альбожѣ Сѣверныхъ Мчзъ и сказавъ, что — „лучшею изъ прозаическихъ піесъ считаешъ Арабскую сказку Г. Сенковскаго: *Смерть Шенфарія*, (2) Издашель М. В. продолжаетъ такъ: „за симъ слѣдуешъ по достоинству: *Встрѣча съ Карамзинымъ, Г. Булгарина.* Здѣсь чипашели найдущъ съ удовольствіемъ нѣсколько хорошо выраженныхъ мыслей обѣ искусствѣ бесѣдовать, занимательныя подробности о покойномъ Испоріографѣ, а особливо благородную черту его души челоѣколюбивой. Приносимъ

благодарность Г. Буларину за то, что онъ сохранилъ ее въ своихъ Литературныхъ воспоминаніяхъ (3).“ Съ такою же правотою и чистосердечіемъ даетъ онъ свой голосъ объ *Обзорѣ Россійской Словесности Г. Сомова*. Но послушаемъ самаго Г. Погодина (4).

„Худшая изъ всѣхъ піесъ въ прозѣ есть *Обзоръ Россійской Словесности Г. Сомова*. Это капиталъ книгъ, вышедшихъ въ 1827 году, сшитый на живую нитку. Прочитавши сію утомительную спашью, чувствуешь какую-то неприятную пустоту въ душѣ. Не знаешь, съ какой почки зрѣнія смотришь Авторъ на произведенія словесности. Онъ основывается на какомъ-то внутреннемъ убѣжденіи и хвалитъ *Сынъ Отечества*, *Сѣверный Архивъ* и *Моск. Телеграфъ*, безъ всякаго разбора. Оставляемъ безъ изслѣдованія источникъ сего безопытнаго убѣжденія. У Автора все или хорошо и сооществуетъ цѣли, или дурно, или посредственно. Вотъ образчики его сужденій и новыхъ мыслей: *Магазинъ Натур. Исторіи*, *Земледѣльскій журналъ* и *Записки для охотниковъ до лошадей* (копорыя, скажемъ мимоходомъ, во все не издавались въ прошломъ году) наполнялись статьями, соответствующими ихъ заглавіямъ (5); — почему бы, не просто выходили? — *Одесскій Вѣстникъ* заслуживаетъ имя весьма хорошей газеты (6); въ хорошемъ журналѣ долженъ

(3) Тамъ же, стр. 198.

(4) М. В. No 2, стр. 188. *Обзоръ словесности* напечатанъ въ Сѣв. Цвѣсахъ.

(5) Сѣв. Цвѣщы 1828 года, стр. 20. (6) Тамъ же, стр. 25.

быть и слогъ хорошій (7); проза его вообще лучше стиховъ; слогъ могъ бы быть лучше; слогъ вообще хорошъ и проч. Если иногда по нѣкоторымъ причинамъ, видимо дурное не хочется Автору убить приговоромъ рѣшительнымъ, то онъ прибѣгаетъ къ общимъ мѣстамъ, или къ искуснымъ оборотамъ, чтобы сказать ни то, ни се. Такимъ образомъ *Сиріусъ*, по его мнѣнію, кажется лучше *Невскаго Альманаха*, который ужь будто бы никуда не годится. Кромѣ замѣтнаго присраспія въ сужденіяхъ, ни на чемъ положительномъ не основанныхъ, не доспаетъ логическаго расчета въ эпой спашь. Авторъ, предлагая общія сужденія о книгахъ, вдается иногда въ мѣлочи: такъ напр. говоря о Грамматики *Г. Грегга* вобщее, замѣчаетъ о неудобствѣ употребленія прописныхъ буквъ, потому что онъ пестряетъ печать!!! Говоритъ о мушкахъ, шаракашкахъ, букашкахъ, а слона-то и не примѣчаетъ. Желаніе щеголять замысловатыми фразами часпо доводитъ Автора до темноты. Такъ напр. говоря о *Дамскомъ журналѣ*, онъ выражается слѣдующимъ образомъ: *Д. Ж.* сквозь призму желтой своей обертки и лестренькихъ картинокъ пролускалъ въ благопріятныхъ цѣтахъ свою прозу, лохожую на Китайскую живольсь и стишки легге луху. Мы вызываемъ остроумнѣйшаго изъ полковашелей—филологовъ найши мысль, сокрышую въ эпой мозаической фразѣ. Но это выисканное остроуміе, и несообразности, и неопредѣленность

(7) Тамъ же, стр. 19. (8) Тамъ же, стр. 52.

(9) Сѣв. Цвѣшны, стр.

сужденія , и частое употребленіе общихъ мѣспѣ, происпекающѣ отъ того, что Авторъ принялся за перо, не опредѣливъ почки зрѣнія, или лучше сказать, не предположивъ основательно — что онѣ напишешѣ.“ — —

Ah, que me dites-vous?...

De dures vérités!

Показавъ здѣсь шу почку зрѣнія, съ копорой смотрѣли мы на *Моск. Вѣстникъ* и по уваженіе, копорымъ преисполнено было сердце наше къ Издашелю онаго, намъ оспаешся изъяснишь по удивленіе, по негодование, копорое почувствовали мы, прочишавъ въ Но 19 и 20 сего журнала безполковья, оскорбительныя для памяши Исторіографа *Замѣтанія на Исторію Государства Россійскаго*, соч. Н. М. Карамзинь и просподушное признаніе Г. Погодина, что онѣ — „просилъ у Н. С. Арцыбышева сихъ замѣчаній и приносилъ ему усердную благодарнось за исполненіе его просьбы.“ — Есть за что благодаришь. Мы бы весьма желали знашь, что нашелъ здѣсь Г. Погодинъ наставительнаго, новаго? Какія несообразности, какія важныя ошибки опыскалъ его *отшельникъ* (10), двадцать пять лѣтъ занимающійся Россійскою Исторіею и коротко знакомый съ нашими лѣтписями—въ великомъ пвореніи Карамзина? Не смиренномудріе ли, съ копорымъ его *отшельникъ* берешся обучашъ Карамзина Россійской

(10) Такъ Г. Погодинъ пишулуешъ Г. Арцыбышева въ 19 и 20 книжкахъ М. В.

Грамматикѣ? Не глубокое ли знаніе отечественнаго языка, копорое помогло *Г. Арцыбашеву* замѣшпшь, что Исторіографѣ употребилъ слово *хронологическій* вмѣсто слова *лѣтосчислительный*, имѣющаго честь ему нравиться, на тронѣ вмѣсто на престолѣ, какѣ бы хотѣлось *Г. опшелънику* и *Біографіи* вмѣсто *жизнеописаній*, какѣ онѣ предлагаетѣ? Не понкій ли вкусѣ, копорый руководилъ *Г. Арцыбашевымъ*, когда онѣ назвалъ слогѣ Исторіи государства Россійскаго *провозглашательнымъ*, а не историческимѣ, и заспавилъ его, при чтеніи словѣ: *цвѣтущее воображеніе Грсковь*, опѣ души воскликнуть: „Что за цвѣшущее воображеніе? Такія новоизобрѣтаемыя рѣчи безѣ исполкованія непоняшны?“ —

А намѣ и сѣ исполкованіемѣ непоняшно, какимѣ образомѣ грубыя, нелѣпыя, мѣлочныя, привязчивыя замѣчанія на Исторію государства Россійскаго, зашли вѣ журналѣ, издаваемый человекомѣ ученымѣ, благонамѣреннымѣ, увѣряющимѣ насѣ, что — „онѣ никому на свѣшѣ не уступилѣ вѣ почшеніи кѣ незабвенному нашему писателю (*Карамзину*), вѣ признашельности кѣ великимѣ, полезнымѣ шудамѣ его?

Два повѣсти въ стихахъ: Балъ, соч. Евгенія Баратынскаго и Графъ Нулинъ, соч. А. Пушкина.

Увѣдомивъ Чичапелей о выходѣ въ Свѣтъ сихъ прелестныхъ либературныхъ игрушекъ, сказавъ имена Авшоровъ и, прибавивъ, что книжка, въ которой переплещены вмѣстѣ сіи двѣ стихотворныя повѣсти, продается у комиссіонера Редакціи Русскаго Инвалида, книгопродавца И. В. Сленца и у содержателя Библиотеки чтенія А. Ф. Смирдина по 6 рублей, нужно ли разсыпашъ общія похвалы и изношенныя фразы, копорыхъ въ десятъ минутъ можно нанизашъ сошню? На примѣръ, можно бы весьма красиво сказаъ, что обѣ повѣсти— „писаны вѣрною, мастерскою кистью поэтовъ-наблюдателей; что въ нихъ — стихотвореніе свободное и звучное; что здѣсь находишся — множество прекрасныхъ, заладающихъ въ память стиховъ, движеніе и живость разсказа, и счастливая елоспособность поэтовъ рисовать воображенію читателя, гасто однимъ словомъ, предметъ въ настоящемъ и полномъ видѣ.“ — Но боясь колкихъ, справедливыхъ, въ семъ случаѣ, насмѣшекъ Гг. Издапелей Сѣв. Пчелы за шакую сенпиментальную нелѣпицу, говорю просто: Это стихотворенія А. С. Пушкина и Баратынскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОСЬМОЙ ЧАСТИ

С Л А В Я Н И Н А.

I-е Отдѣленіе, Военное.

Стран.

О состояніи морскихъ силъ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, въ 1827 году	5.
Взятіе Гаджибей, въ 1789 г.	37.
Списокъ Кавалерамъ Военнаго Ордена Св. <i>Георгія</i> 4-го класса, пожалованнымъ въ Царствованіе Императрицы <i>Екатерины II-й</i> , съ означеніемъ въ какомъ сраженіи, за какой отличной подвигъ и когда они оный получили	209.
О движеніяхъ конницы	77.
Взятіе Свеаборга въ 1808 году	117.
Матеріалы для Исторіи войны съ Горцами и Персіанами	129. 341. 385.
О Кавалерійской Тактикѣ вообще	157.
Информация (Наспавленіе Гешмана <i>Ивана Мазепы</i> за собсвенно - ручною его подписью) Господину <i>Іліи Новицкому</i> , Полковнику Комонному (Конному) какъ долженъ поступашъ въ военныхъ дѣйствіяхъ	201.
Журналь <i>Капишана</i> 2-го ранга <i>Поскогина</i> , командовавшаго отрядомъ Россійскихъ и Турецкихъ военныхъ судовъ, веденный при занятіи острова <i>Чефалоніи</i> , съ 14-го по 23-е Октября 1798 года	245.
Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ, съ 1787 по 1791 годъ	289. 329. 373. 405. 437. 469.

II-е Отдѣленіе, Словесность.

Проза.

Пажь Герцога <i>Фридландскаго</i> . Историческая повѣсть; соч. <i>Тромлица</i> , пер. съ <i>Нѣм. В. Тило</i> . 49. 96. 135.	174.
	215. 259. 302. 347.
Размышленія при гробѣ Блаженной памяти Государыни Императрицы <i>Маріи Феодоровны</i> , во время опѣванія шѣла Ея въ <i>Пешронавловскомъ Соборѣ</i> , 13-го Ноября 1828 года, соч. <i>П. Р. М.</i>	385.
Отрывокъ, кошорымъ заключаешся вспунишельное чтеніе о сущности, предѣлахъ и пользѣ <i>Спашиски</i> , соч. <i>Щедритскаго</i>	392.
О необходимости изученія Законовъ <i>Ошечесивенныхъ</i> , соч. <i>Иларіона Васильева</i>	419.

На день коронаванія Его Величества Государя Императора Николая Павловича 22-го Августа 1828	27.
Графу Эриванскому. (По прочтеніи извѣстія объ одержанной имъ побѣдѣ при г. Карсѣ), соч. <i>Θ. Глинки</i>	28.
Къ Эмиѣ, соч. <i>Ж.</i>	31.
Вдохновеніе, соч. <i>Бороздны</i>	65.
Грусь одиночества, соч. <i>И. Пальмина</i>	66.
Еврейская Мелодія, пер. <i>А. Кирова</i>	67. 105. 191.
Ободреніе (изъ Гельши.)	68.
Въ Альбомъ, соч. <i>Н. Заборовскаго</i>	106.
Къ пльцамъ К. С. М., соч. <i>А. Измайлова</i>	—
Экспромпсъ, соч. <i>Павла Хотяинцова</i>	107.
Поэсь. (Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову), соч. <i>Николая Невѣдомскаго</i>	146.
Ошвѣсь <i>Н. В. Невѣдомскому</i> на стихи его, подъ названіемъ: Поэсь, соч. <i>Графа Хвостова</i>	149.
Къ ***, соч. <i>Ж.</i>	—
Романсъ, соч. <i>В. Владиславлева</i>	150.
Мои желанія	187.
Новое чувство, соч. <i>В. Теплякова</i>	189.
М. . . ъ Д. . . ъ, соч. <i>В. Владиславлева</i>	190.
Къ моей куришельной шрубкѣ, соч. —о.	231.
Смѣна. Посланіе къ дѣвицѣ <i>Н. Н.</i> , соч. <i>Бестужева-Рюмина</i>	234.
Къ П. * * *	235.
Углецкая роща, соч. <i>П. Кудряшева</i>	276.
Дорога, соч. <i>Александра Глѣбова</i>	278.
Коврадъ Валенродъ. Вшупленіе. Соч. <i>Мицкевича</i> , пер. съ Польскаго <i>Александра Глѣбова</i>	318.
Ее ужъ нѣшь, соч. <i>А. Креницына</i>	320.
Къ поршрешу <i>А. А. Писарева</i> , <i>Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа</i> , соч. <i>Ил — а Ва — а</i>	321.
Чувства предъ громомъ Государыни Императрицы <i>Маріи Θεодоровны</i> . Въ ночь наканунѣ погребенія шѣла Ея Величества, соч. <i>Жуковскаго</i>	360.
Русская пѣсня, соч. <i>Н. Бушмакина</i>	396.
Рыцарь Рогдай, соч. <i>П. Кудряшева</i>	427.
Альсандъ, соч. <i>М. Глинки</i>	428.
Колмаръ и Орла. Поэма. (изъ <i>Лорда Бейрона</i>), пер. съ Англ. <i>Загорскаго</i>	451.
Воспоминаніе на развалинахъ замка, пер. съ Нѣм. <i>Н. Заборовскаго</i>	461.
Весна жизни. (<i>Ю. П. Б — вой</i>), соч. <i>А. Глѣбова</i>	463.
Къ <i>А. С. Пушкину</i> , соч. <i>Бороздны</i>	487.
Къ Князю <i>М — ву</i> , (по случаю полученной имъ раны), соч. <i>Θ. Глинки</i>	489.

ХАМЕЛЕОНИСТИКА , (Продолженіе принаидацашо), объ Исторіи <i>Суворова</i> , соч. <i>Е. В. Фуксомъ</i> . . .	192.
Три, прошиворѣчащія одно другому, мнѣнія Изда- шелей Сѣверной Пчелы о Словарѣ <i>И. И. Татищева</i>	398.

С М Ъ С Б.

Ошповѣдь <i>Г. Вампирову</i> о шомъ, что дѣйшвишельно въ Но XV-мъ на спр. 138-й Сѣвернаго Архива 1823 года, было напечатано о взяшии въ прошедшую войну Шумлы	32.
Чешвершоє ошрое слово <i>Н. И. Грета</i>	33.
Нѣскольго словъ о книгахъ, содержацихъ въ себѣ описаніє Молдавіи и Валахіи	35.
О модныхъ каршинкахъ Моск. Телеграфа	36.
Русская пословица: <i>рука руку моетъ — и обѣ бѣлы!</i> Разговоръ первый <i>Г. Грета</i> съ <i>Г. Булгаринымъ</i>	70.
Нѣчто объ Издашеляхъ Англійскихъ Журналовъ: <i>Лондонскій Трушень</i> и <i>Бомбайская Каланча</i> . . .	108.
Давно бы шакъ!	109.
Что сдѣлалось съ Издашелемъ Московскаго Теле- графа?	110.
Письмо къ Издашелю Славянина	151.
Мысли	152.
Невѣрныя показанія <i>Г. Свиньина</i> о Керченскихъ древ- ношяхъ, обнаруженныя Издашелемъ Одесскаго Вѣспника	155.
Письмо къ Издашелю Славянина, ошъ <i>Г. Глошов-</i> <i>скаго</i> , изъ Симбирска	236.
Что случилось съ Издашелемъ Москов. Телеграфа?	239.
Русская пословица: <i>Поспѣшишь, да людей насмѣишишь</i>	464.
Русская пословица: „ <i>Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ</i> <i>видитъ.</i> “ Разговоръ вшорой <i>Г. Грета</i> съ <i>Булгаринымъ</i>	281.
Географическія, Историческія и Такшическія свѣдѣ- нія, кошорыми блеснулъ <i>П. П. Свиньинъ</i> въ Ок- шябрской книжкѣ <i>Отгестественныхъ Записокъ</i> . . .	322.
О картѣ земнаго шара по проэктіи <i>Меркатора</i> , изд. <i>И. Эйнерлинеомъ</i>	324.
Ошвѣшъ на письмо <i>Г. Елагина</i> , спрашивающаго: въ Молдавіи или Валахіи находишся Турецкая крѣ- посшь <i>Ибраиль</i> , о кошорой упоминаешся въ Но 145 Сѣверной Пчелы 1825 года	326.
Письмо къ Графу <i>Д. И. Хвостову</i> , изъ Архангельска, ошъ 10-го Окшября	364.
Молодецкіє промахи Издашеля Московскаго Телеграфа	368.

Опвѣсть Г. Полковнику Бурцову на спашью, помѣщенную имъ въ Но 16-мъ Тифлискихъ Вѣдомостей	370.
О томъ, что шпурмъ Ахалциха произведенъ 15-го Августа, въ праздникъ Успенія пресвятыя Богородицы, а въ Сѣв. Пчелѣ — сіе кровопролитное дѣло происходило 16-е число	371.
Пріяшная новость объ Издашелѣ Моск. Телеграфа	432.
Письмо къ Издашелю Славянина изъ Одессы опъ 30 Октября 1828 года	436.
Перчашка и сапогъ; (опрывокъ изъ Валшера Скошпа), переводъ съ Англійскаго	490.
Объявленіе о новомъ Журналѣ, подъ заглавіемъ: Шарлшанъ, или одинъ за двадцашерыхъ	491.
Виновашъ — и признаюся!	494.
Правда другу и врагу	496.
Двѣ повѣсти въ сшихахъ: Балъ, соч. <i>Евгенія Баратынскаго</i> и Графъ Нуликъ, соч. <i>А. Пушкина</i> . . .	503.

